Magistra Vitae:

электронный журнал по историческим наукам и археологии

В терминах действующей Номенклатуры научных специальностей тематика выпуска соответствует отрасли «Исторические науки»

ISSN 2542-0275

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2016 году

2020. № 1

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный университет»

Главный редактор

доктор исторических наук, профессор ***Н. Н. Алеврас***

Зам. главного редактора

доктор исторических наук ***С. А. Баканов***

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. Гончаров, доктор исторических наук, профессор (Челябинск); **Н. В. Гришина**, кандидат исторических наук, доцент (Челябинск); **В. В. Грудзинский**, доктор исторических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **И. М. Нохрин**, кандидат исторических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Попов**, кандидат исторических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Фокин**, кандидат исторических наук, доцент Тюменского государственного университета (Тюмень); **О. В. Богомазова**, кандидат исторических наук (ответственный секретарь).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н. А. Алеврас, доктор исторических наук, профессор Челябинского государственного университета (Челябинск); **Вжосек Войцех**, профессор Познанского университета им. А Мицкевича (Познань, Польша); **Жакишева Сауле**, доктор исторических наук, профессор Казахского Национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан); **Г. Б. Зданович**, профессор Челябинского государственного университета (Челябинск); **Суви Кансикас**, профессор Хельсинского университета (Хельсинки); **В. П. Корзун**, профессор Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск); **Е. С. Кравцова**, профессор Курского государственного медицинского университета (Курск); **В. И. Меньковский**, профессор Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь); **И. В. Нарский**, профессор Южно-Уральского государственного университета (Челябинск); **И. В. Побережников**, директор Института истории и археологии УрО РАН, доктор исторических наук (Екатеринбург); **Л. П. Репина**, чл.-корр. РАН, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва); **А. Д. Таиров**, профессор Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) (Челябинск); **Т. А. Чумаченко**, доктор исторических наук, ректор Южноуральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск).

Редакция журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129
www.csu.ru

Адрес редакции:
Россия, 454000, г. Челябинск,
пр. Победы, 162в, каб. 109
Тел.: (351)799-70-20;
(351)799-70-18; (351)799-70-15
e-mail: vhist@mail.ru

Адрес для писем:
Россия, 454001,
г. Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129,
редакция научного журнала
«Magistra Vitae: электронный
журнал по историческим наукам
и археологии»

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться
на сайте журнала
http://magistravitaejournal.ru

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-67301
от 30 сентября 2016 г.

Корректор *Е. С. Меньшенина*
Верстка *Е. С. Меньшениной*
Подписано в печать 26.06.20.
Выход в свет ….06.20.
Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 18,1.
Уч.-изд. л. 15,6.
Заказ 212.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 57б

Magistra Vitae:

online journal of historical sciences and archeology

The Subjects of the Title Issue Satisfies to Term "History Sciences" of the Current Scientific Specialties Nomenclature

ISSN 2542-0275

ACADEMIC PERIODICAL

Founded in 2016

2020. № 1

FOUNDER
Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief
N. Alevras, Doctor of History, Professor

Deputy editor-in-chief
S. Bakanov, Doctor of History

EDITORIAL STAFF

G. Goncharov, Doctor of History, Professor (Chelyabinsk); **N. Grishina**, Candidate of History (Chelyabinsk); **V. Grudzincky**, Doctor of History, Professor (Chelyabinsk); **S. Dvinina**, Candidate of Philology (Chelyabinsk); **I. Nokhrin**, Candidate of History (Chelyabinsk); **A. Popov**, Candidate of History (Chelyabinsk); **A. A. Fokin**, Candidate of History (Tyumen); **O. Bogomazova**, Candidate of History (responsible secretary).

EDITORIAL BOARD

N.A. Alevras, Doctor of History, Professor of Chelyabinsk State University (Chelyabinsk); **Vzhosek Voytcekh**, Professor of Mickiewicz Poznan University (Poznan, Poland); **Zhakisheva Saule**, Doctor of History, Professor of Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan); **G.B. Zdanovich**, Professor of Chelyabinsk State University (Chelyabinsk); **Suvi Kansikas**, Professor of University of Helsinki (Helsinki); **V.P. Korzun**, Professor of Dostoevsky Omsk State University (Omsk); **E.S. Kravtsova**, Professor of Kursk State Medical University (Kursk); **V.I. Menkovsky**, Professor Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus); **I.V. Narsky**, Professor of South Ural State University (Chelyabinsk); **I.V. Pobereznikov**, Director of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg); **L.P. Repina**, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Principal Researcher at the Institute of World History Russian Academy of Sciences (Moscow); **A.D. Tairov**, Professor of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "South Ural State University (national research university)"(Chelyabinsk); ***T.A. Chumachenko***, Doctor of History, rector of South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk).

The Editorial Board may not share the views of the authors.
Authors are responsible for the article content and quality of annotation's translation

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia
www.csu.ru

Editorial office's addres:
162v, Pobedy st.,
Chelyabinsk, 454000, Russia
Tel.: + 7(351) 799-70-20;
799-70-18;799-70-15
e-mail: vhist@mail.ru

Juridical address
(for correspondence):
129, Bratiev Kashirinykh st.,
Chelyabinsk, 454001, Russia
Editorial Board of Scientific Journal
"Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology"

All the requirements
are available on the web-site
http://magistravitaejournal.ru

Academic periodical is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФС77-67301

Proofreader *O. E. Shishmarenkova*
Imposition by *E. S. Menshenina*

Passed for printing 26.06.20.
Date of publication ….06.20.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 18,1.
Ac.-publ. sh. 15,6.
Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardejtsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИИ

Я. В. Осипова
«Трудности перевода»: переводчики и толмачи как посредники культур на южноуральском порубежье Российской империи в XVIII веке 7

М. И. Роднов
Финансовая история Благовещенского завода Дашковых (вторая половина XIX — начало XX века) 20

А. В. Антошкин
Борьба со злоупотреблениями в потребительской кооперации Башкирии в период подготовки и проведения денежной реформы 1947 года 27

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Мыслители Древнего мира

С. С. Демина
Представления Сенеки о храбрости 36

Исследовательский дебют

Р. Р. Хасанов
Трансформация образа внешней политики Австро-Венгрии в журнале «Вестник Европы» (1867—1914) 42

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИИ

А. И. Нечвалода
Краниология и портретная реконструкция лица по черепу индивида из некрополя домонгольского времени Боз-Адыр на Тянь-Шане 55

С. А. Григорьев
Проблема соотнесения европейской, евразийской и китайской хронологии Бронзового века 63

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Рыбалко, О. В. Новикова
Заселение Новолинейного района Оренбургского казачьего войска в официальных документах и исторической памяти 82

Е. А. Чайко
От семьи русской к семье советской: третья сторона во внутрисемейных конфликтах (по материалам письменных источников второй половины XIX — первой половины XX века, Южный Урал) 95

З. И. Байрамгалина
Свадебные обряды деревни Баязитова последней четверти XX века 102

НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Источниковедческие наблюдения

О. В. Конфедерат, А. Ю. Заболотина
Маркеры цвета в историко-культурологическом анализе визуального образа:
цветовые аспекты фотографического репортажа 1990-х и 2020-х годов 107

Источниковый депозитарий

В. В. Митрофанов
Маркиз и маркиза: письма Е. Н. Калайдович гимназисту С. Ф. Платонову 116

С. Д. Батищев
Уральское отделение Археографической комиссии Академии наук СССР:
публикация источников из фонда историка В. Е. Четина..... 133

Рецензия

Н. В. Гришина
От «абриса» к «полноцвету»: рецензия на книгу «Челябинская губерния, 1919—1923 гг.:
абрис истории» : сб. док. / сост. и науч. ред. М. А. Базанов. Челябинск, 2019. 647 с.: ил. 153

CONTENTS

HISTORY OF RUSSIA

Ya.V. Osipova
«Lost in translation»: translators as mediators of cultures on the southeastern border of the Russian empire in the 18th century 7

M.I. Rodnov
Financial history of the Blagoveshchensk factory of the Dashkovs (the second half of the 19th — the early 20th centuries) 20

A.V. Antoshkin
Combating malversations in consumer cooperation in Bashkiria during the preparation of the monetary reform of 1947 27

HISTORY OF THE WORLD

Thinkers of Antiquit

S.S. Demina
Seneca's thoughts about courage 36

Research Debut

R.R. Khasanov
Transformation of image of Austro-Hungarian foreign policy in the magazine "Vestnik Evropy" (1867—1914) 42

ISSUES OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

A.I. Nechvaloda
Craniology and portrait facial reconstruction from the skull of an individual in the Boz-Adyr necropolis of the pre-mongolian period in the Tien Shan 55

S.A. Grigoriev
Problem of correlation of European, Eurasian and Chinese chronologies of the Bronze Age 63

ETHNOGRAPHIC STUDIES

A.A. Rybalko, O.V. Novikova
Settlement of the Novolineiny district of the Orenburg cossack army in official documents and in historical memory 82

E.A. Chaiko
From the russian family to the soviet family: a third party in intra-family conflicts (based on written sources of the second half of the 19th and first half of the 20th centuries, South Ural) 95

Z.I. Bayramgalina
Wedding ceremonies in the Bayazitova village in the last quarter of the 20th century 102

SCIENTIFIC REFLECTION

Source Studies

O.V. Confederat, A.Yu. Zabolotina
Color markers in historical and cultural analysis of visual image:
color aspects of photographic reporting in the 1990s and 2020s 107

Source Depository

V.V. Mitrofanov
Marquis and marquise: letters of E.N. Kalaidovich to grammar-school boy S.F. Platonov 116

S.D. Batishchev
Ural branch of the Archeographic Commission of the Academy of sciences of the USSR:
publishing of the sources from the V.E. Chetin foundation 133

Review

N.V. Grishina
From “outline” to “full-colored”: review of the book “The Chelyabinsk guberniya, 1919—1923:
history outline”: collection of documents / ed. M.A. Bazanov. Chelyabinsk, 2019. 647 p.: ill. 153

ИСТОРИЯ РОССИИ

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2020. № 1. С. 7—19.

DOI 10.24411/2542-0275-2020-0101

«Трудности перевода»: переводчики и толмачи как посредники культур на южноуральском порубежье Российской империи в XVIII веке

Я. В. Осипова
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Проблема взаимодействия имперского центра и периферии, в целом культурных контактов в полиэтничных областях имеет множество аспектов, одним из которых является языковой. Традиционно территория Южного Урала — зона тюркоязычная. Не имея собственной письменности, наиболее многочисленные группы из имеющейся этнической «мозаики»: башкиры и казахи — пользовались чагатайским тюрки, что объединяло их с населением Средней Азии и части Востока. Культурными посредниками между российским центром и интегрируемыми общностями выступали переводчики и толмачи, осуществляющие непосредственные контакты администраторов как с правящими кругами этносов, так и с основным населением. Данное исследование представляет собой попытку обращения к феномену «посредников культур» с историко-культурной точки зрения. Задачами статьи было выявление социальных характеристик данных категорий, особенностей их функционирования и участия в жизни региона. На основе источников был составлен поимённый список переводчиков и толмачей XVIII в., анализ данных которого позволил сделать предварительные замечания об этнической принадлежности, социальном статусе, географии службы «посредников» между российской администрацией и представителями местных этнических групп. Работа по пополнению списка будет продолжена.

Ключевые слова: *империя, интеграция иноязычных территорий, культурные контакты, переводчики, толмачи, Южный Урал XVIII в.*

Российская многонациональная империя в ходе своего территориального расширения помимо проблем, связанных с административным строительством, хозяйственной, социальной, конфессиональной интеграцией окраинных регионов, вынуждена была решать вопросы более прозаические. Связаны они были с языковым «пониманием» представителями российской администрации на местах «новых» и «старых» подданных[1]. Посредниками во время контактов и проводниками проводимой Россией политики выступали переводчики и толмачи.

Переводчиками являлись специалисты, занимающиеся устными и письменными переводами информации с одного языка на другой. Толмачами традиционно именовали людей, понимающих устную речь населяющих Российскую империю этносов и способных устно ее перевести на русский язык. Если переводчиками являлись исключительно государственные служащие, утверждавшиеся в штат при провинциальных канцеляриях Коллегией иностранных дел, в более позднее время — Оренбургским военным губернатором, то толмачи могли и не состоять в штате. Секретари и составители посланий при казахских ханах так же в штате не состояли и именовались писарями или толмачами, несмотря на владение письменной культурой.

Из-за постоянной нехватки специалистов, письма могли читать абызы или муллы, с речи которых переводили толмачи и уже записывали писари. Примерами часто встречающихся формулировок являются: «татарское письмо читал абыз Саит Семенов. На русский язык толмачил толмач Иван Дураков», «переводил ахун Мансур Абдрахманов и по-татарски подписался», «переводил мещеряк Надырь-мулла Ханмурзин через толмача Федора Найденова» [2].

Источниками для изучения категории переводчиков и толмачей в данном исследовании являлась делопроизводственная документация российской администрации[3], письма степных казахских

[1] Под «старыми» подданными прежде всего понимаются башкирские племена, вошедшие в состав России в конце XVI — начале XVII вв., под «новыми» — казахские жузы, включаемые в зону влияния империи с 1730-х гг.

[2] Материалы по истории Башкортостана. Т. 6 / сост. Н. Ф. Демидова ; под ред. Н. В. Устюгова. Уфа, 2002. № 157, 163, 204.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3—5 / сост. Н. Ф. Демидова. Москва, 1949—1960; Материалы

правителей[1], материалы дневников служебных поездок по Степи самих переводчиков или глав миссий[2]. Значительная их часть опубликована на русском языке, часть ждет своего исследователя в архивах Москвы, Оренбурга, Казахстана. Имеются факсимиле оригинальных текстов[3], синхронные переводы, которые позволяют специалистам из Башкортостана, Татарстана, Казахстана судить о точности и качестве осуществляемых переводов, наличии искажений в передаче информации.

Источники личного происхождения представлены трудами администраторов и руководителей края — П. И. Рычкова и И. И. Неплюева, в которых упоминаются имена наиболее авторитетных и востребованных переводчиков XVIII в.[4]

Информация об исследуемой социальной группе в указанных хронологических рамках в научной литературе фрагментарна и разрозненна. Отдельные работы посвящены самому известному «посреднику», начинавшему с переводческой деятельности и в конце своей карьеры претендовавшему на должность губернатора Оренбургского края — Алексею Ивановичу Тевкелеву (Кутлу-Мухаммед Мамешевичу) [Ерофеева, 1999]. В отношении остальных переводчиков можно констатировать наличие кратких упоминаний в комментариях к сборникам документов и в редких случаях — статей в национальных энциклопедиях. Имеются интересные исследования, посвященные изучению категорий толмачей и переводчиков периода приказной системы к. XVI—XVII вв. [Кукенков, 2003]. Следующий блок работ охватывает хронологический период уже с конца XVIII — начала XIX вв. Ведущими специалистами в данной области можно считать авторов из Казахстана И. Ерофееву и Г. Султангалиеву. Ириной Викторовной Ерофеевой была проделана колоссальная работа по выявлению и публикации источников по истории Степи и был составлен список писарей казахских ханов и султанов с середины XVIII до первой половины XIX в. (17 персоналий по интересующему нас периоду) [Ерофеева, 2014, с. 615—616]. Данная информация была учтена в данном исследовании при составлении общего алфавитного списка переводчиков и толмачей, работавших на территории Оренбуржья и в казахских степях (см. Приложение, всего 123 персоналии). Гульмира Салимджановна Султангалиева обращалась к проблеме переводов и переводчиков периода конца XVIII — начала XIX вв., а также рассматривала процессы инкорпорации в российскую административную систему представителей, включенных в состав империи этносов [Султангалиева, 2005].

В статье предпринимается попытка обращения к достаточно интересной междисциплинарной проблеме бытования языковых «посредников», которые для историков на протяжении более чем двух веков оказывались как бы «невидимыми». Имена переводчиков, толмачей, писарей мы видим на значительной части внутренней документации порубежного края. В то же время о них практически ничего не известно, они не становились героями специальных изысканий. При фронтальном рассмотрении опубликованной делопроизводственной документации в данной работе анализировались краткие данные конечного протокола переводов. Это, как правило, сведения об имени, должности, реже — этнической принадлежности, чине, духовном звании. Составление сводной таблицы (см. Приложение) позволило выявить ряд наиболее «загруженных» переводческой деятельностью специалистов, определить годы и место их службы, проследить продвижение по служебной лестнице (от толмача к переводчику и в редких случаях — далее).

Проблемы перевода внутренней и внешней документации

При всем этническом многообразии Южный Урал и казахские степи являлись преимущественно зоной тюркского культурного и языкового типа. Характерной чертой при этом было отсутствие у населяющих этносов собственной адаптированной к языку письменности и использование широко распространенного на Востоке и в Азии среднеазиатского (чагатайского) тюрки [Бейсембиев, 2007, Хисамова, 1999].

Письменный среднеазиатский тюрки служил важным средством информационного обмена во всех культурах Волго-Уральского, Сибирского, Центрально-азиатского регионов и являлся около четырех столетий общим литературным языком для татар, башкир, казахов, узбеков, киргизов, уйгуров. Имея свои разговорные языки, данные этносы пользовались единой письменной системой. В меньшей степени применялось литературное

по истории Башкортостана. Т. 6…; Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2 / под ред. М. П. Вяткина. Алма-Ата, 1948; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. / под ред. В. Ф. Шахматова. Алма-Ата, 1961.

[1] Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675—1821 гг. : сб. док. : в 2 т. / сост. И. В. Ерофеева, Алматы, 2014.

[2] История Казахстана в русских источниках XVI—XX вв. Т. 3, 6. / сост. И. В. Ерофеева. Алматы, 2005, 2007.

[3] Эпистолярное наследие казахской правящей элиты…

[4] Неплюев И. И. Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773). Санкт-Петербург, 1893; Рычков П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001.

ойратское письмо (например, в переписке ханов Среднего жуза с российской администрацией)[1].

Необходимо так же отметить, что помимо проблем, связанных с переводом устной речи на неадаптированную письменную, определенные сложности для переводчиков в начале изучаемого периода были связаны с тем, что сама русская письменная делопроизводственная культура находилась в процессе реформирования из-за введения гражданского шрифта и создания вместо приказной коллегиальной системы управления, что влекло за собой новые правила составления документов, использование новых формулировок.

От профессиональных навыков «посредников» зависело достаточно много как на бытовом уровне, так и на уровне внутренней и внешней политики. Советский исследователь Усманов утверждал: «При документальных переводах официальных государственных бумаг квалифицированные толмачи-переводчики должны были передавать не только точное лексическое значение слов, фраз, но также были обязаны отражать реальное содержание специальных терминов, намёки, общий тон посланий в целом» [Усманов, 1979]. В условиях полиэтничного, поликонфессионального, зачастую конфликтного порубежья это являлось нелегкой задачей.

Интересные данные можно получить благодаря лингвистическим изысканиям и современным переводам сохранившихся в архивах документов на тюрки. Известное послание хана Абулхаира 1730 г. Анне Иоанновне в переводе Мустафы Турченинова выглядело следующим образом: «…ныне желаю быть со всем моим владением в.и.в. в подданстве. Того ради… милостивым указом нас под протекцию в.и.в. милостиво указать принять и с подданными в.и.в. с аральскими башкирцами, нам милостиво указать в миру и в соединении быть. О сем всеподданнически прошу я, Эбулхаир-хан, с подданными своими старой и малой статьи, с сорока тысяч человек казаками желаем под протекцию в.и.в. в согласии быть с подданными аральскими башкирцами»[2].

Тот же документ в современном переводе Т. К. Бейсембиева: «Мы, Абу-л-Хайр-хан, вместе с 40 санами казахов Среднего и Младшего жузов, моими <…> подданными преклоняем свои головы и готовы исполнить ваше повеление. Просим вас установить мир [между нами] и вашими рабами — уральскими башкирами. Мы будем послушны вашему повелению»[3]. Можно согласиться с мнением В. В. Трепавлова о том, что представители правящей элиты казахов рассматривали отношения с Российской империей как взаимовыгодный военно-политический союз под мало обязывающим патронатом более сильного «белого царя», а не как вечное подданство [Трепавлов, 2007, с. 164.]. Ерофеева, опубликовавшая факсимиле и различные варианте переводов одних и тех же текстов, пишет: «В отличие от казахских правителей служители имперских и провинциальных канцелярий интерпретировали многословные формулы таких обращений совсем иначе и потому переводили их на русский язык привычным словом “подданство”» [Ерофеева, 2014, с. 56—57]. В узком смысле слова языковые, в широком — ментальные отличия между представителями Империи и Степи проявились уже на уровне переводов посланий.

Не обладая компетенциями изучения переводов с лингвистической точки зрения, с исторической позиции можно предположить, что данные документы (документы, имеющие отношение к «болезненным» вопросам, например, к проблеме подданства) могут получать новые прочтения в рамках последующих периодов и новых парадигм.

Качество осуществляемых письменных переводов в целом обращало на себя внимание лингвистов-тюркологов. Так, в научной литературе отмечается, что до начала 40-х гг. XVIII в. переводы писем казанской знати осуществлялись преимущественно выходцами из служилых татар торговых слобод Казанской и Сибирской губерний. Они владели чагатайским тюрки, но плохо знали русский язык. В связи с этим многие переводы указанного периода отличались неправильными оборотами речи, запутанными лексическими конструкциями. Компетенция переводчиков и толмачей последующих периодов в связи с открытием школ, по мнению ряда специалистов, заслуживает высокой оценки [Хисамова, 1999].

Следует отметить неравноценность качества переводов и востребованность отдельных специалистов. Так, И. Е. Ерофеевой был проведен подсчет численности казахских документов, подготовленных разными переводчиками за одни и те же годы, что выявило факт наиболее частого привлечения в 1760- е гг. к подобной работе лучшего на то время специалиста — Якува Гуляева, перу которого принадлежит более 120 добротных текстов. В 70—80-е гг. переводы ханов Младшего и Среднего жузов доверялись Мендияру Бекчурину. Другим авторитетным переводчиком был выходец из солдатских детей, в будущем надворный советник Андрей Федорович Васильев (1743 — после 1803), который часто посылался в ставки

[1] Эпистолярное наследие казахской правящей элиты… С. 289, 332, 367.

[2] Там же. С. 107.

[3] Там же. С. 106.

ханов и султанов и получал награды за службу в виде денежных премий и подарков. Помимо данных имен переводы неоднократно выполняли в Оренбурге — коллежский советник Петр Чучалов, переводчик Леонтий Прасолов, в Омске — выходец из тобольских служилых татар старший толмач Сибирской войсковой канцелярии Маметияр Кучеяров [Ерофеева, 2014, с. 66].

Выполняемые переводчиками и толмачами функции

Политические процессы, заключавшиеся в наращивании административных ресурсов и присутствия России в Степи в достаточно нестабильной и неспокойной обстановке, делали необходимым существование такой функциональной группы, как служащие толмачи и переводчики.

Круг задач, формулируемый центральными и местными администраторами перед переводчиками, был чрезвычайно обширен. Начиная с миссий в переднеазиатские, среднеазиатские государства, принятия присяг о подданстве от казахов и каракалпаков, участия в качестве командиров подразделений в подавлении выступлений этнических групп, заканчивая собственно канцелярской работой.

Дипломатические миссии поручались наиболее опытным и заслуживающим доверия лицам. Это прежде всего А. И. Тевкелев, М. Бекчурин, Я. Гуляев. Анализ сохранившихся наставлений позволяет говорить о способности решать вопросы, выходящие за пределы компетенций переводчиков в современном понимании функционала представителей данной профессии. Так, наставление Якову Гуляеву от 1767 г. содержит в себе такие пункты, как объяснение смысла и направленности последних указов правительства, ознакомление этнической элиты с происходящими в империи внутри и внешнеполитическими событиями. Особо оговаривалось, как следует подавать информацию: в ордах должны были осознавать, что единственной целью российской администрации является благо новых подданных и поддержание мира. Где бы ни находились представители русской администрации, им предписывалось узнавать о наличии русских пленных и добиваться их освобождения[1].

Переводчики как представители российской власти могли наделяться судебными функциями. Заключались они в проведении расследований и организации суда по спорным вопросам между калмыками, казахами, башкирами и казаками[2].

Разведывательные функции также ложилось на плечи «посредников» в случае их отправления в иноязычные окраинные области. Гуляеву предписывалось: «Разведать, какого качества дети хана Ишали и Пирали, не предпочитает ли народ братьев их от Эрали, кто именно у Эрали Наичувак салтана есть дети мужского полу, какого качества, настроение народа по этому поводу»[3]. Писари и толмачи при казахских ханах и султанах тайно получали от русской администрации жалование за информирование. Так, находящийся при хане Нурали в писарях татарин А. Нурмухаметов получал в год по 15 руб.[4] Им была выдана переписка казахов с зюнгорскими владельцами, которая велась тайно от российской стороны. Писарям при Аблае, Айчуваке было назначено жалование по 12 руб. в год[5].

Толмачи и переводчики оказывались в прямом смысле посредниками, так как передавали информацию, которую открыто администраторы сообщать не могли в силу политических или этических соображений. Так, во время волнений 1755 г. губернатор И. И. Неплюев своих канцелярских служащих использовал для распространения неофициальной информации. Впоследствии он писал: «Велел я переводчикам, чтоб они от себя сами советовали: “Генералу ехать вам [башкирам] позволить нельзя, а если вы поедите и киргизов разобьете, то вас наказывать не буду”»[6]. Речь идет о так называемом «восстании Батырши», в ходе которого часть башкир перешла с семьями на земли казахов и там по «разрешению» того же Неплюева была разорена. После этого башкиры обращались за помощью к губернской администрации, чтобы добиться возвращения жен и детей и получить отмщение за грабеж от своих бывших союзников. Киргизской стороне официально сообщалось, что переходы через линию башкир — результат политики самих казахов, решивших принять у себя бунтовщиков, что «унимать» башкир оренбургская администрация не имеет возможностей.

В век Просвещения особое значение придавалось сбору сведений общеисторического, экономического, географического плана о населяющих империю и соседние территории этносах. Первыми исследователями часто становились те, кто знал местные языки. Так, еще в 1723 г. посланный в Бухару курьером и переводчиком уфимский татарин Максут Юнусов составил 4 письма, в которых сообщал сведения о среднеазиатских, казахских ханствах, делал описание

[1] ГАОО. Ф. 3. Оп 1. Д. 88. Л. 96.

[2] ГАОО. Ф. 3. Оп 1. Д. 88. Л. 96—97

[3] ГАОО. Ф. 3. Оп 1. Д. 88. Л. 100.

[4] Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. С. 28.

[5] Там же. С. 89.

[6] Неплюев И. И. Записки Ивана Ивановича Неплюева… С. 158, 225

жизни каракалпаков, их обычаев и нравов. Переводчик Мендияр Бекчурин стал автором первого в России рукописного «Русско-арабско-персидско-мещерско-киргисско-хивинско-бухарского глоссария». Позднее этот словарь будет использован академиком П. С. Палласом в «Сравнительных словарях всех языков и наречий»[1].

Одной из выполняемых функций являлось обучение грамоте представителей этнических элит и подготовка будущих толмачей и переводчиков. Так, А. Бакметев обучал чагатайскому тюрки в Орской крепости сыновей хана Абулхаира Ералы и Кожахмета, когда они находились там в качестве аманатов[2]. В условиях недостатка образованных кадров и отсутствия специальных учебных заведений переводчикам вменялось в обязанность заниматься с учениками, готовить себе приемников. Переводчикам при Оренбургской губернской канцелярии полагалось иметь по 10 учеников, а Ставропольской провинциальной канцелярии — по 50. Однако учебный процесс часто прерывался из-за востребованности и частых командировок специалистов [Веселовский, 1879, с. 7].

Важность выполняемых функций определяла то обстоятельство, что «посредники» подбирались очень тщательно. Имело значение не только практическое знание языков, но и принадлежность к тому или иному роду, способности, религия, умение договариваться. Однако основным условием была благонадежность.

Социокультурная характеристика переводчиков и толмачей

Анализ данных касательно этнической принадлежности изучаемой группы позволяет сделать вывод о том, что изначально доминировал этнос, включенный в зону влияния империи ранее всего — это казанские татары. Далее по численности следовали сибирские татары, башкиры, мишари. Казахской элитой в качестве толмачей и писцов в первой половине столетия брались выходцы из духовенства Средней Азии, с середины столетия — поволжские татары, башкиры, мишари.

Этническая принадлежность, как следует из вышеприведенных данных, абсолютно не была препятствием к занятию должности при пограничной администрации. Наоборот, этническая и конфессиональная «близость» переводчика или толмача к местному населению считалась залогом успеха планируемого мероприятия. Отношение к данному вопросу начинает меняться к концу столетия. Так, известно об обращении оренбургского губернатора в Сенат в 1770-х гг. с мнением, что набирать в ученики «татарскому языку» более разумным будет не инородцев, а русских [Веселовский, 1879, с. 8]. В целом ориентация на русификацию будет характерна уже для XIX в.

Конфессиональная принадлежность была важным, но не решающим фактором для российской администрации. Доказательством этому служит тот факт, что внешнеполитическая деятельность в регионе в решающие 30—40-е гг. во многом определялась мусульманином Тевкелевым. На его личных связях, дружеских отношениях с Абулхаиром и султанами держалось хрупкое подданство казахов. Толмачами достаточно часто выступали муллы и абызы. В ходе количественного анализа имеющихся данных было определено, что они составляли около 18 % от рассматриваемой категории (См. Приложение). В Екатерининскую эпоху татарские муллы стали восприниматься как проводники проводимой Россией политики в Степи, что объясняет начавшуюся легитимизацию ислама: создание Оренбургского магометанского духовного собрания, издания печатных Коранов, появление института «указных» мулл.

В то же время именно вера во-многом не позволила А. И. Тевкелеву стать после И. И. Неплюева губернатором. Тевкелев был первым в Российской империи генералом-мусульманином, «птенцом гнезда Петрова». Он руководил юго-восточным направлением внешней политики (объекты которой стали благодаря его стараниям объектами политики внутренней), с его мнением считались в Оренбурге и в Степи, ханы и султаны отказывались иметь дело с кем-то кроме него. Однако после отзыва И. И. Неплюева с должности губернатора главой огромного края был назначен далекий от пограничных дел человек, «чужой» для новых подданных, но «свой» для Петербурга «природный русский» А. Р. Давыдов. За этим последовало обострение русско-казахских отношений, просьбы Нурали и Аблая вернуть «дорогого мурзу». Возраст (около 85 лет), вероисповедание, критика в адрес сторонников проведения жесткой линии в политике по отношению к казахам не позволили в конечном счете вернуться генералу в южноуральский регион. Можно предположить, что, несмотря на осведомленность, заслуги и реальный авторитет Тевкелева, имперский центр не был готов назначить мусульманина на должность губернатора.

Имеются сведения, что продвижению по службе, переходу из категории толмачей в переводчики могло способствовать принятие христианства.

---

[1] Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей особы императрицы Екатерины II. Санкт-Петербург, 1787—1789.

[2] Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2. № 50. С. 148.

Примером может служить «карьерный рост» Николая Максютова — толмача из татарских мурз, который «за восприятие веры» был назначен в 1739 г. переводчиком в ранге подпоручика[1].

Имеющаяся источниковая база не позволяет, к сожалению, четко провести границу между категориями толмачей и переводчиков по признакам этнической, конфессиональной, социальной принадлежности. Известно, что толмачи могли переходить в ранг переводчиков. Так, из представленных в приложении персоналий перешедшие из одной категории в другую составляют 7 %. Случаев обратного «разжалования» не было выявлено.

Учтенные в Приложении толмачи, вероятнее всего, разделялись на две категории: находящиеся в штате провинциальных и губернских канцелярий и временно оказывающие услуги по переводу устной речи. Наиболее часто встречающиеся статусы: служилые татары, отставные солдаты, новокрещены. В связи с тем, что наиболее образованной частью интегрируемого населения являлись муллы и абызы, их процент в среде толмачей достаточно высок (18 %).

Интересной характеристикой данной социальной группы может послужить размер жалования. Он может быть оценен условно, на основании разрозненных данных. Известно, что при Екатерине II оплата труда «посредников» была увеличена. Для переводчиков она составляла 150 рублей, толмачей — 30 рублей, учеников — 15 рублей в год[2]. Помимо этого, практиковалась система поощрений в денежном и натуральном эквивалентах. По крайней мере, переводчики внешнеполитических миссий за успешное выполнение заданий могли награждаться подарками и провизией.

Социальный статус переводчиков был достаточно высок, соответствовал рангу подпоручика. Наиболее авторитетные персонажи становились коллежскими, титулярными, надворными советниками. А. И. Тевкелев к концу карьеры являлся полковником, бригадиром, генерал-майором. П. Чучалов — правителем губернской канцелярии и секретарем Оренбургской экспедиции пограничных дел. Переводчиками становились представители аристократических родов, включенных в состав империи этносов. Согласно составленному Приложению, в общем списке переводчиков мурзы и князья составляют 12 %.

Проблема нехватки и подготовки профессиональных кадров

Одной из характерных особенностей интеграционного процесса на юго-востоке была постоянная нехватка специалистов. Недостаток толмачей, с одной стороны, затруднял налаживание отношений с полиэтничным населением юго-восточной окраины империи, давал повод распространению всевозможных слухов в тех или иных намерениях российских властей, с другой стороны, обеспечивал возможность «провинившимся» в периоды этнических волнений ссылаться на недопонимание требований местной администрации.

Первым о необходимости изучения «мусульманских языков» заговорил начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кириллов, который просил прислать ему нескольких человек из кадетского корпуса для обучения[3]. Ответ правительства на данную инициативу неизвестен. На огромную территорию Оренбургской губернии в границах изучаемого периода полагался крайне скромный штат переводчиков. Так, при Оренбургской губернской канцелярии, согласно данным за 1745 г., состояло всего 3 переводчика, 1 толмач и 10 учеников татарского языка.

В одном из башкирских посланий командиру П. И. Мусину-Пушкину в 1735 г. написано «От вас послан указ при старших наших людях, читать некому; еще по-татарски написан указ есть того читают, а толку не знают»[4]. То есть в значительной части письменные обращения могли быть непоняты или неверно истолкованы. Чтецами зачастую выступала единственная образованная категория — муллы, в случае их отсутствия приходилось за разъяснениями отправляться в провинциальные канцелярии.

Ситуация оставалась сложной и к концу столетия. Во внутренней документации Оренбургского пограничного суда констатировалась ситуация сложности преодоления языкового барьера, что становилось существенным препятствием для установления порядка в регионе. В связи с этим информация о поиске человека на должность переводчика становилась актуальной[5]. В частности, в переписке Пеутлинга с генерал-поручиком Уфимского наместничества написано: «По производимым у иноверных народов делам из числа оных почти каждый весьма мало знает российский разговор и через то делается в делах затруднение…»[6]

В материалах сенаторов М. Г. Спиридонова и И. В. Лопухина от 1800 г. написано: «В губернии Оренбургской, составленной из разных иновер-

[1] РГАДА Ф. 248. Оп. 3. Кн. 142. Л. 12—13 об.

[2] ПСЗРИ. Т. 19. № 13489.

[3] Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсатских, орд и степей. Москва, 2018. С. 186.

[4] Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. № 29. С. 64.

[5] ГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 33. Л. 9.

[6] ГАОО Ф. 54. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.

ных, российского языка не знающих народов, один только присяжный переводчик в губернском городе. Излишне распространяться о существенной надобности иметь оных больше и во всяком уездном городе, так же и о тех последствиях, законам и человечеству противных, которые произойти могут от неразумения языка. Губернское правление сделало распоряжение, положа в губернском городе содержать 2 переводчиков и приказав уездным и нижним земским судам завести оных из отставных чиновников, знающих татарский язык или из татар, выделяя на них деньги из суммы положенной на канцелярских служителей…»[1]

В связи с нехваткой квалифицированных кадров следует рассмотреть проблему изучения языков и подготовки специалистов для российской администрации. До создания специальных школ были попытки обучения русскому языку жителей окраинных губерний. В конфессиональном плане Южный Урал находился в ведении Казанской и Тобольской епархии и именно духовному ведомству на первых порах поручалась организация языкового обучения. В 1735 г. указом было велено создать школы для некрещеных и крещеных жителей Поволжья: вотяков, мордвы, чуваш, черемис. Содержать их предполагалось из собираемых венечных памятей[2]. По указу от 1740 г. в Казанской епархии предписывалось организовать четыре школы для детей из перешедших в православие инородцев. Данные меры не распространялись на жителей отдаленных башкирских и казахских территорий. Подобные начинания и в отношении Поволжья результатом не увенчались.

В 1740 г. при Оренбургской комиссии была открыта школа «татарских учеников» для русских и татарских детей, в которой начали готовить переводчиков и других мелких чиновников пограничной администрации. Эта школа функционировала до 1820 г. и подготовила большое количество переводчиков с чагатайского тюрки и разговорного казахского. Среди них наиболее известны: Яков Гуляв, Роман Уразлин, Усман Арасланов, Петр Чучалов, Леонтий Прасолов, Мендияр Бекчурин. Гуляев впоследствии возглавлял данное учебное заведение.

В 1764 г. был открыт татарский класс в Казанской гимназии, в Астраханской школе для солдатских детей было организовано преподавание 4 языков: арабского, татарского, армянского, калмыцкого [Веселовский, 1879, с. 26].

Первым специальным учебным заведением по подготовке переводчиков для пограничных губерний стала в 1789 г. Азиатская школа в Омске. В ней было организовано преподавание татарского, монгольского, манчьжурского языков. Просуществовала она почти 80 лет (до 1870 г.) и внесла существенный вклад в подготовку специалистов. В Оренбургской губернии подобным заведением явилось Неплюевское военное училище, созданное только в 1824 г.

Для XVIII столетия большое значение имела практика обучения переводчиками назначенных учеников. Как уже было отмечено, при оренбургской канцелярии за специалистом могло числиться до 10 человек, однако из-за загруженности и командировок должного внимания обучающимся не уделялось. По представлению губернатора в июле 1760 г. на должность учителя языков был определен татарин, торговец Сеитовой слободы Р. Саинов с жалованием по 36 руб. в год[3]. Начиная с 1770-х гг., в делопроизводственной документации появляется указание на должность автора перевода — «татарский ученик». Таким учеником, в частности, был Данила Суханов[4].

Значение личностного фактора и характер службы

В проводимой российской стороной политике большое значение имел личностный фактор. Для представителя традиционного общества посланец являлся практически олицетворением той стороны, от которой он был направлен. Российская администрация в качестве переводчиков и дипломатов часто утверждала тех подданных, которые по этнической, конфессиональной принадлежности были ближе к принимающей стороне. Так, Гладышев в своем представлении к вышестоящему начальству писал: «К посылке… за способного признаем уфимского пехотного батальона поручика князя Уракова, который родом уфимец и по-татарски говорить действительно умеет, и их все обычаи и нравы довольно знает»[5]. Абулхаир неоднократно заявлял, что хочет иметь дело только с людьми знакомыми, в частности, с Тевкелевым и Бекметевым: «Ежели он определён не будет, то киргиз-кайсатская орда в состоянии быть не может, понеже легкомысленный народ так рассуждает, ежели б к ним была милость, то вышеописанного Тевкелева не отняли бы»[6].

Нехватка специалистов, большое значение личностного фактора объясняют наличие таких характерных особенностей службы переводчиков,

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. № 452. С. 603.

[2] ПСЗРИ. Т. 9. 6695.

[3] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 79—80.

[4] Эпистолярное наследие казахской правящей элиты… С. 194

[5] История Казахстана в русских источниках… С. 105.

[6] Эпистолярное наследие казахской правящей элиты…

как длительность, наследственность. Араслан Бекметев прослужил на юго-востоке около 40 лет, Яков Гуляев — более 30 лет, Петр Чучалов — около 30 лет. Последний прошел путь от переводчика до правителя губернской канцелярии и секретаря Оренбургской экспедиции пограничных дел. Писари при казахской элите переходили от ханов и султанов к их сыновьям. Так, выходец из ясачных татар Свияжского уезда Казанской губернии Альмухаммед Нурмухаммедов, приглашенный в 1778 г. Абулхаиром на должность личного секретаря, в течении 11 лет был постоянным писарем, а затем столько же у его сына Нурали. Другой писарь — башкир Ногайской дороги Аббас Сияшев прослужил у Нурали около 30 лет и 11 у его старшего сына Есима. В степной канцелярии Среднего жуза хана Абылая обязанности писаря выполнял с 1760 по 1768 г. челябинский мишарь Мунасип Мамбетов, за которого хан впоследствии выдал свою дочь[1].

Преемственность занятия должностей в переводческой среде наблюдалась с приказного периода. На Южном Урале данная тенденция будет в большей степени проявляться в XIX столетии, однако уже в рассматриваемых хронологических рамках можно отметить фамилии Третьяковых, Турчениновых, члены семей которых служили канцеляристами, толмачами, переводчиками[2].

Исполнение поручений и профессиональных обязанностей для «посредников культур» нередко сопровождалось опасностью для жизни. Самый яркий пример — история прибытия миссии Тевкелева к Абулхаиру. Как описывал ее П. И. Рычков: «По прибытии переводчика Тевкелева в киргиз-кайсатскую орду, так скоро, как прознали киргизские старшины о причинах приезда, учинилось у них великое смятение, и часто в многолюдстве для убийства оного Тевкелева и бывших с ним, собирались. А при том и на хана своего нападали, за то, что он без ведома и совету их посланцев отправил и <…> о принятии подданства просил, чего они никогда не желали»[3]. Подвергались риску по долгу службы все представители российской администрации в порубежном регионе. Так, переводчик Гуляев, отправленный в Хиву, был обвинен там в шпионаже и удерживался вместе с купцами до тех пор, пока хивинцев не задержали в Оренбурге[4]. Бекметев, прибытия которого, как следует из писем казахской знати, ждали в Меньшей орде, из-за непонятных причин оказался в немилости у хана и чуть не лишился жизни: «Сколько не дружны были, но по своей запальчивости обиделись и озлились, собранных калмык (пленных) человек 30-40 казахам отдали, а его Араслана с людьми рассадили в разные кибитки и около 12 дней держал под караулом»[5].

В XVIII столетии юго-восток неоднократно становился зоной конфликтов. В период волнений, в частности башкирских восстаний, переводчики ездили по деревням с объявлением указов, требованиями правительства, участвовали в карательных экспедициях. Так, толмач И. Дураков, оказавшийся с поручением в восставших волостях в 1736 г., писал о том, что был жестоко избит и чудом избежал смерти[6].

Итак, проведение успешной внутренней и внешней политики российской администрацией было невозможно без деятельного участия таких категорий, как толмачи и переводчики. Их профессионализм заключался в знании устных тюркских языков, общего для Степи литературного языка — чагатайского тюрки, русской письменной культурной и делопроизводственной традиций. Полномочия и авторитет ведущих специалистов позволяли им выполнять дипломатические, судебные, просветительские, разведывательные функции. На основе анализа источников возможно предположить, что в этническом плане в изучаемых группах преобладали татары, в более позднее время конкуренцию им стали составлять выходцы из башкир и мишарей. Определенный процент из них происходил из аристократических родов (мурзы, князья); часть толмачей являлась муллами или абызами. Конфессиональная принадлежность «посредников» не являлась проблемой для властей. Наоборот, при отправке к включаемым в состав российского государства казахам часто выбор падал именно на мусульман. К концу столетия ситуация несколько изменится и будут высказываться в среде чиновников мнения, согласно которым обучать языкам желательно «природных» русских.

Империя нуждалась в «посредниках», но и для знатной и образованной части интегрируемых этносов данная служба была важна. Представители татарской и башкирской культурных общностей посредством службы при канцеляриях в качестве переводчиков и толмачей получали возможность инкорпорации в сословно-бюрократическую систему российского государства.

[1] Эпистолярное наследие казахской правящей элиты… С. 32—33.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4. Ч. 2. Москва : Изд-во АН, 1956. С. 386.

[3] Рычков П. И. История Оренбургская… С. 7.

[4] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 41.

[5] Рычков П. И. История Оренбургская… С. 200.

[6] Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. № 89. С. 164.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Переводчики и толмачи южно-уральского порубежья XVIII в.

№ п/п	Персоналия	Должность	Дополнительная информация (при наличии): этническая принадлежность, место службы, духовное звание	Годы*
1	Абдрашев Илат	переводчик		1771
2	Абдеш	толмач	Илецк	1771
3	Абдишев Аббас	толмач	мишарь Исетской провинции, писарь при Абылае, мулла	1770—1775
4	Абдрешит	переводчик	Астраханская губернская канцелярия	1773—1774
5	Абдуллин Фейзулла	толмач	каргалинский татарин	1777
6	Абдурахманов Мансур	толмач	ахун	1737—1738
7	Абдусалямов Абульфетх	толмач	каргалинский татарин, мулла, писарь при Ералы хане	1791—1794
8	Абдусалямов Хусаин	толмач	мулла, писарь при Айчувак-хане	1800
9	Акниев Роман	толмач		1745
10	Александров Александр	толмач	Исетская провинциальная канцелярия	1772—1773
11	Аничков Речап	переводчик	служилый тобольский татарин	1760
12	Антонов Филипп	толмач	самарский казак	1737
13	Арапов Матвей	толмач, именуется переводчиком с 1759	Уфимская провинциальная канцелярия	1757—1759
14	Арасланов Усман	толмач, именуется переводчиком с 1750 г.	Оренбургская губернская канцелярия; в 1741 г. участвовал в походе Гладышева в Хиву, был отправлен с миссией к персидскому шаху	1741—1757
15	Артемьев Григорий	толмач	новокрещен Казанского уезда	1735
16	Асанов Мансур	толмач, переводчик	сакмарский казак	1737—1744
17	Аткиив Роман	толмач	осуществлял переводы при полковнике В. Г. Пальчикове	1744
18	Бездрин Егор	толмач	казак	1772
19	Безрядов Спиридон	переводчик	Тобольская канцелярия	1758—1759
20	Бекметев Араслан	переводчик	С 1708 по 1737 гг. служил при Уфимской провинциальной канцелярии, с 1738 по 1745 гг. — при Оренбургской комиссии. Наставник султанов, находящихся в положении аманатов в Орской крепости. Удерживался в течении 1746-1747 гг. в плену у Абулхаира	1708—1747
21	Бектемир	переводчик	башкир	1778—1788
22	Бектемиров Сафер	толмач	служилый татарин д. Адаревой Уфимского уезда	1735
23	Бекчурин Мендияр	переводчик	дипломат, с 1781 г — титулярный советник. В 1780-1781 гг. возглавлял русское посольство в г. Бухару. В 1819 — переводчик при посольстве в Хиву. Автор «Русско-арабско-персидско-мещеряцко-киргизско-хивинско-бухарского глоссария»	1776—1821
24	Бигашев Адил	переводчик	капрал, переводчик при Салавате-Юлаеве	1774
25	Бикмаев Мухамет	переводчик,	подпрапорщик 14-го класса, коллежский советник	1793—1821
26	Биктяшев Кукляш	переводчик	переводчик 8-го класса, надворный советник	1804
27	Богданов Осман	переводчик	мурза	1738
28	Бурнашев Сабангул	переводчик	татарин	1745
29	Васильев Андрей	толмач, с 1777 г. переводчик		1769—1786

* Годы указаны согласно упоминаниям имен переводчиков и толмачей в конечных протоколах документов.

Продолжение табл.

№ п/п	Персоналия	Должность	Дополнительная информация (при наличии): этническая принадлежность, место службы, духовное звание	Годы*
30	Войнов Михаил	переводчик	регистратор	1771—1772
31	Гардеев Александр	толмач	капрал Оренбургского полка	1740
32	Гордеев Филат	толмач, переводчик с 1759		1746-1776
33	Григорьев Петр	толмач		1718
34	Гульчихин Иван	толмач	есаул Уральского казачьего войска	1775
35	Гуляев Яков (Юмагул, Емагул)	переводчик	переводчик с середины40-х гг Оренбургской губернской канцелярии, позднее — руководитель татарской школы переводчиков в Оренбурге. В 40—60-х гг. отправлялся в казахские жузы с поручениями, собирал информацию, являлся наблюдателем на курултаях султанов. Дипломатический представитель в торговой поездке русских купцов в Хорезм в 1753—1754 гг.	1743—1767
36	Дельной Мансур	переводчик	Оренбургская губернская канцелярия	1750—1751
37	Диянов Иван	переводчик		1787
38	Дойнакай	толмач	писарь хана Пиралы, мулла	1778
39	Дураков Иван	толмач	крестьянин Строгановых	1736—1737
40	Еремеев Аника	толмач	тобольский татарин	1715—1718
41	Ершов Иван	толмач		1742
42	Жуков Петр	толмач		1735
43	Зарывкин Тажбулат	толмач	тобольский служилый татарин	1758—1765
44	Иванов Егор	толмач		1773
45	Иванов Константин	переводчик	Уфимская провинциальная канцелярия	1759—1760
46	Идыркеев Болтай	переводчик	служил при Е. Пугачеве	1773
47	Ижбулатов Юсуп	переводчик	казанский татарин	1715
48	Иманов Артамон	переводчик	коллежский регистратор	1762—1774
49	Исменеев Мамлют	толмач	тобольский служилый татарин	1768
50	Исламов Муртаза	толмач	Мишарь Исетской провинции, мулла, писарь при Вали хане	1784—1788
51	Каменев Алексей	толмач	уфимский конный казак	1735—1737
52	Карабаев Абдрахман	переводчик	Астраханская канцелярия	1742—1743
53	Карман Герасим	толмач	драгун Шешминского полка	1735
54	Касимов Сеит	толмач	Каргалинский татарин, мулла, писарь при Айчувак-хане	1758—1777
55	Киржацкий Иван	переводчик		1767—1772
56	Кирилов Семен	толмач		1735
57	Кислой Иван	толмач	татарин	1745
58	Константинов Андрей	переводчик	коллежский советник	1784—1793
59	Кулмаметев Сабанак	переводчик		1776
60	Кулмаметов Аней	переводчик	тобольский юртовский бухаретин	1752
61	Куравский Василий	толмач		1774
62	Кучеяров Маметияр	толмач	Служил при Омской крепости, тобольский татарин	1770—1787
63	Ласков Петр	толмач		1762
64	Лобиков Григориий	толмач		1766
65	Максютов Иван	переводчик	князь, служил при канцелярии Оренбургской комиссии	1736—1743
66	Максютов Николай	переводчик		1743
67	Мамешугуров Есуп	толмач	татарин, ахун	1743

Продолжение табл.

№ п/п	Персоналия	Должность	Дополнительная информация (при наличии): этническая принадлежность, место службы, духовное звание	Годы*
68	Мамлин Киленей	толмач	тобольский служилый татарин, мулла, писарь при Конкожа-султане с 1780 г.	1771—1790
69	Маркович Петр	переводчик	татарин	1778
70	Мартазин Мансур	переводчик	башкир	1761
71	Мамбетов Мунасып	толмач	Мишарь Исетской провинции, писарь при Абылай хане	1760—1769
72	Махмет	толмач	князь	1758
73	Махмутов Иван	переводчик	князь	1739
74	Милушев Мухамет	толмач	драгун, толмач при генерал-поручике Н. Г. Огареве	1788
75	Минеев Дмитрий	толмач	житель Юговских казенных заводов	1774
76	Муратов Илья (Ильяс)	переводчик	мурза, служил при Оренбургской пограничной канцелярии	1791
77	Муратов Лука	переводчик	Коллегия иностранных дел	1792—1803
78	Мутовкин Ларион	толмач		1737
79	Назаров Бака	толмач	тобольский юртовский служилый татарин	1718
80	Найденов Федор	толмач	драгун Оренбургского полка	1736—1740
81	Неустроев Богдан	толмач	тобольский татарин	1715
82	Никитин Иван	толмач	драгун Сибирского полка	1737
83	Нурмухаммедов Алмухаммет	толмач	Казанский ясачный татарин, мулла, служил писарем при Абулхаире до 1748 г., затем при Нурали	1738—1771
84	Ориков Козьма	толмач	служилый мещеряк	1737
85	Богданов Осман	переводчик	мурза, князь	1738
86	Петр Григорьев	толмач		1718
87	Прасолов Леонтий	толмач, переводчик	при Оренбургской губернской канцелярии числился толмачом, при Уфимской провинциальной канцелярии — переводчиком	1748—1766
88	Пулатов Азамат	толмач	мишарь из Исетской провинции, мулла, писарь при хане Абылае	1758—1759
89	Родионов	переводчик		1780
90	Савин Герасим	толмач		1737
91	Сапожников Семен	толмач	яицкий казак	1740
92	Сеин	толмач	мулла	37
93	Сергеев Иван	толмач, переводчик	с 1786 г. служил переводчиком при Оренбургской экспедиции пограничных дел, с 1804 г. — губернский секретарь	1785—1803
94	Сияшев Аббас	толмач	башкир Ногайской дороги, мулла, писарь при Нурали-хане с 1759 по 1786	1759-1794
95	Стариков Дементий	толмач	Уфимская провинциальная канцелярия	1760
96	Суханов Данила	татарский ученик		1771
97	Сюлейманов Абдулхалик	толмач	мулла, писарь при Айчувак-хане	1794
98	Тевкелев Алексей Иванович (Мамед-мурза, Кулмухаметь-мурза)	переводчик	переводчик Коллегии иностранных дел, полковник, бригадир, генерал-майор, помощник начальников Оренбургской комиссии и первого губернатора Неплюева	1720-е — 1766
99	Толмачев Василий	толмач		1770—1772
100	Тонкачеев Муса-мурза	переводчик	Астраханская губернская канцелярия	1773—1777
101	Третьяков Василий	толмач	отставной солдат, служил при Уфимской провинциальной канцелярии	1743—1761
102	Третьяков Федор Иванов	толмач, с 1769 г. переводчик	уфимский дворянин, толмач, в 1769 — переводчик, коллежский регистратор	1759—1775

Окончание табл.

№ п/п	Персоналия	Должность	Дополнительная информация (при наличии): этническая принадлежность, место службы, духовное звание	Годы*
103	Трофимов Антон	толмач, переводчик	Исетская провинциальная канцелярия	1766—1773
104	Турченинов Александр	переводчик	регистратор	1745—1762
105	Турченинов Мустофа	переводчик		1730—1732
106	Тусмаметев Енбакей	толмач	тобольский служилый татарин	1763—1778
107	Уразлин Михаил Иванов	переводчик	татарин, служил при Оренбургской губернской канцелярии	1761
108	Уразлин Роман	переводчик	мурза, служил при Уфимской провинциальной канцелярии, с 1737 г — Оренбургской комиссии	1734—1742
109	Уразметев Надыр	толмач	татарин, сотник д. Надыровой Уфимского уезда, мулла	1735—1737
110	Уразметев Таздин	толмач	табынский конный казак	1737
111	Ураков Килмуххамет	переводчик	Уфимская провинциальная канцелярия	1730-е — 1745
112	Урмекеев Аитмет	толмач	бухарец	1718
113	Усаев Канзафар	толмач	мишарский сотник, полковник Салавата Юлаева	1774
114	Усманов Ягуда	толмач	мурза, мулла, служилый мищарь Исетской провинции, писарь ханов Абылая и Вали	1778—1809
115	Феткуллин Губайдулла	толмач	татарин, писарь при Есим-хане	1797
116	Халпеть	толмач	тобольский юртовский бухаретин, мулла	1715
117	Хальфин Сагитт	переводчик	Казанская канцелярия	1773
118	Чурагул	толмач	татарин Казанского уезда	1774
119	Чучалов Петр	переводчик	переводчик Оренбургской губернской канцелярии с 50- х гг., титулярный советник с 70-х гг., надворный советник с 1785 г., правитель губернской канцелярии, секретарь Оренбургской экспедиции пограничных дел	1755—1785
120	Шульгин Илья	толмач	казак Ямышевской крепости,	1745
121	Юсупов Ибрай	толмач		1736—1737
122	Ясырев Василий	переводчик	Оренбургская экспедиция пограничных дел	1794—1804
123	Яковлев Андрей	переводчик	капитан, служил при Оренбургской комиссии	

Источники приложения: Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4, 5 / сост. Н. Ф. Демидова. Москва : Изд-во АН, 1956—1960; Материалы по истории Башкортостана. Т. 6 / сост. Н. Ф. Демидова ; под ред. Н. В. Устюгова. Уфа : Изд-во АН, 2002; Материалы по истории Казахской АССР (1785—1828). Т. 4 / под рук. М. В. Вяткина. Москва ; Ленинград, 1940; Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675—1821 гг. : сб. док. : в 2 т. / сост. И. В. Ерофеева, Алматы : АБДИ Компани, 2014.

Список литературы

1. Бейсембиев, Т. К. Среднеазиатский (чагатайский) юрки и его роль в культурной истории Евразии (взгляд историка) / Т. К. Бейсембиев // Тюркологический сборник. 2006. Москва, 2007.

2. Веселовский, Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России / Н И. Веселовский. Санкт-Петербург : Тип. Пантелеевых, 1879.

3. Ерофеева, И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик / И. В. Ерофеева. Алматы, 1999.

4. Исследования по истории Башкирии XVII—XIX вв. / под ред. С. М. Васильева, Х. Ф. Усманова. Уфа, 1973.

5. Куненков, Б. А. Переводчики и толмачи Посольского приказа во второй четверти XVII в.: функции, численность, порядок приема / Б. А. Куненков. URL: http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=50 (дата обращения: 12.03.2020).

6. Султангалиева, Г. Деятельность башкирских переводчиков и письмоводителей в Казахстане в процессе взаимодействия культур (XVIII—XIX вв.) / Г. Султангалиева. Уфа, 2005.

7. Татарский энциклопедический словарь. Казань : Ин-т Татарской энциклопедии АН РТ, 1998.

8. Трепавлов, В. В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. / В. В. Трепавлов. Москва, 2007.

9. Хисамова, Ф. М. Татарский язык в восточной дипломатии России XVI—XIX вв. / Ф. М. Хисамова. Казань, 1999.

Сведения об авторе

Осипова Яна Вячеславовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. *yana_osipova@mail.ru*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 7—19.

«Lost in translation»: translators as mediators of cultures on the southeastern border of the Russian empire in the 18th century

Ya.V. Osipova
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. yana_osipova@mail.ru

The interaction problem of the imperial center and the periphery, as a whole of cultural contacts in multiethnic areas, has many aspects, one of which is linguistic. Traditionally, the territory of the South Ural is a Turkic-speaking zone.

In the South Ural in the 18th century, translators were intermediaries between the Russian administration and local ethnic groups: Bashkirs, Tatars, Kazakhs and other peoples. The article discusses competencies, functioning problems, ethnic composition, denominational affiliation of such groups as translators and interpreters. The Appendix was compiled on the basis of information from the paperwork which collected brief data on more than 100 representatives of this social category.

Keywords: *empire, integration of foreign-language territories, cultural contacts, translators, interpreters, Southern Urals in the eighteenth century*.

References

1. Bejsembiev T.K. Sredneaziatskij (chagatajskij) jurki i ego rol' v kul'turnoj istorii Evrazii (vzgljad istorika) [Central Asian (Chagatai) yurki and its role in the cultural history of Eurasia (historian's view)] // *Tyurkologicheskij sbornik* [Turkic collection], 2006. Moscow, 2007. (In Russ.).

2. Veselovskij N.I. *Svedenija ob oficial'nom prepodavanii vostochnyh jazykov v Rossii.* [Information about the official teaching of oriental languages in Russia]. St. Petersburg, Tipografija Panteleevyh, 1879. (In Russ.).

3. Erofeeva I.V. *Han Abulhair: polkovodec, pravitel' i politik.* [Khan Abulkhair: commander, ruler and politician]. Almaty, 1999. (In Russ.).

4. *Issledovanija po istorii Bashkirii XVII—XIX vv.* [Studies on the history of Bashkiria XVII—XIX centuries]. Ufa, 1973/ (In Russ.).

5. Kunenkov B.A. *Perevodchiki i tolmachi Posol'skogo prikaza vo vtoroj chetverti XVII v.: funkcii, chislennost', porjadok priema* [Translators and interpreters of the Ambassadorial order in the second quarter of the 17th century: functions, numbers, admission order]. Available at: http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=50, accessed 12.03.2020. (In Russ.).

6. Sultangalieva G. *Dejatel'nost' bashkirskih perevodchikov i pis'movoditelej v Kazahstane v processe vzaimodejstvija kul'tur* (XVIII—XIX vv.) [Activity of Bashkir translators and writers in Kazakhstan in the process of interaction of cultures (XVIII—XIX centuries)]. Ufa, 2005.(In Russ.).

7. Tatarskij jenciklopedicheskij slovar' [Tatar Encyclopedic Dictionary]. Kazan', Institut Tatarskoj jenciklopedii AN RT, 1998 (In Russ.).

8. Hisamova F.M. *Tatarskij jazyk v vostochnoj diplomatii Rossii HVI HIH vv.* [Tatar language in the eastern diplomacy of Russia of the 16th and 19th centuries]. Kazan': 1999. (In Russ.).

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2020. № 1. С. 20—26.

DOI 10.24411/2542-0275-2020-0102

Финансовая история Благовещенского завода Дашковых (вторая половина XIX — начало XX века)

М. И. Роднов
Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00015

Исследуется экономическое развитие Благовещенского завода Уфимской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. с использованием финансовых источников, документации Уфимского отделения Волжско-Камского коммерческого банка с 1873 по 1906 гг. Методологией работы является сопоставление валовых объемов выплавки меди, производства иной продукции с оборотом капиталов на текущих счетах владельцев завода братьев Андрея и Дмитрия Дашковых, через которые осуществлялись безналичные переводы денег, расчеты с покупателями и поставщиками.

Основные результаты исследования показывают успешную модернизацию бывшего медеплавильного завода к условиям рыночной экономики. Обороты капиталов Дашковых стабильно увеличивались, а банкротство предприятия связано исключительно с нежеланием наследницы сохранять производство.

Ключевые слова: *экономика, финансы, банки, промышленность, Южный Урал, Уфимская губерния, модернизация, история бизнеса.*

Давней традицией, уходящей в народническо-либеральную литературу пореформенного периода, стала доминирующая негативная оценка посткрепостнической эпохи для горнозаводской промышленности Урала. В советское время это превратилось в шаблон — отсталые крепостники не умели управлять, не приспосабливались к новым рыночным условиям, производство падало, предприятия разорялись, народ страдал под загадочными феодальными пережитками.

Основными критериями подобной оценки опять-таки с подачи дореволюционной историографии являлись два основных фактора: показатели выплавки металла (иные валовые объемы производства) и нарративные источники — живописания кризиса, выходившие из-под пера публицистов.

Но установленные к началу XIX в. показатели отчетности о выпуске металла и пр., по которым определялось государственное налогообложение, в рыночной экономике являлись уже весьма приблизительными данными. В капиталистическом предприятии основным критерием успешности или неуспешности выступает финансовая отчетность. Не в чушках и пудах, а в рублях измеряется рентабельность, доходность заводов.

Тем более нельзя забывать о коммерческой тайне и не сохранившихся внутренних архивах предприятий/заводовладельцев. Куцые сведения официальной государственной статистики лишь самым приблизительным образом позволяют понять состояние бизнеса.

Новым источником, который дает возможность увидеть именно итоговые финансовые показатели деятельности предприятий Урала, являются материалы частных банков, через которые проходило их кредитование, расчеты с поставщиками и покупателями.

В уральской историографии Ю. А. Буранов, Л. В. Сапоговская [Буранов, Сапоговская] и некоторые другие привлекали значительные массивы финансовых источников. Современные екатеринбургские исследователи почти не обращают внимания на архивы частных банков, хотя только Волжско-Камский банк имел свои отделения в Перми, Екатеринбурге, Оренбурге и пр. (годовые отчеты которых лежат по порядку в РГИА[1]).

Стереотипное восприятие упадка горнозаводской промышленности в пореформенную эпоху, особенно исчезнувшей медеплавильной на Южном Урале, ярко видно на примере Благовещенского завода, лежавшего к северу от Уфы.

Это был самый северный медеплавильный завод Оренбургской (с 1865 г. Уфимской) губернии. На 1861 г. завод принадлежал Елизавете

[1] Сохранились годовые отчеты Екатеринбургского отделения с 1871 по 1916 гг. [РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 192—263], Оренбургского с 1884 г. [Там же. Д. 612—645], Пермского с 1873 г. [Там же. Д. 654—703], а также Вятского, Курганского, Уржумского и др.

Васильевне Дашковой (1809—1890), затем предприятие (округ) унаследовали сыновья Дмитрий [о нем см.: Овчинников] (1831—1901) и Андрей (1833—1904) Дмитриевичи Дашковы. В 1870-е гг. в Благзавод (народное название) сначала переезжает из Рязанской губернии на постоянное жительство Д.Д. Дашков, затем брат Андрей [Роднов, 2017а, с. 178—186] (хотя последний посещал завод и ранее). Оба остались холостыми. У каждого имелся собственный особняк на общей усадьбе в Благзаводе.

Благовещенский медеплавильный завод в наибольшей степени столкнулся с кризисными явлениями. Если в 1861 г. здесь было произведено 11 207 пуд. меди, то в 1860-е гг. выплавка сократилась до 2—3 тыс. пуд., в 1879 г. было получено 4354 пуда, последний максимум производство достигло в 1882 (5116 пуд.) и 1883 гг. (6350 пуд.), затем оно падает — 1172 пуда (1884 г.), 2717 (1885 г.), 1467 (1886 г.), 1910 (1887 г.), 2800 (1888 г.), 1110 (1889 г.) и 2246 пудов в 1890 г. [Черноухов, с. 180—183].

Доставка руды гужевым транспортом с истощавшихся Каргалинских рудников под Оренбургом (около 300 верст) стала крайне дорогой и в 1888 г. ввоз сырья оттуда прекратился. Попытки разрабатывать бедные месторождения меди в Уфимской губернии не дали результата, выплавка неуклонно падала, в 1893—1895 гг. она составляла всего 538, 831 и 275 пуд [История Башкортостана, с. 207]. Эти данные, казалось бы, полностью подтверждают теорию упадка посткрепостнической, «полуфеодальной» промышленности.

Более того, именно на примере Благзавода А. В. Черноухов проиллюстрировал кризис уральской металлургии, приведя записку Д. Д. Дашкова, в которой владелец Благовещенского завода обрисовал причины упадка отрасли [Черноухов, с. 96—97]. Красок добавляют мемуары народника С. Я. Елпатьевского, отбывавшего ссылку в тех краях. Отметим, что источником в обоих случаях является мнение Дмитрия Дмитриевича Дашкова, известного либерального земца, а не брата-предпринимателя[1].

«Мне казалось, что Дашков сам чувствовал тщету, бесплодность своей жизни, и оттого сумрачная печаль лежала на его лице, и скептический пессимизм звучал в его разговорах со мной. Я раз предложил ему вопрос — почему он не закроет завод, дающий убыток. Дашков ответил: “А что же будут делать рабочие, особенно старики, отвыкшие от крестьянского труда?”» [Елпатьевский, с. 108]. Народник Елпатьевский вообще нарисовал образ заводчика-благотворителя, который из любви к пролетариату содержит убыточное предприятие.

Подобная оценка кризиса посткрепостнической уральской промышленности (на примере Благзавода) стала хрестоматийной. Чрезмерно критический образ деятельности братьев Дашковых приведен и в моей работе, хотя подробные описания Благовещенского завода показывают большое налаженное хозяйство [Роднов, 2017а, с. 180—186].

Привлечение финансовой документации из отчетов Уфимского отделения Волжско-Камского коммерческого банка (далее ВККБ) рисуют совершенно другую картину. Открытое в ноябре 1873 г. отделение более 30 лет являлось единственным представительством частного (и одного из крупнейших в Империи) банка в Уфимской губернии, ему принадлежало примерно 60 % рынка финансовых услуг всего региона. Крупных предпринимателей в первую очередь привлекала возможность проводить безналичные расчеты по текущим счетам. Волжско-Камский банк создал широкую сеть провинциальных отделений, имелись банки-партнеры (как в Оренбурге и Челябинске), куда можно было быстро перевести любые платежи или получить деньги [Роднов, 2017б, с. 99—104].

И уже в 1874 г. простой текущий счет № 85 открывается на имя Дашкова, более того, он в первый же год входит в число крупнейших вкладчиков Уфимского отделения ВККБ, производивших безналичные платежи.

Далее в таблице приведены сведения об обороте капиталов на текущих счетах Дашковых с 1874 по 1906 гг. (не сохранились сведения за 1878, 1879, 1885, 1888, 1900 гг.). Оборот капиталов — это сумма актива и пассива, главный показатель финансовой деятельности банка. Для частного лица — это сумма поступлений на его текущие счета и перечислений с текущих счетов, на какую сумму предприниматель купил и продал, вместе. В банковой отчетности в графах стояло: сколько «прибыло» и «убыло» у вкладчика в конкретном году.

В таблице суммированы поступления и переводы, то есть сколько денег было перечислено со счета и сколько поступило в течение каждого года. Объединены простой текущий счет № 85 (закрыт в конце 1898 г.) и дополнительно открытый в 1882 г. специальный текущий счет № 26. Специальный текущий счет открывался, когда вкладчик оставлял в Уфимском отделении

[1] В записке же А. Д. Дашкова, которую опубликовал академик В. П. Безобразов, посещавший Благовещенский завод в 1867 г., дается более объективная, спокойная картина [см.: Гудков Г. Ф., Гудкова З. И., с. 375—379].

ВККБ пакет ценных бумаг в виде залога. По нему начислялся несколько больший процент, но, самое главное, обладатель такого счета мог осуществлять платежи, не дожидаясь поступления от партнеров денег, в размере открытой кредитной линии, естественно. Дашковы меняли стратегию, так, в 1903 г. закрывается специальный текущий счет под ценные бумаги, но одновременно открывается новый простой текущий счет № 790 под 2,5% годовых (на имя А. Д. Дашкова).

В таблице приводятся данные об обороте средств обоих Дашковых. Простой текущий счет изначально был открыт на имя Андрея Дмитриевича Дашкова (инициалы в банковской отчетности стали указывать с 1880 г.), но специальный текущий счет первые годы был на имя Дмитрия Дмитриевича Дашкова (в 1882—1884, 1886—1887 гг.). Но так как братья вели бизнес совместно, разделять их операции не имеет смысла. Однозначно лишь можно утверждать, что хозяйством занимался Андрей Дмитриевич.

Оборот капиталов Дашковых на текущих счетах Уфимского отделения Волжско-Камского коммерческого банка[1]

Год	Оборот (руб.)	Год	Оборот (руб.)
1874	35 491	1892	276 367,98
1875	140 677,6	1893	344 329,77
1876	63 678,4	1894	393 028,97
1877	108 986	1895	341 055,91
1880	99 208,29	1896	222 951,56
1881	43 240,2	1897	174 581,54
1882	40 187,7	1898	142 181,72
1883	93 205,87	1899	161 825,4
1884	58 180,19	1901	236 393,7
1886	175 035,67	1902	232 799,71
1887	98 487,21	1903	1 747 333,18
1889	133 024,05	1904	202 012,95
1890	222 417,41	1905	255 815,32
1891	214 649,24	1906	нет (остаток 43 640,27)

Материалы А. В. Черноухова об упадке медеплавильного производства и, тем более, рассуждения о кризисе Благовещенского завода не показывают реальную ситуацию на производстве. Сокращение до минимума выплавки меди в 1890-е гг., прекращение разработки истощенного Каргалинского месторождения в 1888 г. сопровождалось быстрым увеличением оборота капиталов. Андрей Дмитриевич Дашков уверенно осуществил модернизацию, приспособившись к реалиям рыночной экономики, тем более, что в 1888 г. в Уфу пришла железная дорога и расположенный недалеко от губернской столицы Благзавод использовал выгоды от круглогодичной транспортной коммуникации.

О внутренней перестройке производства на Благзаводе известно пока немного. В 1895 г. здесь трудилось всего около 30 чел., но братья Дашковы купили паровую машину и наладили отливку чугунных изделий, использовали каменный уголь, в 1903 г. Благовещенский завод выпустил 3088 пуд. чугунных отливок, было изготовлено 1923 пуд. стальных и железных изделий [История Башкортостана…, с. 207]. Кроме того, на Благзаводе возникло крупнейшее в Уфимской губернии кустарное производство веялок и, наверняка, между ремесленниками и заводом существовало взаимовыгодное сотрудничество.

Из описания за 1901 г. виден огромный хозяйственный комплекс Дашковых в Благзаводе и его окрестностях, центром которого являлось «громадное каменное двух-этажное здание», а в нем контора, слесарная, столярная, литейная, сборная, малярная, пять складов, магазин (склад) железа, магазин разных вещей, прежнее помещение медеплавильного завода и помещение трех «тюрбин» [Роднов, 2017а, с.182]. Наконец, подробные описания Благовещенского завода за 1901 и 1906 гг. показывают обширное сельское (и лесное) хозяйство. А. Д. Дашков умело использовал огромные земельные ресурсы, создав своеобразный агропромышленный комплекс.

Бизнес братьев Дашковых уверенно шел в гору. Если разбить данные таблицы по пятилетиям (без пропусков), то в первые два пятилетия с 1874 по 1886 гг. среднегодовой оборот капиталов братьев Дашковых составлял 90 и 82 тыс. руб., тогда как в 1887—1892 гг. — 189 тыс. руб., а в 1893—1897 гг. — уже 295 тыс. руб. Затем с 1898 по 1902 г. средний оборот капиталов на текущих счетах составил 193 тыс. руб.

В 1901 г. (1 октября) умирает первый из братьев — Дмитрий Дмитриевич Дашков, а в 1903 г. престарелый Андрей Дмитриевич Дашков, скорее всего, начинает готовиться к передаче наследства, для чего, наверняка, и был открыт новый простой текущий счет № 790. В том году на этот счет поступило свыше 1 млн руб., с него было перечис-

[1] Источники: РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1177. Л. 13 об.; Д. 1178. Л. 86 об.; Д. 1179. Л. 8; Д. 1180. Л. 76 об.; Д. 1183. Л. 82; Д. 1184. Л. 78; Д. 1185. Л. 78; Д. 1186. Л. 78, 81; Д. 1187. Л. 77, 79; Д. 1189. Л. 79, 82; Д. 1190. Л. 78, 81; Д. 1194. Л. 7 об., 12; Д. 1196. Л. 6 об., 10; Д. 1197. Л. 75 об., 79; Д. 1198. Л. 75 об., 78; Д. 1200. Л. 7 об., 11; Д. 1202. Л. 7 об., 11; Д. 1203. Л. 71 об., 75; Д. 1205. Л. 9, 12; Д. 1206. Л. 73, 75; Д. 1208. Л. 15, 19; Д. 1210. Л. 17; Д. 1212. Л. 87; Д. 1213. Л. 80; Д. 1214. Л. 90а, 92; Д. 1215. Л. 104 об.; Д. 1216. Л. 122; Д. 1217. Л. 182 об.

лено 679 тыс. руб., остаток составил 325 тыс. руб. Можно предположить, что оборот капиталов за 1903 г. в 1,75 млн руб. — это и есть близкая к действительности стоимость всех активов Благовещенского завода (или свыше 2 млн руб., с землей и аграрным производством).

Хотя 7 августа 1904 г. последний хозяин Благзавода Андрей Дмитриевич Дашков умирает [Материалы: С.103, 106][1], текущий счет на его имя функционировал весь следующий год, остаток в 44 тыс. руб. хранился в течении 1906 г.

Одинокий престарелый владелец предприятия заблаговременно начал готовиться к ликвидации, земля продавалась местным крестьянам и удельному ведомству, А. Д. Дашков планировал открыть в заводе техническое и сельскохозяйственное училища, передать для них фабричные сооружения, землю и капитал земству. Но планам не суждено было осуществиться, Андрей Дмитриевич умирает, а «имение его по наследству перешло к дальней родственнице княгине Е. А. Радзивилл.

Сама Радзивилл живет постоянно за границей, откуда ни разу не приехала[2], чтобы взглянуть на наследство, прислав своих управляющих Головинского и Бублевского. Но и с наследством оказалось не все просто. Три года судебный следователь вел дела «о подлоге духовного завещания А. Д. Дашкова и другое о расхищении денег, документов и ценностей во время его кончины»[3]. Княгиня Е. А. Радзивилл обвинила в составлении подложного завещания от имени А. Д. Дашкова бывшего управляющего И. П. Вдовина[4].

Наследница совершенно не собиралась заниматься хозяйством, единственной ее целью изначально стало банкротство предприятия и «вывод активов». Екатерина Адамовна (урожденная Ржевусская) торопилась, ведь еще 22 марта 1903 г. Санкт-Петербургский окружной суд выписал исполнительный лист на арест ее имущества за долг в 10 тыс. руб. перед прусским подданным Августом Бехтером. Как только она унаследовала Благовещенский завод, судебные органы тут же взялись за взыскание задолженности и 28 ноября 1906 г. пристав Уфимского окружного суда Боровский по исполнительному листу из Петербурга проводит опись имущества в Благовещенском заводе[5]. Без сомнения, престарелый Андрей Дмитриевич Дашков не испытывал иллюзий насчет своей племянницы, не случайно он не предпринимал попыток акционировать предприятие.

В итоге в Уфе 14 июня 1907 г. состоялся аукцион и оставшуюся недвижимость приобрело Уфимское отделение Крестьянского поземельного банка. «Этот день был настоящим испытанием для жителей завода и надолго останется в их памяти». Население боялось, что земля и последние постройки достанутся «купцам эксплоататорам». Задолго до прибытия парохода из Уфы, на котором возвращались общественные уполномоченные, «пристань буквально была запружена народом», который замер, ожидая новостей.

«В это время кто-то из присутствовавшей интеллигенции драматично произнес: «Вот картина, достойная кисти великого художника-драматурга!»», тут «показались улыбающиеся уполномоченные, и их веселое настроение быстро передалось толпе», разнеслась радостная весть: «Банк купил, банк!»[6]

Чувства жителей Благзавода были понятны, ведь на их глазах управляющие княгини Радзивилл уничтожали производство. Они 27 июля 1905 г. заключили договор с фирмой Фрейдберг и К° из Ростова-на-Дону, которая специализировалась на банкротствах. Она купила чугунные и железные изделия, механические части завода, металлы, машинный лом, плиты, якоря, формы и пр., отбирая годное, по цене 35 коп. за пуд. Более ценное оборудование продавалось по договорным ценам. Фирма подгоняла к Благзаводу баржи и грузила металлолом, часть машин купили уфимские предприниматели[7].

Уфимские журналисты не жалели красок: «Громадное здание Благовещенского завода угрюмо и молчаливо смотрело на окружающую его природу: не слышалось стука машин, не кипела жизнь внутри его и сигнальный свисток давно уже не волновал сердца заводских. Ни одной машины, ни одной мало-мальски ценной вещи не оставила в стенах здания властная и все опустошившая длань наследника; даже провода для электрического освещения, когда-то так оживлявшего вечерний тяжелый труд рабочих, исчезли и провалились в той же бездонной пропасти».

Разруха была везде, погибал фруктовый сад, развалинами смотрели оранжереи. «Большинство растений было вырыто с корнем и увезено из сада купившими их». Растаскивались конюшни, курятник и «тощий, серый лохматый пес лежал около своей конуры и по старой привычке сторожил эти жалкие остатки прежнего добра. Он даже не

[1] На странице 106 ошибочно указано, что Д. Д. Дашков скончался 1 октября 1906 г. — он умер в 1901 г.

[2] Но среди старожилов сохранились предания о ее визите в Уфу.

[3] Вестник Уфы. 1907. 28 июня, 13 июля.

[4] Там же. 14 июля.

[5] Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-336. Оп. 1. Д. 3098. Л. 1—2 об.

[6] Вестник Уфы. 1907. 4 июля.

[7] Там же. 13 июля.

залаял на нас». «Что можно было взять и увезти, — все продано, взято и увезено на барках какими то купившими все оптом двумя евреями, приехавшими издалека»[1].

Примечательно, но в разгоревшейся на страницах уфимской прессы дискуссии, один из управляющих, лихо банкротивших предприятие, Ф. Головинский, использовал либерально-народнические аргументы: только «в целях поддержания мастерового люда Дашков содержал завод, который приносил ему убытки»[2].

Однако финансовая документация рисует иную картину. У Дашковых на текущих счетах постоянно оставались очень большие остатки, переходившие на следующий год, чего у большинства предпринимателей не наблюдалось. Так, в 1893 г. остаток составлял 80 377 руб. 54 коп.[3] Финансовые показатели Дашковых сводились с профицитом.

Таким образом, использование устаревшей, «валовой» отчетности, а тем более хлесткого нарратива либерально-народнических сочинителей, либо прямо заинтересованных в фейках «эффективных менеджеров» создает искаженный и весьма далекий от реальности образ состояния производства. Привлечение банковской документации позволяет приблизиться к пониманию действительного положения бизнеса.

Гибель Благовещенского завода являлась типичной ситуацией в Уфимской губернии. История бизнеса — история семьи. Не «объективные» экономические показатели, кризисы и подъемы той или иной «формации», а внутрисемейная обстановка играла решающую роль во многих случаях.

Крупное поместье дворян Языковых в Уфимском уезде (только выкупные платежи превышали 100 тыс. руб.) без малейших потрясений пережило отмену крепостного права. Но в 1874 г. в Симбирске умирает хозяин — Александр Михайлович Языков, который не увидел среди детей никого со способностями к предпринимательству и, видимо, поэтому разделил имение поровну между пятью сыновьями и четырьмя дочерьми. В результате, большинство наследников быстро обанкротились.

Огромный, крупнейший не только в Уфимской губернии, а, без сомнения, на всем Урале агропромышленный «холдинг» выслуживших дворянство Базилевских включал комплекс поместий и перерабатывающих предприятий, огромные массы зерна ежегодно вывозились к бельским пристаням. Этот «агрохолдинг» возник еще в 1840-е гг. и успешно просуществовал более полувека при трех собственниках (37 тыс. дес. земли на 1895 г.).

Но Федор Иванович Базилевский в конце жизни страдал «душевной болезнью», братец Виктор Иванович оформил новое завещание… на самого себя и, вступив в наследство в 1895 г., сразу начал процедуру банкротства, распродажи активов. За считанные годы огромнейшее сельскохозяйственное предприятие исчезло без остатка [Роднов, 2019, с. 125, 163, 164].

Подобных примеров множество. И в случае с Благовещенским заводом никаких кризисных явлений в реальности не наблюдалось, Андрей Дмитриевич Дашков умело руководил рентабельным многоотраслевым бизнесом, гибко приспосабливая его к меняющимся экономическим условиям. Наследница же «возиться» с заводиком не пожелала, вот и все «объективные» предпосылки банкротства. Историки России рубежа XX—XXI вв. подобные процессы имеют «счастье» наблюдать воочию.

Использование финансовой, банковской документации, к примеру уральских отделений Волжско-Камского коммерческого банка, уверен, позволит реалистичнее взглянуть на состояние уральской промышленности и торговли во второй половине XIX — начале XX вв., бизнеса вообще, избавиться от застывших историографических штампов.

[1] Уфимский край. 1907. 26 авг.

[2] Вестник Уфы. 1907. 13 июля.

[3] РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1200. Л. 11.

Список литературы

1. Буранов, Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861—1917 гг.) / Ю. А. Буранов. Москва : Наука, 1982. 261 с.

2. Гудков, Г. Ф. Из истории южноуральских горных заводов XVIII—XIX веков. Историко-краеведческие очерки. Ч. I / Г. Ф. Гудков, З. И. Гудкова. Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1985. 424 с.

3. Елпатьевский, С. Я. Воспоминания за пятьдесят лет / С. Я. Елпатьевский. Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1984. 360 с.

4. История Башкортостана во второй половине XIX — начале XX века : в 2 т. Т. I. Уфа : Гилем, 2006. 302 с.

5. Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича. Т. 2. Губернии и области Урала, Сибири и Дальнего Востока / изд. подг. Д. Н. Шилов. Санкт-Петербург Дмитрий Буланин, 2015. 592 с.

6. Овчинников, Н. Г. Дашков Дмитрий Дмитриевич как общественный деятель / Н. Г. Овчинников . Издание Н. Гр. Овчинникова. СПб.: Типо-литография М. П. Фроловой, 1905. 64 с.

7. Роднов, М. И. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север / М. И. Роднов. Уфа : АльфаРеклама, 2017. 204 с.

8. Роднов, М. И. Уфимское отделение Волжско-Камского коммерческого банка: начало истории (1873—1875 гг.) / М. И. Роднов. // Экономическая история/ 2016/17 : ежегодник. Москва : ИРИ РАН, 2017. С. 87—111.

9. Роднов, М. И. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в.: Забелье. Запад / М. И. Роднов. Уфа, 2019. 187 с.

10. Сапоговская, Л. В. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX—XX веков (к характеристике процессов монополизации) / Л. В. Сапоговская. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2007. 190 с.

11. Черноухов, А. В. История медеплавильной промышленности России XVII—XIX вв. / А. В, Черноухов. Свердловск : Изда-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.

Сведения об авторе

Роднов Михаил Игоревич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия. *rodnov@ufacom.ru*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 20—26.

Financial history of the Blagoveshchensk factory of the Dashkovs (the second half of the 19th — the early 20th centuries)

M.I. Rodnov

Federal state budgetary institution of science Institute for history, language and literature, Ufa scientific center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, rodnov@ufacom.ru

The article studies the economic development of the Blagoveshchensk factory of the Ufa guberniya in the second half of the XIX — the early XX centuries, using financial sources, documentation of the Ufa branch of the Volga-Kama Commercial Bank from 1873 to 1906. The methodology of the work is to compare the gross volumes of copper smelting and the production of products with the capital turnover on the accounts of the factory owners — brothers Andrey and Dmitry Dashkov, through which cashless money transfers and payments with buyers and suppliers were carried out.

The results of the study show the successful modernization of the former smelter to the conditions of market economy. The capital turnover of the Dashkovs steadily increased, and the bankruptcy of the enterprise was connected exclusively with the unwillingness of the heiress to keep production.

Keywords: *economy, finance, banks, industry, South Ural, Ufa province, modernization, business history.*

References

1. Buranov Yu.A. *Akcionirovanie gornozavodskoj promyshlennosti Urala (1861—1917 gg.)* [Corporatization of the mining industry of the Urals (1861—1917)]. Moscow, Nauka, 1982. 261 p. (In Russ.).

2. Gudkov G.F., Gudkova Z.I. *Iz istorii yuzhnoural'skih gornyh zavodov XVIII—XIX vekov. Istoriko-kraevedcheskie ocherki. CHast' I* [From the history of the South Ural mining plants of the XVIII — XIX centuries. Historical and local history essays. Part I.] Ufa, Bashkir Book Publishing House, 1985. 442 p. (In Russ.).

3. Elpatievsky S.Ya. *Vospominaniya za pyat'desyat let* [Memories of fifty years]. Ufa, Bashkir Book Publishing House, 1984. 360 p. (In Russ.).

4. *Istoriya Bashkortostana vo vtoroj polovine XIX — nachale XX veka: v 2 t. T. I* [The history of Bashkortostan in the second half of the XIX — early XX centuries: in 2 vols. Vol. I]. Ufa, Gilem, 2006. 302 p. (In Russ.).

5. *Materialy k «Russkomu provincial'nomu nekropolyu» velikogo knyazya Nikolaya Mihajlo-vicha. T. 2. Gubernii i oblasti Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Materials for the "Russian Provincial Necropolis" of Grand Duke Nikolai Mikhailovich. Vol. 2. Provinces and regions of the Urals, Siberia and the Far East. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2015. 592 p. (In Russ.).

6. Ovchinnikov N.G. *Dashkov, Dmitrij Dmitrievich. Kak obshchestvennyj deyatel'* [Dashkov, Dmitry Dmitrievich as a public figure]. St. Petersburg: Tipolithography by M.P. Frolov, 1905. 64 p. (In Russ.).

7. Rodnov M.I. *Dvoryanskaya usad'ba Ufimskogo uezda vtoroj poloviny XIX v. Vostok. Sever* [The noble estate of the Ufa district of the second half of the XIX century. East. North]. Ufa, Alpha Advertising, 2017. 204 p. (In Russ.).

8. Rodnov M.I. Ufimskoe otdelenie Volzhsko-Kamskogo kommercheskogo banka: nachalo istorii (1873—1875 gg.) [Ufa branch of the Volga-Kama Commercial Bank: the beginning of history (1873—1875)] // *Ekonomicheskaya istoriya. 2016/17* [Economic history. 2016/17]. Moscow, IRI RAS, 2017. P. 87—111. (In Russ.).

9. Rodnov M.I. *Dvoryanskaya usad'ba Ufimskogo uezda vtoroj poloviny XIX v.: Zabel'e. Zapad* [The noble estate of the Ufa district of the second half of the XIX century: Zabel'e. West]. Ufa, 2019. 187 p. (In Russ.).

10. Sapogovskaya L.V. *Gornozavodskaya promyshlennost' Urala na rubezhe XIX—XX vekov (k harakteristike pro-cessov monopolizacii).* [Mining industry of the Urals at the turn of the XIX — XX centuries (to the characterization of monopolization processes)]. Yekaterinburg, Bank of Cultural Information, 2007. 190 p. (In Russ.).

11. Chernoukhov A.V. *Istoriya medeplavil'noj promyshlennosti Rossii XVII—XIX vv.* [The history of the smelting industry in Russia XVII — XIX centuries]. Sverdlovsk: publishing house of the Ural University, 1988. 184 p. (In Russ.).

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2020. № 1. С. 27—35.

DOI 10.24411/2542-0275-2020-0103

Борьба со злоупотреблениями в потребительской кооперации Башкирии в период подготовки и проведения денежной реформы 1947 года

А. В. Антошкин
МАОУ «Гимназия № 2», Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия

На основе документов Национального архива Республики Башкортостан выявляется и анализируется комплекс злоупотреблений в кооперативной торговле Башкирии в период послевоенного восстановления народного хозяйства. В работе представлены эпизоды растрат, хищений, нецелевого использования товароматериальных и денежных средств в системе потребительской кооперации. Основой для статьи стали ранее не опубликованные статистические и делопроизводственные источники, впервые вводимые в научный оборот, в которых нашли отражение действия ревизионных и правоохранительных органов республики по борьбе со злоупотреблениями в сфере кооперативной торговли. В период подготовки денежной реформы 1947 г. значительно возросли товарные фонды, выделенные для системы потребительской кооперации Башкирии, что было необходимо для перехода от нормированного снабжения к открытой торговле без карточек. Однако для налаживания бесперебойной торговли в открытом режиме выделенных объемов продовольственных и промышленных товаров не хватало. Возникла необходимость усиления мер по защите кооперативной собственности в розничных и в оптовых звеньях потребительской кооперации. В ходе исследования установлено, что рост злоупотреблений в кооперативной торговле был во многом обусловлен неудовлетворительной кадровой политикой. Руководство потребкооперации столкнулось со значительными трудностями в деле комплектования кадрами торговых, заготовительных предприятий, а также ревизионных органов, что вело к найму в кооперацию как некомпетентных работников, так и криминальных элементов. Автор приходит к выводу, что совокупность правонарушений в системе потребительской кооперации Башкирии создала угрозу срыва планов товарооборота, негативно повлияла на налоговые отчисления в бюджет. Уровень потребления населения республики оставался низким, что противоречило целям реформы 1947 г.

Ключевые слова: *потребительская кооперация, торговля, растраты, хищения, товарооборот, нормированное снабжение, денежная реформа 1947 г., Башкирия.*

В период послевоенного восстановления народного хозяйства перед советской торговлей стояла важнейшая задача обеспечить переход от нормированного снабжения к открытой торговле без карточек. Такой переход был возможен только при значительном росте объема товарооборота по продовольственным и промышленным товарам. Однако из-за неурожая 1946 г. преодолеть дефицит в кротчайшие сроки не удалось. Продовольственных ресурсов для открытой торговли оказалось недостаточно, а промышленные товары зачастую отличались низким качеством и не соответствовали спросу населения республики. В таких условиях сохранность ограниченных объемов товаров в торговых системах от расхищения и различных форм нецелевого использования приобретала особое значение.

Исследование нацелено на раскрытие ряда важных направлений в деятельности потребительской кооперации в период подготовки и проведения реформы 1947 г. на территории Башкирии. С одной стороны, важно определить степень эффективности ревизионной работы в потребкооперации республики. С другой стороны, исследование злоупотреблений направлено на определение недостатков в развитии системы потребительской кооперации, которая сыграла важную роль в деле послевоенного восстановления народного хозяйства в рамках функционирования плановой экономики.

В 1946 и 1947 гг. темпы роста товарооборота опережали темпы роста денежных доходов населения, что благоприятным образом отражалось на размерах денежной массы в обращении. Но преодоление избытка денег в обращении только на основе роста товарооборота сильно бы затянуло переход к открытой торговле по единым ценам без карточек. Кроме того, такой путь был недопустим потому, что давал спекулятивным элементам, накопившим в годы войны большие суммы денег, возможность скупать товары по сниженным ценам в ущерб снабжению трудящихся [Дьяченко, 1978, с. 434]. Согласно официальной позиции партии и государства, в проблеме цен перекрещивались все основные экономические, а следовательно, и политические проблемы Советского государства[1]. Снижение цен способствовало

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / под ред. А. Г. Егорова. Т. 4. Москва : Политиздат, 1984. С. 138.

расширению внутреннего рынка для товаров государственной промышленности и тем самым вело к непрерывному развитию и укреплению советской промышленности [Майзенберг, 1953, с. 47].

В период войны потребительская кооперация в основном была сосредоточена на обслуживании сельского населения, а в городах ограниченные продовольственные ресурсы распределялись государственной торговлей и торговыми сетями ОРСов. В послевоенный период торговые сети государственной и кооперативной торговли постепенно приспосабливались для реализации возрастающих объемов товарной массы. Согласно четвертому пятилетнему плану рыночные фонды основных продовольственных товаров должны были возрасти в среднем по Советскому Союзу на 23 % против довоенного уровня, рыночные фонды важнейших промышленных товаров — в среднем на 36 %, объем розничного товарооборота — на 28 % (в сравнимых ценах)[1]. По данным официальной статистики товарооборот потребительской кооперации Советского Союза в 1950 г. достиг 98,5 млрд руб., что в два раза превысило довоенный показатель[2]. В послевоенный период розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли Башкирии последовательно возрастал с 1351,9 млн руб. в 1945 г. до 2469,9 млн руб. в 1947 г[3].

Однако статистические показатели не всегда отражали весь комплекс изменений, свойственный периоду послевоенного восстановления народного хозяйства. С целью скорейшего насыщения городских рынков республики качественной и недорогой сельскохозяйственной продукцией в структуре Башсоюза был выделен Кооптorг. Именно на данное подразделение потребкооперации были возложены функции по организации городской кооперативной торговли в Башкирии. Однако в работе Кооптorга практически с самого начала возникли значительные затруднения. 5 сентября 1947 г. Председатель Правления Башсоюза Г. И. Кибирев провел заседание, на котором были подведены итоги документальной ревизии Кооптorга Башсоюза. Обращаясь к стенограмме заседания, можно сделать ряд выводов о злоупотреблениях в городской кооперативной торговле. В акте было зафиксировано, что в кооперативной системе 90 % материально-ответственных лиц являлись жуликами и ворами, и только 10 % формально можно было отнести к категории честных работников. Так, из 83 материально-ответственных лиц 73 имели недостачи и растраты. В акте документальной ревизии было отмечено, что Кооптorг не осуществлял должного руководства торговой сетью[4]. Актом ревизии было зафиксировано умышленное создание излишков мяса, а сумма перебора с населения превысила 500 тыс. руб. Согласно указаниям Центросоюза, среднерыночные цены должны были быть ниже рыночных и не выше коммерческих. Однако в городской кооперативной торговле Башкирии фактически вместо снижения цен имело место только повышение.

Около полутора миллиона рублей городской кооперации приходилось на дебиторскую задолженность. Имелись просрочки выплат Госбанку, но платить было нечем. Расчеты были запутанными, потому что не сверялись и учитывались на разных счетах. Не было разноски по товароматериальной смете. Только в уфимском промтоварном магазине Кооптorга по состоянию на 1 июля 1947 г. с целью сокрытия растрат было заключено фиктивных сделок на сумму 200 тыс. руб[5].

Стройматериалы для ремонта торговых точек и для перепродажи населению покупались на рынке. Сметой рыночные цены не были предусмотрены, однако иначе ввести в строй новые торговые точки и отремонтировать старые не удавалось.

В выступлении на заседании Президиума Башсоюза представителя республиканского Совмина Галиуллина было отмечено, что, безусловно, в организационный период в Кооптorге могли быть недостатки, отдельные неурядицы, но не в таких размерах. Остался открытым вопрос о комплектовании лучшими работниками вновь организованной городской кооперативной торговли в Башкирии.

Работа с кадрами во многих случаях определяла успех в борьбе со злоупотреблениями. Зачастую слесари и токари приходили на работу в систему потребительской кооперации, однако руководству потребкооперации сложно было представить, чтобы токарь пошел работать за прилавок при средней зарплате в 300 руб. В Президиуме Башсоюза ясно осознавали, что это были изгнанные с производства люди, искавшие «теплого места»[6]. Следует отметить, что Башсоюз с Кооптorгом не работал в едином режиме. Во взаимодействии Кооптorга и Башсоюза нарастали конфликтные

[1] Советская торговля за 30 лет / под ред. М. М. Лифица. Москва : Госторгиздат, 1947. С. 139.

[2] Народное хозяйство СССР : стат. сб. Москва, 1956. С. 201.

[3] Народное хозяйство и культурное строительство Башкирской АССР : стат. сб. Уфа : Гос. стат. изд-во, 1959. С. 132.

[4] Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1215. Л. 5.

[5] Там же. Л. 6—7.

[6] Там же. Л. 12.

ситуации. Возникавшие вопросы Коопторг решал сразу через обращения в Центросоюз, не ставя в известность руководство Башсоюза. Например, Коопторг обращался в Центросоюз за установкой о ценах на яблоки. Так, в кооперативных магазинах яблоки продавались по цене 15 руб. за 1 кг, а у спекулянтов на рынках Уфы стоимость яблок доходила до 70 руб. Руководство Коопторга считало, что реализация яблок по низкой цене стимулирует перекупку и спекуляцию[1].

Работники кооперации исходили из представления о том, что в кооперативные магазины ходили одни спекулянты. В действительности на 10 человек городского населения, как правило, приходился один спекулянт. Однако кооперация ориентировалась именно на него, увеличивая цены из страха дальнейшей перепродажи продуктов питания на городских рынках.

В Коопторге сложилось совершено неадекватное положение с ценообразованием. Сельскохозяйственную продукцию закупали на рынке с последующей наценкой, процент которой устанавливался произвольно. Например, кооператоры Уфы закупили 145 кг свиного мяса по 35 руб., а продавали с наценкой 14, 16, 22, 0 % и даже в убыток. Яйца, закупленные в Охлебининском сельпо, продавались с наценкой 40 %, другие — с наценкой 70 %[2]. Данные факты являлись грубейшим нарушением принципов закупа и политики ценообразования в системе потребкооперации. При этом рядовые работники кооперации, как правило, не понимали сути допущенных ошибок.

В целом суммы растрат и хищений последовательно возрастали. Отчасти этому способствовал тот факт, что растраты и хищения выявлялись несвоевременно. Имели место факты соучастия в мошеннических схемах проверяющих органов. Например, в протоколах Президиума Башсоюза были зафиксированы претензии к работникам Госбанка, которые ревизовали Коопторг. Повторными проверками было установлено, что работники Госбанка сфальсифицировали акты о соблюдении финансовой дисциплины и выполнении положений кредитной реформы после получения от Коопторга мяса по ценам ниже рыночных. На основании изложенных фактов Президиум Башсоюза пришел к однозначному выводу о том, что в городской кооперативной сети работали люди, «не оправдавшие политического и делового доверия»[3].

С точки зрения руководства Башсоюза, борьба по охране кооперативной собственности, продуктов и товаров в Коопторге отсутствовала. Документы Башсоюза свидетельствуют о неспособности руководства потребительской кооперации обеспечить профессиональными и надежными кадрами Коопторг в порядке переброски из районов республики. Руководители потребкооперации считали, что если районных работников торговли посадить за прилавок в городе, то они цивилизованно вешать, считать и разговаривать с городскими покупателями не смогут. На наш взгляд, для подобной критики работников низовых кооперативных организаций достаточных оснований не было. Во многих районах Башкирии планы товарооборота выполнялись и перевыполнялись. Однако в городские кооперативные магазины нередко принимались на работу люди без профессионального образования и опыта работы. Например, в начале 1947 г. в систему кооперативной торговли перешли акушер-гинеколог с восьмилетним стажем и телеграфистка с пятилетним стажем. Такие сотрудники зачастую нарушали финансовую дисциплину просто из-за неспособности правильно подсчитать выручку.

Но главной проблемой Коопторга были растраты и хищения. Например, продавец Коопторга Дашкин был уличен в растрате 1318 руб., из них было погашено только 731 руб., а остальные 589 руб. остались не погашенными. Во втором квартале 1947 г. была вскрыта растрата еще 2 тыс. руб. И уже после официального отстранения от работы ему была выдана под отчет сумма в 6 тыс. руб. для открытия торговли на лесоскладе. За второй квартал 1947 г. ревизию провести не удалось, потому что в задачи ревизии не входило оформление бухгалтерских документов. За ревизию не брался ни один специалист, так как сначала требовалось восстановить учет. В результате ревизия шла три месяца с перерывами. Всего удалось вскрыть растрат и хищений на сумму 210 тыс. руб. В протоколе заседания Президиума после оглашения акта ревизии Председатель Башсоюза Г. И. Кибирев отметил: «Вот такой апофеоз при наличии бесконтрольности и самотека»[4].

Безусловно, в деле организации городской кооперативной торговли имели место и объективные трудности. Так, для успешных заготовок сельскохозяйственной продукции требовалась слаженная работа минимум 4 баз, через которые можно было бы создать устойчивый ассортимент. Однако у Башсоюза по плану 1947 г. имелось много иной работы: строилось 7 овощехранилищ, 30 магазинов в Стерлитамаке, Ишимбае, Белорецке[5]. При этом говорить о полном удовлетворении спроса

[1] Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1218. Л. 85.

[2] Там же. Д. 1215. Л. 15.

[3] Там же. Л. 17.

[4] Там же. Л. 20.

[5] Там же. Л. 21—22.

населения на промышленные и продовольственные товары даже при вводе в строй новых торговых точек не приходилось из-за перебоев в работе баз промышленности. Ввиду слабой заинтересованности в повышении качества продукции и расширении ассортимента и качество потребительских товаров было низким, а количество их — ограниченным [Ханин, 2008, с. 84].

В районах Башкирии организации потребительской кооперации также не отличались благополучием с точки зрения борьбы со злоупотреблениями. Для примера обратимся к справке о документальной ревизии Улу-Телякского райпотребсоюза за первое полугодие 1947 г. В райпотребсоюзе не выполнялось постановление Центросоюза от 18 декабря 1943 г. о работе с кадрами. Не оформлялись или оформлялись со значительными нарушениями личные дела, принимались на работу бывшие растратчики. Учет был поставлен плохо, балансы сдавались со значительным опозданием и отличались низким качеством. Во всех звеньях отмечались нарушения кассовой дисциплины. Райпотребсоюз брал по своему усмотрению деньги из выручки чайных, сельпо. Только из одной чайной за 5 месяцев было взято свыше 40 тыс. руб. Госбанку было выплачено за просрочку ссуд 8012 руб., а дебиторская задолженность возросла против 1 апреля 1947 г. на 66 442 руб[1].

Головной болью Улу-Телякского райпотребсоюза, как и всей кооперативной системы в целом, являлись растраты и хищения. Так, за первое полугодие 1947 г. было выявлено 45 200 руб. растраченных и расхищенных сумм. В то же время взыскали только 29 923 руб., а остаток с учетом растрат и хищений за прошлые периоды составил 109 114 руб. Правление принимало сомнительные документы от подотчетных лиц. Таких документов провели через бухгалтерию на 18295 руб. Имели место факты сокрытия растрат. Например, была скрыта растрата у заготовителя чайной Байбурина в 17 800 руб., у председателя сельпо Решетникова — 7700 руб., у товароведа Пугачева — 3062 руб. Сбежал заготовитель Нухов с имуществом заготовительной конторы на 10 500 руб., сбежал пекарь Иванов с недостачей муки в 895 кг[2].

Отпускался товар с базы разным лицам за наличный расчет, недостачи покрывались бестоварными счетами. Всего не было довезено товаров до потребителя на сумму 8847 руб. Кроме того, было роздано по незаконным распоряжениям руководства товаров на 37 913 руб. Руководитель райпотребсоюза Ярин присвоил товаров на сумму 3662 руб. Только за первое полугодие 1947 г. было «разбазарено» по разным распоряжениям 1652 кг хлеба. Зачастую в торговой сети продавалась мука, а плата взималась как за печеный хлеб. Велась незаконная торговля спичками. Расчет за спички с магазином производился по 20 копеек, а реализация шла через буфет чайной за 1 руб. Часть выручки продавцы сдавали заготовителю Байбурину на покрытие растраты[3].

Руководством потребкооперации принимались некоторые меры по борьбе с растратами и хищениями. Снимались с работы руководители, многие привлекались к уголовной ответственности. Имелось специальное решение бюро обкома ВКП(б) о злоупотреблениях в потребкооперации по 13 районам Башкирии. Однако эти меры не помогали. Башсоюз не мог найти хорошего работника на оклад 360 руб. Даже в центральной бухгалтерии потребкооперации инструктор получал зарплату только в 400 руб. При этом кооперативный работник должен был быть грамотным, иметь профессиональное образование и опыт работы.

В некоторых районах республики имели место факты содействия растратчикам со стороны руководства потребкооперации. Обратимся к протоколу заседания Президиума Башсоюза от 26 сентября 1947 г., на котором разбирались результаты документальной ревизии по Салаватскому райпотребсоюзу. За счет подсобного хозяйства было роздано сотрудникам хлеба в количестве 56 кг и сахара в количестве 573 кг. Кроме того, райсовету незаконно отпустили 40 кг муки и 13 кг карамели. Продукты эти выдавались работникам райсовета, когда они уезжали на заготовку сена, топлива, дров и стройматериалов[4].

Акт ревизии зафиксировал факты отпуска товаров по запискам на 2100 руб. В систему потребкооперации специально подбирали людей с имуществом, в том числе коммунистов. Считалось, что растраты должны прекратиться, однако этого не произошло. Салаватский район в республике считался самым отсталым в экономическом плане, что выражалось в том, что когда в торговую систему подбирали работников, то кандидаты, как правило, спрашивали не о ставке, а о том, как их будут кормить. Многие работники потребкооперации были уличены в систематических пьянках. Так как райпотребсоюз своего транспорта не имел, то кооператорам приходилось договариваться с первыми попавшимися шоферами. С железной дорогой дела обстояли еще хуже, начиная от

[1] Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1218. Л. 25.

[2] Там же. Д. 1218. Л. 89.

[3] Там же. Д. 1215. Л. 26.

[4] Там же. Л. 57.

сцепщика до проводника, всем приходилось давать часть товаров, иначе организовать завоз не получалось. Колхозы лошадей также не выделяли, а собственных машин у кооперации не было. В пути следования товары в значительном объеме разворовывались.

Следует отметить, что работники центрального аппарата Башсоюза также оказались замешаны в незаконном расходовании товаров, выделенных для Салаватского района. Например, Универсальная база выписывала шали, но вместо шалей выдала вощину. Район должен было получить 20 шалей, но получил 10 шалей и 48 кг вощины, а оставшиеся шали были проданы сотрудниками Башсоюза на рынках Уфы по высоким ценам[1].

Незаконные действия заключались в расходовании фондовых товаров, в том числе сахара, кондитерских изделий. Имел место отпуск товаров отдельным лицам по запискам, не состоящим на снабжении. Например, можно упомянуть 65 человек районного актива, которые помимо товаров, положенных по закону, при выездах в командировку дополнительно получали продукты из фондового планового снабжения. Ревизия установила, что 12 метров мануфактуры было отпущено главному врачу в качестве подарка на свадьбу. Имела место раздача картофеля по запискам, а когда пришло решение обкома и республиканского Совета министров о выдаче картофеля заводу, то райпотребсоюз вместо продуктов смог предъявить лишь списки и расписки о выдаче картофеля не по назначению. Списки были собраны, подшиты к делу и оформлены актом. Другим примером может служить выдача хлеба сторожам в порядке стимулирования. Значительные объемы хлеба выдавались руководству райпотребсоюза для незаконной продажи на базаре по рыночным ценам, что подтверждалось свидетельскими показаниями[2].

На станции Корпачево при снятии товарных остатков инструктором-ревизором, обнаружили нехватка соли в объеме 14 тонн. При проверке выяснилось, что руководство потребкооперации каким-то образом уговорило представителя Госстраха 5 июля 1947 г. списать соль, как утраченную в ходе наводнения. Однако летом наводнение в данном районе не отмечалось. В ходе расследования уголовного дела было установлено, что сотрудники Госстраха за составление фиктивных документов от работников потребкооперации незаконно получали водку. Кроме того, вскрыли махинацию, в ходе которой кооперативное начальство купило корову за 2160 руб. из расчета средней упитанности, а позже животное продали Таймеевскому сельпо за 3840 руб.[3], тем самым кооперативные средства стали объектом незаконного обогащения для руководства райпотребсоюза.

Только за период одной поездки за товарами до торговой сети не довезли 40 кг сахара, 85 кг рыбы, 100 пачек папирос, 79 штук туалетного мыла. Все эти товары были реализованы по рыночным ценам вне кооперативной сети. На случай ревизии были составлены авансовые отчеты на 4 тыс. руб.

В июне 1947 г. в Салаватском районе установили недостачу белья, платьев, спичек и мыла всего на 7 тыс. руб. Работники потребкооперации на рынке выручили за эти товары около 70 тыс. руб. Отсюда возник перерасход фондовых товаров и неполное снабжение контингентов, для которого предназначались эти товары. Балансы, предоставленные в Башсоюз, были сфальсифицированы, так как имел место факт сокрытия растрат.

В деле расходования продовольственных товаров отмечались факты нецелевого использования. Например, 20 тонн картофеля израсходовали бездокументарно, а когда был получен наряд для Белорецкого завода, то картофеля уже в наличии не было. При проверке выяснилось, что никакого учета на складе вообще не велось. Продукты хранились на полу, ни сторожей, ни ларей не было. Весовое хозяйство также находилось в неудовлетворительном состоянии. Ревизионная комиссия полноценных документальных ревизий не проводила, участвовала только в снятии товарных остатков и то недобросовестно. Повторные проверки Башсоюза установили, что для членов ревизионной комиссии со склада и раймага отдавались товары в кредит в больших объемах.

Рост злоупотреблений во многом был связан с тем, что на работу в потребительскую кооперацию принимались ранее судимые работники за имущественные и должностные преступления. Например, растратчик Хужин отбыл 5-летний срок за растрату и все равно его приняли на работу. Хотя имелось постановление об увольнении всех раннее судимых материально-ответственных лиц. На основании этих данных контролеры пришли к выводу, что в руководство сельпо сознательно подбирались ранее судимые за должностные и имущественные преступления, а от честных сотрудников освобождались, поскольку последние состояли в конфликтных отношениях с районным руководством, так как не давали возможности нарушать закон.

[1] Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1218. Л. 109.

[2] Там же. Л. 33.

[3] Там же. Д. 1215. Л. 60.

Зачастую руководители отдельных сельпо и райпотребсоюзов сами покровительствовали растратчикам или были соучастниками в этом деле. Например, внезапная ревизия в магазине Шкаповского сельпо Бижбулякского района обнаружила недостачу товаров на 5173 руб. Эта растрата скрывалась председателем сельпо Видинеевым путем механического увеличения остатка товаров после каждой ревизии. Руководство сельпо либерально относилось к растратчикам, своевременно не оформляло и не передавало дела в следственные органы.

Отметим, что работа по ликвидации растрат и хищений в сельпо республики была поставлена крайне неудовлетворительно. Об этом свидетельствовали данные проверок. В целом за 1947 г. по системе потребкооперации Башкирии выявили 1400 случаев недостач и растрат сумму более 5 млн руб. За этот же период удалось взыскать только 3 млн 400 тыс. руб. Отметим, что по сравнению с 1946 г. количество растрат и недостач в 1947 г. сократилось на 800 случаев и по сумме на 3 млн руб. Остаток невзысканных растрат на начало 1947 г. составлял 4,5 млн руб., а на конец 1947 г. — 4,3 млн руб., то есть остался почти на том же уровне. Остались не переданными в судебно-следственные органы дела на сумму 670 тыс. руб., что составляло 15 % от общего их количества. В судебно-следственных органах находились дела на сумму 2,7 млн руб. Кроме того, имелись исполнительные документы на сумму 1 млн руб[1].

Проблемы в потребительской кооперации Башкирии были связаны с плохой организацией контрольно-ревизионной работы. Согласно уставу потребкооперации, она осуществлялась по двум линиям. С одной стороны, органами общественного контроля пайщиков — ревизионными комиссиями сельпо и райпотребсоюзов, с другой стороны, специальным аппаратом ревизоров Башсоюза.

По документам Башсоюза в 1947 г. из 584 сельпо Башкирии ревкомиссии проверили только 140, что составило 24 %, а ревизоры и инструкторы райпотребсоюзов — 332 сельпо, то есть 57 %. Из 63 райпотребсоюзов республики ревизиями ревизионных комиссий было охвачено только 31, а силами аппарата Башсоюза — 25 райпотребсоюзов. Таким образом, в 1947 г. 14 райпотребсоюзов и 112 сельпо обревизованы не были[2].

Недостаточно проводилось внезапных ревизий в лавках и магазинах. Так, за год провели около 20 тыс. внезапных ревизий, что составило в среднем по 5—6 раз в год в одном торговом предприятии. В Ермекеевском и Караидельском районах в течение года не организовали ни одной ревизии. Контрольно-ревизионную работу и профилактические меры по предупреждению растрат и хищений неплохо организовали Бакалинский, Давлекановский, Кармаскалинский райпотребсоюзы, в которых подверглись проверке все сельпо. К примеру, в Кармаскалинском районе из 10 сельпо 8 не имели ни одной растраты.

Успешное выполнение хозяйственных задач требовало устойчивого и здорового финансового состояния кооперативных организаций. Однако в низовых звеньях отсутствовала экономия, зачастую игнорировались принципы хозрасчета. Не были изжиты факты отпуска товаров в кредит. Кроме того, ревизии фиксировали факты незаконного вложения средств в капитальное строительство. По всем звеньям потребкооперации допускался перерасход по издержкам обращения. Отмечались случаи, когда главные бухгалтеры сами нарушали финансовую дисциплину[3].

С официальной точки зрения социалистическое накопление являлось одним из необходимых элементов всемерного расширения потребления. В свою очередь рост потребностей, повышение платежеспособного спроса и увеличение потребления населения воспринимались как величайшая двигательная сила производства [Бачурин, 1955, с. 7]. Следовательно, выполнение доходной части и финансирование важнейших бюджетных мероприятий во многом зависело от выполнения обязательств торговли перед бюджетом.

Достаточно указать, что из общей суммы доходной части бюджета Башкирии в 876 млн руб. в 1948 г. требовалось получить отчислений от налога с оборота в сумме 280 млн руб., отчислений от прибылей государственной торговли — 12 млн руб. и подоходного налога с потребительской кооперации — 5,5 млн руб[4]. Таким образом, обязательства предприятий государственной и кооперативной торговли перед государственным бюджетом были очень велики.

Убыточность предприятий торговли, в том числе списание на убытки невзысканных растрат и хищений, создавала угрозу срыва плана отчислений в бюджет. Тем не менее нарушения финансовой дисциплины продолжались. Так, план накоплений за 8 месяцев 1948 г., установленный в сумме 15500 тыс. руб., был выполнен в размере 10890 тыс. руб., то есть только на 70 %. В целом по накоплениям система потребкооперации недобрала 4610 тыс. руб. Невыполнение плана нако-

[1] Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1215. Л. 62.

[2] Там же. Л. 65.

[3] Там же. Ф. П-122. Оп. 27. Д. 894. Л. 54.

[4] Там же. Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1249. Л. 63.

плений имело место по торговле, общественному питанию и транспорту. Последние две отрасли давали прямые убытки. Причины невыполнения плана накоплений крылись в перерасходе издержек обращения, а также в том, что в значительном количестве лавок отсутствовали в продаже товары, предусмотренные ассортиментным минимумом. Большое влияние оказывало бесхозяйственное ведение закупок товаров за пределами Башкирии, когда фактически производилась не закупка, а убыточная перекупка товаров у государственной торговли. К таковым можно отнести закупки Краснокамского райпотребсоюза в Молотове, Лысьве и Ижевске.

30 райпотребсоюзов Башкирии за первое полугодие 1948 г. вместо накоплений дали убытки. Например, Стерлитамак имел план накоплений в 22,8 тыс. руб., а в результате был получен убыток в 82,1 тыс. руб., Аургазы вместо накоплений в 40 тыс. руб. показал убыток в 20,1 тыс. руб.

Языковская чайная Благоварского района за первый квартал недобрала наложений на 15 тыс. руб. Кроме недобора наложения большие суммы списывались по недостачам и порче продуктов при хранении на складах. За первый квартал Буздякский райпотребсоюз списал на убытки 1773 руб., Чишминский — 7365 руб., Чекмагушевский — 3458 руб. Некоторые работники сельпо использовали чайные в корыстных целях. Например, председатель Табынкульского сельпо Аминев при рыночной цене на мясо 20-25 руб. за кг, сдал собственную овцу в чайную по 50 руб. за кг. Подобные действия приводили к искусственному удорожанию цен на блюда, к прямому обворовыванию потребителей и убыточности работы чайных[1].

Кадровые проблемы потребительской кооперации Башкирии преодолеть не удавалось. По данным отдела кадров Башсоюза всего за 9 месяцев 1948 г. сменилось 15,5 % номенклатурных работников. Растраты и хищения в системе потребкооперации по отдельным организациям не уменьшались, а увеличивались. За 9 месяцев 1948 г. вскрыли растрат и хищений на сумму 3212 тыс. руб. За то же время удалось взыскать только 1485 тыс. руб[2]. За перовое полугодие по собственному хозяйству Башсоюза было выявлено 64 случая на сумму 271 тыс. руб. По отдельным районам суммы растрат исчислялись шестизначными цифрами.

Растраты и хищения в системе потребительской кооперации по некоторым районам Башкирии за первое полугодие 1948 г. (в тыс. руб.)[3]

Район	Выявлено	Взыскано	Остаток на 1 июля 1948
Архангельский	121	9,3	126
Баймакский	101	59	97
Кармаскалинский	129	64,5	67
Кугарчинский	120	21	185
Альшеевский	80	29	52
Абзановский	63	19	83
Салаватский	50	27	45
Уфимский	78	41	171
Янаульский	78	22	75
Благоварский	62	11	—

Данные таблицы свидетельствуют о наличии крупных сумм растрат и хищений по системе потребкооперации в ряде районов Башкирии. В Кармаскалинском районе обнаружили растрат и хищений на сумму 129 тыс. руб., в Архангельском районе — 121 тыс. руб., в Кугарчинском районе — 120 тыс. руб. При наличии столь крупных сумм недостач следует обратить внимание на низкий процент взысканий с виновных лиц. Если в Кармаскалинском районе за первое полугодие 1948 г. удалось вернуть в кассу 64,5 тыс. руб., что составило 50 %, то в Архангельском районе аналогичный показатель равнялся 9,3 тыс. руб., что составило 7,7 % от растраченных и расхищенных сумм. Вместе с тем на неблагоприятное положение в деле взыскания растрат указывали чрезвычайно крупные остатки на 1 июля 1948 г., которые сформировались главным образом за счет непогашенных долгов за предшествующие периоды. Как правило, невзысканные суммы в течение полугодия признавались безнадежными и в дальнейшем списывались на убытки.

Далеко не все растраты и хищения выявлялись своевременно. За первое полугодие 1948 г. обревизовали 307 сельпо совхозных рабкоопов из 627, 35 райпотребсоюзов из 63. Всего надлежало охватить внезапными ревизиями за полугодие 12 978 предприятий, а фактически проверили только 6403 предприятия системы потребкооперации, то есть план внезапных ревизий был выполнен только на 49 %[4].

Многие ревизии в системе потребкооперации констатировали наличие крупных растрат и хищений. К примеру, в главной лавке Алексеевского сельпо Благоварского района при внезапной

[1] Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1248. Л. 166.

[2] Там же. Л. 175.

[3] Сост. по: НАРБ, Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1248. Л. 176.

[4] Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1248. Л. 177.

проверке в сентябре 1948 г. была обнаружена растрата в сумме 10 941 руб. Она долгое время скрывалась председателем ревизионной комиссии и главным бухгалтером. Против недостающей суммы в инвентаризационных ведомостях приписали бельевую синьку на 14 тыс. руб. Благоварский район являлся ярким примером рецидива распределительной системы. В кассе Языковского сельпо вместо денег оказались расписки, собранные за 3—4 месяцев на сумму 10 тыс. руб. В магазинах и лавках была обнаружена масса записок и списков на отпуск товаров отдельным лицам, тем самым на лицо факты нарушения принципов свободной торговли. По всему району практиковался незаконный мелколавочный кредит[1].

В 1948 г. среди наиболее пораженных растратами можно выделить Коопторг с суммой в 274 тыс. руб. и Универсальную базу Башсоюза — 192,4 тыс. руб., что составило 47 и 38 % от общей суммы растрат. Именно в этих двух организациях в учете и отчетности наблюдалась крайняя запутанность[2].

Некоторые итоги в борьбе со злоупотреблениями в потребительской кооперации республики были подведены на областном совещании торговых работников 9—10 июля 1948 г. В своем выступлении Министр финансов Башкирской АССР С.Ф. Валиев отметил, что проведенная в конце 1947 г. денежная реформа и отмена карточек на продовольственные и промышленные товары требовала дальнейшего закрепления достигнутых результатов реформы. В связи с этим предъявлялись повышенные требования ко всем отраслям народного хозяйства и особенно к государственной и кооперативной торговле. Увеличение товарных масс и всемерное расширение товарооборота должно было являться надежной основой закрепления результатов денежной реформы[3]. Реформа прошла в конце 1947 г., но и к середине 1948 г. в системах государственной и кооперативной торговли Башкирии порядок в финансовом хозяйстве навести еще не успели. С точки зрения республиканского Министерства финансов отдельные руководители потребкооперации недопонимали значения рационального использования средств для закрепления успехов денежной реформы[4]. Первостепенной причиной роста злоупотреблений считалось либеральное отношение со стороны вышестоящих органов к лицам, допускавшим нарушения.

При наличии укомплектованного состава ревизоров и общественного контроля в системе специального ревизионного аппарата в Башсоюзе и в райпотребсоюзах Президиум Башсоюза не сумел направить их работу на осуществление эффективного контроля над работой сельпо и отдельных торговых точек. Пользуясь этим, всякого рода случайные люди продолжали расхищать кооперативные средства. Исследуя недостатки в работе потребкооперации, некоторые исследователи обращали внимание на то, что деятельность кооперативов была забюрократизирована, многое делалось по прямому предписанию властей, годичный план определял каждому сельпо или потребсоюзу обязательный минимальный товарооборот [Билимович, 2005, с. 118]. Следовательно, причина роста злоупотреблений коренилась не в криминализации общества, а в отчетливой тенденции к огосударствлению советской потребкооперации.

Таким образом, проанализировав злоупотребления в системе кооперативной торговли Башкирии можно прийти к ряду выводов. Во-первых, растраты и разворовывание кооперативной собственности создавали угрозу выполнению плана товарооборота как в целом по системе потребительской кооперации, так и по отдельным райпотребсоюзам республики. Во-вторых, провал установленных заданий по продажам оборачивался дефицитом различных продовольственных и промышленных товаров. В-третьих, расхищалась наиболее ценная и востребованная продукция, что вело к засорению торговой сети неликвидами. В-четвертых, ревизионная работа в предприятиях кооперативной торговли не была поставлена должным образом, что подтверждается данными о повсеместном нарушении сроков проведения документальных и внезапных ревизий. Привлеченные к исследованию документы Башсоюза содержат множество фактов вскрытия растрат только после повторных ревизий. В-пятых, взысканные суммы лишь в малой степени компенсировали выявленные хищения, что негативно влияло на финансовое состояние потребительской кооперации.

[1] Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. П-122. Оп. 26. Д. 722. Л. 130.

[2] Там же. Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1248. Л. 307.

[3] Там же. Д. 1249. Л. 65.

[4] Там же. Ф. П-122. Оп. 26. Д. 722. Л. 132.

Список литературы

1. Бачурин, А. В. Прибыль и налог с оборота в СССР / А. В. Бачурин. Москва : Госфиниздат, 1955. 175 с.

2. Билимович, А. Д. Кооперация России до, во время и после большевиков / А. Д. Билимович. Москва : Наука, 2005. — 191 с.

3. Дьяченко, В. П. История финансов СССР (1917—1950 гг.) / В. П. Дьяченко. Москва : Наука, 1978. 494. с.

4. Майзенберг, Л. И. Ценообразование в народном хозяйстве СССР / Л. И. Майзенберг. Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1953. 262 с.

5. Ханин, Г. И. Экономическая история России в новейшее время. Т. 1 / Г. И. Ханин. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2008. 516 с.

Сведения об авторе

Антошкин Анатолий Васильевич — кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания Муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Гимназия № 2» городского округа город Стерлитамак, Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия. *aav151284@rambler.ru*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 27—35.

Combating malversations in consumer cooperation in Bashkiria during the preparation of the monetary reform of 1947

A.V. Antoshkin

Gimnasium No. 2, Sterlitamak, Bashkortostan, Russia. aav151284@rambler.ru

Based on the documents of the National Archive of the Republic of Bashkortostan, the article discloses and analyses malversations in cooperative trade in Bashkiria in the post-War period of economic revival. The paper looks into some bright examples of embezzlement, theft, misuse of goods and funds within the system of consumer cooperation. The article is based on yet unpublished statistical and bookkeeping records, which are first subjected to historical analysis. They contain information about the work of auditing and law-enforcement authorities of the Republic fighting malversations in cooperative trade. During the preparation of the monetary reform of 1947, there was a pronounced growth of the number of goods available to consumer cooperation in Bashkiria, which was necessary for the transition from rationing to open trade. However, the existing amount of goods was not enough for implementing fully functional open trade. Consequently, it was necessary to take strict measures to secure cooperative property both in wholesale and retail. The research showed that the growth of infringements in cooperative trade was largely due to inadequate staffing. The cooperative management faced great difficulties in selecting staff for trading, provisioning and auditing departments, which led to hiring incompetent workers, or even criminals. The author concludes that the number of infringements in consumer cooperation in Bashkiria threatened to undermine the fulfilment of the plans for increasing the goods turnover, negatively affected tax collection. This, in turn, led to a lower level of consumption in the Republic than the goals outlined in the monetary reform of 1947.

Keywords: *consumer cooperation, trade, embezzlement, theft, goods turnover, rationing, monetary reform of 1947, Bashkiria.*

References

1. Bachurin A.V. *Pribyl' inalog s oborota v SSSR* [Profit and Turnover Tax in the USSR]. Moscow, Gosfinizdat, 1955. 175 p. (In Russ.).

2. Bilimovich A.D. *Kooperatsiya Rossii do, vo vremya i posle bol'shevikov* [Cooperation in Russia before, during and after the Bolsheviks]. Moscow, Nauka, 2005. 191 p. (In Russ.).

3. Dyachenko V.P. *Istoriya finansov SSSR (1917—1950 gg.)* [The History of Finances in the USSR (1917 to 1950)]. Moscow, Nauka, 1978, 494 p. (In Russ.).

4. Mayzenberg L.I. *Tsenoobrazovanie v narodnom khozyaystve SSSR* [Pricing in the Economy of the USSR]. Moscow, State publishers for political literature, 1953. 262 p. (In Russ.).

5. Khanin G.I. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveyshee vremya. T. 1.* [The Economic History of Russia in the Modern Period. Vol. 1]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2008, 516 p. (In Russ.).

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

МЫСЛИТЕЛИ ДРЕВНЕГО МИРА

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2020. № 1. С. 36—41.

DOI 10.24411/2542-0275-2020-0104

Представления Сенеки о храбрости

С. С. Демина
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия

Вопрос о храбрости не является в произведениях Сенеки центральным. Этот римский автор затрагивает его, размышляя о страхе и гневе. Сенека дает три определения храбрости (fortitudo). В них он раскрывает ее сущность как добродетели (virtus) и ее значение для человека. По мнению Сенеки, храбрость не является тождеством абсолютного бесстрашия и безрассудных поступков, но она основана на разумной осторожности. Обычно страх ведет к бегству от опасностей. Иногда страх и гнев способны немного поднять дух, но они не могут вызвать добродетель, то есть привести к храбрым поступкам. Вопрос о пользе гнева, его способности порождать храбрость на поле боя представляется Сенеке очень важным. Согласно перипатетикам, гнев усиливает храбрость во время сражения, поэтому он полезен. Сенека категорически не согласен с этим мнением. В подтверждение своей точки зрения он приводит несколько аргументов. По мнению Сенеки, храбрость не только приносит победу на поле боя, но и обеспечивает самому храбрецу всеобщее уважение, а также внутреннюю свободу, самоуважение и счастье.

Ключевые слова: *Древний Рим, Сенека, храбрость (fortitudo), страх, гнев.*

Храбрость, как известно, была одним тех качеств, которыми, как считали древние римляне, должны были обладать как рядовые воины, так и полководцы [Телепень, 2011, с. 16; Махлаюк, 2013, с. 27—38; Васильев, 2018, с. 32, 34]. Рассуждая о различных добродетелях, античные авторы уделили внимание в том числе и этому качеству. Одним из них был Луций Анней Сенека Младший (ок. 4 г. до н. э. — 65 г. н. э.). В теоретических произведениях и «Нравственных письмах к Луцилию» он неоднократно обращался к характеристике храбрости. Анализ его представлений о ней является весьма важным, поскольку он позволит расширить научное знание не только о творческом наследии самого Сенеки, но и о тех духовных ценностях древних римлян, которые относились к военно-политической сфере.

Современные специалисты по истории Древнего Рима активно изучают понятие храбрости на материале различных исторических источников. Они отмечают, что в сознании римлян храбрость (fortitudo) являлась неотъемлемой частью доблести (virtus) [Махлаюк, 2000, с. 157, 208; Coulston, 2013, p. 14]. А. В. Махлаюк также указывает на рационалистический характер римского понимания храбрости, которая «противопоставляется безумию, одержимости, дерзости и легкомыслию» [Махлаюк, 2000, с. 158]. Уделено некоторое внимание и вопросу о том, какой смысл в понятие, обозначавшееся термином «fortitudo», вкладывал Цицерон [см.: Wallace-Hadrill, 1981, s. 302; Махлаюк, 2000, с. 129; Демина, 2014, с. 31—34].

Представления Сенеки о храбрости предметом отдельного исследования пока не были, однако в научных публикациях затрагивались некоторые вопросы, близкие к этой теме. Так, одни специалисты отмечают, что, по мнению этого римского автора, благодеяния, которые люди оказывают друг другу, способствуют установлению товарищеских связей, помогающих в старости и в печали, придающих человеку храбрости в противостоянии несчастьям [Motto, Clark, 1994, p. 44]. Другие исследователи, изучая представления Сенеки о гневе, констатируют тот факт, что, с его точки зрения, гнев как фактор, мотивирующий поведение, не приносит никакой пользы на войне [Inwood, 2000, p. 59; van Hoof, 2007, p. 65—66], он создает лишь видимость храбрости, скрывая в реальности трусость [Pajón Leyra, 2018, p. 19, 23]. Однако аргументации этого римского автора, объясняющей эти его идеи, в науке уделено довольно скромное внимание.

Таким образом, можно констатировать наличие в науке интереса к римским представлениям о храбрости и к отношению Сенеки к проявлению гнева в условиях ведения войны, однако вопрос о том, как он понимал сущность храбрости, деталь-

но не изучался, что и обусловило необходимость обратиться к нему в данной работе.

К определению храбрости (fortitudo) Сенека обращается неоднократно. В сочинении «О благодеяниях» он пишет: «Храбрость является добродетелью, презирающей обоснованные опасности, или умением отвратить опасности, подвергнуть себя [им], бросить [им] вызов» («Fortitudo est virtus pericula iusta contemnens aut scientia periculorum repellendorum, excipiendorum, provocandorum»)[1]. Еще два определения Сенека дает в «Нравственных письмах к Луцилию»: «Ибо это не опрометчивый поступок, не любовь к опасностям, не стремление к [чему-то] страшному; [но это] умение строго различать, что является бедой, а что не является» («Non est enim inconsulta temeritas nec periculorum amor nec formidabilium adpetitio: scientia est distinguendi, quid sit malum et quid non sit»)[2]; «Что такое храбрость? Неприступное укрепление человеческой слабости; кто себя им окружил, пребывает безопасным в этой осаде жизни, ибо пользуется своими силами, своим оружием» («Quid est fortitudo? munimentum humanae inbecillitatis inexpugnabile, quod qui circumdedit sibi, securus in hac vitae obsidione perdurat. utitur enim suis viribus, suis telis»)[3]. В этих определениях Сенека рассматривает храбрость под несколько разными углами зрения. В первом, которое он дает в трактате «О благодеяниях»[4], раскрывается суть храбрости как добродетели через ее отношение к опасностям. Второе определение[5] уточняет, поясняет первое путем введения в него понятия беды, являющегося важным для учения стоиков. Сенека трактует его такими словами: «Беда — это то, что вредит. Что вредит, то ухудшает» («Quod malum est nocet. quod nocet, deteriorem facit»)[6]. Однако это второе определение нельзя считать ориентированным лишь на тех интеллектуалов, современников Сенеки, которые, поддерживая идеи стоицизма, размышляли о добре и зле, но, скорее, на широкий круг читателей I в. н. э., поскольку в первой его части автор «Нравственных писем» противопоставляет храбрости необдуманность поступков и стремление к риску, о чем подробнее будет сказано ниже. Наконец, третье определение[7] раскрывает не столько суть храбрости, сколько ее значение для человека.

Вопрос о храбрости, ее сути, проявлении и значении, не является в произведениях Сенеки центральным. Этот римский автор обращается к нему, размышляя о таких страстях[8], как страх и гнев.

Характеризуя храбрость как презрительное отношение к опасностям, Сенека в то же время отмечает, что полное отсутствие страха перед бедствиями «свойственно глупому и безумному» человеку («stulti et amentis est»)[9]. Но не только глупцов и безумцев, но и гладиаторов и рабов нельзя считать храбрыми, ибо их действия не являются результатом самостоятельно принятого, хорошо обдуманного решения[10]. Храбрость для Сенеки — это проявление не безрассудства, а разумной осторожности (cautio)[11]. Однако быть осторожным вовсе не означает быть нерешительным. Когда речь идет о защите родины, законов, свободы, необходимо, презирая опасности, идти им навстречу без колебаний[12]. Храбрец «единственным бедствием считает лишь позор» («unam tantum turpitudinem malum iudicat»)[13]. Его не пугают смерть, оковы, огонь, побои, бедность, болезни, ибо это — не беды, а «страхи человеческой жизни» (humanae vitae formidines), «безумные страхи» (lymphatici metus), свойственные человеку боязливому (timidus), т. е. глупцу (stultus)[14], не отличающему истинные бедствия от мнимых. По мнению Сенеки, страх обычно ведет к бегству (fuga) от опасностей[15]. Хотя наряду с гневом, опьянением и «другими такого же рода отвратительными и преходящими побуждениями» («aliaque eiusmodi foeda et caduca inritamenta») страх способен немного поднять дух, однако он не в состоянии вызвать добродетель[16], т. е. не может привести к храбрым поступкам.

Вопрос о том, способен ли гнев порождать храбрость на поле боя, а значит, приносить пользу отдельному человеку и государству, Сенеке представляется крайне важным. Это связано с тем, что, анализируя сущность гнева, его проявления в мирных условиях и на войне, античные мыслители различных философских школ активно обсуждали и проблему его пользы. Так, к примеру, перипатетики утверждали, что в сражении гнев усиливает храбрость, поэтому он необходим; его не следует полностью искоренять, а необходимо удерживать

[1] Sen. De benef. II. 34. 3.
[2] Sen. Epist. LXXXV. 28.
[3] Ibid. CXIII. 27.
[4] Sen. De benef. II. 34. 3.
[5] Sen. Epist. LXXXV. 28.
[6] Ibid. 30.
[7] Ibid. CXIII. 27.

[8] Под страстями (adfectus) Сенека понимает «душевные волнения, не заслуживающие одобрения, внезапные и сильные» («motus animi inprobabiles, subiti et concitati»: Ibid. LXXV. 12).
[9] Ibid. LXXXV. 25.
[10] Sen. De benef. II. 34. 3.
[11] См.: Sen. Epist. LXVI. 50, LXXIV. 21, LXXXV. 26.
[12] Ibid. LXXXV. 16.
[13] Ibid. LXXXV. 25.
[14] Ibid. LXXXV. 26—27; De benef. IV. 27. 1.
[15] Sen. De ira. II. 3. 5.
[16] Ibid. I. 13. 4.

в определенных границах[1]. Римский мыслитель, оратор и общественный деятель I в. до н. э. Цицерон выступил против такой точки зрения [см.: Демина, 2015, с. 16—17]. Сенека, считая гнев (ira) наиболее сильной страстью (adfectus), занимающей в мире чувств доминирующее положение[2], также не мог оставить этот вопрос без внимания. Свою позицию по этому поводу он изложил в сочинении «О гневе», полемизируя с Аристотелем и его сторонниками.

Сенека полагает, что гнев не способен породить храбрость у сражающегося воина и не может принести людям пользу ни на войне, ни в мирных условиях. В подтверждение своей точки зрения он приводит несколько аргументов. Во-первых, добродетель (virtus) самодостаточна и не нуждается в помощи порока (vitium)[3]. Храбрость, как уже отмечалось выше, является, по мнению Сенеки, добродетелью. Гнев, который представляет собой желание отомстить[4], он называет не только чувством (adfectus), но и пороком (vitium)[5]. Гнев, как и опьянение или страх, может лишь немного поднять вялый (segnis) и трусливый (ignavus) дух, но не способен труса сделать храбрецом[6]. Он не помогает добродетели проявиться, а пытается подменить ее собой[7]. Во-вторых, хотя гнев есть жажда мести, для самого отмщения он не пригоден (inhabilis). Из-за присущих ему пылкости, безрассудности и спешки гнев скорее вредит, чем способствует его осуществлению в условиях мира или войны[8]. Необходимо заметить, что сам Сенека относится к мести крайне негативно, но при этом он отмечает, что в общественном сознании она считается справедливым деянием[9]. Он пишет, что, если человек и решается на месть, то ему следует действовать без гнева (sine ira)[10], хотя «великому духу свойственно обиды презирать» («magni animi est iniurias despicere»)[11]. В бою же именно проявление гнева приводило варварские народы к поражению[12], в то время как дисциплина (disciplina) и разум (ratio) обеспечили бы им победу[13]. В-третьих, как утверждает Сенека, для храбрости нужен не гнев, а разум. Гнев, не подвластный разуму (ratio), далекий от благоразумия (sanitas)[14], ветреный (ventosa), пустой (inanis)[15], на войне заставляет человека совершать опрометчивые поступки и забыть о том, что необходимо остерегаться опасностей[16]. Добродетель же ведет к хорошо обдуманным решениям и осторожному поведению в бою[17]. Именно разум без гнева, как пишет Сенека, позволяет охотнику смело противостоять приближающемуся дикому зверю и преследовать убегающего[18]. Таким же образом следует себя вести и на войне. Разум дает человеку возможность достойно преодолеть все страхи и опасности, поэтому его нужно любить[19]. Наконец, в-четвертых, если гнев позволяет разуму себя удерживать в определенных границах, контролировать силу своего проявления, то это уже не гнев, а нечто другое, поскольку гнев, по мнению этого римского мыслителя, является необузданным (effrenata), безудержным (indomita), не способным подчиняться разуму из-за присущего ему упрямства (contumacia)[20].

Таким образом, Сенека, как ранее и Цицерон, полностью отрицал пользу гнева для храбрости. Аргументация этих двух римских мыслителей имеет много общего. Цицерон также писал, что храбрость не нуждается в помощи гнева, поскольку, будучи добродетелью, она самодостаточна благодаря разуму, гнев же разуму сопротивляется [Демина, 2014, с. 32; Демина, 2015, с. 15, 17]. Такое сходство взглядов едва ли можно объяснить влиянием идей Цицерона на мировоззрение Сенеки, так как представления самого Цицерона об эмоциях сформировались под сильным воздействием учения стоиков[21], последователем которого, как известно, был Сенека. Можно предположить, что Сенека не просто обобщил, но развил и углубил существовавшее еще до него и распространенное среди стоиков и тех, кто, как Цицерон, поддерживал их взгляды частично, обоснование идеи о несовместимости храбрости и гнева.

Размышляя о храбрости, общественном отношении к ней и ее значении для человека, Сенека указывает, что она, наравне с такими добродетелями, как справедливость (iustitia), благочестие (pietas), верность (fides), благоразумие (prudentia), вызывает у окружающих уважение[22]. Такого почтительного

[1] Cic. Tusc. disp. IV. 43; Sen. De ira. I. 7. 1, 9. 2; III. 3. 1. 5.
[2] Sen. De ira. II. 36. 6.
[3] Ibid. I. 9. 1.
[4] Ibid. I. 1. 1, 3. 2; II. 3. 4—5.
[5] Ibid. III. 1. 3—5, 2. 2.
[6] Ibid. I. 13. 4—5.
[7] Ibid. I. 13. 5.
[8] Ibid. I. 12. 5.
[9] Ibid. II. 32. 1.
[10] Ibid. II. 33. 1.
[11] Ibid. II. 32. 3.
[12] Ibid. I. 11. 1, 3.
[13] Ibid. I. 11. 4.
[14] Ibid. II. 3. 4; III. 1. 5.
[15] Ibid. I. 20. 2.
[16] Ibid. I. 11. 8.
[17] Ibid.
[18] Ibid. I. 11. 2.
[19] Sen. Epist. LXXIV. 21.
[20] Sen. De ira. I. 9. 2—3.
[21] См., напр.: Cic. Tusc. disp. IV. 11, 47—48.
[22] Sen. Epist. XCII. 19.

отношения, на его взгляд, заслуживают не только сограждане, но и храбрецы из числа врагов[1]. Кроме того, отсутствие страха перед смертью, людьми и богами, дополняемое отсутствием желаний чего-либо постыдного (turpia) или чрезмерного (nimia), дает человеку власть над самим собой, полную внутреннюю свободу (absoluta libertas), что является для него бесценным благом (inaestimabile bonum)[2]. По мнению Сенеки, храбрость, позволяющая противостоять случайностям (fortuita) и всяким превратностям (omnes casus), приносит счастье, ибо «никакое живое существо не является счастливым без храбрости» («nullum animal felix esse sine fortitudine»)[3]. Человек становится блаженным (beatus) и «себя больше любит» («se maxime amat»), если он, выполняя свой долг, держался храбро в тех ситуациях, когда остальные проявили бы страх[4].

Как видим, Сенека отмечает важное значение храбрости как на межличностном уровне, так и на индивидуальном. На межличностном она приносит человеку всеобщее уважение, а на индивидуальном — внутреннюю свободу, самоуважение, счастье.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Вопросы о сущности храбрости, ее проявлении на поле боя и значении для человека рассматриваются Сенекой в контексте проблематики, связанной с осмыслением чувства страха и гнева и таких ключевых этических понятий, как добро и зло, добродетель и порок. Понятие храбрости выполняет в его произведениях две функции: во-первых, оно является связующим звеном между его рассуждениями о страстях и о базовых для стоического учения понятиях; во-вторых, оно используется Сенекой как конкретный пример, позволяющий ему объяснить читателю в более доступной форме свое понимание сути добродетели и той роли, которую в ее проявлении играет разум.

Храбрость, с точки зрения Сенеки, является не тождеством абсолютного бесстрашия и безрассудных поступков, но основанной на презрительном отношении к опасностям разумной осторожностью. Будучи добродетелью, она не ищет опоры в пороке, поэтому храбрость и гнев не совместимы. Если проявление гнева с присущими ему безрассудством и упрямством способно привести на поле боя лишь к поражению, то ведомая разумом храбрость приносит важную для армии, государства и общества победу, а самому храбрецу обеспечивает не только всеобщее уважение, но и внутреннюю свободу, самоуважение и счастье, в чем, по мнению Сенеки, и заключается значение храбрости как добродетели.

[1] Sen. De ira. III. 28. 6.
[2] Sen. Epist. LXXV. 17—18.
[3] Ibid. CXIII. 27.
[4] Ibid. LXXI. 28.

Список литературы

1. Васильев, А. В. Модели поведения римского полководца на поле боя в республиканскую эпоху: соотношение личного выбора и коллективных ожиданий / А. В. Васильев // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2018. Вып. 18.2. С. 28—40.

2. Демина, С. С. Представления Цицерона о храбрости / С. С. Демина // Гуманитарные науки в XXI веке : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. (10.02.2014). Москва : Спутник+, 2014. С. 31—34.

3. Демина, С. С. Гнев и политико-правовая жизнь римского общества в представлениях Цицерона / С. С. Демина // Историческая психология государственного управления / под ред. А. А. Конопленко. Вып. 2. Саратов : ЦПЭИ СНЦ РАН : Амирит, 2015. С. 14—20.

4. Махлаюк, А. В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности / А. В. Махлаюк. Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2000. 235 с.

5. Махлаюк, А. В. Римский полководец в бою: образы, дискурсы и прагматика военного лидерства (II) / А. В. Махлаюк // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4 (3). С. 27—38.

6. Телепень, С. В. Полководец и его войско: военное лидерство в Древнем Риме (поздняя Республика — ранняя Империя) / С. В. Телепень // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. 2011. № 9. С. 12—17.

7. Coulston, J. Courage and Cowardice in the Roman Imperial Army / J. Coulston // War in History. 2013. Vol. 20. № 1. P. 7—31.

8. Inwood, B. The Will in Seneca the Younger / B. Inwood // Classical Philology. 2000. Vol. 95. № 1. P. 44—60.

9. Motto, A. L. Seneca on the vir ingratus / A. L. Motto, J. R. Clark // Acta Classica. 1994. Vol. 37. P. 41—48.

10. Pajón Leyra, I. Irracionalidad, barbarie y violencia en el De ira de Séneca: una lectura política / I. Pajón Leyra // Anales del Seminario de Historia de la Filosofía. 2018. № 35 (1). P. 11—25.

11. Van Hoof, L. Strategic Differences: Seneca and Plutarch on Controlling Anger / L. van Hoof // Mnemosyne. Fourth Series. 2007. Vol. 60. Fasc. 1. P. 59—86.

12. Wallace-Hadrill, A. The Emperor and His Virtues / A. Wallace-Hadrill // Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte. 1981. Bd. 30. H. 3. S. 298—323.

Сведение об авторе

Демина Светлана Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия. *ist-drev@yandex.ru*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 36—41.

Seneca's thoughts about courage

S.S. Demina
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Vladimir, Russia. ist-drev@yandex.ru

The question about courage is not central in Seneca's works. This Roman author touches it thinking about fear and anger. Seneca gives three definitions of courage (fortitudo). He reveals its essence as a virtue (virtus) and its importance for a person. According to Seneca, the courage is not identical with the absolute fearlessness and the reckless acts, but it bases on a rational caution. The fear causes usually an escape from the dangers. Sometimes fear and anger can a little inspirit, but they can not cause the virtue, that is courageous acts. The question about utility of anger for courage on the battlefield is very important for Seneca. According to the peripatetics, the anger reinforces the courage in the battle. Seneca does not agree to this opinion categorically. He adduces several arguments in order to confirm his point of view. According to Seneca, the courage not only brings victory on the battlefield but it provides a man of courage with the respect of society as well as an inward freedom, self-esteem and happiness.

Keywords: *Ancient Rome, Seneca, courage (fortitudo), fear, anger.*

References

1. Vasil'ev A.V. Modeli povedeniya rimskogo polkovodtsa na pole boya v respublikanskuyu epokhu: sootnoshenie lichnogo vybora i kollektivnykh ozhidaniy [Patterns of Behavior of Roman General on the Battlefield in the Republican Epoch: The Correlation of Personal Choice and Collective Expectations] // *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Studies and publications on the history of the ancient world], 2018, iss. 18.2, pp. 28—40. (In Russ.).

2. Demina S.S. Predstavleniya Tsitserona o khrabrosti [Cicero's thoughts about Courage]. *Gumanitarnye nauki v XXI veke* [Humanities in the XXI Century]. Moscow, Sputnik+, 2014. Pp. 31—34. (In Russ.).

3. Demina S.S. Gnev i politiko-pravovaya zhizn' rimskogo obshchestva v predstavleniyakh Tsitserona [Anger and Political and Legal Life of Roman Society in Cicero's Thoughts]. I*storicheskaya psikhologiya gosudarstvennogo upravleniya* [Historical Psychology of Public Administration]. Saratov, TSPEI SNTS RAN, Amirit, 2015. Pp. 14—20. (In Russ.).

4. Makhlayuk A.V. *Armiya Rimskoi imperii. Ocherki traditsiy i mental'nosti* [The Army of the Roman Empire. Essays on Traditions and Mentality]. Nizhniy Novgorod, Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo Universiteta im. N. I. Lobachevskogo, 2000. 235 p. (In Russ.).

5. Makhlayuk A.V. Rimskiy polkovodets v boyu: obrazy, diskursy i pragmatika voennogo liderstva (II) [Roman General in Battle: Images, Discourses and Pragmatics of Military Leadership (II)]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky Nizhny Novgorod University], 2013, no. 4 (3), pp. 27—38. (In Russ.).

6. Telepen S.V. Polkovodets i ego voisko: voennoe liderstvo v Drevnem Rime (pozdnyaya Respublika — rannyaya Imperiya) [The Commander and its Army: Military Leadership in Ancient Rome (Late Republic — Early Empire)]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo Universiteta. Ser. A. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities], 2011, no. 9, pp. 12—17. (In Russ.).

7. Coulston J. Courage and Cowardice in the Roman Imperial Army. *War in History*, 2013, vol. 20, no. 1. P. 7—31.

8. Inwood B. The Will in Seneca the Younger. *Classical Philology*, 2000, vol. 95, no. 1, pp. 44—60.

9. Motto A.L., Clark J.R. Seneca on the vir ingratus. *Acta Classica*, 1994, vol. 37, pp. 41—48.

10. Pajón Leyra I. Irracionalidad, barbarie y violencia en el De ira de Séneca: una lectura política. *Anales del Seminario de Historia de la Filosofía*, 2018, no. 35 (1), pp. 11—25. (in Spanish)

11. Van Hoof L. Strategic Differences: Seneca and Plutarch on Controlling Anger. *Mnemosyne. Fourth Series*, 2007, vol. 60, fasc. 1, pp. 59—86.

12. Wallace-Hadrill A. The Emperor and His Virtues. *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte*, 1981, bd. 30, h. 3, s. 298—323. (In Germ.).

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ДЕБЮТ

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2020. № 1. С. 42—54.

DOI 10.24411/2542-0275-2020-0105

Трансформация образа внешней политики Австро-Венгрии в журнале «Вестник Европы» (1867—1914)

Р. Р. Хасанов
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

Крупнейший российский «толстый» журнал «Вестник Европы» содержит очень многочисленные сведения о европейской политике. Именно поэтому автор обращается к его материалам, подробно исследуя эволюцию образа внешней политики двуединой монархии. Предложена подробная периодизация. Трансформация представлений на протяжении 50 лет приобретала весьма неожиданные повороты. Так, в разные периоды времени высказывались кардинально разные мнения по вопросу об эффективности внешней политики Австрии, о ее самостоятельности. Высказывались противоположные оценки деятельности австрийских министров иностранных дел, по-разному оценивали и характер взаимодействия дунайской монархии с Россией. Элементы образа, который мы увидим к началу 1914 г., в основном оформились в 1888—1900 гг., хотя и прошли существенную трансформацию в 1900-е. В статье показано, что представления о внешней политике Австрии в журнале проходили трансформацию по иному пути в сравнении с внутренней.

Ключевые слова: *Вестник Европы, Австро-Венгрия, «толстый» журнал, внешняя политика, имагология.*

В «Вестник Европы» — российском «толстом» журнале умеренно-либерального направления, существовавшем в 1866—1918 гг. много писали о европейской политике вообще, а в частности — австрийским действиям на внешнеполитической арене и российско-австрийским отношениям. Из всех российских журналов в «Вестнике Европы» эти сюжеты рассматривались чаще всего. К тому же, это объемный источник — ежегодно выходило по 12 томов (до 500 страниц каждый). Поэтому он является важным источником по целому ряду вопросов, одним из которых является восприятие австрийской внешней политике в российской мысли.

Наша главная задача — реконструировать из многочисленных, но слабо связанных между собой и в чем-то противоречащих друг другу публикаций «Вестника Европы» трансформацию образа австро-венгерской внешней политики, вписывая ее в общий исторический контекст. Следует заметить, что воззрения авторов журнала на австрийскую внешнюю политику отличались меньшей противоречивостью, чем в случае с внутренней политикой.

Можно выделить несколько факторов, влиявших на картину положения Австрии в международных отношениях, вытекающую из публикаций журнала. Она менялась в зависимости от оценки действий руководителя австрийской внешней политики. Помимо фактора личности министра иностранных дел значима была проблема самостоятельности австрийской внешней политики, которая была тесно связана с первым фактором, а также фактором влияния Германии на Австро-Венгрию. Проблема самостоятельности была связана с оценкой внешнеполитических действий Австро-Венгрии на разных их направлениях.

Потерпевшая поражение в войне с Пруссией 1866 г. Австрия вступила на путь реформ, важнейшим из творцов которой «Вестник Европы» счел графа Бойста, министра иностранных дел и министр-президента в 1866—1871 гг. Его, одного из инициаторов дуалистического соглашения, в журнале называли «главным двигателем, если не виновником возрождения Австрии» [Ежемесячная хроника, 1867, № 8, с. 858].

Его внешнюю политику в журнале расценивали как очень активную и постоянно привлекающую внимание Европы [Политика Австрии, 1869, № 10, с. 907]. При этом из материалов журнала следует определенная противоречивость его внешней политики. Бойст говорил, что Австрия «отказалось от германской будущности», то есть отказалась от притязаний на объединение Германии [Ежемесячная хроника, 1868, № 9, с. 404], в ноябре 1869 г. «Вестник Европы» напишет о поездке наследного прусского принца в Вену и заявит о сближении Австрии и Пруссии, превращении их отношений в «самые дружеские, по крайней мере по наружности» [ИО, 1869, № 11, с. 420]. Переговоры между Бойстом и Бисмарком в Гастейне 1871 г. журнал расценил как предвестник заключения Германией

союза с Австрией, причины которого объясняли тем, что Германии нужна почва для мирных завоеваний немецкой культуры, и через Австрию, где немецкое меньшинство удерживает «все промышленные силы» Германия сможет усилить свои позиции на нижнем Дунае [ИО, 1871, № 9, с. 451].

Но при этом сообщается о действиях Бойста антипрусского характера. За месяц до сообщения о сближении Австрии и Пруссии, в октябре 1869 . будет говориться о раздражении в переписке между графом Бойстом и прусским дипломатом Германом фон Тиле[1] [Политика Австрии, 1869, с. 908], а когда Бойст уже выйдет в отставку, особенное внимание уделят тому, что он, назначенный послом в Великобританию, по дороге в Лондон заедет к тем германским дворам, где не было восторгов по поводу объединения, а после этого посетит Версаль. Это расценивалось как действия, специально направленные на раздражение Германии [ИО, 1872, № 1, с. 366].

Такое противоречивое описание внешней политики Бойста кажется нам отражающим историческую реальность его внешнеполитической позиции. В своих мемуарах Бисмарк поставил его в ряд австрийских государственных деятелей, проводивших враждебную политику по отношению к Пруссии [Бисмарк, 1940, т. 2, с. 227]. «Антипрусскость» его политики состояла в том, что его федералистский проект объединения Германии с сохранением в ней Австрии противоречил младогерманскому пути Бисмарка [Барахова, 1995, с. 111]. Но в условиях победы Пруссии в войне с Францией для Австрии была потеряна возможность взять реванш за поражение 1866 г. в союзе с Парижем. И несмотря на это, уже как посол Бойст пытался продемонстрировать свою внешнеполитическую позицию по отношению к германскому вопросу рядом жестов, которые были отражены в сообщении «Вестника Европы» 1872 г.

В 1871 г. Бойст получил отставку с постов министра иностранных дел империи и председателя Совета министров Цислейтании. Эту отставку в «Вестнике Европы» связали с тем, что при попытке министр-президента Цислейтании гр. Гогенварта заключить соглашение с чехами об их положении в Дунайской монархии Бойст стал критиковать план этой попытки только после того, как Венгрия и ее премьер-министр Д. Андраши выступили против плана, а на этапе обсуждений программы Гогенварта в частном порядке не выступил против нее [ИО, 1871, № 12, с. 865]. Писали также о кознях некого придворного военно-клерикального кружка, который якобы не принимал Бойста как саксонца, лютеранина и противника конкордата Австрии с Римом.

Пост министра иностранных дел теперь занял Андраши. «Вестник Европы» писал о том, что Бойст и Андраши очень разные политики по образу действия. Андраши идет к своей цели прямо, а Бойст любит действовать окольными путями и «едва ли даже не слишком хитер» [ИО, 1872, № 1, с. 366].

Образ политики Андраши существенно отличается от такового у Бойста. В журнале говорилось, что при слабости Франции «Австрия не может следовать иной политике, как политике подчиненности по отношению к Германии». При этом, однако, говорили, что только Андраши сможет в силу поддержки Венгрии не превращаться в подчиненного Бисмарка [ИО, 1872, № 1, с. 367].

С этого времени можно говорить об установлении нового образа австрийской внешней политики, который в целом будет сохраняться вплоть до отставки Андраши в 1879 г. Все сообщения о внешней политике Австро-Венгрии в журнале в период его министерства будут вписываться в картину неполной подчиненности Вены проектам Германии.

Теперь внешняя политика дунайской монархии переориентировалась на Балканы. Первольф писал о том, что на Востоке Австрия стремится возместить утерянное в Германии и Италии [Первольф, 1877, № 10, с. 785]. Новые экспансионистские устремления Австро-Венгрии в «Вестнике Европы» подчеркивали словами Франца-Иосифа при его инаугурации как венгерского короля: он обещал не уменьшить, но увеличить границы Венгрии [Первольф, 1877, № 9, С. 399]. За 2 года до оккупации Боснии и Герцеговины было высказано опасение, что Австрия может постараться занять Сербию [Несколько слов, 1876, № 10, с. 892].

Была актуализирована проблема турецкого status quo, которую в «Вестнике Европы» будут очень активно обсуждать в 1890-е и 1900-е: высказывали мнение, что интересы России и Австрии на Балканах противоположны в силу восходящей к внешней политике Меттерниха и Штадиона идеи о том, что Австрия должна стремиться сохранить целостность Османской империи [Современная политическая…, 1876, № 6, с. 835].

Несмотря на это, «Вестник Европы» отказывается воспринимать Австро-Венгрию «как абсолютного врага» [Пыпин, 1878, № 10, с. 761—762]. На наш взгляд, это связано с двумя причинами. Во-первых, авторы журнала в принципе стремятся выступать против эскалации новых внешне-

[1] Фон Тиле назван в сообщении «Вестника Европы» министром, однако таковым он станет только в 1871 г., сейчас же он занимает пост второго секретаря в министерстве иностранных дел Пруссии.

политических конфликтов. Во-вторых, сыграло свою роль стремление высказать точку зрения, противоположную славянофильской.

В 1878 г. австрийские войска вошли в Боснию и Герцеговину. Именно сложностями, вызванными оккупацией, а отчасти стремлением министра иностранных дел поставить венгерские интересы выше общеимперских объяснили отставку Андраши в сентябре 1879 г. [Австро-венгерские дела, 1879, № 9, с. 448].

Крайне важным нам кажется то, что смена министра иностранных дел на этот раз не повлияла на трансформацию образа австрийской внешней политики. Более того, в томах журнала практически ничего не сказано о Хаймерле, австрийском министре иностранных дел в 1879—1881 гг. Это свидетельствует о снижении роли личностного начала в восприятии внешней политики Австрии и намекает на дальнейшее подчинение ее Германии: в несамостоятельной внешней политике личности, ее возглавляющие, уже не столь важны.

Тем не менее это именно намек. Период 1879—1882 гг. представляется нам переходным: в это время восприятие австрийской внешней политики плавно меняется. К декабрю 1882 г. ее будут понимать как практически полностью подконтрольную Германии. До этого момента будут встречаться как остатки старого образа, так и элементы нового.

Оценивая результаты русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и Берлинского конгресса 1878 г., «Вестник Европы» заключает, что именно Австрия извлекла из этого конфликта наибольшую выгоду, несмотря на неучастие в военных действиях. «Австрия — солнце, вокруг которого принуждены обращаться политические тела меньшего объема — Черногория, Сербия, Болгария и Румыния» [Восточная политика, 1881, № 12, с. 891]. Вопреки славянофилам, считавшим этот факт проявлением русофобии со стороны правительств балканских стран, «Вестник Европы» писал о том, что у молодых стран просто не было иного выхода. Более того, в «Вестнике Европы» писали о том, что Австрия показывала решимость противодействовать решениям Англии, политику которой в консервативных кругах России также оценивали как антироссийскую. На основании этого внешнюю политику Австро-Венгрии в журнале еще не считали направленной против Петербурга [Восточная политика, 1881, № 12, с. 892].

При этом Вена предпринимает активные усилия для контроля над Дунаем. Созданное под патронажем Австрии пароходное общество почти полностью контролирует дунайскую торговлю, а для закрепления этого превосходства совместно с Германией и Италией Австро-Венгрия инициирует созыв смешанной комиссии[1] по делам дунайской торговли. Остальные европейские державы во главе с Англией выступили за то, чтобы принципиальные вопросы решала общеевропейская, а не смешанная комиссия.

Такое изложение отражает старые элементы восприятия внешней политики: Австро-Венгрия все еще воспринимается как игрок, сохраняющий активную роль в европейских делах, несмотря на некоторую подчиненность Германии.

Но наше представление о динамике описания внешней политики дунайской монархии не будет верным без учета новых элементов образа. Внешняя политика Австро-Венгрии в изложении «Вестника Европы» становится со временем все более подчиненной Германии.

В начале 1880-х в российской прессе имела место дискуссия о габсбургском панславизме. Представление о нем возникло в славянофильских кругах; считалось, что Австрия и Германия стремятся при поддержке католической церкви создать особый панславизм, направленный на укрепление связей славянства с монархией Габсбургов. Считалось, что эта идеология глубоко враждебна России и направлена на разрушение связей южных и западных славян с Россией и православием.

Сами по себе описания происходящего в Австрии в рамках этого спора больше связаны с внутриполитическими проблемами империи, но в них есть крайне красноречивый момент. В «Политических заметках» апреля 1881 г. в «Вестнике Европы» заметили, что инициатива по созданию австрийского панславизма принадлежит Бисмарку, «который почти насильно навязал его Австрии, толкнул ее на эту дорогу» [Австрия, Германия…, 1881, № 4, с. 855].

Бисмарк впервые появляется как политический деятель, способный навязать Австрии какую-либо идеологическую модель, направляющую империю по определенному внешнеполитическому пути. Теперь, в представлении авторов «Вестника Европы», Германия изменяет Австрию, направляя ее по тем дорогам, которые нужны юному рейху.

Русско-турецкая война была оценена «Вестником Европы» не только как успешная для Австрии как актора международных отношений. Эту войну

[1] В ее состав должны были войти Австро-Венгрия, Сербия, Болгария и Румыния. При равенстве голосов председательствующая Австро-Венгрия имела бы приоритет во всех вопросах, и она нуждалась всего в одном голосе для полного контроля над делами всего Дуная и вынудила бы две другие стороны исполнять даже нежелательные для них требования Вены.

оценили и как выбившую Австрию из игры [Австрия, Германия…, 1881, № 5, с. 425]. Впервые на Балканах произошло что-то, монархии Габсбургов неподконтрольное. Она вынуждена придерживаться неагрессивной политики, поскольку «не имеет сил напасть на кого-либо…» [Австрия, Германия…, 1881, № 5, с. 430].

В 1882 г. интерес к Австро-Венгрии в русском обществе был сосредоточен вокруг восстания в Герцеговине. «Вестник Европы» писал о том, что в описаниях этого восстания смешалось очень многое: интересы России, сочувствие к славянам, «традиционная вражда вообще к Австрии» [Австрия и Балканские…, 1882, № 5, с. 381]. Герцеговинские события оценивались как проявление понимания славянством, что для него опасно устремление Австро-Венгрии «завладеть всем Балканским полуостровом или его частью» [Политика «легкого сердца», 1882, № 3, с. 431—432].

«Вестник Европы» критически отнесся к плану австрийского правительства разрешить учреждение временных чрезвычайных военных судов. Журнал поддержал мнение Монти, одного из далматских депутатов рейхстага, согласно которому суды — это излишняя мера, поскольку инсургентов очень мало и масса населения останется спокойной. Обращали внимание на то, что «венская и немецкая печать» обвиняли Россию в поддержке мятежников.

Для нас очень важно то, что в марте 1882 г. было прямо сказано — «Австрия без согласия и одобрения Германии решительного шага относительно славянства не сделает», а потому нужно смотреть прежде всего на Берлин. Австрия подчиняется Германии, для удержания хоть какого-то веса в европейских делах. Пока ее влияние выгодно Германии, оно будет сохраняться.

Возможно, восстание в Герцеговине стало одним из факторов, изменивших образ внешней политики Вены в сторону представления о большем подчинении Германии. Стало ясно, что продвижение Австро-Венгрии на Балканы не будет проходить гладко, потому усиливалось и ощущение вторичности австрийской политики.

В декабре 1882 г. сказано уже прямо — «Австро-Венгрия — альтер эго Германии в области международных отношений» [ИО, 1882, № 12, с. 915]. Она позволит себе лишь ту политику, какую ей позволит Князь Бисмарк. При этом подчеркивалось, что при сомнительном положении во внешней политике австрийская пресса — самая агрессивная, публицистам ничего не стоит грозить войной России и Италии [ИО, 1882, № 12, с. 916]. Тем самым авторы «Вестника Европы» еще больше подчеркивали бессилие австрийской внешней политики. Однако, существовало убеждение, что в Европе будет мир — раз русский министр иностранных дел встретился с германским канцлером в Варцине, значит и отношения с Веной будут спокойными.

Вплоть до 1885 г. в «толстом» журнале утверждается представление о полной подчиненности австрийской внешней политики Германии. Изменилось понимание сущности действий Вены на Балканах. Несмотря на декларацию некоторой самостоятельности на Востоке, больше не идет речи об оккупации или присоединении новых балканских территорий. Более того, даже об устойчивом политическом влиянии, с точки зрения авторов «Вестника Европы» речь не идет. Правление даже столь ориентированного на Австрию короля Сербии, как Милан Обренович не считали источником устойчивых политических выгод [ИО, 1884, № 1, с. 406].

Теперь австрийцы используют Балканы как «богатый и почти нетронутый источник торговых выгод и финансовых предприятий» [ИО, 1883, № 3, с. 401]. Несмотря на декларацию того, что коммерческие интересы усиливают политические, собственно политические самостоятельные действия дунайской монархии на Балканах в этот период практически не описываются. Наряду с коммерческим, стали выделять и культурный аспект действий Австро-Венгрии на Балканах [ИО, 1884, № 10, с. 842—843]. При этом зависимость Австрии от Германии переплетается с ее культурным влиянием на Балканах. Сербские элиты воспитываются в основном в германском духе, проникаются уважением в венским культурным элементам и видят в них образцы для устройства общественной и частной жизни [ИО, 1883, № 9, с. 387]. Теперь Австрия воспринимается как держава, превращающаяся в восточную, чья миссия — «насаждать немецкую культуру в турецких землях».

Если же Австрия предпринимает какие-либо политические действия, то их связывают исключительно с влиянием Германии. Под давлением «германской интимной дружбы» венский кабинет полностью утрачивает свободу действий во внешней политике [ИО, 1883, № 11, с. 409]. Союз между Австрией и Германией 1879 г., о котором общественность узнает в 1883 г. [ИО, 1883, № 5, с. 372], был воспринят как лишение Австро-Венгрии даже тени внешнеполитической самостоятельности. Одному из авторов даже показалось, что вся австрийская печать, включая министерскую стыдилась этого союза.

Имевшие место в сентябре 1883 г. основанные на слухах о германско-австрийских переговорах

в Ишле и Зальцбурге рассуждения о возможном создании балканской федерации с Австро-Венгрией во главе также были основаны на представлении о главенстве интересов Германии. Считалось, что Сербия может обеспечить себе надежное будущее в Европе, если будет находиться в сфере влияния Австро-Венгрии только потому, что союз с Австрией равносилен союзу с Германией [ИО, 1883, № 9, с. 387].

Характерно, что личность австрийского министра иностранных дел начинает вновь часто фигурировать в журнале. Однако Г. Кальноки, занимавшего пост в 1881—1895 гг., будут пока что воспринимать как дипломата, не способного на какую-либо смелую комбинацию или новую стратегическую схему [ИО, 1885, № 9, с. 376]. Поэтому описание личности министра — лишь дополнительный штрих к картине вторичности австрийской внешней политики.

Смелые заявления графа Кальноки в октябре 1883 г. о том, что в случае конфликта Австрия будет не одна были восприняты «Вестником Европы» как ошибочные, поскольку Германия не стала бы защищать Австрию просто так, и защита закончилась бы лишь потерей Австрией части владений, только благодаря союзнику, а не противнику [ИО, 1885, № 11, с. 411—412]. В 1884 г. на проблему взглянули глубже — чьи интересы предстояло бы отстаивать Австрии в будущем конфликте? Германия, как руководящая внешними политиками обеих империй сторона использовала бы Австро-Венгрию для борьбы со своими врагами, т. е. с Францией, которой Австрия симпатизирует [ИО, 1884, № 11, с. 406].

Теперь Австрия всегда вынуждена выжидать. Вене приходится менять отношение к той или иной державе в зависимости от отношения к ней Берлина. Приезд к Бисмарку русского министра воспринимается как сближение и с Австрией, а Франц-Иосиф посещает итальянского короля после германского кронпринца. Австрийцы должны сближаться с Италией, потому что с ней сближается Германия. Отношения с Россией постоянно меняются — то теплее, то холоднее, и это вызвано «переменой ветра из Фридрихсруэ» [ИО, 1884, № 1, с. 407].

Австрийскую печать продолжат воспринимать как воинственную по отношению к России вплоть до марта 1884 г., когда «призраки войны» исчезли [ИО, 1884, № 3, с. 384]. Продление Лиги трех императоров в этом году было воспринято как присоединение России «к миролюбивым стремлениям обеих империй… без всякого письменного договора» [ИО, 1884, № 11, с. 405]. Подчеркивалось, что отношение к России венгерской части дунайской монархии существенно хуже в сравнении с землями, включенными в Цислейтанию. Тем не менее, к январю 1885 г. установилось представление о том, что Австро-Венгрия ладит со всеми [ИО, 1885, № 1, с. 408].

Несмотря на все это, «Вестник Европы» считает внешнюю политику Австрии интересной для всех, поскольку она находится между Востоком и Западом, а еще — в связи с ростом популярности теории об антагонизме славянских и германских народов [Рабочий вопрос, 1883, № 7, с. 305—306], Востоком и Западом.

Многие элементы этого образа вторичности внешней политики Австро-Венгрии начнут менять свое содержание с 1885 г., хотя говорить о резкой трансформации не приходится — представление о подчиненности политики Вены Германии будет нивелироваться медленно, до конца полностью не исчезая.

На первый взгляд, ничего не меняется. В журнале продолжают писать о том, что венская дипломатия управляется Берлином и не играет самостоятельной роли в глобальных вопросах. Положительно действовать она может лишь в рамках малого круга интересов [ИО, 1885, № 9, с. 376].

Имеет значение уже факт признания наличия какого-то круга, где Вена может действовать самостоятельно. До этого же мы видели Австрию, которая полностью управляема. Очень важно то, что объяснение осторожности венской стратегии теперь выводится не из воли Германии, а из того, что в империи, где сосуществует масса противоречивых интересов разных народов просто невозможно выработать активную политику. Хотя она и не опасна в мирное время, она может эффективно воспользоваться конфликтами, в которых сама не участвует [ИО, 1885, № 9, с. 377].

На протяжении последующих лет образ внешней политики Австро-Венгрии будет плавно меняться в сторону признания ее большей активности и эффективности. Практически в каждой новой публикации фиксируется это изменение, но по отдельности каждое изменение не кажется принципиальным.

Культурное и экономическое влияние Австро-Венгрии на Сербию теперь описывается как приносящее политические плоды — в 1885 г. писали, что австрийский главный штаб участвует в развитии сербской армии, а представитель Вены в Белграде влияет на внешние и внутренние дела страны. Более того, теперь признается «сила притязания, свойственная всякой высшей культуре… по отношению к менее развитому хозяйственному быту» [ИО, 1885, № 12, с. 885]. Доминируют

австрийские биржа, торговля, промышленность. Австрия сумела использовать пассивность России на Балканах для захвата контроля над Болгарией [ИО, 1888, № 1, с. 420]. Только что ставший болгарским князем Фердинанд Баттенберг описывается как человек, привнесший с собой из Вены «австрийских франтов, багаж, поваров и лакеев с блестящими мундирами и вещами» [ИО, 1887, № 9, с. 398].

В марте 1886 г. в журнале прозвучало предположение, что между Австрией и Германией могло произойти некоторое «смущение и недовольство» [ИО, 1886, № 3, с. 412]. Несмотря на то, что роль Австро-Венгрии в европейской политике все еще сводили к «скромной, но не безвыгодной» [ИО, 1887, № 9, с. 394] роли политического спутника Германии, авторы начинают подчеркивать, что Австрия может действовать самостоятельно — хоть и только на Балканах. Связывали эту самостоятельность с тем, что австрийские интересы в этом регионе напрямую не затрагивали германские.

Особенно ярыми сторонниками активной внешней политики считались венгерские палаты парламента. Рассматривая речи венгерских депутатов Гельфи и Перчеля, обращали внимание на стремление первого контролировать российские внешнеполитические действия и рвение второго уменьшить количество российских войск у австрийской границы. «Вестник Европы» приходил к выводу о том, что мадьяры движимы шовинизмом[1] [ИО, 1888, № 2, с. 868]. Более того, накаляли обстановку некоторые высказывания министра Кальноки. Призраки войны, на время отступившие в 1884 г. вновь вернутся в 1887 г. Это было связано с болгарским кризисом и последовавшей за ним «военной тревогой». Договор «перестраховки», заключенный в том же году, далеко не сразу поспособствовал успокоению ситуации в прессе. Целые статьи [ИО, 1888, № 3] все еще оказывались посвящены попыткам угадать содержание секретных частей австро-германского договора. И только в июне 1888 г., буквально через несколько месяцев после одной из статей, рассуждавших о возможных сценариях эскалации конфликта в «Вестнике Европы» говорят о том, что опасения война стали настолько частыми, что в них уже просто перестали верить [ИО, 1888, № 6, с. 843].

Для нас важен сам факт того, что образа абсолютно контролируемой австрийской внешней политики больше нет. Она управляема, но у этого есть предел. Замечали даже, что Германия неспокойна и ищет новых союзников, словно не верит в силу Австрии [ИО, 1887, № 11, с. 404—405]. Получается, что Берлин просто не может делать ставку на контроль политики Вены. Возникает представление, согласно которому произойдет неизбежное ослабление контроля, поскольку большую роль в политике Германии начинают играть отношения с другими державами.

Однако мы не должны думать, что представление о тесной связи двух империй исчезает. Именно этой связью объясняли похожие на германские военные приготовления. Особенно выделяли приезд помощника графа Мольтке — генерала Вальдерзее в Австрию для обследования состояния ее вооруженных сил и активное железнодорожное строительство в монархии Габсбургов [ИО, 1888, № 1, с. 418]. Однажды и вовсе прозвучала точка зрения, согласно которой Австрия может рассчитывать на поддержку Германии почти всегда, поскольку любая серьезная неудача при военном столкновении с Россией была бы истолкована как угроза целостности Дунайской монархии, что привело бы к вступлению Германии в войну [ИО, 1888, № 3, с. 400], поэтому на прямое боестолкновение Россия не решилась бы, позволяя Австрии действовать ее методами.

Получается, что напрямую Германия на Австрию влияет уже меньше, но сохраняются элементы подчинения, а ее присутствие всегда подбадривает Вену и придает уверенности ее дипломатии. Две империи полностью солидарны во внешней политике, но австрийский образ действия на Балканах воспринимается в журнале как свободный. Более того, Вена извлекает свою вполне реальную политическую и экономическую выгоду. В этом духе трактовали открытие 18 мая 1888 г. железнодорожной линии Белград-Ниш-Салоники. Говорили, что австрийцы распространят свое экономическое и культурное влияние на Македонию.

Гораздо более глубокая трансформация образа внешней политики Австро-Венгрии связана с изменением политики Германии с восшествием на престол императора Вильгельма II в июне 1888 г. Начинается новый этап в восприятии места Вены в международных отношениях, который продлится до 1896 г.

Вильгельм II правил лишь несколько месяцев, но уже поспособствовал изменению отношения к Тройственному союзу. Свое пребывание на престоле он начал с объезда европейских столиц. «Вестник Европы» описывал неожиданно холодный прием, который ждал императора

[1] Очень показательно то, что авторы «Вестника Европы» избегают обвинений в адрес монархии вообще. Всегда действуют конкретные люди или группы людей в рамках той или иной организации Дунайской монархии, именно их действиями и бывают недовольны.

в Вене. Обыкновенно «очень приветливое и впечатлительное» [ИО, 1888, № 11, с. 435], население Вены воздержалось от привычных дружественных манифестаций. Было заключено, что союз с Германией имеет для Австрии обидный характер, что Габсбурги, еще недавно стоявшие выше Гогенцоллернов, теперь находятся «как бы в вассальной зависимости» от Германии, а австрийские патриоты еще не забыли поражения при Садовой в 1866 г.

Отдельно было описано поведение Вильгельма в австрийской столице. Так, он дал понять, что не одобряет деятельность министр-президента Цислейтании графа Таафе. При обмене тостами с австрийским императором Франц Иосиф назвал германские войска доблестными и славными, Вильгельм II же не сделал аналогичного по отношению к австрийской армии [ИО, 1888, № 11, С. 436].

Казалось бы, союз очень крепок и продолжает развиваться с изменениями, которые можно счесть незначительными. Но уже здесь появляются проблемы, вносящие дисгармонию в австрийско-германские отношения. Дальнейшие события продемонстрируют для авторов «Вестника Европы» углубление этих проблем.

В феврале 1889 г. прошел слух, что в случае совместных военных операций австрийские войска будут поставлены под командование прусского главного штаба. Узнавшие об этом мадьяры, с которыми «Вестник Европы» продолжал отождествлять[1] [ИО, 1889, № 8, с. 842] ведение активной внешней политики, перестали «видеть в Германии вернейший залог своего процветания и могущества» [ИО, 1889, № 2, с. 860]. Похожую точку зрения имели и славяне.

Трансформация образа австро-германского союза приобретает еще более резкий оборот, когда Бисмарк уходит с поста рейхсканцлера. Описания и союзной, и собственно австрийской внешней политики сильно меняются. Замечают, что о союзе стали меньше писать, в обеих империях обратили наибольшее внимание на внутренние дела [ИО, 1891, № 5, с. 392]. Тронную речь Франца-Иосифа в австрийском парламенте оценили как успокоительную со стороны внешней политики.

Было высказано мнение, что венский кабинет потерял в лице Бисмарка сильнейшую опору для своих «обширных и смелых планов» [ИО, 1891, № 11, с. 384] на Востоке и откладывает их на неопределенный срок. Здесь очень интересно прослеживается образ, актуальный для прошлого этапа трансформации восприятия австрийской политики — Австрия имела свою искусно проводимую в жизнь внешнюю политику с амбициозными планами, но их смелость и энергия во многом зависели от Бисмарка.

Сам творец Рейха и после выхода в отставку оставался значимой политической фигурой. Подробно описывался его визит в Вену с 18 по 25июня 1892 г. В австрийской столице Бисмарк заявлял о том, что торговый договор Германии с Австрией не в интересах Берлина. Он заметил, что не может ставить в упрек австрийцам, «что они смогли воспользоваться слабостью представителей Германии» [ИО, 1892, № 7, с. 423].

Произнесение подобного на публике неизбежно создавало у авторов журнала определенное впечатление. Теперь австрийцы не должны рассчитывать на берлинскую дипломатию, потому как она сама в некомпетентных руках. И даже может оказаться, что «*...в критический момент Германия окажется неумелой и неудачной союзницей для Австро-Венгрии»* [ИО, 1892, № 7, с. 424] (курсив мой — *Р. Р.*)[2].

Сомнения прокрадываются и в австро-немецкую прессу. Одна из речей графа Кальноки в 1893 г. породила к министру ряд вопросов, смысл которых сводился к возможности перемены Австро-Венгрией политических ориентиров и интересов [ИО, 1893, № 7, с. 396—397]. Уже сам факт прочтения информации о возникновении подобных сомнений говорит о том, что авторы журнала могли увидеть потенциально возникающую внешнеполитическую альтернативу для Австрии.

Образ внешней политики Австро-Венгрии в вопросах, не касающихся Германии, изменился мало. На этом этапе происходит закрепление уже приписанных австрийской политике черт. Укрепилось представление об Австро-Венгрии как «несомненно великой державе» [ИО, 1896, № 1, с. 405], находящейся в союзе, но не в зависимости от Германии. Также имеется достаточно много богатых эпитетами характеристик того, что делает Вена.

Хотя Австро-Венгрия потерпела некоторый политический и экономический ущерб [ИО, 1890, № 1, с. 419] в Сербии из-за отречения Милана Обреновича, считавшегося надежным оплотом австрийского влияния [ИО, 1889, № 4, с. 824—825][3], положение Вены в Болгарии оценивали как

[1] В этом вопросе ситуация немного изменится в августе 1889 г., когда венгерские напоминания о необходимости энергичной внешней политике воспримут как формальность, а не руководство к действию.

[2] Особенно поразительно, что всего лишь 4 года назад «Вестник Европы», как мы указали выше, не верил в способность Австрии быть достаточно сильной для Германии.

[3] Характерно, что в «Вестнике Европы» говорилось не только о том, что союз с Австрией поставил Сербию

улучшившееся в силу установления при князе Фердинанде правительства Стамболова, ориентировавшегося на Австро-Венгрию. Более того, установившийся в русском обществе интерес к дальневосточным делам [ИО, 1895, № 6, с. 860] приводил к выводу о том, что Вена может захватить финансовое управление Сербии, пока в России про эту страну забыли [ИО, 1895, № 6, с. 866].

«Силой и характерной особенностью Австро-Венгрии», присущей ей издавна (sic!) теперь считают последовательную, согласную с общественным мнением, достигающую поставленных целей внешнюю политику [ИО, 1895, № 6, с. 868]. В большой контраст с предшествующими вступает оценка деятельности Кальноки, в 1895 г. подавшего в отставку из-за скандала о вмешательстве папского нунция Альярди в дела империи. Теперь он расценивается как выдающийся деятель, который, «действуя под влиянием и *отчасти* (курсив мой — *Р. Р.*) под руководством князя Бисмарка» смог достичь для Австро-Венгрии успешного преследования «определенных положительных целей». Даже его осторожность теперь оценивается не как проявление отсутствия дипломатического таланта, а упоминается наряду с его миролюбием. То, что Австрии удалось без единого выстрела овладеть двумя турецкими провинциями воспринимается как проявление мастерства, а не результат германского влияния, проявившегося в Берлинском договоре [ИО, 1896, № 1, с. 405—406].

Отношения Австрии с Россией продолжают рассматривать в духе естественного антагонизма [ИО, 1894, № 4, с. 852] на Балканах. «Вестник Европы» не устраивает русская политика на Балканах. По этому вопросу согласились даже со славянофилом — Ламанским, что было ранее вообще не характерно для журнала [ИО, 1894, № 12, с. 859]. Политику эту расценивали как слишком авантюристичную и идеалистичную. Русское общество совсем забыло о традиционных балканских проблемах в пользу авантюры. В противовес ставили политику австрийскую, которую описывали как отличающуюся продуманным целеполаганием и умением четко следовать поставленным задачам. Согласно прогнозам «Вестника Европы», австрийцы смогут и дальше расширять влияние в Болгарии при отсутствии русских представителей [ИО, 1895, № 6, с. 867] — а все потому, что балканские дела Россию больше не интересуют.

В 1896 г. меняется ситуация в отношениях Австро-Венгрии и России, и это немедленно повлияло на восприятие внешней политики Вены на страницах журнала. Начинается период сближения двух империй, который продолжится до Боснийского кризиса 1908 г. Претерпят трансформацию образы германо-австрийских отношений, роли Тройственного союза и европейской ситуации в целом.

Ранее воспринимавшийся как очень важный в общеевропейской политике Тройственный союз теперь оценивают как «невиннейшую комбинацию, о которой редко приходится вспоминать в печати» [ИО, 1896, № 8, с. 839]. Союз дает о себе знать лишь пару раз в год, во время официальных мероприятий. А чем менее сильным считают Союз, тем более свободной выступает австрийская внешняя политика от германского влияния. Впоследствии, уже в 1902 г. говорили, что в Тройственном союзе Австрия нуждается для гарантии со стороны России и свободы действий на Балканах, но не более того [Возобновленный тройственный…, 1902, № 8, с. 791].

Кроме того, в конце 1890-х гг. изменившимся стали считать и внутреннее содержание франко-русского союза. Теперь он тоже превращается в опору миролюбия [ИО, 1896, № 9, с. 354]. На несколько лет утверждается представление о том, что Европу ожидает мир, а все противоречия будут разрешаться взаимодействием двух лиг.

Журнал следил за улучшением отношений Австро-Венгрии и России. Петербург сделал положительный шаг навстречу Вене, признав принца Фердинанда болгарским князем [ИО, 1896, № 9, с. 353]. Кроме того, Николай II в своем путешествии по Европе, которое монархи традиционно совершали в начале царствования, первой посетил именно Вену. Торжества в Вене 15—17 августа 1896 г. по случаю прибытия императора описывают как особенно сердечные и даже общенародные.

Но улучшение отношений с Австрией означало, на взгляд авторов журнала, принятие точки зрения Вены на балканский вопрос. Еще в июле 1896 г., до появления первых публикаций об улучшении отношений Петербурга и Вены «Вестник Европы» приводил речь нового австрийского министра иностранных дел А. Голуховского, где говорилось, что Россия высказалась в пользу сохранения status quo [ИО, 1896, № 7, с. 430—431]. В прессе опасались, что победа Турции над Грецией в войне 1897 г. нарушит европейское согласие на Балканах, но «Вестник Европы» был уверен, что заявление о дружбе между Австрией и Россией поспособствует стабилизации положения

в культурно-экономическую зависимость от Вены. Он был для Сербии и полезен — благодаря союзу Сербия смогла стать королевством из княжества и стала играть существенную роль на Балканах.

[ИО, 1897, № 5, с. 369]. В целом с 1896 по 1900 г. «Вестник Европы» положительно воспринимает сближение с Австрией.

Однако ситуация начнет меняться. С 1901 г. начинают критиковать принятие австрийского восприятия балканской проблематики. Приняв идею о status quo, российская дипломатия поставила себя в положение ответчика, отдала себя под власть австрийского МИДа и прессы, оценивающей российские действия в ключе невыполнения Петербургом обещанного [ИО, 1901, № 9, с. 394]. Усугубляло ситуацию и то, что в журнале не знали о тексте соглашения [ИО, 1902, № 6, с. 872][1], заключенного между Россией и Австрией в 1897 г. В журнале из-за этого гадали — что же сдали Австрии, почему ее пресса так реагирует на любое, даже мнимое несоблюдение принципа status quo? В 1903 г. говорят уже прямым текстом — не стоит всюду следовать за венским кабинетом [ИО, 1903, № 10, с. 806—809]. Этот образ прочно укоренится вплоть до Боснийского кризиса, хотя в конфликтных ситуациях вроде скандала[2] о венских японофилах [ИО, 1904, № 5, с. 360—362] журнал занимал примиряющую позицию.

К 1906 г. два представления о российско-австрийских отношениях, характерных для данного периода — о желательности диалога с Австрией, но при этом о необходимости сохранения активной политики на Балканах были соединены воедино. Первенство на Ближнем Востоке перешло от русского к австрийскому влиянию, более системному и настойчивому, но при этом дружба с Россией является для Австрии выгодной [ИО, 1906, № 11, с. 440].

Не все редакционные публикации (которые вроде как должны быть схожи в воззрениях) будут высказывать одинаковый взгляд и по поводу самостоятельности Австрии во внешней политике. Компромиссы Австрии с Россией приведут автора заметки мая 1900 г. к выводу о том, что прежняя предприимчивость венской дипломатии исчезла. Более того, говорилось, что Францу-Иосифу теперь нужно признать свою зависимость от Берлина [ИО, 1900, № 5, с. 354]. Но альтернативное мнение было высказано только в этой статье.

В целом представления о самостоятельности и успешности австрийской внешней политики останутся теми же, что и в предшествующий период. Еще в 1897 г. отмечали, что свои политические интересы Вена воплощает «с замечательным искусством» [ИО, 1897, № 12, с. 815]. Австро-Венгрия выражает собственную позицию по критскому вопросу, споря с Англией, выступившей против австрийского предложения блокировать остров [ИО, 1896, № 9, с. 357]. В Болгарии Вена насаживает свою опеку — «придирчивую и суровую» [ИО, 1902, № 6, с. 872].

Когда в 1902 г. в Македонии начался рост недовольства против Османской империи, И. Кашинцев написал письмо из Софии, в котором рассматривал Македонию как объект приложения могущественной силы австрийского культурно-экономического влияния [Кашинцев, 1902, № 9, с. 374]. Австрийцы способствуют созданию новых отраслей в сельском хозяйстве и началу создания местной индустрии, их капиталы и кредитные учреждения проникают на ее территорию. Поэтому Кашинцев считает Австрию «главной опасностью для славян Балканского полуострова». В 1903 г. политику венского кабинета признают руководящей регионом «от имени России и всей Европы» [ИО, 1903, № 5, с. 339].

Австрии якобы не мешают даже внутриполитические кризисы — в международной области она продолжает действовать успешно. Австро-Венгрию считали «наглядным опровержением старого правила», согласно которому «для хорошей внешней политики требуется благополучие во внутренних делах» [ИО, 1904, № 1, с. 385]. Действуя образцово, Австрия преследует свои цели с замечательной настойчивостью и достигает блестящих результатов». Она водворила свое господство в Боснии и Герцеговине, успешно проводит требования в Константинополе, решительно поднимает голос в Белграде и Софии.

Под влиянием русско-японской войны в европейской политике наступило некоторое затишье, о чем писали и в «Вестнике Европы» [ИО, 1905, № 1]. Но неудача на Дальнем Востоке означала возвращение России на Ближний. И уже в мае 1908 г. министру иностранных дел России А. П. Извольскому нужно было выступать перед Госдумой по поводу балканской политики.

«Вестник Европы» оценивал его речь двояко: с одной стороны, говорили, что правительство в

[1] Об этом говорит указание в одной из статей 1902 г. на то, что смысл соглашения 1897 г. «совершенно непонятен». В той же статье была высказана уверенность, что это соглашение передало ситуацию на Балканах под контроль Австрии, хотя оно сводилось лишь к установлению status quo и передаче на общеевропейское рассмотрение некоторых проблем, вроде вопроса о проливах.

[2] Этот скандал произошел в связи с гибелью адмирала Алексеева, когда в одной из русских газет появилось сообщение о том, что якобы японофильские кружки в Вене устроили демонстрации, на которых слишком рьяно радовались произошедшему. В австрийском МИДе произошедшее отрицали. Вестник Европы выступил против русской газеты, разместившей сообщение. Имело место мнение, что ее авторы устроили ненужный и бестактный спор.

лице Извольского снова оправдывает политику австрийского кабинета — говоря, что русскому обществу просто слишком мало известно о целях политической комбинации с Австро-Венгрией, а если бы больше знали, то все бы поняли. Но с другой стороны, отмечали, что русская дипломатия начинает судить о балканской политике Австро-Венгрии самостоятельно [ИО, 1908, № 1, с. 850] — ведь теперь Извольский выступил против железнодорожных планов Австрии [ИО, 1908, № 5, с. 445].

Некоторое изменение претерпел и образ Тройственного союза, хотя представления о самостоятельности и успешности австрийской внешней политики не изменились. В статье июня 1908 г., посвященной поездке Вильгельма II в Вену, особое внимание уделялось сущности австро-германского союза. Союзников рассматривают как игроков, у каждого из которых есть свои достоинства. Так, в Австрии более развиты либеральные принципы и парламентаризм [ИО, 1908, № 6, с. 867]. Обе империи, однако, имеют схожие политические черты, а их правители вполне могут понимать друг друга даже не договаривая. К тому же, основным содержанием австро-германского союза теперь считают его реакционность, противоположность прогрессу. Это союз двух стран старого сословно-монархического строя, высшие слои которого пропитаны «клерикальными и реакционными тенденциями» [ИО, 1908, № 6, с. 869].

Таким образом, мы видим такое же, как и несколько лет назад, понимание самой австрийской внешней политики, но союз с Германией теперь представляется более прочным, поскольку кроме конкретно политических обстоятельств в «Вестнике Европы» актуализировали идейную связь государств в рамках союза.

Прямая аннексия Боснии и Герцеговины произвела очень яркую реакцию в европейских органах печати. В этой связи особенно удивительно, что в «Вестнике Европы» сложившиеся до ноября 1908 г. элементы образа австрийской внешней политики в целом останутся теми же.

Рассматривая саму аннексию Боснии, «Вестник Европы» говорил о том, что «возбуждение против Австро-Венгрии излишне», поскольку захват де-факто свершился 30 лет назад. Все это время Австро-Венгрия вводила на территориях свои культуру и промышленность, свою финансовую систему [ИО, 1908, № 11, с. 360] и должна была лишь даровать провинциям конституционные учреждения, включая их в состав империи. Вена же совершила ошибку, произведя прямую аннексию и нарушив тем самым Берлинский трактат. При этом говорится, что если бы Австрия ввела на Балканах местное самоуправление, то никто не стал бы против этого возражать [ИО, 1908, № 11, с. 367—368].

Очень характерно, что определившееся во время периода австро-русского согласия понимание балканской политики авторы «Вестника Европы» были готовы отстаивать. В частности, Л. З. Слонимский, прокомментировавший в журнале работу П. Н. Милюкова о русской балканской политике, предлагал иное понимание и роли Австрии в сложившейся на полуострове ситуации.

Так, Милюков критиковал полную пассивность действий России на Балканах вплоть до 1908 г., говорил о том, что Австрия попрала права балканских славян на Боснию и Герцеговину, делал особый акцент на постыдности и несоответствии правовым категориям австрийской аннексии Боснии [Слонимский, 1910, № 8, с. 358—367].

Слонимский, не споря с тезисом о пассивности России на Балканах до русско-японской войны (в полном соответствии с высказанным ранее в журнале представлением!) говорит о том, что Россия не могла активно воспрепятствовать Австро-Венгрии в 1905—1908 гг., поскольку не имела сил после поражения. Он говорит, что Австро-Венгрия получила право на оккупацию Боснии и Герцеговины еще на встрече Александра II и Франца-Иосифа в Рейхштадте [Слонимский, 1910, № 8, с. 368], поэтому оккупация произошла бы так или иначе, а затем и аннексия. Поэтому дипломатическими средствами выгнать Австрию из этих провинций уже невозможно. Более того, Слонимский говорит, что Милюков отрицательно относится к Австро-Венгрии в принципе, потому что тот стоит на «национальной точке зрения» и указывает на необходимость более беспристрастной оценки австрийской политики.

В 1910—1913 гг. австрийскую политику будут продолжать рассматривать как самостоятельную и успешную. И хотя барона (затем графа) Эренталя, министра иностранных дел, устроившего присоединение Боснии, будут характеризовать как бесталанного дипломата [ИО, 1912, № 3, с. 381—382], ему удастся использовать свое знание России, полученное во время работы в Петербурге. Вене удастся сохранить экономическую зависимость от нее Сербии и других балканских государств [Ковалевский, 1913, № 1, с. 209]. Ее политику характеризуют как коварную закулисную работу [ИО, 1913, № 1, с. 407], именно Австро-Венгрии в 1913 г. отчасти приписывали раскол между Сербией и Болгарией, который приведет к второй Балканской войне. Австрии вновь получится, с точки зрения «Вестника Европы», навязать Европе свое видение балканских

проблем [ИО, 1913, № 7, с. 426]. И это все несмотря на то, что, к примеру, первая Балканская война была для Австрии нежелательна.

Все это указывает нам на то, что к началу 1914 г. в журнале утвердился образ австрийской внешней политики, выработавшийся в 1888—1900 гг. и несколько скорректированный в 1900-е.

Представление о ней прошло долгий путь: от картинок антипрусского Бойста (1866—1871) и талантливого Андраши, подчинившегося Берлину лишь отчасти (1872—1879), плавно, с течением времени (1879—1882) перешли к представлению о полностью подчинившейся и потерявшей всю былую предприимчивость под хваткой Бисмарка политике (1882—1885). Затем внешняя политика Вены медленно и плавно стала оправляться (1885—1888) и высвободилась окончательно после отставки «железного» канцлера, вновь стала очень успешна на Балканах (1888—1897), заключила соглашение с Россией и использовала его в своих целях. От Австрии, антагонистичной России (до 1897 г.) пришли к представлению о необходимости диалога с Веной, затем, однако, от первоначальных восторгов пришли к тому, что следовать во всем за Австрией не стоит (1901—1906) и что время европейских блоков как лиг мира еще не пришло. Аннексия Боснии в 1908 г. на картину политики Австрии почти не повлияла.

Весьма любопытно то, что трансформация представлений о внешней политике Австрии в журнале имела очень существенные отличия от таковой применительно к внутренней. Так, если в 1880-е гг. прогноз журнала по поводу разрешения внутриполитических проблем империи был в целом позитивным, то в представлениях о внешней политике в это время происходят мощные колебания. И, напротив, если международная деятельность империи «Вестником Европы» оценивалась как эффективная в 1900-е гг., то представления об успешности внутренней активности империи в это десятилетие колеблются.

Надо сказать, что события самого 1914 г. и произошедшую в ходе предвоенных событий и непосредственно самой Первой мировой войны трансформацию представлений об Австрии и ее внешней политике мы рассматривать не будем: накал событий перед войнами и тем более в их ходе всегда порождает принципиально иное понимание действий других участников внешней политики, особенно если они являются противниками.

Список литературы

1. Иностранное обозрение (ИО) «Вестника Европы». 1869. № 10, 11; 1871. № 9, 12; 1872. № 1; 1882. № 12; 1883. № 3, № 5, № 9, № 11; 1884. № 1, № 3, № 9, № 10; 1885. № 1, № 9, № 11, № 12; 1886. № 3; 1887. № 9, № 11; 1888. № 1-3, № 6, № 11; 1889. № 2, № 4, № 8; 1890. № 1; 1891. № 5, № 11; 1892. № 7; 1893. № 7; 1894. № 4, № 12; 1895. № 6; 1896. № 1, № 7-9; 1897. № 5, № 12; 1900. № 5; 1901. № 9; 1902. № 6, № 9; 1903. № 5, № 10; 1904. № 1, № 5; 1905. № 1; 1906. № 11; 1907. № 5, № 6, № 11; 1912. № 3; 1913. № 1, № 7;

2. Барахова, И. Переориентация внешнеполитического курса монархии Габсбургов (1866—1871) / И. Барахова // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. Москва : Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 106—131.

3. Бисмарк, О. Мысли и воспоминания : в 3 т. / О. Бисмарк ; пер. с нем. под ред. Л. С. Ерусалимского. Москва : Гос. соц.-экон. изд-во, 1940—1941.

4. Возобновленный тройственный союз и общая политика в Европе // Вестник Европы. 1902. № 8.

5. Ежемесячная Хроника истории, политики, литературы // Вестник Европы. 1867. № 8.

6. Ежемесячная Хроника. // Вестник Европы. 1868. № 9.

7. Заметка славянского благотворительного общества в Болгарии о македонском вопросе // Вестник Европы. 1903. № 10.

8. Иностранная политика (ИП): современная политическая роль Германии // Вестник Европы. 1876. № 6.

9. Иностранная политика: австро-венгерские дела // Вестник Европы. 1879. № 9.

10. Иностранная политика: восточная политика Австрии и финансовый кризис в Константинополе. // Вестник Европы. 1881. № 12.

11. Иностранная политика: политика «легкого сердца» и славянские дела // Вестник Европы. 1882. № 3.

12. Кашинцев И. По поводу македонского вопроса: письмо из Софии // Вестник Европы. 1902. № 9.

13. Ковалевский, М. М. Судьба Балкан / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. 1913. № 1.

14. Корреспонденция из Вены: Австрия и Балканские славяне // Вестник Европы. 1882. № 5.

15. Корреспонденция из Вены: рабочий вопрос в Австрийском парламенте // Вестник Европы. 1883. № 7.

16. Несколько слов по поводу Южно-славянского вопроса // Вестник Европы. 1876. № 10.

17. Первольф, О. О. Хроника: мадьяры и восточный вопрос. Ч. I / О. О. Первольф // Вестник Европы. 1877. № 9.

18. Первольф, О. О. Хроника: мадьяры и восточный вопрос. Ч. II — Окончание / О. О. Первольф // Вестник Европы. 1877. № 10.

19. Политика Австрии // Вестник Европы. 1869. № 10.

20. Политические заметки: Австрия, Германия и славяне. Ч. I // Вестник Европы. 1881. № 4.

21. Политические заметки: Австрия, Германия и славяне. Ч. II // Вестник Европы. 1881. № 5.

22. Пыпин, А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. 1878. № 10.

23. Слонимский, Л. З. Балканские дела и русская политика: письмо из Софии / Л. З. Слонимский // Вестник Европы. 1910. № 8.

Сведения об авторе

Хасанов Руслан Ринатович — бакалавр 4-го года обучения исторического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия. *rkh1867@gmail.com*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 42—54.

Transformation of image of Austro-Hungarian foreign policy in the magazine “Vestnik Evropy” (1867—1914)

R.R. Khasanov
Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia. rkh1867@gmail.com

The largest Russian literary magazine Vestnik Evropy contains a lot of information about European politics. The author refers to its materials, examining in detail the evolution of the image of the foreign policy of the dual monarchy. The work proposes a detailed periodization. It shows the transformation of ideas over 50 years with quite unexpected turns. In different periods of time there were radically different opinions on the effectiveness of Austria’s foreign policy and its independence. There were opposing assessments of the activities of Austrian Foreign Ministers as well as the nature of the interaction of the Danube monarchy with Russia. The elements of the image, which could be seen by the beginning of 1914, were mainly formed in 1888-1900, although they underwent a significant transformation in the 1900s. The article shows that the ideas about the Austrian foreign policy and the domestic policy were being transformed in a different way in the magazine.

Keywords: *Vestnik Evropy, Austria-Hungary, literary magazine, external politics, imagology.*

References

1. *Inostrannoe obozrenie (IO) “Vestnika Evropy”* [Foreign Review (FR) of “Vestnik Evropy”], 1869, no. 10, 11; 1871, no. 9, 12; 1872, no. 1; 1882, no. 12; 1883, no. 3, no. 5, no. 9, no. 11; 1884, no. 1, no. 3, no. 9, no. 10; 1885, no. 1, no. 9, no. 11, no. 12; 1886, no. 3; 1887, no. 9, no. 11; 1888, no. 1-3, no. 6, no. 11; 1889, no. 2, no. 4, no. 8; 1890, no. 1; 1891, no. 5, no. 11; 1892, no. 7; 1893, no. 7; 1894, no. 4, no. 12; 1895, no. 6; 1896, no. 1, no. 7-9; 1897, no. 5, no. 12; 1900, no. 5; 1901, no. 9; 1902, no. 6, no. 9; 1903, no. 5, no. 10; 1904, no. 1, no. 5; 1905, no. 1; 1906, no. 11; 1907, no. 5, no. 6, no. 11; 1912, no. 3; 1913, no. 1, no. 7. (In Russ.).

2. Barakhova I. Pereorientatsiya vneshnepoliticheskogo kursa monarkhii Gabsburgov (1866—1871) [Reorientation of the foreign policy of Habsburg Monarchy (1866—1871)]. *Avstro-Vengriya: opyt mnogonatsional’nogo gosudarstva* [Austria-Hungary: Experience of a Multinational State]. Moscow, Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 1995. Pp. 106—131. (In Russ.).

3. Bismark O. *Mysli i vospominaniya: v 3 t.* [Thoughts and Recalls: in 3 vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial’no-ekonomicheskoe izdatel’stvo, 1940—1941. (In Russ.).

4. Ezhemesyachnaya Khronika [Monthly Chronicle]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1868, no. 9. (In Russ.).

5. Ezhemesyachnaya Khronika istorii, politiki, literatury [Monthly Chronicle of History, Politics and Literature]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1867, no. 8. (In Russ.).

6. Inostrannaya politika: Avstro-vengerskie dela [Foreign politics: Austro-hungarian affairs]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1879, no. 9. (In Russ.).

7. Inostrannaya politika: Politika "legkogo serdtsa" i slavyanskie dela [Foreign politics: Politics of "light hearts" and Slavic affairs]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1882, no. 3. (In Russ.).

8. Inostrannaya politika: Sovremennaya politicheskaya rol' Germanii [Foreign politics: Modern Political role of Germany]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1876, no. 6. (In Russ.).

9. Inostrannaya politika: Vostochnaya politika Avstrii i finansovyi krizis v Konstantinopole [Foreign politics: Austrian Eastern politics and financial crisis in Constantinople]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1881, no. 12. (In Russ.).

10. Kashintsev I. Po povodu makedonskogo voprosa: pis'mo iz Sofii [On Macedonian question: a Letter from Sofia]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1902, no. 9. (In Russ.).

11. Korrespondentsiya iz Veny: Avstriya i Balkanskie slavyane [Correspondence from Vienna: Austria and Balkan Slavs]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1882, no. 5. (In Russ.).

12. Korrespondentsiya iz Veny: Rabochii vopros v Avstriiskom parlamente [Correspondence from Vienna: Labor question in Austrian parliament]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1883, no. 7. (In Russ.).

13. Kovalevskii M.M. Sud'ba Balkan [Fate of the Balkans]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1913, no. 1. (In Russ.).

14. Neskol'ko slov po povodu Yuzhno-slavyanskogo voprosa [A Few Words on Southern Slavic question]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1876, no. 10. (In Russ.).

15. Pervol'f O.O. Khronika: mad'yary i vostochnyi vopros. Ch. I [Chronicle: Magyars and the Eastern question. Pt. I]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe],1877, no. 9. (In Russ.).

16. Pervol'f O.O. Khronika: mad'yary i vostochnyi vopros. Ch. II — Okonchanie [Chronicle: Magyars and the Eastern question. Pt. II]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1877, no. 10. (In Russ.).

17. Politicheskie zametki: Avstriya, Germaniya i slavyane. Ch. I [Political notes: Austria, Germany and the Slavs: Pt. I]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1881, no. 4. (In Russ.).

18. Politicheskie zametki: Avstriya, Germaniya i slavyane. Ch. II [Political notes: Austria, Germany and the Slavs: Pt. II]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1881, no. 5. (In Russ.).

19. Politika Avstrii [Austrian Politics]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1869, no. 10. (In Russ.).

20. Pypin A.N. Panslavizm v proshlom i nastoyashchem [Panslavism in the past and today]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1878, no. 10. (In Russ.).

21. Slonimskii L.Z. Balkanskie dela i russkaya politika: pis'mo iz Sofii [Balkan Affairs and Russian politics: A Letter from Sofia]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1910, no. 8. (In Russ.).

22. Vozobnovlennyi troistvennyi soyuz i obshchaya politika v Evrope [Renewed Triple Alliance and common politics in Europe]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1902, no. 8. (In Russ.).

23. Zametka slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva v Bolgarii o makedonskom voprose [Note of Slavic charitable society in Bulgaria on Macedonian question]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1903, no. 10. (In Russ.).

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2020. № 1. С. 55—62.

DOI 10.24411/2542-0275-2020-0106

Краниология и портретная реконструкция лица по черепу индивида из некрополя домонгольского времени Боз-Адыр на Тянь-Шане

А. И. Нечвалода
Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального научного центра РАН, Уфа, Россия

Публикация посвящена исследованию черепа молодого мужчины из кургана № 28 могильника Боз-Адыр в Притяньшанье в долине реки Туура-Суу на территории Кыргызстана. Создание курганов датируются тюркским и монгольским временем. Череп принадлежал молодому мужчине, который обладал монголоидным краниологическим комплексом центрально-азиатского типа. Проведенный сравнительный анализ (метод Гейнке) показал его наибольшую близость выборке черепов забайкальских бурят и черепам монгольского времени. По черепу была выполнена портретная антропологическая реконструкция, отразившая центрально-азиатский фенотип индивида из кургана № 28. Результаты повторно проведенного молекулярно-генетического анализа полностью соотносятся с результатами морфологического исследования.

Ключевые слова: *Кыргызстан, могильник Боз-Адыр, краниология, реконструкция лица по черепу, метод Гейнке, палеогенетик.*

Могильник Боз-Адыр разведан в 2011 г. и находится на территории Тонского района Иссык-Кульской области республики Кыргызстан (рис. 1). Некрополь состоит из 20 курганных насыпей расположенных по длине горной гряды в долине реки Туура-Суу. По мнению автора раскопок, погребальный обряд и обнаруженные артефакты дают основание относить курганы к монгольскому и тюркскому времени [Табалдиев, Акматов, 2014]. Череп молодого мужчины из кургана 28 могильника Боз-Адыр был передан автором раскопок для выполнения скульптурной антропологической реконструкции лица по черепу «методом Герасимова».

Рис. 1. Могильник Боз-Адыр на территории Кыргызстана в южном Прииссыкулье

Выбор данного черепа для восстановления прижизненного облика объясняется тем обстоятельством, что костные останки индивида из кургана № 28 подверглись палеогенетическому анализу в рамках программы «137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes» (137 древних геномов человека из евразийских степей) [D. P. de Barros, N. Marchi, S. Rasmussen et al., 2018].

Это дает нам в руки редкую возможность сопоставить результаты молекулярно-генетического анализа с результатами морфологического исследования черепа в рамках традиционных методов физической антропологии (краниология и реконструкция лица по черепу).

Краниология. *Описание черепа*. Краниологический материал исследовался по стандартной методике, принятой в отечественной антропологии [Алексеев, Дебец, 1964]. Череп (рис. 2) молодого мужчины (биологический возраст 20—25 лет) происходит из кургана № 28 (раскопки 2013 г., судя по маркировке на черепе) могильника Боз-Адыр (Тонский район, Иссык-кульская область Кыргызстана). Погребенный в могильной яме находился головой на север. Как отмечает автор раскопок, «для погребенных монгольской эпохи характерно положение вытянуто на спине, головой на С, с некоторыми отклонениями на В или З» [Табалдиев, Акматов, 2014, с. 187]. Проведеный анализ 14С дал более ранние даты домонгольского времени. Погребенный из могильника Боз Адыр, согласно датировке по 14С (1150—1218 гг.), жил в домонгольский период. По историческим данным, время проживания погребенного относится к киданьскому (каракиданьскому) периоду истории данного региона.

Рис. 2. Череп мужчины из могильника Боз-Адыр в двух основных нормах. Слева — лицевая норма; справа — боковая

Сфероидная мозговая капсула укороченная (табл. 1) и очень широкая, по указателю гипербрахикранная (М. 8:1. = 90,9). По высотно-продольному указателю — ортокран (средневысокий свод), по высотно-поперечному — тапейнокран (низкий свод). Отношение продольного диаметра к сагиттальной дуге малое (М. 1:25. = 47,2). Свод черепа очень низкий.

Лоб широкий, по отношению к ширине черепа средний (М. 9:8. = 58,5 / стенометоп). Лобная чешуя изогнута сильно (М. 29:26. = 87,6). Затылок очень широкий и сильно преломленный (М. 31:28. = 83,4).

Лицевой отдел скелета широкий и средневысокий по абсолютным краниометрическим показателям. Отношение верхней высоты лица к его ширине среднее, что говорит о широком, относительно средневысоком лице (М. 48:45 = 51,8 / мезен).

Лицо на орбитальном уровне сильно уплощено (большое значение назо-малярного угла). На уровне скул имеет среднею профилировку. Глубина клыковой ямки малая. Нос очень высокий и широкий, по своим пропорциям мезоринный (М.54:55. = = 49.1). Носовые кости очень слабо выступают из плоскости лица. Носовые кости имею среднею высоту при слабо профилированном плоском переносье (дакриальный угол = 106,0°). Нижний край грушевидного отверстия со слабо выраженными подносовыми ямками. Передне-носовой шип имеет среднее выступание, направлен горизонтально.

Орбиты округлой формы, средние по абсолютным размерам и по своим пропорциям (М. 52:51. = = 83,3 / мезоконх). Нижняя челюсть средних размеров, со слабо развитым макрорельефом в области прикрепления жевательных мышц. Подбородок округлой формы, средневыступающий.

Краниофенетика. Из краниофенетических признаков фиксируется метопический шов на лобной кости (см. табл. 1).

Сравнение по методу Гейнке. Для поиска ближайших аналогий физическому типу индивида из погребения кургана № 28 могильника Боз-Адыр было выполнено сопоставление описанного черепа с использованием формулы Гейнке, которая дает возможность сравнивать единичные черепа с сериями черепов по комплексу наиболее важных в расовой диагностике признаков. Сопоставление проводилось по одиннадцати линейным признакам (№№ по Мартину — M1, M8, M9, M45, M;8, M51, M52, M54, M55, M77, $M75_{(1)}$ и пяти указателям — продольно-поперечному M1/M8; скуловому M48/M45; носовому M54/M55; орбитному M52/M51; лобно-поперечному M9/M8. В качестве сравнительных были привлечены краниологические серии близкие к современности народов Средней Азии, Казахстана и Центральной Азии [Алексеев, Трубникова, 1984], а также палеоантропологические выборки черепов тюркского и монгольского времени [Гинзбург, Трофимова, 1972]. Таким образом, учитывая монголоидную морфологию черепа, наиболее близкой к анализируемому черепу оказалась выборка близких к современности черепов забайкальских бурят, что позволяет высказаться

Таблица 1

Индивидуальная краниометрическая (линейные размеры в *mm;* угловые в *гр*.) и краниоскопическая характеристика черепа из кургана № 28 могильника Боз-Адыр

№ кургана	28	
Пол	♂	
Возраст	adultus	
Признак		**Категория признака**
1. Продольный диаметр	177,0	средний
1b. Продольный диаметр от on	177,5	средний
8. Поперечный диаметр	161,0	оч. большой
Поперечно-продольный указатель	90,9	ультрабрахикран
17. Высотный диаметр	124,0	оч. малый
Высотно-продольный указатель (от ba)	70,0	ортокран
Высотно-поперечный указатель (от ba)	77,0	тапейнокран
23a. Горизонтальная окружность через on	538,0	оч. большой
24. Поперечная дуга	325,0	большой
25. Сагиттальная дуга	375,0	средний
Продольно-сагиттальный указатель	47,2	малый
5. Длина основания черепа	99,0	малый
11. Ширина основания черепа	140,0	оч. большой
12. Ширина затылка	121,0	оч. большой
31. Затылочная хорда	96,0	средний
28. Затылочная дуга	115,0	средний
Развитость наружного затылочного выступа (баллы 0—5)	0,0	
27. Теменная дуга	115,0	малый
30. Теменная хорда	100,0	оч. малый
Выступание сосцевидного отростка	2,5	
9. Наименьшая ширина лба	96,0	большой
10. Наибольшая ширина лба	129,0	оч. большой
Лобный (широтный) указатель	74,4	малый
Лобно-поперечный указатель	58,5	стенометоп
29. Лобная хорда	114,0	средний
26. Лобная дуга	130,0	средний
Развитие надпереносья (баллы 1—6)	3,5	
Надбровные дуги	2,0	
Форма черепа сверху	sferoid	
45. Скуловой диаметр	141,0	большой
40. Длина основания лица	100,0	средний
48. Верхняя высота лица	73,0	средний
43. Верхняя ширина лица	106,0	средний
46. Средняя ширина лица	108,0	оч. большой
47. Полная высота лица	116,0	средний
77. Назо-малярный угол	148,1°	большой
<Zm'. Зиго-максиллярный угол	137,6°	средний
Поперечный фацио-церебральный указатель	86,0	оч. малый
Лобно-скуловой указатель	68,1	малый
Общелицевой указатель	82,3	эурипрозоп
Верхнелицевой указатель	51,8	мезен
Вертикальный фацио-церебральный указатель	59,8	оч. большой
Глубина клыковой ямки	0,4	оч. малый
55. Высота носа	57,0	оч. большой
54. Ширина носа	28,0	большой
Носовой указатель	49,1	мезорин
DS. Дакриальная высота	11,0	средний
49a. Дакриальная ширина	29,0	оч. большой
Дакриальный указатель	37,9	малый
< D. Дакриальный угол	105,6°	нег
Максилло-фронтальная высота	6,0	нет
50. Максилло-фронтальная ширина	20,3	нет
<M. Максилло-фронтальный угол	149,2°	нет
Максилло-фронтальный указатель	29,6	нет
SS. Симотическая высота	3,2	средний
57. Симотическая ширина	8,2	средний
<S. Симотический угол	104,0°	
Симотический указатель	39,0	средний
75(1). Угол выступания носа	17,0°	оч. малый
Выступание передней носовой ости (баллы 1—5)	3,0	
Форма нижнего края грушевидного отверстия	fossae praenasalis	
51. Ширина орбиты (от mf)	42,0	средний
43(1). Биорбитальная ширина	99,0	малый
52. Высота орбиты	35,0	средний
Орбитный указатель (mf)	83,3	мезоконх
60. Длина альвеолярной дуги	51,0	малый
61. Ширина альвеолярной дуги	68	оч. большой

в пользу центрально-азиатского морфотипа черепа из кургана № 28. К сравнительному анализу были привлечены также материалы тюркского времени (суммарная серия VI—XII вв. н. э.) и монгольского времени (XIII—XV вв. н. э.). Наибольшую близость к черепу из Боз-Адыра обнаружила серия черепов монгольского времени (табл. 2). Стоит отметить, что в данном случае результаты палеогенетического анализа соотносятся с результатами, полученными традиционными методами физической антропологии — краниологии и реконструкции лица по черепу.

Таблица 2

Череп из погребения кургана № 28 некрополя Боз-Адыр в сравнении с некоторыми современными и средневековыми краниологическими сериями. Метод Гейнке

1.	Боз-Адыр-Буряты забайкальские	0,917
2.	Боз-Адыр-Казахи	1,103
3.	Боз-Адыр-Тувинцы	1,111
4.	Боз-Адыр-Буряты тункинские	1,147
5.	Боз-Адыр-Киргизы	1,172
6.	Боз-Адыр-Монгольское время	1,201
7.	Боз-Адыр- Монголы	1,210
8.	Боз-Адыр-Калмыки	1,280
9.	Боз-Адыр-Тюркское время	1,314
10.	Боз-Адыр-Буряты западные	1,489
11.	Боз-Адыр-Якуты	1,630

Восстановление лица по черепу. Основополагающие принципы восстановления лица по черепу, использованные в данной работе разработаны в трудах Кольмана и Бюхли [Kollmann, Büchly, 1898], М. М Герасимова [Герасимов, 1949, 1955], а также его учеников и последователей в России [Лебединская, 1998; Никитин, 2009; Нечвалода, 2015] и за рубежом [Prag, Neave, 1997; Taylor, 2000; Taylor, Angel, 1998; Wilkinson, 2004].

Работа по восстановлению прижизненного облика индивида из кургана 28 выполнялась по копии черепа из пластика. Аутентичный череп хорошей сохранности, вполне мог выдержать процедуру реконструкции лица по черепу с использованием скульптурного пластилина. Нам представляется желательным, чтобы аутентичный череп (или его копия, если это возможно) находился перед глазами антрополога, работающего над восстановлением прижизненного облика человека: это помогает избежать грубых ошибок при скульптурном моделировании элементов лица и дает непосредственную возможность контроля над процессом создания скульптурной маски.

Основные элементы лица. Глаза. Средний диаметр глазного яблока по данным судебно-медицинских исследований 25,0—26,0 мм. По данным Вольфа [Wolf, 1948], в среднем глазное яблоко человека достигает 23,0 мм в высоту и 23,5 мм в ширину. При моделировании и постановке глазного яблока в орбиту использовались пластиковые протезы глазных яблок (Ø 24,0 мм)[1]. Направление глазной щели, судя по расположению глазничного бугорка на правой орбите (на левой слабо выражен), определяется как косовнутреннее.

Эпикантус. Важным процедурным моментом в работе при моделировании глаз явилось определение присутствия эпикантуса (т. н. «монгольской складки» века в области внутреннего угла глаза) [Лебединская, 1998; Никитин, 2009; Усачева, 2010].

В частности С. А. Никитину, исследовавшему 30 черепов, принадлежавших японским военнопленным и их прижизненные фотографии, сохранившиеся в личных делах, принадлежит наблюдение о связи и степени выраженности эпикантуса с фронтальной ориентировкой лобных отростков верхнечелюстных костей. Он же предложил измерять угол между лобными отростками верхней челюсти с помощью мягкой медной (свинцовой) проволоки, прикладывая ее к отросткам и носовым костям на уровне точек дакрион [Никитин, 2009, с. 154, 155]. Мы исчисляли данный угол тригонометрическим способом, используя следующие краниометричекие размеры: масксиллофронтальную ширина, максилло-фронтальная высота минус симотическая высота и нахождение угла через tn (A). В нашем случае: MC. 20,3 / 2 = 10,15; MS. 6.0 – SS. 3,2 = 2,8; 10,15 / 2,8 = 3,625 далее находим tn (A), равный 74,577 × 2. Таким образом, угол между лобными отростками верхнечелюстных костей равен 149,1°.

Такие морфологические особенности строения орбиты, как присутствие небольшой костной площадки в верхней части медиальной стенки глазницы, большая ширина лунки слезного мешка, средняя относительная высота орбиты, расположение глазничного бугорка на орбитальном крае орбиты, а также уплощенное переносье (дакриальный угол = 106,0°), угол между лобными отростками верхнечелюстных костей (= 149,1°) со всей вероятностью свидетельствуют о присутствии эпикантуса у данного индивида (рис. 3).

[1] Хочется помянуть добрым словом Виктора Рыжова — уфимского специалиста-офтальмолога, предложившего и запатентовавшего метод изготовления пластикового протеза глазного яблока в России.

Рис. 3. Моделирование эпикантуса на основе морфологических «маркеров» орбиты индивида из кургана № 28. Вверху: a — ширина ямки слезного мешка; b — площадка в верхней части медиальной стенки орбиты. Посередине: c — направление глазной щели от точки на середине заднего слезного гребня до точки находящейся на вершине слезного гребня левой орбиты

Нос. Нос широкий и высокий. Основной морфологический маркер ширины мягкого носа при его моделировании это расстояние между альвеолярными возвышениями клыков (*alare-alare* = 37,0 мм). Высота крыльев носа диктуется расстоянием от точки *crista conhale* до уровня *subspinale* (= 17,0 мм). Таким образом, нос моделировался широким, с высокими, слабо рельефными, учитывая форму грушевидного отверстия, крыльями носа. Спинка восстановленного носа слабоволнистая, кончик носа широкий (рис. 4).

Рот. Зубы верхней и нижней челюсти хорошо сохранились за исключением посмертно утерянных: I_1 правого и левого на нижней челюсти, $P_{1,2}$ на нижней челюсти, $P^{1,2}$ на верхней челюсти слева. Сохранившиеся зубы позволили выставить нижнею челюсть в окклюзионную плоскость и определить форму прикуса. Сохранившиеся медиальные резцы верхней челюсти имеют крупные размеры и перекрывают резцы нижней челюсти (псалидонтия). Верхняя челюсть диктует выступающую (прохейлия) форму невысокой верхней губы (рис. 5).

Подбородок. Нижняя челюсть не имеет выраженного макрорельефа в местах прикрепления парных жевательных мышц. Подбородок округлой формы, со слабо оформленным подбородочным бугром, визуально средневыступающий.

В результате восстановления внешнего облика молодого мужчины из кургана 28 по черепу получен портрет, отражающий не только антропологический тип (фенотип) индивида из могильника Боз-Адыр, но и его индивидуальные (портретные) особенности (рис. 6).

Образец ДНК из зуба индивида из кургана № 28 могильника Боз Адыр был секвенирован и опубликован в научной работе «137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes» [D. P. de Barros, N. Marchi, S. Rasmussen et al., 2018] под номером DA106. Из-за деградации ДНК

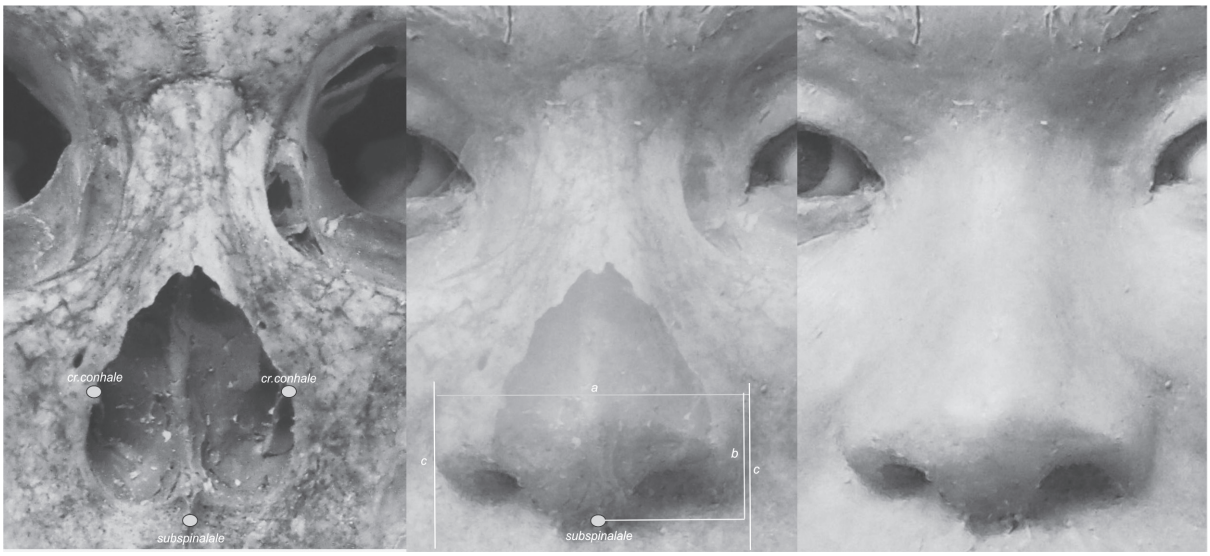

Рис. 4. Моделирование мягкого носа относительно морфологических маркеров лицевого скелета. Слева: точки crista conhale у основания верхней носовой раковины определяющие высоту крыла носа от точки subspinale; Посередине: a — высота крыла носа; b — линии, продолжающие альвеолярные возвышения в области клыков; c — ширина носа

Рис. 5. Этапы реконструкции лица по черепу мужчины из кургана № 28. Слева: совмещение черепа и скульптурной маски в боковой норме, на рисунок нанесена линия, соединяющая антропометрические точки subspinale и prostion на черепе и диктующая форму выступающей верхней губы и ее высоту. Справа: один из этапов моделирования левой половины лица

Y-хромосомы, извлеченной из зуба, во фрагментированной последовательности определялась лишь принадлежность данного образца к гаплогруппе C2—M86, но не ее субклад.

В связи с чем был взят дополнительный костный образец из височной части черепа для повторного генетического исследования. Результат анализа ДНК Y-хромосомы показал гаплогруппу C2—Y12792, что соответствует степной ветви гаплогруппы C2—M86.

Результат анализа мтДНК, определяющей прямую материнскую линию, показал гаплогруппу C4b1. Данная гаплогруппа в основном встречается у коренных жителей восточной Сибири и восточной Азии[1].

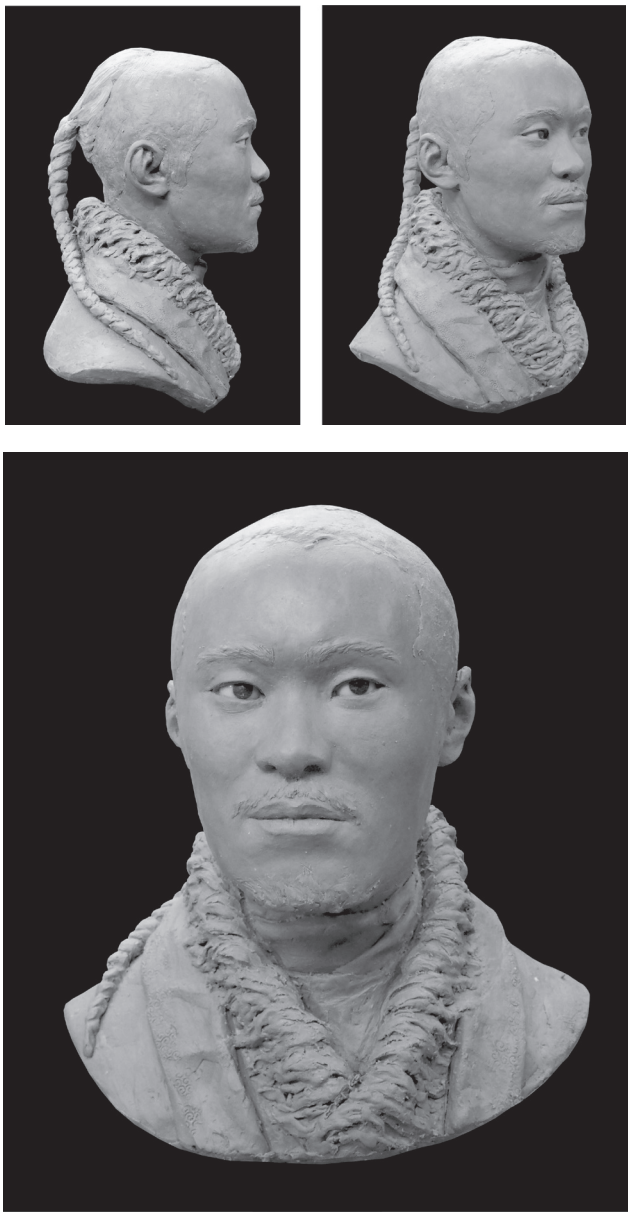

Рис. 6. Завершающий этап реконструкции прижизненного облика мужчины из кургана № 28 могильника Боз-Адыр (смоделирована прическа и атрибутика). Автор Алексей Нечвалода © 2020

[1] Повторное палеогенетическое исследование образца из височной кости индивида из кургана № 28 могильника Боз Адыр осуществлено в рамках казахстанского проекта Shejire DNA.

Список литературы

1. Алексеев, В. П. Краниометрия. Методика антропологических исследований / В. П. Алексеев, Г. Ф.Дебец. Москва : Наука, 1964. 128 с.

2. Алексеев, В. П. Некоторые проблемы таксономии и генеалогии азиатских монголоидов (краниометрия) / В. П. Алексеев, О. Б. Трубникова. Новосибирск : Наука, 1984. 128 с.

3. Герасимов, М. М. Основы восстановления лица по черепу / М. М. Герасимов. Москва : Сов. наука, 1949.

4. Герасимов, М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) / М. М. Герасимов // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. XXVIII. Москва : Изд-во АН СССР, 1955. 585 с.

5. Гинзбург, В. В. Палеоантропология Средней Азии / В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. Москва : Наука, 1972. 371 с.

6. Нечвалода, А. И. Лицом к Лицу. Альбом скульптурных и графических реконструкций / А. И. Нечвалода. Москва : Старый сад, 2015. 115 с.

7. Никитин, С. А. Пластическая реконструкция портрета по черепу / С. А. Никитин // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. Москва : Московский Кремль, 2009. С. 137—167.

8. Лебединская, Г. В. Реконструкция лица по черепу (методическое руководство) / Г. В. Лебединская. Москва : Старый сад, 1998. 125 с.

9. Табалдиев, К. Ш. Деревянные остовы седел из могильника Боз-Адыр на Тянь-Шане / К. Ш. Табалдиев, К. Т. Акматов, Ж. Орозбекова // Вестник Новосибирского государственного универстета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 186—196.

10. Усачева, Л. Л. Восстановление внешнего облика по черепу : учеб. пособие / Л. Л. Усачева, Ю. А. Токарева. Москва : ЭКЦ МВД России, 2010. 152 с.

11. Kollman, J. Die Persistenz der Rassen und die Rekonstruktion der Physiognomie prähistorischer Schädel / J. Kollman, W. Büchly // Archiv für Anthropologie. 1898. Bd. XXV. S. 329—359.

12. Meindl, R. S. Ectocranial suture closure: a revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures / R. S. Meindl, C. O. Lovejoy // American Journal of Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 57—66.

13. Prag, J. Making faces: Using forensic and archaeological evidence / J. Prag,R. Neave . London : British Museum, 1997.

14. Rynn, C. Prediction of nasal morphology from the skull / C. Rynn, C. M. Wilkinson, H. L. Peters // Forensic Science, Medicine and Pathology. 2010. Vol. 6, № 1. P. 20—34.

15. Taylor, K. T. Forensic art and illustration / K. T. Taylor. Boca Raton : CRC Press, 2000.

16. Taylor, R. G. Facial reconstruction and approximation / R. G. Taylor, C. Angel // Craniofacial identification in forensic medicine / eds. J. G. Clement, D. L. Ranson. London : Arnold, 1998. P. 177—185.

17. Wilkinson, C. Forensic facial reconstruction / C. Wilkinson. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.

18. Wolff, E. The Anatomy of the Eye and Orbit / E. Wolff. 3rd ed. London : H.K. Lewis, 1948.

19. 137 ancient human genomes from across the eurasian steppes / D. P. de Barros, N. Marchi, S. Rasmussen et al. // Nature. 2018. № 557. P. 369—374.

Сведения об авторе

Нечвалода Алексей Иванович — научный сотрудник отдела этнологии Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИИЯЛ УФИЦ РАН), Уфа, Россия. *striwolf@mail.ru*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 55—62.

Craniology and portrait facial reconstruction from the skull of an individual in the Boz-Adyr necropolis of the pre-mongolian period in the Tien Shan

A.I. Nechvaloda

Federal state budgetary institution of science Institute for history, language and literature, Ufa scientific center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia. striwolf@mail.ru

The work studies the skull of a young man from mound No. 28 of the Boz-Adyr burial ground in the Pre-Tien Shan in the Tuura-Suu river valley in Kyrgyzstan. The mounds date back to the Turkic and Mongolian times. The skull belonged to a young man who had a Mongoloid craniological complex of the Central Asian type. The comparative analysis (the Heinke method) showed its greatest similarity to the skulls of Trans-Baikal Buryats and the skulls of the Mongolian time. A portrait anthropological reconstruction was performed on the skull, reflecting the Central Asian phenotype of the individual from mound No. 28. The results of the repeated molecular genetic analysis are fully correlated with the results of the morphological study.

Keywords: *Kyrgyzstan, Boz-Adyr burial ground, craniology, facial reconstruction from the skull, Heinke method, paleogenetics.*

References

1. Alekseev V.P., Debets G.F. Kraniometriya. *Metodika antropologicheskih issledovaniy* [Craniometry. Methods of anthropological research]. Moscow, Nauka, 1964. 128 p. (In Russ.).

2. Alekseev V.P., Trubnikova O.B. *Nekotorye problemy taksonomii i genealogii aziatskih mongoloidov (kraniometriya)* [Some problems of taxonomy and genealogy of Asian Mongoloids (craniometry)]. Novosibirsk, Nauka, 1984. 128 p. (In Russ.).

3. Gerasimov M.M. *Osnovy vosstanovleniya litsa po cherepu* [Basics of facial reconstruction from the skull]. Moscow, Sovetskaya nauka, 1949. 187 p. (In Russ.).

4. Gerasimov M.M.Vosstanovlenie litsa po cherepu (sovremennyy i iskopaemyy chelovek) [Facial reconstruction from the skull (modern and fossil man)]. *Trudy instituta etnographii AN SSSR. Novaya Seriya. T. XXX-VIII* [Proceedings of the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences. New series. Vol. XXXVIII]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR, 1955. 585 p. (In Russ.).

5. Ginzburg V.V., Trofimova T.A. *Paleoantropologiya Srednej Azii* [.Paleoanthropology Of Central Asia]. Moscow, Nauka, 1972. 371 p. (In Russ.).

6. Lebedinskaya G.V. *Rekonstruktsiya litsa po cherepu* [Reconstruction of the face from the skull]. Moscow, Staryy Sad, 1998. 125 p. (In Russ.).

7. Nechvaloda A.I. *Litsom k Litsu. Al'bom skul'pturnyh i graficheskih antropologicheskih rekonstruktsiy* [Face-to-Face. Album of sculptural and graphic anthropological reconstructions]. Moscow, Staryy Sad, 2015. 115 p. (In Russ.).

8. Nikitin S.A. Plasticheskaya rekonstruktsiya portreta po cherepu [Plastic reconstruction of the portrait on the skull]. *Nekropol' russkih velikih knyagin' i tsarits v Voznesenskom sobore Moskovskogo Kremlya* [Necropolis of Russian Grand Duchesses and Tsarinas in the Voznesenskiy Cathedral of the Moscow Kremlin]. Vol. 1. Moscow, Moscow Kremlin, 2009. Pp. 137—167. (In Russ.).

9. Tabaldiev K. Sh., Akmatov K.T., Orozbekova Z.H. Derevyannye ostovy sedel iz mogil'nika Boz-Adyr na Tyan'-Shane [Wooden skeletons of saddles from the Boz-Adyr burial ground in the Tien Shan]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2014, vol. 13, iss. 5: Arheologiya i etnografiya. Pp. 186—196. (In Russ.).

10. Usacheva L.L., Tokareva Yu.A. *Vosstanovlenie vneshnego oblika po cherepue* [The Reconstruction of the external appearance of the skull: a tutorial]. Moscow, EKC MVD Rossii, 2010. 152 p. (In Russ.).

11. Kollann J., Buchly W. Die Persistenz der Rassen und die Rekonstruktion der Physiognomie prahistorischer Schadel. *Archives fur Anthropologie*, 1898, no. 25, pp. 329—359.

12. Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectocranial suture closure: a revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures. *American Journal of Physical Anthropology*, 1985, no. 68, pp. 57—66.

13. Prag J., Neave R. Making faces: Using forensic and archaeological evidence. London, British Museum, 1997. 256 p.

14. Rynn C., Wilkinson C.M., Peters H.L. Prediction of nasal morphology from the skull. *Forensic Science, Medicine and Pathology*, 2010, vol. 6, no. 1, pp. 20—34.

15. Taylor K.T. Forensic art and illustration. Boca Raton, CRC Press, 2000.

16. Taylor R.G., Angel C. Facial reconstruction and approximation. *Craniofacial identification in forensic medicine.* London, Arnold, 1998. Pp. 177—185.

17. Wilkinson C. *Forensic facial reconstruction*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. P. 292.

18. Wolff E. The Anatomy of the Eye and Orbit. 3rd ed. London, H.K. Lewis; 1948.

19. De Barros D.P., Marchi N., Rasmussen S. et al. 137 ancient human genomes from across the eurasian steppes. *Nature*, 2018, no. 557, pp. 369—374.

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2020. № 1. С. 63—81.

DOI 10.24411/2542-0275-2020-0107

Проблема соотнесения европейской, евразийской и китайской хронологии Бронзового века

С. А. Григорьев
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Челябинск, Россия

В настоящее время основой археологической хронологии является радиоуглеродный анализ. С внедрением процедуры калибровки данные этого анализа стали намного древнее исторических дат, основанных на ближневосточных и египетских письменных источниках. Вместе с тем по мере совершенствования метода наблюдается тенденция смещения этих дат в обратном направлении. Для синташтинской культуры ранее принимались радиоуглеродные даты в пределах 2200—1650 гг. до н. э., сейчас они сместились в диапазон XX—XXVIII вв. до н. э., а исторические даты лежат в диапазоне XVIII—XVII в. до н. э. При этом исторические даты Китая и Микенской Греции достаточно близки друг другу, что очевидно при анализе появления в Европе и в Китае евразийских бронз сейминско-турбинского типа. В первом регионе они распространяются в периоды A2b,c, а во втором непосредственно предшествуют началу Шанской Династии. Эти даты близки и дендрохронологии Альпийского региона. В итоге если по радиоуглеродным датам начало сейминско-турбинских бронз датируется от XXV до XXIII вв. до н .э., то по историческим оно соответствует XVIII в. до н. э., а появление этих бронз в Европе и Китае относится к периоду 1600—1550 г. до н. э., что было отчасти связано с появлением федоровской культуры около 1600/1550 г. до н. э. В силу этого в статье делается вывод, что исторические даты более корректны и по мере улучшения радиоуглеродного анализа, его данные совпадут с ними.

Ключевые слова: *Хронология, бронзовый век, Европа, Евразия, Китай, радиоуглеродный анализ, исторические даты, Сейма-Турбино*.

Введение

Основой для хронологических построений в археологии был и во многом остается типологический метод. Выделение комплекса признаков и сопоставление их в тех или иных культурах позволяли привязывать эти признаки к ближневосточной археологии, и тем самым к письменным источникам и исторической хронологии. Однако возможности этого подхода были ограничены периодами, когда появились письменные источники, и теми ареалами, где можно выстроить цепочки связей с Ближним Востоком. В большинстве случаев эти связи были не прямыми. Однако с возникновением радиоуглеродного метода в руках археологов появился универсальный механизм датировки любых комплексов, но это вызвало и некоторое удревнение всех дат. Многие результаты были неожиданными. Это было названо «радиоуглеродной революцией» [Renfrew, 1973]. С появлением калибровочных кривых даты стали еще древнее, и они далеко оторвались от исторических. И эта проблема особенно актуальна в том случае, когда мы занимаемся изучением процесса миграций на большие расстояния, особенно когда эти миграции связаны с Ближним Востоком.

В археологии большинства регионов традиционно господствовали идеи об автохтонном развитии культур, но с широким использованием палеогенетики стало очевидно, что в древней истории Евразии имели место многочисленные миграции на огромные расстояния. Это позволяет выявлять основные направления этих миграций, но существует ряд парадоксов, которые объясняются, вероятно, тем, что ситуация была намного более сложной и динамичной, а процессы порой разнонаправленными или вовсе встречными. Очень интересная ситуация наблюдается при сопоставлении центрально- и восточноевропейских комплексов. Р. А. Литвиненко (2009) предложил формирование бабинской культуры под воздействием центральноевропейских импульсов, а Р. А. Мимоход (2018) сделал аналогичный вывод по абашевской культуре. Но процесс этот был, вероятно, более масштабным. Он начался с каких-то южных импульсов из Закавказья, которые проникают в Восточную и отчасти Центральную Европу и достигают Урала, и в то же время имели место импульсы из Центральной Европы на восток, которые привели к формированию не только абашевской и бабинской, но и воронежской культур[1].

[1] Эти сложные разнонаправленные миграционные процессы хорошо подтверждаются и палеогенетическими исследованиями. Сопоставление их результатов показывает достаточно строгое соответствие обсуждаемой схемы той реконструкции, которая сделана на археологических материалах [Григорьев, 2020].

Первоначально это было привязано к концу стадии Bz A1 по периодизации П. Райнеке [Grigoriev, 2002, p. 388—390], затем с началом стадии Bz A1b [Литвиненко, 2009a; Lytvynenko, 2013, p. 135—137]. Но недавно эти процессы были синхронизированы с более поздней стадией Bz A1c [Grigoriev, 2019].

Сходным образом обстоит дело в период Bz A2b, когда в Европу проникают традиции сейминско-турбинской металлообработки, но затем, в рамках фазы Bz A2c имели место обратные импульсы, которые привели к распространению микенских[1] орнаментов вплоть до Казахстана. И парадоксальным образом типологически более поздние вещи, маркирующие смешение сейминско-турбинской традиции с уральскими традициями (так называемые «евразийские» типы), появляются на стадии Bz A2b, а одно классическое сейминское копье типа КД-20, типологически более раннее, обнаружено в комплексе Бородинского клада с микенскими орнаментами, который относится к горизонту Хайдушамшон-Апа и, соответственно, к более поздней стадии Bz A2c [Grigoriev, 2018]. Второе копье этого клада относится к типу КД-34, и на востоке его аналог происходит из алакульского погребения кургана Близнецы [Черных, Кузьминых, 1989, с. 80]. И понять эти процессы без четкого понимания хронологической позиции комплексов довольно трудно.

К сожалению, парадокс с Бородинским кладом показывает, что строгое применение типологического метода для оценки хронологии не всегда правомерно. Какие-то стереотипы могут на отдельных территориях сохраняться дольше или появляются гораздо раньше, чем считается. На Урале и в Казахстане существовала общепринятая последовательность культур: Синташта — Петровка — Алакуль. Однако наши исследования поселения Мочище, изучение стратиграфических ситуаций, анализ ситуации на других памятниках ареала и учет радиоуглеродных дат показали, что в действительности все эти комплексы одновременны и формируются в начале синташтинской культуры, и лишь после ее конца алакульские стереотипы распространяются широко и охватывают все пространство от Урала до Восточного Казахстана [Григорьев, 2016; Григорьев и др., 2018]. Это снимает и ряд иных проблем уральской археологии. В частности, на могильнике Шайтанка установлено сосуществование сейминско-турбинских бронз и керамики коптяковского типа, которая сохраняет архаичные аятские черты, но сформировалась под алакульским воздействием, и дата комплекса определяется в рамках первой трети II тыс. до н. э. [Корочкова и др., 2020, с. 109, 113, 116, 120]. Недавно это сосуществование петровских, синташтинских и алакульских традиций было подтверждено и новой серией дат для петровских комплексов [Краузе и др., 2019]. Ярким памятником, отражающим это сосуществование, является мог. Степное VII, где сейминско-турбинские вещи присутствуют в алакульских погребениях [Куприянова, Таскаев, 2018]. Существовали трактовки этого комплекса как отражающего плавный переход от синташтинских к петровским стереотипам и далее к алакульским [Куприянова, 2015., с. 147, 148], но мы уже обсуждали, что сейминско-турбинские, синташтинские, петровские и алакульские традиции в нем сосуществуют [Григорьев и др., 2018, с. 141]

Сходная ситуация наблюдается и в Центральной Европе. Весь период РБВ (Bz A) Южной Германии сейчас датируется с 2150/2100 г. до н. э. до 1700 г. до н. э. При этом даты комплексов с типичными изделиями фазы Bz A1 сливаются с датами комплексов с изделиями фазы Bz A2, из чего делается вывод о том, что эти комплексы не являются последовательными хронологическими феноменами, а отражают региональные особенности [Stockhammer et al., 2015]. Вероятно, этот вывод несколько преувеличен. Комплексы этих фаз, конечно, отражают хронологию, но сохранение старых стереотипов в одних ареалах и более раннее появление новых в других, безусловно, имело место. Однако этот эффект явно усиливается также рассеиванием радиоуглеродных дат.

При этом мы видим, что конечные даты европейского РБВ явно намного древнее исторических дат шахтных гробниц, с которыми заключительная часть этого периода должна синхронизироваться. Это хорошо известная проблема. Например, при исторических датах извержения Санторина в пределах 1525—1500 гг. до н. э. разные варианты радиоуглеродных дат приходятся на XVII в. до н. э., что объясняют дефектами исторической хронологии, и предполагается, что при использовании «длинной» Эгейской хронологии ситуация улучшится, хотя полностью это проблему не решит [Friedrich et al., 2006; Manning et al., 2006, рю 567, 569][2]. Та же ситуация наблюдается при

[1] К этим орнаментам применяются также иные термины, «карпато-микенские» или «Хайдушамшон-Апа». Здесь мы не будем глубоко вдаваться в эту проблему, она требует отдельного детального рассмотрения для понимания того, какие региональные особенности в большей степени проявляются на востоке. Эта работа посвящена проблеме хронологии, и в любом случае это распространение на восток идет из довольно близкого ареала, и хорошо маркирует хронологический рубеж.

[2] Существование трех хронологий Ближнего Востока, «короткой», «средней» и «длинной» построено на том,

попытках соотнести радиоуглеродную хронологию с месопотамской и египетской. Для времени 1000 г. до н. э. погрешность составляет 200 лет, а для более ранних периодов она увеличивается [Michael, 2004, p. 18]. К сожалению, это обстоятельство не всегда учитывается при исторических реконструкциях. Например, при обосновании более ранней даты евразийских колесниц (до 2000 г. до н. э.) относительно ближневосточных (1800 г. до н. э.) Е. Е. Кузьмина и Д. Энтони совершенно проигнорировали тот факт, что первая дата радиоуглеродная, а вторая историческая [Anthony, 2007, p. 402, 403; Kuz'mina, 2007, p. 232, 334].

Совершенно очевидно, что эти даты несопоставимы и должны рассматриваться отдельно. То есть мы должны независимо друг от друга использовать две хронологические шкалы: историческую и радиоуглеродную. В принципе, это проблема, понятная всем специалистам, но давайте усложним ее вопросом: какую радиоуглеродную хронологию?

Синташтинская хронология

При попытках свести воедино европейскую и евразийскую хронологию, мы сталкиваемся с рядом трудностей. Наиболее известными евразийскими комплексами являются синташтинские и сейминско-турбинские. Синташтинская культура в рамках радиоуглеродной хронологии датировалась 2200—1650 гг. до н. э. [Черных, 2007, с. 86]. И большую порцию ранних дат дали старые анализы Киевской и Вильнюсской лабораторий. Однако впоследствии, с более широким использованием АМС дат, даты культуры стали моложе. В результате мы сталкиваемся с рядом парадоксов. Молодин и соавторы в своей обобщающей работе по радиоуглеродной хронологии Евразии решили эту проблему достаточно просто, отсекая ранние синташтинские даты, назвав их «одиозными». В итоге для культуры был принят интервал XX—XVIII вв. до н. э. [Молодин и др., 2014, с. 140]. Этот интервал сейчас широко используется, являясь, с учетом большого количества дат, общепринятым.

Но точно так же они поступили с датировками алакульской культуры. В целом это культура андроновского времени, существовала позже синташты, но много лет назад для Чистолебяжского и Хрипуновского могильников этой культуры в Зауральской лесостепи были получены даты в пределах последней трети III тыс. до н. э. [Матвеев, 1998, с. 359—373; Матвеев и др., 2007]. Это соответствовало в то время ранним синташтинским датам, и поскольку считалось, что алакульская культура формировалась на основе петровской, а та, в свою очередь, синташтинской, эти даты никем всерьез не рассматривались. В уже упоминавшейся работе эти даты приводятся, но исключаются из дальнейшего обсуждения [Молодин и др., 2014, с. 142, 143]. Однако потом мы получили алакульские даты на поселении Мочище, которые тоже попадали в синташтинский интервал. И на тот момент 43 % алакульских дат оказались в том же интервале. С учетом стратиграфических и топологических ситуаций был сделан вывод о том, что алакульская и петровская культуры начинают формироваться практически одновременно с синташтинской на северо-восточной и восточной периферии синташтинского ареала [Григорьев и др., 2018, с. 164, 165].

Другой пример. Доно-волжская абашевская культура имеет много общего с синташтой, но она явно позже и синхронна уже раннесрубным и микенским древностям. С Липецкого кургана этой культуры происходит четыре даты в пределах XXIV—XXI вв. до н. э. И все они были признаны ложными, поскольку оказались древнее синташтинских дат [Мимоход, 2016, с. 46—49].

То есть решение об отсечении некоторых дат часто принимается, исходя не из самих дат, а из представлений о периодизации культур. Старые даты действительно явно удревнены. Но в этом случае мы должны отказываться от использования их всех, а не тех, которые выпадают из интервала, который нам представляется приемлемым. В противном случае появляется произвольное использование тех или иных дат. Например, Р. А. Мимоход, пытаясь доказать более раннюю хронологическую позицию посткатакомбного культурного блока (Бабино, Лола) и абашевской культуры показывает их даты в пределах XXII—XX вв. до н. э., с наличием дат от XXIV в. до н. э., что раньше интервала дат XX—XVIII вв. до н. э., который сейчас принят для синташтинской культуры [Мимоход, 2011,. 43, 48]. Однако среди этих ранних дат есть много дат, сделанных в те

что в царских списках между 1450 г. до н.э. и концом I династии Вавилона существует неопределенный разрыв в 80, 144 или 200 лет. И именно этот последний вариант, на котором построена «длинная» хронология, мог бы сблизить исторические даты с радиоуглеродными, хотя и не добиться полного совпадения. Однако этот вариант последние годы считается маловероятным, и обсуждается лишь два других: «короткой» и «средней» хронологии с различием около 60—70 лет [Parzinger: 1993. S. 283]. Аналогичная проблема существует и в египетской хронологии, где вариации дат для Нового Царства составляют 20—50 лет, а для Среднего — 50—100 лет. Поскольку мы обсуждаем период, соответствующий Среднему Царству и началу Нового, мы имеем сходный интервал погрешностей. Но в любом случае это предшествует радиоуглеродным датам.

же годы и в той же Киевской лаборатории, что и отвергнутые синташтинские даты. То есть для сравнения взяты очевидно несопоставимые данные. Наш анализ встречаемости вещей показывает формирование синташты и посткатакомбных комплексов практически одновременно [Григорьев, 2018, с. 41—44; Grigoriev, 2019, p. 235, 236].

Иногда встречается иное использование этого раннего блока синташтинских дат для обоснования формирования синташтинской культуры на базе абашевской и полтавкинской культуры Восточной Европы. Так, например, Д. Энтони, пытаясь показать более раннюю позицию полтавкинской и абашевской культур относительно синташтинской, объясняет ранний блок дат Синташтинского могильника тем, что они получены из полтавкинских погребений, и полтавкинское население начало раньше осваивать этот регион. В действительности в его таблице наиболее ранние даты дают погребения 11 и 39 комплекса СМ [Anthony, 2007, p. 374]. А это стандартные синташтинские погребения с соответствующей посудой, классическим синташтинским комплексом металла и псалиями [см. Генинг и др., 1992, р. 155—161, 228—234].

Тем самым мы видим, что старые и новые радиоуглеродные даты слабо сопоставимы, и их использование вместе приводит к конфузу. Это универсальная ситуация. В этом плане показателен пример, продемонстрированный на шотландских материалах П. Эшмор: при использовании 129 дат с погрешностью менее 50 лет их пик пришелся на 4000 г. до н. э., а при использовании 45 дат с погрешностью менее 10 лет этот пик начинается около 3800 г. до н. э. [Ashmore, 2004, p. 126]. То есть произошло омоложение на 200 лет. И мы должны принимать во внимание также то, что в эту более раннюю выборку включены и даты второй группы, без которых эта разница была бы, вероятно, более значительной. Тем самым мы имеем дело с совершенно парадоксальной ситуацией. Если до этого мы могли какие-то комплексы рассматривать отдельно в рамках исторической и радиоуглеродной хронологии, то теперь мы вынуждены внутри радиоуглеродной хронологии сопоставлять комплексы лишь в случае одинаковых доверительных интервалов.

Однако мы знаем и много других проблем. Часто датирование разного материала (кости человека, животных, рыбы, угля, зерна, керамики) дают разные интервалы, и начинается поиск объяснений этого «резервуарным эффектом» или иными причинами. Это необходимый подход, но это вносит свою долю неопределенности при сопоставлении результатов больших серий анализов разных территорий.

Существует еще одна очевидная проблема. Даже при 68,2 % вероятности радиоуглеродные даты дают довольно большие интервалы в 200—300 лет. С точки зрения статистической, это низкая вероятность. Примером может быть наше датирование ряда жилищ поселения Мочище, где мы получили сравнительно компактную группу дат, но разница составляла 200 лет, хотя жилища были построены относительно одновременно [Григорьев и др., 2018, с. 158—167]. А для сейминско-турбинского комплекса Шайтанка диапазон дат составил 550 лет [Черных и др., 2017]. При более высокой вероятности 95,4 % мы получаем такие широкие диапазоны, которые лишают нас возможности какого-то внятного обсуждения соотношения культурных комплексов и культурных процессов. В итоге мы вынуждены относиться с осторожностью к небольшим сериям дат, поскольку метод пока работает лишь на статистическом уровне [Müller, 1998, s. 66]. Поэтому безусловно то, что радиоуглеродный анализ не дает календарных дат. Он пока позволяет ранжировать материалы относительно друг друга, причем в случае хороших и сопоставимых серий. Иными словами, мы можем сравнить диапазоны существования двух культур и понять их соотношение. Но при решении более сложных детальных задач мы должны помнить об условности полученных данных.

И, с учетом очевидного дрейфа радиоуглеродных дат в сторону исторических, по мере совершенствования метода окончательное решение этой проблемы наступит тогда, когда доверительные их интервалы сузятся до минимума, и сами радиоуглеродные даты совпадут с историческими.

Ранее для евразийских комплексов существовало две линии связей с историческими датами: балканская и китайская. Они были построены на сопоставлении синташтинских псалиев с микенскими, наличии микенских орнаментов на сейминско-турбинских копьях Бородинского клада и наличии копий, схожих с сейминско-турбинскими, в Китае. В результате балканская линия связей давала время XVI в. до н. э., а китайская XIV в. до н. э. Однако копья, использовавшиеся для обоснования китайской линии связей, происходят из контекста позднего Шан (Аньянский период), и к решению проблемы отношения не имеют, а балканская достаточно важна [Генинг, 1975, с. 94, 95; Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 26—34; Черных, 1970, с. 101; Черных, Кузьминых, 1989, с. 259]. Впоследствии Е. Е. Кузьмина на основании сопоставления синташтинских и микенских псалиев была склонна датировать синташтинскую культуру периодом XVII—XV вв. до н. э. [Kuz'mina,

2007, p. 232]. Однако это домикенские комплексы, и они должны относиться к предшествующему времени.

В гробнице IV круга А Микен обнаружены костяные дисковидные псалии типа IA, которые распространены в культурах синташтинского и постсинташтинского времени Восточной Европы и Казахстана [Kuz'mina, 2007, p. 117], что всеми справедливо рассматривается как признак восточных импульсов перед началом или в начале появления этих гробниц. Кроме того, вплоть до Казахстана на костяных изделиях в это время известны микенские орнаменты, что указывает уже на последующий импульс в обратном направлении. Данные орнаменты в целом нетипичны для Синташты, кроме одного погребения в могильнике Каменный Амбар [Епимахов, 2002, рис. 6, *4*], но они присутствуют на памятниках доно-волжской абашевской, петровской, алакульской культур и на изделиях потаповского типа (поволжский вариант синташтинской культуры) [Бочкарёв, Кузнецов, 2013]. В результате мы можем связать этот горизонт конца существования синташтинской культуры со временем широкого распространения этих орнаментов за пределы Греции, то есть с началом Позднеэлладского I периода Греции, горизонтом Хайдушамшон-Апа, или Bz A2c в рамках периодизации П. Райнеке. И подчеркиваю, это ни в коем случае не основание датировать этим временем синташтинскую культуру, а скорее, ее конец. И с каким-то поздним этапом Синташты мы можем связать само проникновение этой традиции в Грецию. Начало Позднеэлладского I Маринатос относил к 1550 г. до н. э. [Marinatos, 1976, p. 66], но наиболее общепринятой датой является 1600 г. до н. э. [Mylonas, 1974, p. 243; Shelmerdine, 2001, p. 332, tabl. 1; Tartaron, 2008, p. 84; Theoharis, 1974, p. 131]. Соответственно, это дата конца Синташты, а сама культура соотносится со Среднеэлладским III периодом, но у нас нет оснований для синхронизации нижних границ этих комплексов (табл. 1).

Анализ показывает, что начало синташтинской культуры синхронно концу 2-го этапа среднедонской катакомбной культуры, началу Абашевской, Лолинской и Бабинской культур в Восточной Европе, а вещевой комплекс этих культур позволяет синхронизировать их начало с началом фазы Bz A1c в Центральной Европе. Многие из этих изделий имеют широкие хронологические диапазоны, но полная взаимовстречаемость восточноевропейских и центральноевропейских комплексов наблюдается лишь в этой фазе (рис. 1, табл. 2) [Grigoriev, 2019]. Весь период Bz A в рамках исторической хронологии относится к 1900—1700 до н. э. [Coles, Harding, 1973, p. 67], а типичные для периода шейные гривны имеют параллели в сирийском Угарите времени 1900—1850 гг. до н. э. [Krause, 2003, s. 168]. Поскольку синхронизация этого периода с Синташтой возможна лишь в последнюю подфазу A1c, то начало этой культуры должно быть в пределах XVIII в. до н. э. Ближневосточные параллели синташтинской культуры лежат в пределах XIX—XVII вв. до н. э., но наибольшее число этих параллелей появляется лишь с XVIII в. до н. э., что вполне согласуется с европейской линией привязок. Если же допустить наше предположение о том, что синташтинская миграция была стимулирована проникновением касситов в междуречье Тигра и Евфрата и вплоть до бассейна Хабура, то возможной датой является 1742—1740 гг. до н. э. [Grigoriev, 2002, p. 136, 137]. Р. А. Мимоход, опираясь на К. Х. Кушнареву и Р. А. Литвиненко [Кушнарева, 2007; Литвиненко, 2010], пишет о синхронизации кармирбердской культуры Закавказья с блоком колесничных культур, и предлагает дату в рамках старовавилонского периода, т. е. XIX—XVIII вв. до н. э. [Мимоход, 2013, с. 263, 264], что вполне соответствует сказанному выше. Соответственно, и период Bz A1c должен начинаться в рамках XVIII в. до н. э. Таком образом, если сейчас в системе радиоуглеродных дат Синташта датируется диапазоном XX—XVIII вв. до н. э., то в системе исторических дат она относится к XVIII—XVII в. до н. э.

Сейминско-турбинская хронология

Сейминско-турбинские бронзы распространены чрезвычайно широко от Молдавии (где сейминские копья присутствуют в комплексе Бородинского клада) до Южной Сибири [Черных, Кузьминых, 1989], что позволяет на их основе уточнять абсолютную хронологию Евразии. К сожалению, большинство из них являются случайными находками или происходят из материалов старых раскопок. В результате ситуация с радиоуглеродными датами сейминско-турбинских бронз оставляет желать лучшего. Даты памятника Шайтанка на Урале укладываются в диапазон 2150—1600 гг. до н. э. [Черных и др., 2017, с. 50—53], и это слишком широкий интервал для однокультурного могильника. Сейминско-турбинские комплексы Барабы в Западной Сибири датированы в пределах 2300—2000 гг. до н. э., а связанная с сейминско-турбинскими бронзами елунинская культура — 2200—1800 гг. до н. э. [Молодин и др., 2014]. Но елунинская культура в Восточном Казахстане дает даты с середины XXV в. до н. э. до первой трети XVIII в. до н. э. [Мерц, Святко, 2016, с. 133]. В целом же сейминско-турбинские

Таблица 1

Синхронизация культур РБВ Центральной и Юго-восточной Европы и Евразии[1]

Фазы Райнеке	Фазы Венгрии	Ю. Германия, Австрия	Чехия, Моравия, Словакия	Венгрия	Польша	Греция	Вост. Европа	Урал и Казахстан
B1	СБВ 3	Курганная культура, Ветеров	Курганная культура, Ветеров, Мадьяровце, Северопаннонская, Отомани-Фюзешабонь	Косидер, Ватья III	Тшинецко-комаровская	ПЭ	Срубная	Алакуль, Федоровка
A2c	СБВ 3	Арбон, Ветеров	Ветеров, Мадьяровце, Северопаннонская, Отомани-Фюзешабонь	Сёрег 5 Ватья III Инкрустированной керамики	Тшинецко-комаровская	ПЭ	Раннесрубная, Покровская, Потопово	Алакуль, Федоровка, Петровка
A2b	СБВ 2	Арбон, Ветеров, Унтервёльбинг	Унетице-Ветеров, Унетице-Мадьяровце, Отомани-Фюзешабонь, Хатван	Визельбург-Гата, Сёрег 4 Ватья II, Инкрустированной керамики	Тшинецко-комаровская	СЭ	Потопово, Бабино, Абашево	Синташта, Сейма-Турбино, ранний Алакуль, Петровка
A2a	СБВ 1	Штраубинг, Адлерберг, Унтервёльбинг	Унетице, Хатван, Коштянская, Отомани	Визельбург-Гата, Сёрег 3, Инкрустированной керамики, Ватья Ia,b	Межановицкая	СЭ	Потопово, Бабино, Абашево	Синташта, Сейма-Турбино, ранний Алакуль, Петровка
A1c	РБВ 3	Штраубинг, Адлерберг, Унтервёльбинг	Унетице, Унетице-Нитра, Хатван, Коштянская, Отомани	Ватья Ia, Надьрев II, Визельбург-Гата, Сёрег 2 Кисапостаг 3,	Межановицкая	СЭ	Потопово (?), Бабино, Лола, Абашево	Синташта, Сейма-Турбино, ранний Алакуль, Петровка
A1b	РБВ 3	Штраубинг, Адлерберг, Унтервёльбинг	Ранняя Унетице, Нитра, Хатван, Коштянская, Отомани	Визельбург-Гата, Сёрег 1 Надьрев, Кисапостаг 2	Межановицкая	РЭ	Катакомбная, Полтавка	Энеолит

[1] Таблица составлена на основе моих более ранних публикаций [Grigoriev: 2018; 2019], в которых культуры Словакии, например, были разделены на три территориальные части. Здесь все культуры объединены в более крупные группы, что не позволяет отразить такой факт как сосуществование на соседних территориях разновременных комплексов. Очень условно здесь намечена ситуация в Восточной Европе, которая требует детальной и достаточно сложной проработки. Кроме того, любая хронологическая система с горизонтальными линиями изначально дефектна. Поэтому таблица здесь приводится для того, чтобы помочь читателю с наиболее общей ориентацией в обсуждаемом периоде.

комплексы Западной Сибири попадают в интервал XXVII—XXI вв. до н. э., без крайних значений в интервал XXV—XXII вв. до н. э., а даты могильника Ростовка — XXIII—XXI вв. до н. э. При этом значения δ13C и δ15N коллагена костей указывают на резервуарный эффект, который в Западной Сибири удревняет возраст образцов до 200—300 лет [Ковтун и др., 2017, с. 272, 273]. Но даже если мы вычтем 300 лет из дат без крайних значений, мы получим интервал XXIII—XIX вв. до н. э., что предшествует явно синхронным синташтинским комплексам, которые имеют сейчас более поздние даты. Поэтому на сегодняшний день мы не можем опираться на радиоуглеродные даты для Сеймы-Турбино. Однако у нас есть возможность оценить финальные даты этих бронз на основе европейских материалов.

Удобство связи с европейской хронологией обусловлено тем, что до сейминского времени в Европе отсутствовали втульчатые изделия. В Центральной Европе копья «евразийского» типа, формирующиеся в результате взаимодействия сейминско-турбинских и синташтинско-алакульских традиций, распространяются в период A2b, но появляются, вероятно, уже в самом конце периода A2a, а комплекс Бородинского клада

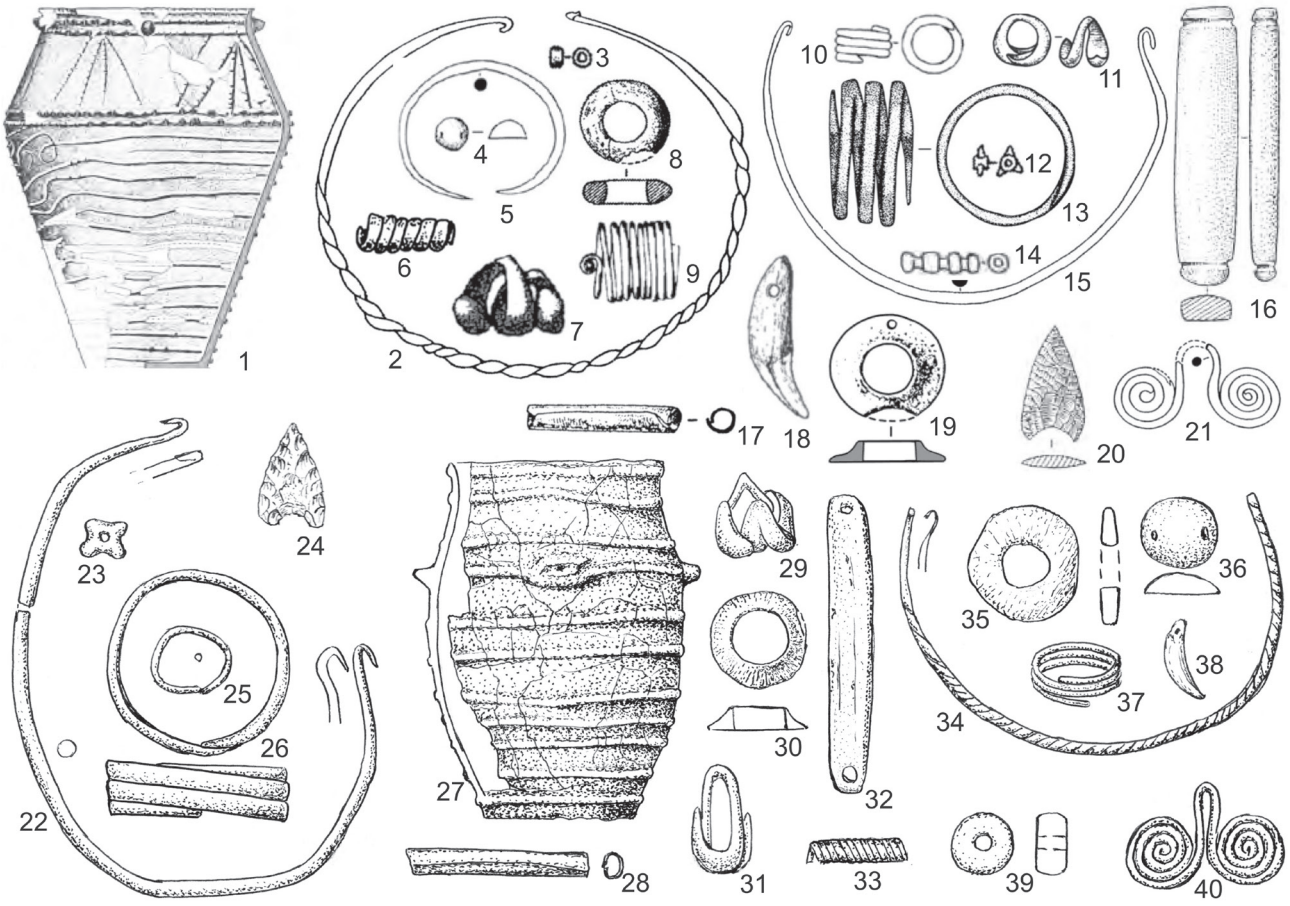

Рис. 1. Некоторые параллели восточноевропейских (1—3, 6, 8, 11—17, 19—21 — Бабино, 4, 5, 7, 9, 10 — Абашево, 18 — Лола) и центральноевропейских культур (22, 34 — Хатван, 23, 39 — Надьрев, 24 — Нитра, 25, 35 — Мадьяровце, 26, 36, 40 — Ватья, 27 — Рона, 28 — Кисапостаг, 29, 31—33, 37, 38 — Унетице, 30 — Адлерберг): 1, 27 — керамика, 2, 12, 14, 23, 39 — фаянсовые бусины, 3, 15, 22, 34 — медные гривны, 4, 36 — бляшки с двумя отверстиями, 5, 9, 10, 13, 25, 26, 37 — медные кольца и браслеты, 6, 33 — спиральные пронизи, 7, 29 — желобчатые подвески с обратной петлей, 8, 19, 30, 35 — костяные пряжки, 11, 31 — желобчатые подвески, 16, 32 — каменные накладки для рук, 17, 28 — трубчатые пронизи, 18, 38 — подвески из клыков животных, 20, 24 — кремневые стрелы, 21, 40 — очковидные подвески; (1—3, 6, 8, 11—17, 19—21, 27, 30 [Lytvynenko, 2013]; *4, 5, 7, 9, 10, 18* [Мимоход, 2011; 2013]; *22, 34* [Novotná, 1984]; *23, 26, 28, 39* [Vicze, 2011]; *24, 25, 35, 36, 37, 40* [Bátora, 2000], *29, 31, 32, 38* [Jiráň, 2008]; *33* [Chropovský, 1960]*).*

с «классическими» сейминскими копьями, относится к более позднему периоду A2c [Grigoriev, 2018] (рис. 2). Соответственно, в рамках микенской хронологии поздняя фаза их существования датируется концом СЭ III — началом ПЭ I. Исходя из того, что мы выше говорили о микенской хронологии, это происходит около 1600 г. до н. э. Но поскольку сейминско-турбинские древности сосуществуют частично с раннесрубными, на востоке они могут сохраняться несколько дольше. В Швейцарии дендрохронологические даты периода Bz A2b (именно в это время там появляются первые литые втульчатые копья) соответствуют 1650—1600 гг. до н. э., а с 1600 г. до н. э. появляются изделия первой фазы культур Ветеров и Мадьяровце, т. е., периода Bz A2c [Conscience, 2005; Primas, 2008, s. 6; Tarot, 2000, s. 1, 2, 9, 10]. Соответственно, в рамках дендрохронологии, 1600 г. до н. э. является начальной датой для Бородинского клада и распространения микенских орнаментов в Центральной и Восточной Европе. Фактически, эта дата близка концу Синташты и Сеймы-Турбино. Но она совпадает и с микенской хронологией, заставляя в очередной раз сомневаться в достоверности радиоуглеродных дат.

Показательно и то, что копья, восходящие к сейминско-турбинской традиции, появляются в это время и в Китае (рис. 2). Почти одновременное

Таблица 2

Датировка центральноевропейских изделий Раннего Бронзового Века с восточноевропейскими аналогиями.

Типы	Поздний энеолит	A0	A1a	A1b	A1c	A2a	A2b	A2c	B
Биритуальные захоронения	+	+	+	+	+	+			
Валиковая орнаментация	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Отсутствие изделий в форме ивового листа					+	+	+	+	+
Простые кольца из проволоки	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Спиральные пронизи и накосницы	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Трубчатые пронизи	+	+	+	+	+	+	+	+	
Желобчатые подвески в 1,5 оборота				+	+	+	+	+	+
Желобчатые подвески в 1,5 оборота с обратной петлей					+	+			
Браслеты из проволоки	+	+	+	+	+	+	+	+	
Спиральные перстни и браслеты	+	+	+	+	+	+	+	+	
Короткие спиральные браслеты	+	+	+	+	+				
Гривны			+	+	+	+			
Очковидные подвески					+	+	+	+	+
Бляшки с двумя отверстиями				+	+	+	+	+	
Диадемы		+	+	+	+	+	+	+	
Костяные проколки	+	+	+	+	+	+	+	+	
Костяные диски с центральным отверстием				+	+	+			
Круглые пряжки с центральным отверстием				+	+	+			
Подвески из раковин			+	+	+	+	+		
Подвески из клыков животных	+	+	+	+	+	+	+	+	
Оселки	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Накладки для защиты руки			+	+	+				
Наконечники стрел с выемкой в основании		+	+	+	+	+	+		
Круглые и цилиндрические фаянсовые бусы			+	+	+	+			
Фаянсовые сегментированные бусы					+	+	+	+	
Бусы с четырьмя выступами				+	+	+	+		

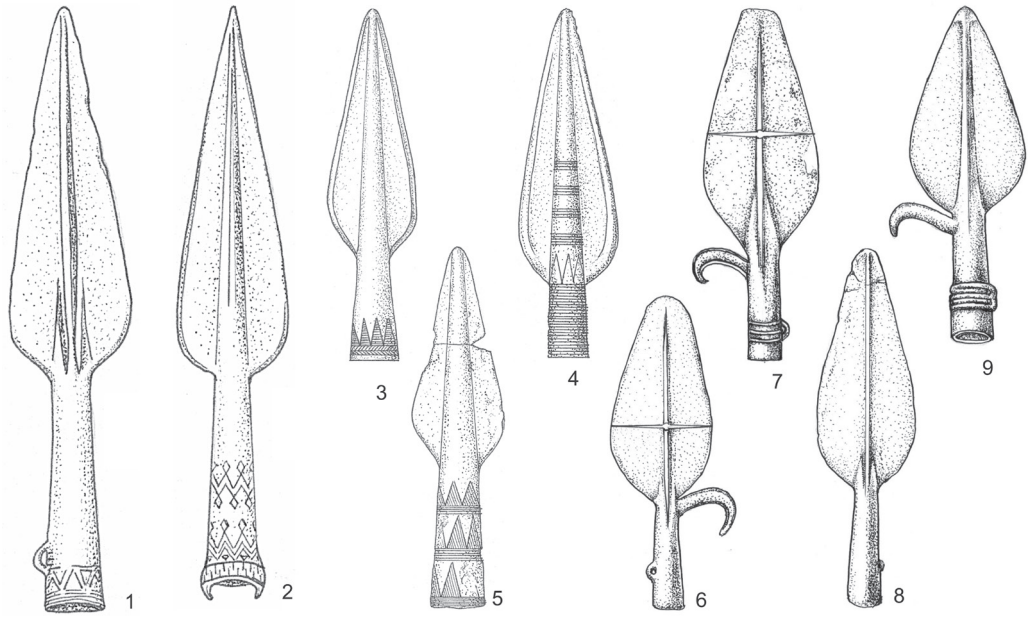

Рис. 2. Сейминско-турбинские копья и их производные в Европе (1—5) и в Китае (6—9): 1, 2 — Бородинский клад [Черных, Кузьминых, 1989]*, 3 — Флонхайм* [Gebers, 1978]*, 4 — Редерихаузен* [Müller-Karpe, 1980]*, 5 — Нитрянски Храдок* [Schubert, 1974]*, 6 — Сяванган, 7 — Шенна, 8 — Чаоян, 9 — Шэнси* [Lin, 2014; Lin, Liu, 2017]

распространение этой традиции далеко на запад и на восток из первичного ареала в Южной Сибири, говорит о вынужденном характере этих миграций, вызванных, вероятно, продвижением андроновских (федоровских) племен.

В китайской археологии давно обсуждается серия находок сейминско-турбинского типа в культурах Циця и Сыба в провинции Ганьсу [Fitzgerald-Huber, 1995; Mei, 2003]. К сожалению, из всего приводимого списка только четыре изделия можно с этим типом отождествить. Остальные вещи являются поздними, карасукского времени. Тем не менее собственно сейминские (или выполненные на основе сейминской традиции) изделия там есть, но они присутствуют от востока Ганьсу до Бохайского залива. Для них обычно принимается достаточно ранняя дата [Lin, 2014, p. 664], но оснований датировать их появление раньше слоя Эрлитоу III нет, так как с этим слоем связан нож сейминско-турбинского типа. Иные находки мы можем отнести к периоду Эрлитоу в целом. Поэтому, строго говоря, со времени Эрлитоу III сейминско-турбинская традиция уже надежно присутствует в Китае. Однако малое количество находок из надежного контекста позволяют допускать и ее более раннее первичное появление в конце периода Эрлитоу II, тем более что отдельные находки оловянных сплавов, там как будто есть.

Слой Эрлитоу III демонстрирует очевидные социально-экономические изменения: дворцовая архитектура, обилие металла, оловянные бронзы и так далее. Поэтому возможно, именно он маркирует начало Шанской династии. Правда, безусловным временем Шан является последующий период Эрлиган, и именно слой Эрлитоу IV содержит керамические материалы, сопоставимые с этим культурным комплексом. Соответственно, очень трудно предположить, на основании чего мы проводим отождествление материальной культуры и начала династии — на основании металлургической традиции или керамики. Допустимы оба варианта. Мы можем допускать, что в бассейн Среднего Хуанхэ сначала проникает сейминско-турбинская традиция, а позже приходят Шанцы. Существует любопытное наблюдение: стены дворцовых и культовых построек в Эрлитоу ориентированы с отклонением на 5˚ к западу от направления на север, а в период Эрлиган это отклонение 10—20˚ к востоку. И многие ученые видят в этом признак смены династии, поскольку следующая смена ориентации построек происходит в период династии Чжоу [Campbell, 2018, p. 63]. Ориентировки ритуальных объектов связаны с мифологической картиной мира, с религией. Это очень четко проявляется в наклоне граней египетских пирамид, где это зависело от местности, откуда происходила та или иная династия [Grigoriev, 2015]. И мы можем в этом случае допускать, что овладев территорией царства Ся, шанские владыки первоначально пытались подчеркнуть династическую преемственность или общие корни, восходящие к эпохе Пяти Императоров. И лишь потом, с закреплением династии, они вспомнили о собственных корнях. Поэтому даже такой очевидный, на первый взгляд, признак не является однозначным.

В современной радиоуглеродной хронологии (без учета прежних более ранних дат) слой II Эрлитоу датируется периодом около 1740—1590 гг. до н. э., слой III периодом 1610—1555 гг. до н. э., а слой IV периодом 1560—1520 гг. до н. э. [Zhang et al., 2008, p. 197—210]. А в исторической хронологии начало династии Шан относится к 1576 (до завоевания Ся), 1558 или 1554 г. до н. э. [Keightley, 1999, p. 248; Nivison, 1999, p. 14; Pankenier, 1981—1982, p. 21]. В данном случае мы сталкиваемся с довольно сложным выбором. Если мы выбираем первый радиоуглеродный интервал (слой III) для отождествления с началом Шан, то радиоуглеродные даты, как и на западе, тоже оказываются древнее, но лишь на 35—60 лет, что кажется вполне достоверным. Начало Шанской династии совпадает с наиболее принятой датой начала ПЭ I периода Греции, около 1600 г. до н. э. Но проникновение сейминско-турбинской традиции в Центральную Европу происходит по исторической хронологии на 50 лет раньше, чем в Китай. Но выше мы допускали, что эта традиция могла появиться в Китае и несколько раньше, в финале или поздней фазе периода Эрлитоу II, и в этом случае ее появление в Европе и Китае близко по времени.

Если же мы останавливаемся на втором интервале (Эрлитоу IV), то китайские радиоуглеродные даты и историческая хронология очень точно совпадают. С чисто формальной точки зрения мы должны сказать, что это совпадение указывает на правомерность второго интервала, и нашим китайским коллегам наконец удалось решить эту проблему отклонений радиоуглеродных дат[1].

[1] В подтверждение этого приводится пример, что дата начала правления императора У Дин 1250 г. до н. э. совпала с радиоуглеродной датой 1250 ± 11 г. до н. э. [Yin, 2002, p. 3]. Но, во-первых, этот пример не показателен для более ранних периодов. Во-вторых, такие вопросы нельзя решать на основе единичных дат, так как даже сломанные часы дважды в день показывают правильное время. И это касается любых примеров совпадения радиоуглеродных дат с исторической

В этом случае проникновение сейминско-турбинской традиции в бассейн Хуанхэ предшествует Шан. Но в смысле сопоставления с их проникновением в Европу ситуация не меняется. Оно происходит в рамках китайской исторической хронологии около конца XVII в. до н. э., на 40—50 лет позже проникновения этой традиции в Центральную Европу в период Bz A2b, около середины XVII в. до н. э. по альпийским дендродатам. А начало фазы Bz A2c и ПЭ I на такой же отрезок времени предшествует началу Шанской династии или вовсе совпадает с ней, если правомерна дата 1550 г. до н. э. для начала ПЭ I, предложенная Маринатосом. Но более ранняя дата около 1600 г. до н. э. вызывает больше доверия, так как согласуется с Альпийской дендрохронологией. И, я повторю, не исключено, что проникновение сейминско-турбинской традиции в Китай происходит в рамках поздней фазы периода Эрлитоу II, и в этом случае оно синхронно ее появлению в Европе[1].

Если же предположить, что мы можем использовать факт распространения сейминско-турбинской традиции на запад и восток как основу синхронизации отдаленных комплексов, то мы можем эту позднюю фазу периода Эрлитоу II синхронизировать с фазой Bz A2b в Европе и датировать ее от ок. 1650 г. до н. э., а начало периода несколько более ранним временем. Тогда начало периода Эрлитоу III будет наиболее приемлемым рубежом для начала Шанской династии. Но в этом случае встает два вопроса: 1) можем ли мы в рамках исторической хронологии датировать фазу II Эрлитоу вплоть до 1576/1558/1554 г. до н. э. (т. е. интервал ее существования был 100 лет, а не 150, как это показывает радиоуглеродный метод); 2) можем ли мы считать, что эти сейминские движения на восток и запад были синхронными? Ответов на это пока нет.

Существование этого выбора для начала Шан и неопределенность с точным временем проникновения сейминско-турбинской традиции в Китай заставляет нас оставить пока этот вопрос открытым. Он требует дальнейшей работы по синхронизации китайской и микенской хронологии. Вероятно, астрономические сведения из китайских и египетских источников помогут продвинуться в этом направлении, хотя они и не в состоянии решить проблему полностью. Мы должны понимать, что сейминско-турбинские племена могли продвигаться на запад и восток с разной скоростью, оседая на длительное время или сохраняясь в каких-то местах. Собственно, по ситуации в Европе мы видели, что после первой волны времени Bz A2b сейминско-турбинские материалы присутствуют в Бородинском кладе времени Bz A2c. Поэтому мы имеем достаточно широкий диапазон возможностей в пределах 1610—1550 гг. до н. э. И эта дата будет означать уже конец сейминско-турбинских бронз, начало Микен и Шан. Начало этому процессу было положено, судя по европейским материалам, около середины XVII в. до н. э. Но у нас нет никаких гарантий, что этот процесс был простым и одноразовым. Мы можем допускать первичное продвижение сейминско-турбинских племен после появления этого феномена в Южной Сибири, и последующее распространение под давлением андроновских (федоровских) племен. Соответственно, нет никаких гарантий того, что этот процесс в Европе и Китае был синхронным. Равным образом, у нас нет оснований для утверждений о том, что комплексы федоровской культуры полностью синхронны на всем протяжении от Урала до Енисея.

Однако в целом это близко по времени существенным культурным трансформациям в Евразии, когда прекращает существование синташтинская культура, носители раннеалакульской традиции вытесняются из лесостепного Зауралья в степь, где формируется классическая алакульская культура, размывающая прежние синташтинские и петровские стереотипы, и в лесостепи появляются андроновские (федоровские) племена. На первом этапе этого процесса восточные импульсы достигают Юго-восточной Европы, что проявилось в восточных псалиях в Микенах и в металлическом комплексе Бородинского клада. Но практически сразу имели место обратные импульсы, когда микенские орнаменты проникают на восток. Поэтому вероятно, именно продвижение федоровских популяций привело к этим существенным культурным сдвигам, и к смещению каких-то носителей сейминско-турбинской традиции далеко на восток, в Китай. Но это все могло быть и спусковым крючком глобальных трансформаций в Европе и Китае, которые вскоре последовали. И изучение процессов начала ПБВ и их хронологии в Северной Евразии поможет лучше понять историю континента в целом.

хронологией или дендрохронологией. В ситуации их значительного рассеивания мы всегда будем иметь случаи, когда какая-то дата попадет в желательный интервал. Но в силу природы радиоуглеродного метода ориентироваться мы должны на общую серии дат, а не на отдельные даты, выпавшие из общего интервала.

[1] Но и эту ситуацию мы можем усложнить, поскольку не исключено, что и в Европе эта традиция появляется не в фазе A2b с находками втульчатых копий, а в конце фазы A2a, поскольку в кладе Бюллендорф в Австрии найдено втульчатое тесло. Оно морфологически отлично от сейминской традиции, но до этого втульчатые изделия в Европе отсутствовали [Grigoriev, 2018, p. 43, 44].

Все сказанное позволяет нам построить очень предварительную таблицу абсолютной хронологии европейских, евразийских и китайских комплексов в системе исторических дат (табл. 3). Безусловно то, что на некоторых территориях какие-то культурные типы могли сохраняться дольше, и эта возможность в таблице не учитывается.

Заключение

Приведенные данные показывают, что радиоуглеродная хронология повсеместно дает более древние даты, чем историческая хронология и дендрохронология. В то же время исторические даты довольно близки дендрохронологическим. Более того, очень велика вероятность того, что исторические даты Китая и Микен тоже близки.

Таблица 3

Историческая хронология Европы, Евразии и Китая

Исторические даты	Центральная Европа	Греция	Евразия	Китай	Китайские династии
	Bz B1	ПЭ	Алакуль, Федорово	Эрлиган Эрлитоу IV	Шан
1600/1550 (?)	Bz A2c	ПЭ 1	Алакуль, Федорово	Эрлитоу III	Шан ? Ся ?
1650	Bz A2b	СЭ III	Синташта, Сейма-Турбино, Ранний Алакуль, Петровка	Эрлитоу II	Ся
?	Bz A2a	СЭ	Синташта, Сейма-Турбино, Ранний Алакуль, Петровка	Эрлитоу I	
Ок. 1740 (?)	Bz A1c	СЭ	Синташта, Сейма-Турбино, Ранний Алакуль, Петровка	Лоншань	

Возможно, сопоставление астрономических событий, описанных в китайских и ближневосточных источниках, помогут соотнести эти события с достаточно большой точностью. Радиоуглеродные даты комплексов, которые относительно одновременны (см. выше примеры Мочища и Шайтанки), образуют неправомерно широкие интервалы, не соответствующие возможной продолжительности существования этих памятников. Наблюдаемая в последние годы тенденция смещения радиоуглеродных дат в направлении исторических указывает на то, что по мере совершенствования метода мы получим даты, близкие именно историческим. И только когда радиоуглеродные даты будут ***устойчиво*** совпадать с историческими датами на Ближнем Востоке и дендрохронологией Альпийской зоны, этот метод будет вполне адекватным.

Но и работа по конструированию исторической хронологии будет крайне сложной. Как мы видели из вышеприведенного текста, есть много вопросов с микенской, китайской и евразийской абсолютной и относительной хронологией. Поэтому трудно надеяться, что нам удастся быстро решить эту проблему. Но я убежден, что в конечном итоге хронологическая система Евразии будет построена именно на исторических датах.

Благодарности

Это исследование стало возможным благодаря поддержке Фондом Александра фон Хумбольдта (Германия) работы в библиотеках Университета Гёттингена и Свободного университета Берлина, а также Словацким Агентством Академической Информации работы в библиотеке университета Братиславы. Я признателен также профессорам Лоренцу Рамсторфу (Университет Гёттингена), Эльке Кайзер (Свободный университет Берлина) и Йозефу Баторе (Университет Братиславы), создавшим условия для этой работы. Знакомство с китайскими материалами было обеспечено работой в Национальной библиотеке Тайваня при поддержке гранта Центра Китайских Исследований (Тайбэй, Тайвань).

Список литературы

1. Бочкарёв, В. С. Культурно-типологические характеристики древнейших дисковидных псалиев Северной Евразии / В. С. Бочкарёв, П. Ф. Кузнецов // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы : материалы темат. науч. конф. Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2013. С. 61—79.

2. Генинг, В. Ф. Хронологические комплексы XVI в. до н. э. (по материалам Синташтинского могильника) / В. Ф. Генинг // Новейшие открытия советских археологов : тезисы. Ч. 1. Киев : ИА АН УССР, 1975. С. 95—97.

3. Генинг, В. Ф. Синташта / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.

4. Григорьев, С. А. Индоевропейская проблема: основные тенденции в распространении языка, культуры и генов в Евразии / С. А. Григорьев // Степная Евразия: бронзовый мир : сб. науч. тр. к 80-летию Геннадия Борисовича Здановича / отв. ред. Т. С. Малютина. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. С. 73—109.

5. Григорьев, С. А. Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок в Южном Зауралье / С. А. Григорьев // Вестник археологии, антропологии, этнографии. 2016. № 3 (34). С. 44—53.

6. Григорьев, С. А. Проблема хронологии синташтинской культуры / С. А. Григорьев // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии : сб. науч. тр. к 80-летию Геннадия Борисовича Здановича. Т. 1 / отв. ред. Д. Г. Зданович. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018. С. 37—61.

7. Григорьев, С. А. Поселение Мочище и андроновская проблема / С. А. Григорьев, Л. Ю. Петрова, М. Л. Плешанов, Е. В. Гущина. Челябинск : Цицеро, 2018. 398 с.

8. Епимахов, А. В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы / А. В. Епимахов. Челябинск : ЮУрГУ, 2002. 170 с.

9. Ковтун, И. В. Радиоуглеродные даты и относительная хронология сейминско-турбинских, крохалёвских и самусьских древностей / И. В. Ковтун, А. Г. Марочкин, П. В. Герман // Труды V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле — Белокурихе / отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 269—274.

10. Корочкова, О. Н. Святилище первых металлургов Среднего Урала / О. Н. Корочкова, В. И. Стефанов, И. А. Спиридонов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. 214 с.

11. Краузе, Р. Петровские памятники бронзового века: проблемы таксономии и хронологии / Р. Краузе, А. В., Епимахов, Е. В. Куприянова, И. К. Новиков // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. № 47 (1). С. 54—63.

12. Куприянова, Е. В. Стилевые вариации керамического комплекса могильника Степное VII в социокультурном аспекте функционирования некрополей эпохи бронзы Южного Зауралья / Е. В. Куприянова // Е. В. Куприянова, Д. Г. Зданович. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск : Энциклопедия, 2015. С. 144—178.

13. Куприянова, Е. В. Кинжал из могильника Степное VII как отражение межкультурных контактов в металлообработке эпохи бронзы в Южном Зауралье / Е. В. Куприянова, С. В. Таскаев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 17—27.

14. Кушнарева, К. Х. Новая датировка кармирбердской культуры / К. Х. Кушнарева // Археологические Вести. 2007. Вып. 14. С. 166—183.

15. Литвиненко, Р. А. Кавказ и Причерноморье: линии синхронизации для финала средней бронзы / Р. А. Литвиненко // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа : XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Магас : Пилигрим, 2010. С. 221—223.

16. Литвиненко, Р. О. Ґенеза, розвиток та історична доля культурного кола Бабине / Р. О. Литвиненко // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Від неоліту до кіммерійців. Луганськ : Вид-во СНУ, 2009. С. 44—90.

17. Матвеев, А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья / А. В. Матвеев. Новосибирск : Наука, 1998. 417 с.

18. Матвеев, А. В. Материалы новых раскопок Хрипуновского могильника / А. В. Матвеев, Е. Н. Волков, Ю. В. Костомарова // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь: к 70-летию Т. М. Потемкиной. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. С. 108—113.

19. Мимоход, Р. А. Культурно-хронологический комментарий к материалам кургана 2 Липецкого могильника / Р. А. Мимоход // Липецкий курган — памятник элиты доно-волжской абашевской культуры: монография / А. Н. Голотвин и др. Липецк ; Воронеж : Новый взгляд, 2016. С. 35—49.

20. Мимоход, Р. А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века / Р. А. Мимоход // Материалы охранных археологических исследований. Москва : Ин-т Археологии РАН, 2013. Т. 16. 568 с.

21. Мимоход, Р. А. Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н. э. / Р. А. Мимоход // Российская археология. 2018. № 2. С. 33—48.

22. Мимоход, Р. А. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований / Р. А. Мимоход // Краткие сообщения Института археологии. 2011. Вып. 225. С. 28—53.

23. Мерц, И. В. Радиоуглеродная хронология памятников раннего бронзового века северо-восточного и восточного Казахстана. Первый опыт / И. В. Мерц, С. В. Святко // Использование естественнонаучных методов в археологических исследованиях. 2016. № 13 (1). С. 126—150.

24. Молодин, В. И. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы / В. И. Молодин, А. В. Епимахов, Ж. В. Марченко // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136—167.

25. Смирнов, К. Ф. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий / К. Ф. Смирнов, Е. Е. Кузьмина. Москва : Наука, 1977. 83 с.

26. Черных, Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / Е. Н. Черных. Москва : Наука, 1970. 185 с.

27. Черных, Е. Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная жизнь древних горняков и металлургов / Е. Н. Черных. Москва : Яз. славян. культуры, 2007. 201 с.

28. Черных, Е. Н. Проблемы календарной хронологии сейминско-турбинского транскультурного феномена / Е. Н. Черных, О. Н. Корочкова, Л. Б. Орловская // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 45 (2). С. 45—55.

29. Черных, Е. Н. Древняя металлургия северной Евразии / Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых. Москва : Наука, 1989. 320 с.

30. Anthony, D. W. The horse, the wheel and language / D. W. Anthony. Princeton : University Press, 2007. 568 p.

31. Archeologie Pravěkých Čech. 5. Doba Bronzová / ed. Jiráň L. Praha : Archeologický ústav AV ČR, 2008. 265 s.

32. Ashmore P.J. Absolute chronology / P.J. Ashmore // Scotland in Ancient Europe / eds. I.A.G. Shepherd, G.J. Barclay. Edinburgh : Society of Antiquaries of Scotland, 2004. P. 125—138.

33. Bátora, J. Das Gräberfeld von Jelšovce. Ein Beitrag zur Frühbronzezeit im nordwestlichen Karpatenbecken / J. Bátora. Band I und Band II. Kiel : Oetker/Voges, 2000. 617 S.

34. Campbell, R. Violence, Kinship and the Early Chinese State / R. Campbell. Cambridge : University Publishing House, 2018. 331 p.

35. Chropovský, B. Gräberfeld aus der Älteren Bronzezeit in Veľky Grob / B. Chropovský // Pohrebiská staršej doby bronzovej na Slovensku I. Bratislava : Slovenska Academia Vied, 1960. S. 14—138.

36. Coles, J. M. The Bronze Age in Europe / J. M. Coles, A. F. Harding. London : Methuen & Co Ltd., 1973. 581 p.

37. Conscience, A.-C. Eine Seeufersiedlung am Übergang vom 17. Zum 16. Jh. v. Chr. im Rahmen der Frühbronzezeit am Zürichsee. Unter besonderer Berücksichtigung der frühbrnzezeitlichen Funde und Befunde von Meilen-Schellen. Zürcher Archäologie, 19. Seeufersiedlungen / A.-C. Conscience,Au. Wädenswill-Vorder. Zürich : Hochbauamt Kantonarchäologie, 2005. 155 s.

38. Fitzgerald-Huber, L.G. Qijia and Erlitou: the question of contacts with distant cultures / L.G. Fitzgerald-Huber // Early China. 1995. № 20. P. 17—68.

39. Friedrich, W. L. Santorini eruption radiocarbon dated to 1627—1600 B.C. / W. L. Friedrich, B. Kromer, M. Friedrich, J. Heinemeier // Science. 2006. № 312.

40. Gebers, W. Endneolithikum und Frühbronzezeit im Mittelrheingebiet / W. Gebers. Bonn : Habelt, 1978. 192 s.

41. Grigoriev, S. A. Ancient Indo-Europeans / S. A. Grigoriev. Chelyabinsk : Rifej, 2002. 496 p.

42. Grigoriev, S. A. Inclinations of Egyptian Pyramids and Finding of the Divine Essence / S. A. Grigoriev // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2015. № 3 (1). P. 1—27.

43. Grigoriev, S. Central European impulses in Eastern Europe in the early second millennium BC / S. Grigoriev. // Slovenská Archeológia. 2019. № 2. P. 225—239.

44. Grigoriev S. Eastern influences and the transition to new types of metalworking at the end of the Early Bronze Age in Central Europe / S. Grigoriev. // Musaica Archaeologica. 2018. № 2. P. 33—49.

45. Keightley, D. N. The Shang: China's first historical dynasty / D. N. Keightley // The Cambridge History of ancient China. From the origins of civilization to 221 B.C. Cambridge : University press, 1999. P. 232—291.

46. Krause, R. Studien zur kupfer- und frühbronzezeitlichen Metallurgie zwischen Karpatenbecken und Ostsee / R. Krause. Rahden : Marie Leidorf Verlag, 2003. 338 s.

47. Kuz'mina, E. E. The origin of the Indo-Iranians / E. E. Kuz'mina. Leiden ; Boston : Brill, 2007. 766 p.

48. Lin, M. 林梅村. "Ouya caoyuan wenhua yu shiqian Sichouzhilu" 欧亚草原文化与史前丝绸之路 / M. Lin // Sichouzhilu Tianshan langdao — Xinjiang changji gudai yizhi yu guancang wenwu jingpin 丝绸之路天山廊道—新疆昌吉古代遗址与馆藏文物精品. Beijing : Wenwu chubanshe, 2014. P. 656—673.

49. Lin, M. The origins of metallurgy in China / M. Lin, X. Liu // Antiquity. 2017. № 91 359. P. 1—6.

50. Lytvynenko, R. O. Central European parallels to the Dnieper-Don centre of Babyno Culture / R. O. Lytvynenko// Baltic-Pontic studies. 2013. Vol. 18. P. 121—138.

51. Manning, S. W. Chronology for the Aegean Late Bronze Age 1700—1400 B.C. / S. W. Manning, Ch. B. Ramsey, W. Kutschera, Th. Higham // Science. 2006. № 312. P. 565—569.

52. Marinatos, S. Kreta, Thera und das Mykenische Hellas / S. Marinatos. München : Hirmer Verlag, 1976. 183 s.

53. Mei, J. Cultural Interaction between China and Central Asia during the Bronze Age / J. Mei // Proceedings of the British Academy. 2003. № 121. P. 1—39.

54. Michael, G. H. Recent development in Near Eastern chronology and radiocarbon dating / G. H. Michael // Origins. 2004. № 56. P. 6—31.

55. Müller, J. Zur absolutchronologische Datierung der europäischen Megalithik / J. Müller // Prähistorische Archäologie als historische Wissenschaft. Festschrift für Christian Strahm / Hrsg. B. Fritsch, M. Maute, I. Matuschik, J. Müller, C. Wolf. Rahden : Marie Leidorf Verlag, 1998. S. 63—105.

56. Müller-Karpe, H. Handbuch der Vorgeschichte / H. Müller-Karpe. Bd. IV. München : Beck Verlag, 1980. 966 s.

57. Mylonas, G. E. The Age of Colden Mycaene / G. E. Mylonas // History of the Hellenic World. Prehistory and Protohistory. London : Heinemann educational books Ltd, 1974. P. 242—249.

58. Nivison, D. S. The Key to the Chronology of the Three Dynasties: The "Modern Text" Bamboo Annals / D. S. Nivison // Sino-Platonic Papers. 1999. № 93. P. 1—68.

59. Novotná, M. Halsringe und Diademe in der Slowakei. Prähistorische Bronzefunde. XI. 4 / M. Novotná. München : Beck Verlag, 1984. 82 s.

60. Pankenier, D. W. Astronomical dates in Shang and Western Zhou / D. W. Pankenier // Early China. 1981—1982. Vol. 7. P. 2—37.

61. Parzinger, H. Studien zur Chronologie und Kulturgeschichte der Jungstein-, Kupfer- und Frühbronzezeit zwischen Karpaten und Mittleren Taurus / H. Parzinger. Mainz am Rhein : Zabern, 1993. 440 s.

62. Primas, M. Bronzezeit zwischen Elbe und Po. Strukturwandel in Zentraleuropa 2200—800 v. Chr. / M. Primas. Bonn : Rudolf Habelt Verlag, 2008. 286 p.

63. Renfrew, C. Before civilization: the radiocarbon revolution and prehistoric Europe / C. Renfrew. New York : Alfred A. Knopf, 1973. 292 p.

64. Schofield, L. The Mycenaeans / L. Schofield. Los Angeles : Paul Getty Trust Publications, 2006. 208 p.

65. Schubert, E. Studien zur frühen Bronzezeit an der mittleren Donau. 54. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 1973 / E. Schubert. Berlin : de Gruyter, 1974. S. 1—106.

66. Shelmerdine, C. W. The Palatial Bronze Age of the Southern and Central Greek Mainland / C. W. Shelmerdine // Aegean prehistory. Boston: Archaeological Institute of America, 2001. P. 329—377.

67. Rewriting the Central European Early Bronze Age Chronology: Evidence from Large-Scale Radiocarbon Dating / P. W. Stockhammer, K. Massy, C. Knipper, R. Friedrich et al.// PLoS ONE. 2015. № 10 (10): e0139705.

68. Tarot, J. Die bronzezeitlichen Lanzespitzen der Schweiz / J. Tarot. Bonn : Rudolf Habelt, 2000. 147 p.

69. Tartaron, Th. F. Aegean Prehistory as World Archaeology: Recent Trends in the Archaeology of Bronze Age Greece / Th. F. Tartaron // Journal of Archaeological Research. 2008. № 16. P. 83—161.

70. Theoharis, D. R. General outline of the Early Bronze Age / D. R. Theoharis // History of the Hellenic World. Prehistory and Protohistory. London : Heinemann educational books Ltd, 1974. P. 130—133.

71. Vicze, M. Bronze Age Cemetery at Dunaújváros-Duna-dűlő / M. Vicze. Budapest : Eötvös Lorand University, 2011. 471 s.

72. Yin, W. New development in the research on the chronology of the Three Dynasties / W. Yin // Chinese Archaeology. 2002. Vol. 2. P. 1—5.

73. Zhang, X. Establishing and Refining the Archaeological Chronologies of Xinzhai, Erlitou and Erligang Cultures / X. Zhang, Sh. Qiu, L. Cai, G. Bo // Chinese Archaeology. 2008. Vol. 8. P. 197—210.

Сведения об авторе

Григорьев Станислав Аркадиевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия, Центр китайских исследований, Тайбэй, Тайвань. stgrig@mail.ru

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 63—81.

Problem of correlation of European, Eurasian and Chinese chronologies of the Bronze Age

S.A. Grigoriev
Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia. stgrig@mail.ru

Currently, the basis of archaeological chronology is radiocarbon analysis. After the appearance of the calibration procedure, the dates of this analysis became older than historical dates based on Near Eastern written sources. With the further development of the method, there is a tendency for shift of these dates in the opposite direction. For Sintashta culture, radiocarbon dates previously corresponded to the interval of 2200—1650 BC, now they have shifted to the of 20-18 centuries BC; and historical dates fall in the period of 18-17 century BC. And, the historical dates of China and Mycenaean Greece are quite close to each other, which is obvious when analyzing the appearance of bronzes of the Seima-Turbino type in Europe and China. In the first region, they spread during periods A2b,c; and in the second they immediately preceded the beginning of the Shang Dynasty. These dates are close to the Alpine dendrochronology. As a result, if, the radiocarbon dates demonstate the beginning of the Seima-Turbino bronzes within a wide interval from the 25th to 23rd centuries BC, according to historical chronology it corresponds to the 18th century BC, and the appearance of these bronzes in Europe and China is dated to the 1650—1550 BC, which probably was partly connected with the appearance of Fyodorovka culture about 1600/1550 BC. The article concludes that historical dates are more correct.

Keywords: *chronology, Bronze Age, Europe, Eurasia, China, radiocarbon analysis, historical dates*.

References

1. Bochkarjov V.S., Kuznecov P.F. Kul'turno-tipologicheskie harakteristiki drevnejshih diskovidnyh psaliev Severnoj Evrazii [Cultural and typological characteristics of the earliest disk-shaped cheek-pieces in Northern Eurasia], in: *Problemy periodizacii i hronologii v arheologii jepohi rannego metalla Vostochnoj Evropy* [Problems of periodization and chronology in archeology of the early metal era of Eastern Europe]. St. Petersburg, Skifija-print, 2013. Pp. 61—79. (In Russ.).

2. Gening V.F. Hronologicheskie kompleksy XVI v. do n. e. (po materialam Sintashtinskogo mogil'nika) [Chronological complexes of the XVI century BC (based on the materials of the Sintashta cemetery)], *Novejshie otkrytija sovetskih arheologov* (tezisy) [The latest discoveries of Soviet archaeologists (theses)]. Part 1. Kiev, IA AN USSR, 1975. Pp. 95—97. (In Russ.).

3. Gening V.F., Zdanovich G.B. and Gening V.V. *Sintashta*. Chelyabinsk, South Ural Publishing House, 1992. 408 p. (In Russ.).

4. Grigoriev S.A. Indoevropejskaja problema: osnovnye tendencii v rasprostranenii jazyka, kul'tury i genov v Evrazii [Indo-European problem: the main trends in the distribution of language, culture and genes in Eurasia]. *Stepnaja Evrazija: bronzovyi mir* [Steppe Eurasia: the Bronze World]. Vol. 2. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University. 2020. Pp. 73—109. (In Russ.).

5. Grigoriev S.A. Problema hronologii i proishozhdenija alakul'skoj kul'tury v svete novyh raskopok v Juzhnom Zaural'e [The problem of the chronology and origin of Alakul culture in the light of new excavations in the Southern Transurals]. *Vestnik arheologii, antropologii, etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology, Ethnography], 2016, no. 3 (34), pp. 44—53. (In Russ.).

6. Grigoriev S.A. Problema hronologii sintashtinskoj kul'tury [The problem of the chronology of Sintashta culture]. *Stepnaja Evrazija v jepohu bronzy: kul'tury, idei, tehnologii* [Steppe Eurasia in the Bronze Age: cultures, ideas, technologies]. Vol. 1. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 2018.Pp. 37—61. (In Russ.).

7. Grigoriev S.A., Petrova L.Ju., Pleshanov M.L., Gushhina E.V., Vasina Ju.V. *Poselenie Mochishhe i andronovskaja problema* [The settlement of Mochishche and the Andronovo problem]. Chelyabinsk, Cicero, 2018. 398 p. (In Russ.).

8. Epimakhov A.B. *Juzhnoe Zaural'e v epohu srednej bronzy* [Southern Transurals in the Middle Bronze Age]. Chelyabinsk, SUSU, 2002. 170 p. (In Russ.).

9. Kovtun I.V., Marochkin A.G. and German P.V. Radiouglerodnye daty i otnositel'naja hronologija sejminsko-turbinskih, krohaljovskih i samus'skih drevnostej [Radiocarbon dates and relative chronology of the Seima-Turbino, Krokhalev and Samus antiquities]. *Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo sjezda v Barnaule — Belokurihe* [Works of the V (XXI) Russian Archaeological Congress in Barnaul — Belokurikha]. Vol. I. Barnaul,Altai State University, 2017. Pp. 269—274. (In Russ.).

10. Korochkova O.N., Stefanov V.I. and Spiridonov I.A. Svjatilishhe pervyh metallurgov Srednego Urala [The sanctuary of the first metallurgists of the Middle Urals]. Ekaterinburg, Publishing House of the Ural University, 2020. 214 p. (In Russ.).

11. Krause R., Epimahov A.V., Kuprijanova E.V., Novikov I.K., Stoljarchik E. Petrovskie pamjatniki bronzovogo veka: problemy taksonomii i hronologii [Petrovka monuments of the Bronze Age: problems of taxonomy and chronology]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2019, no. 47 (1), pp. 54—63. (In Russ.).

12. Kupriyanova E.V. Stilevye variacii keramicheskogo kompleksa mogil'nika Stepnoe VII v socio-kul'turnom aspekte funkcionirovanija nekropolej jepohi bronzy Juzhnogo Zaural'ja [Style variations of the ceramic complex of the Stepnoye VII cemetery in the socio-cultural aspect of the functioning of necropolises of the Bronze Age in the Southern Transurals]. *Drevnosti lesostepnogo Zaural'ja: mogil'nik Stepnoe VII* [Antiquities of the forest-steppe Transurals: cemetery of Stepnoye VII]. Chelyabinsk, Encyclopedia, 2015. Pp. 144—178. (In Russ.).

13. Kupriyanova E.V., Taskaev S.V. Kinzhal iz mogil'nika Stepnoe VII kak otrazhenie mezhkul'turnyh kontaktov v metalloobrabotke jepohi bronzy v Juzhnom Zaural'e [Dagger from the cemetery of Stepnoye VII as a reflection of intercultural contacts in the Bronze Age metalworking in the Southern Transurals]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2018, no. 2 (41), pp. 17—27. (In Russ.).

14. Kushnareva K.H. Novaja datirovka karmirberdskoj kul'tury [New dating of the Karmirberd culture]. *Arheologicheskie Vesti* [Archaeological News], 2007, no. 14, pp. 166—183. (In Russ.).

15. Litvinenko R.A. Kavkaz i Prichernomor'e: linii sinhronizacii dlja finala srednej bronzy [The Caucasus and the Black Sea: synchronization lines for the final of the Middle Bronze]. *Problemy hronologii i periodizacii arheologicheskih pamjatnikov i kul'tur Severnogo Kavkaza. XXVI Krupnovskie chtenija po arheologii Severnogo Kavkaza* [Chronology and periodization of archaeological sites and cultures of the North Caucasus. XXVI Krupnov readings on archeology of the North Caucasus]. Magas, Piligrim, 2010. Pp. 221—223. (In Russ.).

16. Litvinenko R.O. Geneza, rozvitok ta istorichna dolja kul'turnogo kola Babine [Genesis, development and historical fate of the Babino culture circle]. *Materiali ta doslidzhennja z arheologiï Shidnoï Ukraïni. Vid neolitu do kimmerijciv* [Materials and history from the archeology of Ukraine. From the Neolithic to Cimmerians]. Lugansk, SNU, 2009. Pp. 44—90. (In Russ.).

17. Matveev A.V. *Pervye andronovcy v lesah Zaural'ja* [The first Andronovo people in the forests of the Transurals]. Novosibirs, Nauka, 1998. 417 p. (In Russ.).

18. Matveev A.V., Volkov E.N., Kostomarova Ju.V. Materialy novyh raskopok Hripunovskogo mogil'nika [Materials of new excavations of the Khripunovsky cemetery]. *Problemy arheologii: Ural i Zapadnaja Sibir': k 70-letiju T.M. Potemkinoj* [Problems of archeology: Urals and Western Siberia: on the 70th anniversary of T.M. Potemkina]. Kurgan, Kurgan State University, 2007. Pp. 108—113. (In Russ.).

19. Mimokhod R.A. Kul'turno-hronologicheskij kommentarij k materialam kurgana 2 Lipeckogo mogil'nika [Cultural-chronological commentary on the materials of the mound 2 of the Lipetsk cemetery]. *Lipeckij kurgan — pamjatnik elity dono-volzhskoj abashevskoj kul'tury* [The Lipetsk mound — a monument to the elite of the Don-Volga Abashevo culture]. Lipeck, Voronezh, Novyj vzgljad, 2016. Pp. 35—49. (In Russ.).

20. Mimokhod R.A. Lolinskaja kul'tura. Severo-zapadnyj Prikaspij na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka [Lola culture. Northwest Caspian at the turn of the middle and late periods of the Bronze Age]. *Materialy ohrannyh arheologicheskih issledovanij* [Materials of rescue archaeological research]. Vol. 16. Moscow, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2013. 568 p. (In Russ.).

21. Mimokhod R.A. Paleoklimat i kul'turogenez v Vostochnoj Evrope v konce III tys. do n.je. [Paleoclimate and cultural genesis in Eastern Europe at the end of the 3rd millennium BC. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian archeology], 2018, no. 2, pp. 33—48. (In Russ.).

22. Mimohod R.A. Radiouglerodnaja hronologija bloka postkatakombnyh kul'turnyh obrazovanij [Radiocarbon chronology of the block of post-catacomb cultural formations]. *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology], 2011, no. 225, pp. 28—53. (In Russ.).

23. Merz I.V., Svjatko S.V. Radiouglerodnaja hronologija pamjatnikov rannego bronzovogo veka severo-vostochnogo i vostochnogo Kazahstana. Pervyj opyt [Radiocarbon chronology of the Early Bronze Age monuments of northeastern and eastern Kazakhstan. First experience]. *Ispol'zovanie estestvennonauchnyh metodov v arheologicheskih issledovanijah* [Using natural science methods in archaeological research], 2016, no. 13 (1), pp. 126—150. (In Russ.).

24. Molodin V.I., Epimahov A.V., Marchenko Zh.V. Radiouglerodnaja hronologija kul'tur epohi bronzy Urala i juga Zapadnoj Sibiri: principy i podhody, dostizhenija i problemy [Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultures of the Urals and the south of Westerrn Siberia: principles and approaches, achievements and problems]. *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Serija: Istorija, filologija* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2014, vol. 13 (3): Archaeology and ethnography, pp. 136—167. (In Russ.).

25. Smirnov K.F., Kuz'mina E.E. *Proishozhdenie indoirancev v svete novejshih arheologicheskih otkrytij* [The origin of the Indo-Iranians in the light of the latest archaeological discoveries]. Moscow, Nauka, 1977. 83 p. (In Russ.).

26. Chernyh E.N. *Drevnejshaja metallurgija Urala i Povolzh'ja* [The earliest metallurgy of the Urals and Volga]. Moscow, Nauka, 1970. 185 p. (In Russ.).

27. Chernyh E.N. *Kargaly: fenomen i paradoksy razvitija. Kargaly v sisteme metallurgicheskih provincij. Potaennaja zhizn' drevnih gornjakov i metallurgov* [Kargaly: the phenomenon and paradoxes of the development of Kargaly in the system of metallurgical provinces. The hidden life of the ancient miners and metallurgists]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2007. 201 p. (In Russ.).

28. Chernyh E.N., Korochkova O.N., Orlovskaja L.B. Problemy kalendarnoj hronologii sejminsko-turbinskogo transkul'turnogo fenomena [Problems of the calendar chronology of the Seima-Turbino transcultural phenomenon]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2017, no. 45 (2), pp. 45—55. (In Russ.).

29. Chernyh E.N., Kuz'minyh S.V. *Drevnjaja metallurgija severnoj Evrazii* [Ancient metallurgy of northern Eurasia]. Moscow, Nauka, 1989. 320 p. (In Russ.).

30. Anthony D.W. *The horse, the wheel and language*. Princeton, University Press, 2007. 568 p.

31. *Archeologie Pravěkých Čech. 5. Doba Bronzová*. Praha, Archeologický ústav AV ČR, 2008. 265 s. (In Chech.).

32. Ashmore P.J. Absolute chronology. *Scotland in Ancient Europe*. Edinburgh, Society of Antiquaries of Scotland, 2004. Pp. 125—138.

33. Bátora J. *Das Gräberfeld von Jelšovce. Ein Beitrag zur Frühbronzezeit im nordwestlichen Karpatenbecken*. Band I und Band II. Kiel, Oetker/Voges, 2000. 617 s. (in Germ.)

34. Campbell R. *Violence, Kinship and the Early Chinese State*. Cambridge, University Publishing House, 2018. 331 p.

35. Chropovský B. Gräberfeld aus der Älteren Bronzezeit in Veľky Grob. *Pohrebiská staršej doby bronzovej na Slovensku I*. Bratislava, Slovenska Academia Vied, 1960. S. 14—138. (In Germ.).

36. Coles J.M., Harding A.F. *The Bronze Age in Europe*. London, Methuen & Co Ltd., 1973. 581 p.

37. Conscience A.-C. *Wädenswill-Vorder Au. Eine Seeufersiedlung am Übergang vom 17. Zum 16. Jh. v. Chr. im Rahmen der Frühbronzezeit am Zürichsee. Unter besonderer Berücksichtigung der frühbrnzezeitlichen Funde und Befunde von Meilen-Schellen. Zürcher Archäologie, 19. Seeufersiedlungen*. Zürich, Hochbauamt Kantonarchäologie, 2005. 155 s. (In Germ.).

38. Fitzgerald-Huber L.G. Qijia and Erlitou: the question of contacts with distant cultures. *Early China*, 1995, no. 20, pp. 17—68.

39. Friedrich W.L., Kromer B., Friedrich M., Heinemeier J., Pfieffer T., Talamo S. Santorini eruption radiocarbon dated to 1627—1600 B.C. *Science*, 2006, no. 312.

40. Gebers W. *Endneolithikum und Frühbronzezeit im Mittelrheingebiet*. Bonn, Habelt, 1978. 192 p. (In Germ.).

41. Grigoriev S.A. *Ancient Indo-Europeans*. Chelyabinsk, Rifej, 2002. 496 p.

42. Grigoriev S.A. Inclinations of Egyptian Pyramids and Finding of the Divine Essence. *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*, 2015, no. 3 (1), pp. 1—27.

43. Grigoriev S. Central European impulses in Eastern Europe in the early second millennium BC. *Slovenská Archeológia*, 2019, no. 2, pp. 225—239.

44. Grigoriev S. Eastern influences and the transition to new types of metalworking at the end of the Early Bronze Age in Central Europe. *Musaica Archaeologica*, 2018, no. 2, pp. 33—49.

45. Keightley D.N. The Shang: China's first historical dynasty. *The Cambridge History of ancient China. From the origins of civilization to 221 B.C.* Cambridge, University press, 1999. Pp. 232—291.

46. Krause R. *Studien zur kupfer- und frühbronzezeitlichen Metallurgie zwischen Karpatenbecken und Ostsee*. Rahden, Marie Leidorf Verlag, 2003. 338 s. (In Germ.).

47. Kuz'mina E.E. *The origin of the Indo-Iranians*. Leiden, Boston, Brill, 2007. 766 p.

48. Lin M. 林梅村. "Ouya caoyuan wenhua yu shiqian Sichouzhilu" 欧亚草原文化与史前丝绸之路. *Sichouzhilu Tianshan langdao — Xinjiang changji gudai yizhi yu guancang wenwu jingpin* 丝绸之路天山廊道—新疆昌吉古代遗址与馆藏文物精品 Beijing, Wenwu chubanshe, 2014. Pp. 656—673. (in Chinese).

49. Lin M., Liu X. The origins of metallurgy in China. *Antiquity*, 2017, no. 91 359, pp. 1—6.

50. Lytvynenko R.O. Central European parallels to the Dnieper-Don centre of Babyno Culture. *Baltic-Pontic studies*, 2013, vol. 18, pp. 121—138.

51. Manning S.W., Ramsey Ch.B., Kutschera W., Higham Th., Kromer B., Steier P., Wild E.M. Chronology for the Aegean Late Bronze Age 1700—1400 B.C. *Science*, 2006, no. 312, pp. 565—569.

52. Marinatos S. *Kreta, Thera und das Mykenische Hellas*. München, Hirmer Verlag, 1976. 183 s. (In Germ.).

53. Mei J. Cultural Interaction between China and Central Asia during the Bronze Age. *Proceedings of the British Academy*, 2003, no. 121, pp. 1—39.

54. Michael G.H. Recent development in Near Eastern chronology and radiocarbon dating. *Origins*, 2004, no. 56, pp. 6—31.

55. Müller J. Zur absolutchronologische Datierung der europäischen Megalithik. *Prähistorische Archäologie als historische Wissenschaft. Festschrift für Christian Strahm*. Rahden, Marie Leidorf Verlag, 1998. S. 63—105. (In Germ.).

56. Müller-Karpe H. *Handbuch der Vorgeschichte*. Bd. IV. München, Beck Verlag, 1980. 966 s. (In Germ.).

57. Mylonas G.E. The Age of Colden Mycaene. *History of the Hellenic World. Prehistory and Protohistory*. London, Heinemann educational books Ltd., 1974. Pp. 242—249.

58. Nivison D.S. The Key to the Chronology of the Three Dynasties: The "Modern Text" Bamboo Annals. *Sino-Platonic Papers*, 1999, no. 93, pp. 1—68.

59. Novotná M. *Halsringe und Diademe in der Slowakei. Prähistorische Bronzefunde*. XI. 4. München, Beck Verlag, 1984. 82 s. (In Germ.).

60. Pankenier D.W. Astronomical dates in Shang and Western Zhou. *Early China*, 1981—1982, vol. 7., pp. 2—37.

61. Parzinger H. *Studien zur Chronologie und Kulturgeschichte der Jungstein-, Kupfer- und Frühbronzezeit zwischen Karpaten und Mittleren Taurus*. Mainz am Rhein, Zabern, 1993. 440 s. (In Germ.).

62. Primas M. *Bronzezeit zwischen Elbe und Po. Strukturwandel in Zentraleuropa 2200—800 v. Chr*. Bonn, Rudolf Habelt Verlag, 2008. 286 p. (In Germ.).

63. Renfrew C. *Before civilization: The radiocarbon revolution and prehistoric Europe*. New York, Alfred A. Knopf, 1973. 292 p.

64. Schofield L. *The Mycenaeans*. Los Angeles, Paul Getty Trust Publications, 2006. 208 p.

65. Schubert E. *Studien zur frühen Bronzezeit an der mittleren Donau. 54. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 1973*. Berlin, de Gruyter, 1974. S. 1—106. (In Germ.).

66. Shelmerdine C.W. The Palatial Bronze Age of the Southern and Central Greek Mainland, in: *Aegean prehistory*. Boston, Archaeological Institute of America, 2001. Pp. 329—377.

67. Stockhammer P.W, Massy K., Knipper C., Friedrich R., Kromer B., Lindauer S. et al. Rewriting the Central European Early Bronze Age Chronology: Evidence from Large-Scale Radiocarbon Dating. *PLoS ONE*, 2015, no. 10 (10): e0139705.

68. Tarot J. *Die bronzezeitlichen Lanzespitzen der Schweiz*. Bonn, Rudolf Habelt, 2000. 147 s. (In Germ.).

69. Tartaron Th.F. Aegean Prehistory as World Archaeology: Recent Trends in the Archaeology of Bronze Age Greece. *Journal of Archaeological Research*, 2008, no. 16, pp. 83—161.

70. Theoharis D.R. General outline of the Early Bronze Age. *History of the Hellenic World. Prehistory and Protohistory*. London, Heinemann educational books Ltd., 1974. Pp. 130—133.

71. Vicze M. *Bronze Age Cemetery at Dunaújváros-Duna-dűlő*. Budapest, Eötvös Lorand University, 2011. 471 p.

72. Yin W. New development in the research on the chronology of the Three Dynasties. *Chinese Archaeology*, 2002, vol. 2, pp. 1—5.

73. Zhang X., Qiu Sh., Cai L., Bo G., Wang J., Zhong J. Establishing and Refining the Archaeological Chronologies of Xinzhai, Erlitou and Erligang Cultures.*Chinese Archaeology*, 2008, vol. 8, pp. 197—210.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2020. № 1. С. 82—94.

DOI 10.24411/2542-0275-2020-0108

Заселение Новолинейного района Оренбургского казачьего войска в официальных документах и исторической памяти

А. А. Рыбалко, О. В. Новикова
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

1830—1840-е гг. были чрезвычайно важным этапом в истории Оренбургского края. В этот период состоялось сооружение Новой Оренбургской пограничной линии, создание Новолинейного района и реформа Оренбургского казачьего войска, в результате которой была сформирована единая войсковая территория с преимущественно казачьим населением.

По истории формирования Новолинейного района существует достаточно много исследований. Большинство из них написаны на материалах документальных источников официального происхождения. Но, на наш взгляд, понимание реальной ситуации невозможно без анализа такого важного источника, как историческая память. Она сформировалась на основе устных рассказов участников событий, сохранившихся в памяти потомков.

В данной статье делается попытка получить реальную картину происходившего на основе сопоставления письменных источников, в большинстве своём составленных чиновниками, осуществлявшими переселение, и устных рассказов переселенцев, сохранившихся в исторической памяти потомков.

Ключевые слова: *Оренбургское казачье войско, Новая пограничная линия, историческая память, документальные источники.*

1830—1840-е гг. были чрезвычайно важным этапом в истории Оренбургского края, временем, очень насыщенным разнообразными событиями. В этот период состоялось сооружение Новой Оренбургской пограничной линии, создание Новолинейного района и реформа Оренбургского казачьего войска, в ходе которой было изменено его военно-административное устройство и сформирована единая войсковая территория с преимущественно казачьим населением.

Конечно, эти события не были абсолютно уникальным явлением в российской истории, к этому времени государство имело обширную практику активного вмешательства в этно-социальные процессы, интенсивно влияя, а зачастую и определяя структуру населения целых регионов. Подобные практики уже применялись ранее на Южном Урале, в других частях империи: в Сибири, на Кавказе, на юго-западе: в Причерноморье и в Бессарабии, чуть позже на Дальнем Востоке и в Туркестане. Но и на этом фоне наши местные масштабы выглядят впечатляюще: реформы затронули изменение сословного статуса и/или переместили большие массы населения от Среднего Поволжья до степного Зауралья. Так или иначе в эти события оказались вольно или невольно вовлечены десятки тысяч человек.

Расширение Оренбургской губернии за счёт включения «киргиз-кайсацких земель» и концентрация казаков на прилинейных территориях начались несколько раньше: в 1805—1806 гг. проводилось переселение казаков из внутренних областей на оренбургскую линию (всего было переселено не менее 1600 человек) [Новикова, Рыбалко, Самигулов, Кучевасова, 2018, с. 14], в 1810—1829 гг. осуществлено заселение включённого в состав Оренбургской губернии Новоилекского района [Кортунов, 2013, с. 13—17], однако наибольшие масштабы эта политика приобрела в ходе создания Новой пограничной линии и заселения Новолинейного района

По истории формирования Новолинейного района существует достаточно много исследований, написанных на основании документальных источников официального происхождения. Однако понимание реалий невозможно без приобщения и анализа такого важного, на наш взгляд, источника, как историческая память. События, в ходе которых многолюдные семьи с детьми, стариками, движимым имуществом, домашним скотом переселялись на 500—700 вёрст восточнее из обжитых районов в целинную степь, где должны были обжиться, обустроиться на «пустом» месте и через два года начать нести службу, обеспечив сыновей

всем необходимым для службы за собственный счёт, не могли не оставить следа в коллективной памяти.

Историческая память о переселении сформирована на основе устных рассказов участников событий, сохранившихся в памяти потомков. Сюжеты о переселении в Новолинейный район были зафиксированы этнографической экспедицией ЧелГУ в 1990—2000 гг. на территории бывшего Новолинейного района в устных рассказах информантов 1900—1910-х гг. рождения, чьи деды и бабки были привезены на новые места детьми. Т. е. наши информанты застали людей, которые помнили эти события по детским воспоминаниям и частично передавали в устойчивых сюжетах устных рассказов старших родственников. К счастью, в распоряжении авторов есть ещё один уникальный источник информации: рукопись Н. Ф Утешева, жителя с. Кассель Нагайбакского района, родившегося около 1880 г., и в середине XX в. составившего несколько вариантов краеведческих записок, отражающих историю и традиционный быт нагайбаков, исторические события конца XIX — начала XX вв., свидетелями которых ему довелось быть [ПМА Утешев Н. Ф.]. В своих записках автор несколько раз обращается и к событиям переселения нагайбаков на Новую линию, пытаясь построить стройную картину событий, интегрируя факты из имевшейся в его распоряжении литературы и многочисленных рассказов очевидцев. В данном случае важно, что Н. Ф. Утешев фиксирует рассказы тех, кто участвовал в переселении в сознательном возрасте взрослыми людьми. Они ярко врезались в его память эмоциональными картинами, но отдельные конкретные даты и факты стёрлись из памяти, т. к. значительную часть этих рассказов он слышал в детстве. Особенно это интересно в связи с тем, что его ближайшие предки оказались в самом центре событий.

Сопоставляя письменные источники, составленные чиновниками, которые осуществляют переселение, и устные воспоминания непосредственных участников, сохранившиеся в исторической памяти потомков, на наш взгляд, можно получить более реальную картину происходившего в её человеческом измерении.

Кстати, чиновникам середины XIX в. нужно отдать должное: они пытаются ответственно подойти к выполнению задачи, учесть все нюансы, принять во внимание хозяйственные и иные нужды переселенцев, о чём свидетельствует значительный корпус документальных источников: архивные документы о переселении; изданные типографией департамента военных поселений в Санкт-Петербурге в 1843 г. «Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упразднённого Ставропольского калмыцкаго войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков» [Правила о переселении…, 1843]; законодательные акты, определившие события в Оренбургском крае в 30—40-е гг. XIX в.

В этих материалах содержится целый ряд очень интересных сюжетов, многие из которых, однако, придётся вывести за рамки данной статьи, сосредоточившись на обстоятельствах переселения в Новолинейный район.

Создание Новой Оренбургской пограничной линии связано с идеей Оренбургского военного губернатора В. А. Перовского, которому удалось убедить императора Николая I в целесообразности перенесения границы на 100—150 верст вглубь киргизской степи. Новая линия была сооружена в 1835—1837 гг. и прошла от Орской крепости на реке Урал на северо-восток по степи, пересекая приток Урала Кумак и притоки Тобола Жилкуар и Большой Аят, до Березовского укрепления на Уйской линии, расположенного примерно в 100 верстах от города Троицка, напротив впадения реки Тогузак в Уй. Линия должна была состоять из пяти дистанций. Между укреплениями располагалась кордонная стража на специально установленных редутах и пикетах с промежутком в 5—10 верст. Летом 1835 г. началось сооружение укреплений, казарм и жилых домов на Новой линии, которое было продолжено в 1836 г., «власти края приступили к заселению укреплений и прилинейных станиц, не дожидаясь окончания строительных работ» [Абрамовский, Кобзов, 1999, с. 94]. Согласно плану В. А. Перовского, нести службу на Новой линии должны были казаки. В соответствии с чем в поселения на линии, основанные в 1835—1837 гг. и названные в честь лиц императорской фамилии: Надеждинский, укрепление Михайловское, Алексеевский, укрепление Николаевское, Константиновский, Владимирский, Георгиевский, укрепление Наследницкое, Мариинский, Андреевский, Атаманский, Павловский, укрепление Императорское и др. — были поселены солдаты четырех упраздненных поселенных линейных батальонов: Верхнеозерного, Таналыцкого, Магнитного и Степного, перечисленные в казачье сословие [Казин, 1992, с. 239]; они «составили костяк гарнизонов станиц и укреплений и их первых жителей», хотя А. П. Абрамовский, В. С. Кобзов приводят обоснованные сомнения в боеготовности и эффективности самообеспечения этой группы Одна из причин состояла в раздроблении хозяйств в результате переселения, отчего тягловый скот

и сельскохозяйственные орудия зачастую оставались на прежнем месте жительства «у отцов и старших родственников», другая — в преклонном возрасте части солдат [Абрамовский, Кобзов, 1999, с. 96—97]. Поэтому для улучшения ситуации было решено перевести на линию часть казаков внутренних кантонов. В 1838 г. В. А. Перовский представил доклад военному министру, в котором обосновал необходимость упразднения внутренних станиц 3, 4, 5 кантонов и переселения на Новую линию 4152 душ м.п. Из Уфимской, Табынской, Елдятской, Нагайбацкой и Бакалинской станиц 3 кантона планировалось перевести 1317 казаков, из Новосергеевской, Переволоцкой — 416 и из пятого кантона (Самарская, Алексеевская, Мочинская, Красносамарская, Борская, Ольшанская, Бузулукская, Тоцкая и Сорочинская) — 2419 казаков [Абрамовский, Кобзов, 1999, с. 98].

Таким образом предлагалось упразднить целый ряд станиц оренбургских казаков 3-го, 5-го и частично 4-го кантонов, находившихся в Предуралье и на Средней Волге от Красноуфимска до Уфы и Самары, оказавшихся на значительном удалении от Оренбургской пограничной линии с переводом казачьего населения на Новую линию. Эта идея была одобрена властями, но не встретила понимания среди казаков. В ряде внутренних станиц казаки под разными предлогами отказывались покидать обжитые места. Сопротивления казаков удалось сломить, опираясь на силу: зачинщики были подвергнуты телесным наказаниям, некоторые имеющие чины были разжалованы, другие (казаки станицы Елдяцкой) были отправлены на новые места под вооружённым конвоем [Абрамовский, Кобзов, 1999, с. 99]. В итоге к 1840 г. на Новую линию было переселено 45 зауряд-офицеров, 48 урядников, 836 казаков и 1186 отставных [Абрамовский, Кобзов, 1999, с. 99].

В 1840 г. было принято Положение об ОКВ, в котором была определена черта земель ОКВ и предписано «для избежания чрезполостности в землях и населении… и для устранения происходящих от этого неудобств» на войсковой земле оставить только лиц казачьего сословия, а не казачье население отселить [ПСЗ II, т. XV, № 14041]. В состав земель ОКВ были включены все «земли по всему протяжению Оренбургской линии, от границы Сибири до пределов Уральского казачьего войска, в глубину линии не менее 15 вёрст.

Фактически всему не казачьему населению, проживающему на определённых указом землях ОКВ, был предоставлен выбор вступить в казачье сословие или выселиться с вышеозначенных земель.

Людям, не вошедшим в состав войска, запрещалось «иметь на землях оного постоянную оседлость и пользоваться поземельными довольствиями, казачьему сословию присвоенными». Соответственно те, кто не пожелал перечислится в сословия казаков или те, кому было отказано, обязаны были переселится на свободные казённые земли, которые для этого будут указаны правительством. Государственным крестьянам предоставлялись на это установленные от казны льготы и пособия [ПСЗ II, т. XV, № 14041].

Согласно этому же положению, в состав земель ОКВ вошли и территории между старой и новой линиями, получившие название Новолинейного района. А. П. Абрамовский, В. С. Кобзов приводят сведения, согласно которым в 1830-е гг. в момент сооружения Новой пограничной линии межлинейную территорию (земли между старой и новой линиями) заселять не предполагалось и казахские старшины получили заверения о возможности выпаса скота на этой территории без ограничений [Абрамовский, Кобзов, 1999, с. 100—101], однако это безусловно был манёвр, власти, понимая невозможность быстрого заселения всей обширной территории, на первом этапе сосредоточились на том, чтобы «прежде всего занять фланги постоянными укреплениями», а затем и заселить всё пространство «..исподволь в течении нескольких лет» [Абрамовский, Кобзов, 1999, с. 90—91].

В 1841 году в линейные поселения от Орской крепости до Михайловского укрепления переселены ещё 62 офицера и чиновника, 122 урядника, 1654 служащих и 2204 отставных казака. Всего из внутренних станиц на линию были поселены 6800 человек [Абрамовский, Кобзов, 1999, с. 99].

В 1842 г. началось заселение межлинейного пространства — Новолинейного района. Туда предполагалось «безусловно» переселить оставшееся казачье население упраздняемых станиц, а земли их старых станиц передавались в введение Министерства государственных имуществ [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 1 об.]. Всего по плану войскового начальства переселению в Новолинейный район подлежало 3752 казака мужского пола из станиц Бакалинской, Бузулукской, Нагайбакской, Ольшанской, Самарской, Сорочинской, Табынской, Тоцкой, Уфимской, Алексеевской и др. [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 68—103].

Кроме того, проживавшим на территории внутренних кантонов числящимся по военному ведомству белопахотным солдатам и солдатским малолеткам также предлагалось по желанию перечислиться в казаки Оренбургского войска и переселится на новую линию, а не пожелавшие перечислялись в государственные крестьяне и передавались в ведомство Министерства государственных имуществ. Администрация края

рассчитывала, что «по всем вероятиям большая часть солдатских малолетков, всегда чуждавшихся податного состояния воспользуется возможностью перейти в казачье сословие». По 7 ревизии их насчитывалось 14 тысяч душ. По расчётам чиновников «по крайней мере половина из них должны были согласиться», тем более что надел казака составлял 30 десятин, а государственных крестьян, например, в Троицком уезде 15 десятин [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 17]. Реально на переход в казаки и переселение согласились 7955 душ мужского пола, остаться на старом месте с перечислением в государственные крестьяне предпочли 7888 душ мужского пола [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 156—156 об.].

На освободившиеся после переселения казаков и перечислившихся в казаки белопахотных солдат и солдатских малолетков земли бывших внутренних кантонов как раз и предлагалось переселится государственным крестьянам и другому не казачьему населению земель ОКВ, не пожелавшим вступить в войско.

Таким образом, в 1841—1845 гг. фактически за пять лет было почти одновременно осуществлено переселение всего наличного казачьего населения упразднённых станиц внутренних кантонов, преимущественно в Новолинейный район; перевод в ОКВ и переселение в Новолинейный район казаков упразднённого Ставропольского калмыцкого войска; перевод в казачье сословие лиц других сословий на всей территории войска; переселение крестьян, не пожелавших вступить в казаки, с территории войска на освободившиеся после выхода казаков земли упразднённых станиц и заселение казаками территорий в черте земель ОКВ, с которых выехали государственные крестьяне, «не изъявившие желания поступить в Оренбургское казачье войско» [Правила о переселении…, с. 5].

Конечно, в ходе осуществления реформ администрация столкнулась с целым рядом проблем. Однако в целом план реформирования территории и населения был проведён достаточно успешно.

В Новолинейном районе в 1842—1843 гг. были основаны первые 32 населённых пункта, которые первоначально значатся в документах под номерами от 1 до 32, а затем названы в честь тех мест, где русское оружие когда-либо одерживало победы, в том числе Парижский, Берлинский, Варненский. Куликовский, Чесменский, Лейпцигский и др.

Власти края старались по возможности назначить «удобные места к водворению казаков целыми станицами, чтобы не раздроблять их на разные части, но доставить средство жить по-прежнему вместе и пользоваться выгодами взаимного вспомоществования» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 73 об]. Возможно приняли во внимание неудачный предыдущий опыт, приведший к раздроблению и в следствии этого к обеднению хозяйств.

Первым делом на территорию Новолинейного района были направлены команды для выбора мест под поселения. Команды под началом войсковых старшин И. А. Авдеева, Ковалевского и И. П. Лябзина произвели осмотр местности и назначили места для будущих поселений [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 51—54 об.] в соответствии со следующими требованиями: «В летнее и зимнее время в достаточном количестве годная к употреблению вода; <…> изобильные для хлебопашества земли и луговые места, <…> полагая на каждую душу одной удобной земли не менее 30 десятин и с расчётом на умножение народа; необходимое количество леса для устройства хозяйственных заведений…» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 148]. При этом расстояние между станицами должно было составлять не менее 20 вёрст. Была проведена геодезическая съёмка участков и определено примерное количество первоначально заселяемых. О чём были составлены соответствующие ведомости. При этом к описанию участков сделано примечание, которое позволяет представить, что ресурсы самообеспечения на этой территории оценивались достаточно высоко: «1. Во всём пространстве предполагаемых к заселению мест грунт земли большей частью солонцеватый, каменистый и песчаный. Производить хлебопашество подряд большими количествами невозможно, но <…> в показанном в ведомости пространстве разрабатывать участками удобно и в достаточном количестве; 2. Дорога вообще во всём пространстве этой линии плоско-гористая, для провоза удобная; 3. Переправы и мосты должны устраиваться в самих селениях на значащихся реках без больших затруднений и необременительно; 4. Леса вообще не сплошные, разной величины, колками. При сбережении весьма в достаточном количестве. На дрова и для мелкой постройки имеется много валежнику, бурелому и сухостою» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 54 об].

Нужно отметить, что рекогносцировочная работа была проведена достаточно качественно. Насколько нам известно, только два посёлка из тридцати двух были перенесены на другие места. По словам информаторов, спустя короткое время выяснилось, что место для п. Варненского и п. Кацбахского весной в половодье затапливается, и посёлки были перенесены поблизости на не затапливаемые участки [ПМА Плотникова М. И.]. Эти сведения подтверждаются тем, что описания местоположения поселения № 9 в ведомости, составленной по результатам рекогносцировки,

действительно не совпадает с современным положением п. Кацбах, который должен был расположиться в 1,5 км от слияния рек Куйсак и Сарым-Саклы [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 54 об.], а реально находится примерно на 10 км юго-восточнее, выше по течению реки Зингейка, как сейчас на картах называется река Сарым-Саклы.

Решения о «безусловном» переселении всех казаков упраздняемых станиц были доведены до сведения подлежащих переселению, которые по понятным причинам встретили их с неудольствием.

Среди потомков новолинейных казаков устные рассказы о переселении сохраняются до настоящего времени. Все информаторы 1900—1910 гг. рождения рассказывая об основании своих посёлков называли своих предков «переселенцами». Даже те, кто не приводил подробно обстоятельств переселения, чётко транслировали в усвоенных терминах недобровольный характер переселения: никогда не используя в рассказе вариант «переселялись», а указывая что «их» («наших») сюда «переселяли», «выселяли». Так, Ложкина Ксения Фёдоровна 1909 года рождения из п. Кацбах начала свой рассказ об основании посёлка очень типично: «А вот дедушка рассказывал. Он приславый сюда двенадцати лет. Высылали, говорит, нас насильно…» [ПМА Ложкина К. Ф.]

Особенно явно несогласие на переселение пытались высказывать казаки-нагайбаки. Информацию об этом находим в записках Ф. М. Утешева: «Во исполнении распоряжения центра от Оренбургской губернии в состав межгубернской комиссии был командирован в г. Уфу есаул Ершов. По прибытии Ершова в Уфу Уфимское начальство в свою очередь членом в комиссию выдвинуло поручика Чижова и снабдив их широкими правами по вербовке переселенцев командировало их сначала в Бакалинский уезд. В вербовочную комиссию и от уезда были влиты члены. Комиссия начала свои действия сначала с добровольной записи переселенцев. Собирали мирские сходы — собрания, на которых комиссия объявляла льготные условия переселенцам. За отсутствием добровольцев на переселение комиссия начала действовать согласно данных ей полномочий, в которых значилось «если на добровольное переселение желающих не окажется, то проводить насильственную запись. А если при проведении указанных мероприятий будут сопротивляющиеся, то таковых беспощадно бить розгами по 50—100 ударов каждого, смотря по степени сопротивления» [ПМА Утешев Ф. М.].

Здесь автор сообщает информацию неточно. В 1842 г. и речи не шло о добровольности переселения, казаки подлежали переселению «безусловно». Возможно, в данном случае рассказы родственников соединились в сознании автора со сведениями из литературы, в которой речь шла о событиях первого десятилетия XIX в., когда переселение казаков из Предуралья, в том числе из Нагайбакской крепости действительно было относительно добровольным. В результате того переселения сформировалась группа нагайбаков в Оренбургском и Орском уездах, которая впоследствии, оказавшись поселённой в посёлках вместе с татарами-мусульманами, отошла от православия и слилась с местными татарами [Белорусова, 2016, с. 45—58]. Да и комиссия не могла быть «межгубернской». В то время вся эта территория входила в состав Оренбургской губернии. Правда военный губернатор находился в Оренбурге, а гражданский в Уфе, там же находилась и губернская палата государственных имуществ, так что представитель её действительно мог быть включён в комиссию, т. к. земли упразднённых кантонов передавались в ведение министерства государственных имуществ. В любом случае комиссия и разбирательства всё-таки имели место. Архивные документы свидетельствуют, что казаки Бакалинской станицы подали прошение на имя Государя императора с просьбой не переселять их на Новую линию и пытались разыскать копию указа о даровании им мест их настоящего проживания в вечное наследственное владение в виде награды за верную службу. Для этого выборные от казаков Бакалинской крепости во главе с казаком Тептеевым собирались в Петербург. Об этом было доложено и проведено расследование, в ходе которого были внимательно изучены, приведённые в деле документы XVIII в. о наделении новокрещенных казаков во главе с атаманом Андреем Ерёминым землёй для Нагайбакской крепости, станицы Бакалинской и прочих деревень (всего 12 населённых пунктов с населением 600 человек) «из земель башкирцев, бывших в бунте. За них башкирцам ничего не платить, т. к. оные новокрещенные много от них претерпели». Таким образом был сделан вывод, что «земля им была дана за службу и за претерпение разорения вместо жалования для того, что они определены на казачью службу» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 228—230].

К казакам Нагайбакской крепости были направлены официальные лица для разъяснения того, что они не имеют особых наследственных прав на земли и подлежат переселению в соответствии со всеми другими казаками. В связи с чем было решено просьбу казаков во главе с Тептеевым оставить без внимания, но казаков не наказывать, так как они чистосердечно раскаялись [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 415].

Указанный в деле казак Тептеев оказался дедом Ф. М. Утешева по матери, и приводимый ниже рассказ Ф. М. Утешева о происходивших событиях услышан им в значительной степени от самых активных участников волнений. «В силу указанных уполномочий комиссия <…> приступила к насильственной записи на переселение в районы города Верхнеуральска Оренбургской губернии. Причём записанным комиссия объявила о льготах и предупредила, дав при этом на размышление одни сутки. На другой день снова был собран мирской сход, на котором выяснилось, что записанные от переселения отказались. Видя такой раскол среди жителей, комиссия принялась опрашивать каждого записанного в отдельности. Из показаний записанных выяснилось, что гр.гр. этого села Тептеев Н. В. (это дедушка по матери автора), Исаев К. Ф., Леонтьев Я. Г. и другие (всего в числе семи человек) ходили по домам записавшихся на переселение, расстраивали и запугивали их. В виду таких разлагательских действий со стороны отдельных гр.гр., комиссия начала опрос виновных, а именно Тептеева Н. В., Исаева К. Ф., Леонтьева Я. Г. и др. Но указанные себя виновными не признали. Ссылаясь на свидетельские показания, комиссия приступила к более серьёзному опросу виновных — разлагателей, при этом есаул Ершов пускал в ход нагайку, даже и кулак. Наконец собрание почти единогласно заявило комиссии, что главными виновниками затяжки вопроса по переселению являются все указанные семь человек. По обычаю, существующим законам того времени комиссия приказала доставить на место, где происходил сход, две скамьи и свежих лоз. Затем комиссия объявила, что виновников расстройства желающих на переселение, а именно Тептеева Н. В., Исаева К. Ф., Леонтьева Я. Г. и др. в числе семи человек решено наказать по 50 ударов розгами каждого, после чего всех семерых записать в список на переселение. После проведённых мероприятий комиссия задала вопрос: “Кто из записанных не желает переселятся сделайте шаг вперёд”. Но никто из записанных вперёд не шагнул. “Что все согласны на переселение?” — был задан вопрос. Записанные все в один голос заявили: “Да. Согласны!” Отобрав от записанных подписки о срочной высылке в пределы г. Верхнеуральска ходоков для осмотра земельных участков, которые давно уже были нарезаны и запланированы, комиссия выбыла в другой уезд» [ПМА Утешев Н. Ф.].

Также Ф. М. Утешев приводит старинные песни нагайбаков, в которых, по его мнению, фиксируется недовольство по поводу переселения на новые места:

Алты таган агачы
Жиденчеге аның тубәсе
Киләсе елда бу вакытта
Без әллә кайсы илдә буласы

В переводе на русский язык это значит:

Шесть ножек качели,
А седьмой — её верх.
В будущем году в это время,
Мы где будем, неизвестно
[ПМА Утешев Н. Ф.].

Атландым атның биленә
Языгдым Яек җиренә,
Яек җире җир тугел.
Кантыр идем туган илемә

Сел на спину коня,
Записался на Яицкие земли,
Яицкая земля очень плохая,
Вернутся бы на свою Родину
[ПМА Утешев Н. Ф.].

Если первую песню можно считать философским размышлением общего характера, то вторая однозначно описывает эмоции в связи с необходимостью покинуть родину и переселится на Яик (Урал).

В другом варианте записок Ф. М. Утешев сообщает, что «сопротивление происходило в ввиду того, что наши предки жили на потомственной земле, закреплённой за ними царским указом Екатерины II за выступление против Пугача Е. И.» [ПМА Утешев Ф. М.]. Несмотря на то что он ошибочно указывает Екатерину II вместо Анны Иоановны и вместо башкирских бунтов выступление Пугачёва, всё же мы видим из этого текста, что он был осведомлён об основном мотиве, на котором основывалось недовольство — лишение «потомственной земли, закреплённой царским указом», т. е. его дед вовсе не раскаялся, а, хотя и смирился с обстоятельствами, но своим потомкам рассказывал о том, что земли на «старой Родине» их лишили несправедливо.

До настоящего времени у нагайбаков сохраняются устные рассказы о красотах оставленных мест. И рассказ Ф. М. Утешева далеко не единственный подобный. Семейное предание краеведа А. М. Маметьева из Фершампенуаза повествует о том, что его предка сотника П. С. Маметьева, отказывавшегося переселятся, привезли на новое место поселения «в цепях под охраной» [ПМА Маметьев А. М.]. Видимо, данное семейное предание также описывает реальную ситуацию,

когда в соответствии с правилами уклоняющихся от переселения в указанные сроки полицейским чиновникам предписывалось высылать в назначенные пункты с письменным предписанием «под ведением надёжнейших из них людей» [Правила о переселении…, с. 24].

Казаки были расселены на новых местах достаточно компактно относительно мест прежнего проживания, что способствовало формированию такого специфического феномена исторической памяти, как фиксирование названий мест выхода переселенцев в топонимии новолинейных посёлков. Так центральная часть п. Рымник, куда, согласно документам, были переселены 200 душ м. п. из упразднённой станица Самарской [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 98 об] до настоящего времени называется Самария. В Фершампенуазе в названиях частей посёлка долго сохранялись названия поселений, в которых нагайбаки проживали до переселения в Новолинейный район: Бакалы, Илек, Умерле [Атнагулов, 2015, с. 47]. В Фершампенуаз были переселены 350 душ из станиц Нагайбакской и Бакалинской, к которым относились указанные поселения [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 103]. В других нагайбакских посёлках названия населённых пунктов выхода переселенцев сохраняются до настоящего времени как вторые названия: Кассель — Килий, Остролёнка — Сарашлы, Требия — Нугайбек. Такая ситуация характерна и для русских казаков, но у последних вторые названия быстро утратили функцию топонимов и превратились в обозначения групп жителей посёлков — прозвища. Однако их происхождение от названий их старых станиц было общеизвестным.

Так Ложкина Ксения Фёдоровна 1909 года рождения из п. Кацбах на вопрос: «А откуда переселяли? Из каких краёв?» Отвечала: «Из Сороки <…>, и нас и называют сороками. Это — говорят — сороки». Действительно, в Кацбах были переселены 176 душ из Сорочинской станицы [ПМА Ложкина К. Ф.].

В устных рассказах о переселении в описании новых мест, на которых оказались переселенцы, очень чётко фиксируются два параллельных мотива. С одной стороны, все информаторы чётко транслируют, что до прихода русских «тут киргизы жили» [ПМА Ковалевская М. Д.]: «Когда заселяли, тут киргизня жили» [ПМА Крюкова А. Д.] «…Пришли сюды. Тут был киргизский аул. Их выселили отсюда. А русских заселили» [ПМА Ложкарева С. Е.]. Но параллельно настойчиво звучит мотив неосвоенности природного пространства. Информаторы описывают дикую природу в терминах «леса большие», «реки глубокие», наиболее явно этот мотив сформулирован Плотниковой Марфой Ивановной 1911 года рождения из п. Кацбах: «Тут была пустыня, тайга была» [ПМА Плотникова М. И.]. С одной стороны, новые земли осмысливаются как чужие на момент переселения, с другой стороны, как пустые. С точки зрения информантов здесь нет противоречия. «Пустыми» эти земли были с точки зрения оседлых земледельцев. Земли, на которых нет пашен, нет деревень — пустыня. Лесов в то время видимо действительно было заметно больше чем сейчас, но всё же это была не тайга. В этой дихотомии — чужой / пустой отражены и две основные проблемы, с которыми встретились переселенцы: хозяйственная неосвоенность территории и сложные взаимоотношения с вытесненным с привычных мест коренным населением — казахами. Отношения действительно были напряжёнными. У оренбургских казаков существует целый пласт фольклора о пленении казахами и судьбе пленников, а чаще пленниц, который заслуживает отдельного анализа.

Переселение с обжитых мест действительно явилось серьёзным испытанием для переселенцев. Конечно, и в прежней, и в дальнейшей истории России переселенцы, двигавшиеся с освоенных земель на восток и юг, сыграли чрезвычайно важную роль. Существует обширная литература, в которой речь идёт о том, что человек принимающий решение о переселении должен иметь особый психологический склад («человек фронтира») или оказаться в жизненной ситуации, когда ему особо «нечего терять». Но если представить, что в данном случае все казаки вынуждены были сняться с хорошо освоенных мест, где жили несколько поколений предков, причём большинство в хороших домах, не испытывая недостатка в пахотной земле, сенокосах и выпасах, и, невзирая на особенности психологического склада, отправиться с малыми детьми и стариками зимовать в землянки в целинной степи, причём сделать это предлагалось в течении двух полевых сезонов, то трудности переселения выглядят очень реальными. Если попытаться посмотреть на них глазами участников, становится понятно, откуда взялись устойчивые, хотя и легендарные версии о внезапном быстром переселении, наиболее ярко выраженные в часто встречающемся в рассказах о переселении мотиве о пекущемся хлебе, оставленном в печи в старом доме: «так выселяли, что даже хлеб оставался в печи» [ПМА Ложкина К. Ф.], «даже хлеб остался у их в пече, не дали вытащить» [ПМА Плотникова М. И.]. Эту речевую формулу усвоили и повторяли, рас-

сказывая детям и внукам о переселении даже через 150 лет.

Эти семейные предания, безусловно, метафорически отражают реальные трудности переезда и обзаведения хозяйством на новых целинных степных землях. Примечательно, что мотив хлеба, который подгорает в печи и его нельзя вытащить, встречается и в рассказах о гражданской войне, в тех посёлках, где велись активные боевые действия (хозяйка поставила хлеб в печь, начался обстрел, все спрятались в погребе (в хозяйственной яме во дворе, за посёлком во рву), и хозяйка переживает, что хлеб в печи горит, а вытащить нет возможности) [ПМА Воротинцева З. В.]. Таким образом этот сюжет превращается в некую метафору бедствия, которому человек не может противостоять.

Близкий сюжет рассказала В. Г. Леонтьева в музее с. Остроленка, где хранилась корневая прялка, относительно которой было записано семейное предание, что она привезена со старых мест: «Когда пришли переселять, хозяйка пряла, дак так с этой прялкой и вышла из дому» [ПМА Леонтьева В. Г.].

Хотя на самом деле процесс переселения был довольно длительным. Войсковое начальство старалось учесть все реалии земледельческого хозяйства и переселение в документах названо «постепенный вывод казаков начиная с весны 1842 года» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 15].

Вероятно, Ф. М. Утешев в своей рукописи сообщает правдивую информацию, что первыми на новые места были направлены «ходоки» — представители от каждой станицы для осмотра участков и согласования конкретных мест поселения на новой линии, хотя конкретные сроки, когда это происходило, нуждаются в уточнении:

«Они из своей среды избрали ходоков для осмотра земель в Верхнеуральском уезде, куда в 1842 (исправлено на 1840) году и были отправлены выдвинутые ходоки из сёл… Ходоки летом 1840 (исправлено с 1941 г.) прибыв в г. Верхнеуральск, осмотрели назначенные для заселения переселенцами земельные участки, которые были <…> пронумерованные от 1 до 21 номера… Из них участок № 1 взяли ходоки села Килеево (Кассель), участок № 2 — ходоки села Сарашлы (Остроленка), участок №3 — умеровцы и илековцы (Фершампенуаз), № 4 Янаулские (село Париж) и № 8 Нагайбаксие (Требий).

Получив генеральные планы на свои земельные участки, ходоки вернулись на старые местожительства. По прибытии ходоков на родину переселенческий коллектив на своём общем собрании обсудив сообщения ходоков о предназначенном для них земельном участке решил с весны 1842 г. готовить землю и жилища на новом месте… В течении зимы 1841—1842 гг. переселенцы вместе с подготовкой к переселению стали готовится и к организации прощальных попоек. С этой целью как они (переселенцы), так равно и остающиеся на старом месте жительства их родные начали варить пиво и квасить мёд» [ПМА Утешев Ф. М.].

В подтверждения этих сведений в оренбургском государственном архиве обнаружены документы, составленные, правда не казаками, а переселяемыми на новую линию малолетками Саврушенской слободы, Бугурусланского уезда Оренбургской губернии Феклистом Заматаевым, Михайло Чигориным и Трофимом Неклюдовым, которые с «однодворцами своими — малолетками в числе 180 душ — возымели желание» поступить в казачье сословие с переселением на Новую линию и выбрали место «по указанию тамошнего местного начальства» о чём «предъявлено» войсковому правлению для того, чтобы «избранное к заселению место не досталось во владение другим таковым же» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 184]. Видимо, это и есть представители от «общества», направленные для выбора места поселения. Правда, в данном случае случилось то, чего опасались Феклист Заматаев с товарищами. Видимо, пока шли согласования, место, показанное им как свободное, оказалось уже назначенным к поселению другой группы и им было предложено «самое ближайшее к просимому» [ГАОО, Ф. 6, Оп. 10, Д. 5273, Л. 223], таким образом, они просились в станицу Новинскую, а получили разрешение поселится в станице Кульмской. Так же произошло и с представителем белопахотных солдатских малолеток г. Мензелинска Василием Филатовым, который ходатайствовал «о допущении его с товарищами к поселению <…> на второе казачье поселение между речек Большой и Малой Гумбеек» (т. е. в Остроленку), а назначены они были «на № 21 станицу Наваринскую, что в близости того места…» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, Л. 222]

Относительно приведённых в рукописи Ф. М. Утешева дат видно, что автор сам в них сомневается. Логичнее всего предположить, что эти события имели место осенью 1841 г., а активные действия по переселению действительно были начаты весной 1842 г.

Документ от марта 1842 г. гласит, что в 1842 г., ввиду скорого начала полевых работ, переселенцам было дозволено произвести сев и распашку на старых местах, а сено для скота планировалась заготовить уже на новых местах, где и предполагалось зимовать зимой 1842—1843 гг. Для этого

предварительно отправить туда, кого подлежит. Тем, кто по болезни или командировке не смог этого сделать, а впоследствии и тем , чьи сенокосные угодья оказались «сильно потравлены киргизами» (на участке № 8 трава потравлена киргизами, а в № 5 скошена ими же) предоставлялась рассрочка переселения до будущей зимы, но не долее, чтобы они обязаны были прибыть на новую линию следующей весной. Сев 1843 г. все должны были производить уже на новых местах [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 16].

Переселяющимся разрешено было то, что они не могут перевести, продать по их усмотрению, а также до весны 1843 г. «оставить на прежних местах жительства доверенных лиц для охранения и распродажи недвижимого имущества, по неимению в момент переселения покупщиков» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 66], т. е. до массового переезда на эти места государственных крестьян, выселявшихся с казачьих земель. Переселявшимся казакам была предоставлена отсрочка от службы на 2 года [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 15], белопахотным солдатам и солдатским малолеткам, переводимым в казаки, на 3 года [Правила о переселении…, с. 31—32].

Вероятнее всего, команды, состоящие из представителей от каждого хозяйства (количество определялось численностью мужчин в каждом хозяйстве) выехали весной 1842 г. для заготовки сена, постройки землянок для зимовки семей и скота, заготовки леса. А к осени в станицы Новолинейного района поехали первые большие группы с семьями.

В записках Ф. М. Утешева содержится очень эмоциональное описание такого события. Хотя он ошибочно датирует его весной 1942 г., оно в реальности могло произойти только осенью. Но мы уже писали выше, что автор явно не знает точных дат (скорее всего, он их не запомнил из рассказов, а может, они и не фигурировали в рассказах) и пытается восстановить свою хронологию событий.

«…Наступил апрель (зачёркнуто) сверху написано март 1842 г. весна удалась тёплая, благоприятная для отъезда переселенцев. В конце апреля (зачёркнуто), сверху написано марта) переселяющиеся в знак вечной разлуки с родными устроили последние прощальные вечера. Гуляли три дня и три ночи подряд. Затем, как только наступил день отъезда на новые места среди переселяющихся и среди их родных началась суматоха, женщины поспешно укладывали в телеги имущество, а мужчины готовили упряжь и лошадей. Старики и старухи, воспользовавшись этой суматохой пошли на могилы прощаться с умершими. Плачу и причитанию об умерших не было конца. Так что одних увели, а некоторых увезли на лошадях. Перед тем, как обозу тронуться подняли крик, что несколько старух и пожилых женщин нет в обозе. Кинулись их искать. И что же оказалось? <…> Каждая старуха и каждая пожилая женщина в специально сшитый для этого из чёрной материи кошелёк с завалины своего дома насыпали земельки, для того чтобы во время скуки по родине понюхать эту земельку и пролить над ней слёзы. Я помню ещё чёрный кошелёк с земелькой, привезённый моей бабушкой с старого места жительства. На мой вопрос: “Бабушка, что это за кошелёк висит возле печи и что в этом кошельке?”, она отвечала: “В этом кошельке я со старины привезла земельку с завалины для того, чтобы разогнать скуку о старине”. В телеги с кладью были запряжены лошади, на вещи посадили стариков, женщин и детей, а мужчины ехали верхами, как погонщики с кнутами в руках и должны были гнать скот. Вот обоз тронулся с места в путь и тут началась такая музыка, что нетерпеливый человек мог бы оглохнуть или сойти с ума: плачь женщин, как уезжающих, так равно и провожающих родных, крик погонщиков, щелкавших кнутами, рёв коров, блеяние овец, скрип немазаных колёс издавали раздражающий уши <…> шум. Вот наконец обоз отъехал от деревни 4—5 вёрст, провожавшие переселенцев со слезами на глазах мало-помалу стали отставать, а последними на лошадях, запряжённых в телеги, попрощавшись может в последний раз уехали близкие родственники уезжающих на новые места переселенцев» [ПМА Утешев Ф. М.].

То, что события происходили именно осенью, подтверждается и тем, что чуть ниже автор пишет, что по приезду «…мужчины спаивались по два, по три хозяйства вместе, начали распахивать целинную землю, до которой до сих пор не доходила рука человека. Нужен был тяжёлый и упорный труд, чтобы обзавестись хозяйством, приготовить для посева в будущем году землю» [ПМА Утешев Ф. М.]. Распахивать участки должны были начать высланные вперёд команды, т. к. на новом месте предполагалось произвести сев озимых (в этом районе выращивали в основном озимую рожь) и поднять целину для весеннего сева яровых.

Однако безусловно нельзя утверждать, что переселенцы не были брошены на произвол судьбы. Власти, заинтересованные в скорейшем успешном водворении их на новых местах, стараются всеми возможными средствами помочь и в то же время проконтролировать переселенцев.

Составить представления о мерах поддержки переселенцев и требованиях к ним, составленных чиновниками военного ведомства Российской империи, которые планировали, а затем осуществляли перемещения десятков тысяч лю-

дей разного возраста и достатка с имуществом, сельскохозяйственным инвентарем и домашним скотом на сотни верст на новые не обустроенные места, понимая, что переселение — мероприятие чрезвычайно непростое и затратное даже для состоятельных переселенцев, тем более для малоимущих, можно из разработанного ими разработали обстоятельного документа «Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упразднённого Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков», речь о котором шла выше.

В правилах детально расписаны этапы переселения, сборные места, сроки выхода, маршруты следования, обеспечение провиантом, медицинской помощью, а также определены лица ответственные за проводимые мероприятия.

Правила обязывали Оренбургского Гражданского губернатора, который, в свою очередь, должен был обязать “градскую и земскую” полицию во время следования «с прежних жительств <…> оказывать содействие, чтобы переселяющие следовали в надлежащем порядке, и чтобы им отводимы были безденежно удобные и просторные денные и ночные обывательские квартиры», причем надлежало «склонять обывателей к безденежному их прокормлению» [Правила о переселении…, с. 27]. Выпас лошадей и домашнего скота на общественных пастбищах во время следования переселенцев разрешалось производить бесплатно. Заболевших во время пути «без всякой платы на обывательских подводах» надлежало доставлять в ближайшие города, где полицмейстеры и городничие должны были обеспечить им медицинскую помощь в городской больнице. Лечение оплачивалось «за каждого по пятидесяти копеек в сутки, из Войсковых сумм» [Правила о переселении…, с. 28]. Правила предписывали местным властям оказывать переселяющимся «всякое законное пособие, доброхотство и покровительство» и склонять к этому же обывателей [Правила о переселении…, с. 28].

Несколько раз в разных параграфах документа для калмыков и белопахотных солдат и малолетков настойчиво обращается внимание на обеспечение переселяемых сельскохозяйственным инвентарем, посевным материалом, и даже провиантом «за счет войсковых сумм». Обустройство на новом месте, заготовка строевого леса, места вырубки, необходимое количество стволов и способ доставки леса строго регламентируется и контролируются администрацией. При «устройстве» новых станиц «Правила» требовали возводить дома в «казенных поселениях» (к этому типу были отнесены все казачьи станицы) «по Высочайше утвержденным для казенных селений планам» и в установленном порядке [Правила о переселении…, с. 12, 18]. Прописывались материалы и конструктивные приемы при возведении построек. Калмыкам, несведущим в постройке домов, из Оренбургской, Симбирской и Нижегородской губерний рекомендовано было заблаговременно вызвать плотников и пильщиков для производства работ, которые оплачивались из войсковых сумм калмыцкого войска [Правила о переселении…, с. 18].

Согласно официальным документам переезд казаков внутренних кантонов окончательно завершился к июню 1844 г., когда было сообщено, что все семейства выехали и станицы Бакалинская, Нагайбакская, Табынская, Елдяцкая, Уфимская, Бузулуксукая, Сорочинская, Елшанская, Борская, Красносамарская, Мочинская, Тоцкая, Самарская, Алексеевская упразднены совершенно [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 418].

К этому же времени по плану должно было завершиться и начавшееся с мая 1843 г. переселение казаков упразднённого Ставропольского калмыцкого войска, которые были присоединены к Оренбургскому войску и «со всеми семействами переселены во все полки ОКВ на Новой линии расположенные» [ПСЗ II, т. XVII, отд. 1 15677]. Всего предполагалось к переселению калмыков 777 семейств, 1743 души мужского пола [Правила о переселении…, с. 4]. Калмыки были вкраплены среди русского населения.

Для солдат и малолетков окончательный срок переселения был обозначен 1 января 1845 г., а затем некоторым было разрешено остаться ещё до весны [ГАОО, Ф. 6, Оп. 10, Д. 5273, Л. 418].

Происхождение населения Новолинейного района из разных сословных групп также зафиксировано в микротопонимии посёлков: части п. Наследницкий до недавнего времени назывались «казаки» и «солдаты» [ПМА Звездин П. И.].

В дальнейшем столь масштабных акций по формированию населения ОКВ не предпринималось. Однако согласно положению указа 1832 г., ещё раз утверждённому в Положении об ОКВ 1840 г. командиру отдельного оренбургского корпуса было предоставлено право «… принимать в Оренбургское казачье войско и поселять на предоставленных оному землях всех казённых крестьян и других податного состояния людей, уволенных от мест прежнего жительства, для водворения в Оренбургской губернии, доколе состав войска и пространство назначаемых ему земель могут представлять необходимость в умножении народонаселения»[ПСЗ II, т. XV, № 14041].

Свободных пространств «назначенных ему земель» хватило ОКВ до конца существования. Это дало возможность на протяжении всей дальнейшей

истории продолжать строительство новых населённых пунктов на землях ОКВ и включения новых групп населения в его состав, хотя уже не столь масштабное.

Список литературы.

1. Абрамовский, А. П. Оренбургское казачье войско в трех веках / А. П. Абрамовский, В. С. Кобзов. Челябинск : Челяб. гос. унт, 1999.

2. Атнагулов, И. Р. Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика / И. Р. Атнагулов. Челябинск : Челяб. гос. краевед. музей, 2015.

3. Белорусова, С. Ю. Ушедшие в ислам: этноистория южной группы нагайбаков / С. Ю. Белорусова // Кряшенское историческое обозрение. 2016. № 1. С. 45—58.

4. Казин, Х. В. Казачьи войска. Краткая хроника / Х. В. Казин ; под ред. В. К. Шенка. Москва : Дорваль, 1992.

5. Кортунов, А. И. Создание Новоилецкого района Оренбургского казачьего войска и особенности его заселения в первой половине XIX века / А. И. Кортунов // Известия самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15, № 5. С. 12—18.

6. Новикова, О. В. Традиционная одежда оренбургских казаков. На службе и в быту / О. В. Новикова, А. А. Рыбалко, Г. Х. Самигулов, С. Н. Кучевасова. Екатеринбург : Центр традицион. народ. культуры Сред. Урала ; Челябинск : Гос. истор. музей Юж. Урала, 2018.

Список ПМА (Полевые материалы авторов)

Полевые дневники А. А. Рыбалко, О. В. Новиковой

Интервью информантов.

1992 год
п. Рымникский Брединского района Челябинской области
Ковалевская Мария Дмитриевна, 1913 года рождения
п. Полоцкий Кизильского района Челябинской области
Ложкарева Степанида Ефимовна, 1905 года рождения

1993 год
с. Измайловское Кизильского района Челябинской области
Крюкова Анастасия Демьяновна 1913 года рождения

1994 год
п. Кацбахский Кизильского района Челябинской области
Плотникова Марфа Ивановна, 1911 года рождения
Ложкина Ксения Фёдоровна, 1909 года рождения
п. Наследницкий Брединского района Челябинской области
Звездин Пётр Иванович, 1919 года рождения

1996 год
с. Фершампенуаз Нагайбакского района Челябинской области
Маметьев Алексей Михайлович, 1923 года рождения
с. Остроленка Нагайбакского района Челябинской области
Леонтьева Вера Григорьевна

2002 год
п. Смеловский Верхнеуральского района Челябинской области
Воротинцева Зинаида Васильевна, 1908 года рождения

Рукописи краеведческих записок:
п. Кассельский Нагайбакского района
Утешев Ф. М. 1880 года рождения, записи сделаны автором в 1950—1960 е гг.

Сведения об авторах

Рыбалко Андрей Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. *rybalko.andr@gmail.com*

Новикова Ольга Владимировна — заведующий Лабораторией исторической реконструкции Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека, Челябинск, Россия

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 82—94.

Settlement of the Novolineiny district of the Orenburg cossack army in official documents and in historical memory

A.A. Rybalko
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, rybalko.andr@gmail.com
O.V. Novikova
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

The 1830s — 1840s were an extremely important stage in the history of the Orenburg region. This period witnessed the construction of the New Orenburg border line, the establishing of the Novolineiny district and the reform of the Orenburg Cossack Army, as a result of which a single territory of the Orenburg Cossack Army was formed with a predominantly Cossack population.

There are a lot of studies about the history of the Novolineiny district development. Most of them are based on the documentary sources of official origin. However, we consider that understanding the real situation is impossible without analyzing such an important source as historical memory. It was formed on the oral stories of the events participants and preserved in the memory of descendants.

This article attempts to get a real picture of the events on the base of a comparison of written sources, mostly compiled by officials who carried out the resettlement and oral stories of the settlers, preserved in the historical memory of their descendants.

Keywords: *Orenburg Cossack army, New border line, historical memory, documentary sources.*

References

1. Abramovskij A.P. Kobzov V.S. *Orenburgskoe kazach'e vojsko v treh vekah* [Orenburg Cossack army in three centuries] Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 1999. (In Russ.).

2. Atnagulov I.R. *Identichnosti nagajbakov: genezis, struktura. Dinamika.* [Identities of Nagaybaks: Genesis, Structure. Dynamics]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Museum of Local Lore, 2015. (In Russ.).

3. Belorusova S.Yu. Ushedshie v islam: jetnoistorija juzhnoj gruppy nagajbakov [Those who have gone to Islam: the ethnic history of the southern group of Nagaybaks]. *Kryashenskoe istoricheskoe obozrenie* [Kryashensky historical review], 2016, no. 1, pp. 45—58. (In Russ.).

4. Kazin H.V. *Kazach'i vojska. Kratkaja hronika.* [Cossack troops. Brief Chronicle]. Moscow, Dorval', 1992. (In Russ.).

5. Kortunov A.I. Sozdanie Novoileckogo rajona Orenburgskogo kazach'ego vojska i osobennosti ego zaselenija v pervoj polovine XIX veka [Creation of the Novoiletsky district of the Orenburg Cossack army and the features of its settlement in the first half of the XIX century]. *Izvestija samarskogo nauchnogo centra RAN* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2013, vol. 15, no. 5, pp. 12—18. (In Russ.).

6. Novikova O.V., Rybalko A.A., Samigulov G.H., Kuchevasova S.N. *Tradicionnaja odezhda orenburgskih kazakov. Na sluzhbe i v bytu.* [Traditional clothes of the Orenburg Cossacks. In the service and at home]. Ekaterinburg, Centr tradicionnoj narodnoj kul'tury Srednego Urala, Gosudarstvennyj istoricheskij muzej Yuzhnogo Urala, 2018. (In Russ.).

Spisok PMA (Polevye materialy avtorov)

Polevye dnevniki A.A. Rybalko, O.V. Novikovoj

Interv'yu informantov:

1992 god
p. Rymnikskij Bredinskogo rajona Cheljabinskoj oblasti
Kovalevskaja Marija Dmitrievna, 1913 goda rozhdenija
p. Polockij Kizil'skogo rajona Cheljabinskoj oblasti
Lozhkareva Stepanida Efimovna, 1905 goda rozhdenija

1993 god
s. Izmajlovskoe Kizil'skogo rajona Cheljabinskoj oblasti
Krjukova Anastasija Dem'janovna 1913 goda rozhdenija

1994 god
p. Kacbahskij Kizil'skogo rajona Cheljabinskoj oblasti
Plotnikova Marfa Ivanovna, 1911 goda rozhdenija
Lozhkina Ksenija Fjodorovna, 1909 goda rozhdenija
p. Naslednickij Bredinskogo rajona Cheljabinskoj oblasti
Zvezdin Pjotr Ivanovich, 1919 goda rozhdenija

1996 god
s. Fershampenuaz Nagajbakskogo rajona Cheljabinskoj oblasti
Mamet'ev Aleksej Mihajlovich, 1923 goda rozhdenija
s. Ostrolenka Nagajbakskogo rajona Cheljabinskoj oblasti
Leont'eva Vera Grigor'evna,

2002 god
p. Smelovskij Verhneural'skogo rajona Cheljabinskoj oblasti
Vorotinceva Zinaida Vasil'evna, 1908 goda rozhdenija

Rukopisi kraevedcheskih zapisok:
p. Kassel'skij Nagajbakskogo rajona
Uteshev F.M. 1880 goda rozhdenija, zapisi sdelany avtorom v 1950 — 1960 e gg.

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2020. № 1. С. 95—101.

DOI 10.24411/2542-0275-2020-0109

От семьи русской к семье советской: третья сторона во внутрисемейных конфликтах (по материалам письменных источников второй половины XIX — первой половины XX века, Южный Урал)

Е. А. Чайко
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена изучению одной из сторон процесса культурной эволюции русской патриархальной семьи, и превращению ее в семью современного типа. На основе материалов судопроизводства станичных судов Оренбургского казачьего войска второй половины XIX в. и районных газет 30-х и 40-х гг. XX в. анализируется поведение сторон во внутрисемейных конфликтах с целью выявления динамики поведенческих стереотипов в разном историческом контексте, в частности, в условиях кардинального изменения семейного права.

Анализ записей решений станичных судов второй половины XIX в. показал, что присущая русской семье замкнутость и система неравных статусов не противоречила практике привлечения третьей стороны для разрешения внутрисемейных конфликтов. Большинство судебных дел инициировалось женщинами, либо их представителями — отцами, дядями. Основными причинами обращений были измена мужа, побои, публичные оскорбления. В делах об изменах ответчицей выступала женщина-«разлучница». При нанесении побоев решение суда зависело от репутации пострадавшей женщины. Суд одобрял поведение мужа, если жена имела дурной характер. Требующим обязательного наказания считалось плохое содержание жены и оскорбление при людях. Признание виновности влекло штраф и арест при станичном правлении.

Обращения мужчин в суды были связаны с бегством жены из семьи. По подобным делам принимались решения о поиске и возврате жены.

После революции практика обращений женщин к третьей стороне сохранялась. В случае супружеской неверности мужа женщины жаловались в партийные органы или на производство. К ответу по жалобам стали привлекаться мужья, а не женщины — разлучницы, как ранее. К рукоприкладству мужей в семье власти применяли меры мягкого воздействия, либо невмешательство. Плохое содержание семьи, когда муж пьет, не дает денег на содержание семьи удостаивалось наибольшего осуждения. Советские общественные институты способствовали сохранению целостности семей. Отмеченные явление свидетельствуют о разделении населением и представителями советской власти на местах традиционных представлений о семье в целом и статусах отдельных членов семьи.

Ключевые слова: *русская семья, семейный конфликт, Южный Урал, станичные суды, внесудебное принуждение.*

Предлагаемый материал касается одной из сторон процесса культурно-исторической эволюции русской патриархальной семьи, которая, как известно, давала господствующие образцы семейной жизни в дореволюционной России. Попытки осмыслить русскую патриархальную семью как один из важнейших социальных феноменов и проследить её историческую эволюцию имеют сложившуюся традицию в области гуманитарных наук. Факт распада больших патриархальных семей положил начало изучению русской семьи в дореволюционный период[1]. В советской и постсоветской историографии проблема взаимоотношений и статусов в русской семье рассматривалась в трудах по этнографии русских и восточных славян, а также в работах, посвященных изучению традиционной культуры русских в различных географических и социальных группах [Русские: семейный и общественный быт, 1989; Бусыгин, Зорин, Михайличенко, 1973; Гончаров, 2002; Крупянская, Полищук, 1971; Миненко, Рабцевич, 1997; Чагин, 1998; Кузнецов, 1999]. Последнее важно, так как характер внутрисемейных отношений зависел не только от традиций народа в целом, но и от специфики религиозных представлений, жизненных условий, других факторов, многие из которых имели локальный характер. Со второй половины 1980-х гг. в отечественной историографии появляются работы, посвященные специфике гендерного порядка в русских семьях различных сословий, статусу женщины в семье [Пушкарева, 1994; Гончаров, 2001; Мужики и бабы…:, 2005].

[1] Подробный анализ дореволюционной литературы о русской крестьянской семье см.: Крюкова С. С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. Москва, 1994.

В конкретно-исторических исследованиях постсоветского периода проблема внутрисемейных взаимоотношений рассматривалась в контексте советского семейного права и социальной политики советского государства [Полянский; 1997; Градскова; 1999; Рабжаева; 2004; Рослякова; 2005; 2014].

Настоящая статья посвящена исследованию этнографического факта — обращения к третьей стороне во время семейных конфликтов, безусловно проясняющему систему отношений в русских семьях досоветского и советского времени.

Известно, что русской семье традиционно были присущи замкнутость и строгая семейная иерархия. Однако, в случае семейного конфликта, допускалось обращение пострадавших членов семьи к обществу для установления справедливости. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы станичных судов станиц Долгодеревенской и Еткульской Оренбургского казачьего войска за 1860—1880-е гг., отложившиеся в Областном государственном архиве Челябинской области. Станичные суды, к примеру, принимали в производство жалобы на жестокое обращение мужа (и других старших членов семьи) с женой. Рассмотрим решения судов по таким жалобам.

9 марта 1886 г. в Еткульский станичный суд обратилась казачка поселка Сухоруковского Анна Михайловна Сухорукова с жалобой на нанесение побоев её мужем Никанором Васильевым Сухоруковым. Казачка была освидетельствована врачом, который нашел на спине «сильно нанесенные нагайкой удары», счел их «при повторении вредными ко здоровью». Вызванные на суд жители поселка встали на сторону Никанора и одобрили его поведение, объяснив суду, что Анна «имеет в себе дурной характер». Судом также было отмечено плохое поведение истицы на суде — «Анна подает на себя явное при суде неповиновение». В результате рассмотрения станичный суд признал побои женщины необходимыми для укрощения ее «дурного характера»[1].

Среди материалов Долгодеревенского станичного суда встретились документы судопроизводства по заявлению тещи на своего зятя казака Тарасова. Во время разбирательства заявительница рассказала, что, находясь в доме зятя, стала свидетелем того, как зять бьет ее дочь, и вступилась, «зачем он делает буйство в семейной жизни». В ответ на это, казак «бросил (бить) жену и нанес <…> побои ей» сначала дома, а затем на улице. Сам же казак Тарасов на суде показал, он был «выпимши», сидел за столом во время ужина, произнес матерное слово между разговоров с женой, а теща начала делать упреки. Он вывел ее, «дабы она не могла являться в чужой дом со своими наставлениями». Побоев не наносил. «Спрошенные» судом соседи показали, что видели заявительницу на улице лежащей, но, чтобы ее бил зять, не видели. По итогу разбирательства, суд факт побоев не признал, но казаку сделал строгий выговор, чтобы в будущий раз «обращался с родными хладнокровно»[2].

Заявление в станичный суд имел право подать также отец замужней женщины. В документах станичного суда Долгодеревенской станицы отложилось дело по жалобе казака А. С. Подкорытова на жестокое обращение свекрови и свекра с его дочерью. Казак сообщил суду, что «выданная им в замужество родная дочь его Елена Александровна по мужу Заварухина, часто <…> приносит жалобу, что свекр ее казак Константин Заварухин и жена его Василиса Борисовна постоянно наносят ей обиды и к тому настраивают и мужа ее, и даже иногда не дают к пропитанию ея никакой пищи». «Спрошенные судом» свекр и свекровь не сознались. Однако, «на спрос суда целое общество поселка» показало, что «Заварухины сноху свою частовременно изнуряют. Сноха Константину (еще одна) — Наталья Ефимовна показала, что при ней свекровь их наносила Елене обиды, и даже сорвала с нее шаль». Суд постановил наказать казака Константина Заварухина штрафом 3 руб. серебром в пользу общественной суммы, а жену его, «как более растлившую семейную жизнь, держать при станичном правлении 6 суток»[3].

Под юрисдикцию станичных судов также попадали действия, направленные на разлад супружеской жизни. Так, 9 марта 1886 г. казачка поселка Сухоруковского Анна Михайловна Сухорукова обратилась в Еткульский станичный суд с жалобой на солдатку Анну Андрееву Оборину в «расстройстве супружеской жизни» и нанесении побоев. По приговору суда солдатку Анну Андрееву Оборину подвергли аресту при станичном правлении на шесть дней «с употреблением на общественные работы»[4].

16 января 1866 г. в Еткульский станичный суд обратилась крестьянка поселка Еманжелинского Еткульской станицы Екатерина Шаховская с обвинением казачки того же поселка Анисьи Гавриловны Печеркиной в желании «сделать супружеские разлучи». В свидетели была призвана девица Анна Андреевна Сазонова, которая намерения Печеркиной подтвердила. Суд постановил

[1] ОГАЧО. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 9.

[2] ОГАЧО. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 40. Л. 13(об) — 14 об.

[3] ОГАЧО. Ф. И. -7. Оп. 1. Д. 40. Л. 28—29 об.

[4] ОГАЧО. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 1. Л. 8—9.

подвергнуть разлучницу аресту при станичном правлении сроком на семь дней и взыскать с нее штраф три рубля в пользу А. А. Сазоновой за то, что последнюю пришлось дважды вызывать в суд («за двойной вызов в суд»)[1].

Очевидна относительная суровость наказаний по подобным делам, которую можно объяснить известными представлениями русских о святости венца. В обращениях о попытках расстроить супружескую жизнь, как правило, ответчицами выступают женщины — разлучницы. Реже ответчиком в деле о супружеской неверности выступал муж. Так, казачка поселка Еткульского Парасковья Павловна Бухарина обратилась в суд с прошением о «взыскании с мужа (урядника Осипа Тихоновича Бухарина) по закону» за то, что он «занимается любострастием со снохой своей, женой родного сына, Настасьей Яковлевной Бухариной, из-за чего содержит ее в общесожитии и согнал (жену) из дому своего». «Спрошенный» в суде урядник Бухарин сообщил, что он жену из дома не прогонял, жена отлучилась самовольно, о чем он ранее заявил поселковому атаману, и «сей последний ссылку Бухарина подтвердил». Спрошенные судом соседи поведение урядника Бухарина одобрили, а «жену его Прасковью не одобряют», ибо она, по мнению соседей, «не делает послушания противу мужа своего». Суд решил «казаку Бухарину за несправедливый извет, а также выслушивание неприличностей присудить, что ничем не доказывается». Жену его «в пример других» держать при станичном правлении под арестом трое суток «со внушением, дабы она на будущий раз от сказанных несправедливых изветов воздерживалась»[2].

Мужья обращались в суды только в случае бегства жены из семьи. Так, 4 февраля 1886 г. Еткульский станичный суд разбирал заявление казака Трофима Васильева Борисова. По словам заявителя, жена его Екатерина два месяца назад скрылась из дома. После долгих розысков он нашел ее в поселке Еманжелинском у ее родственника. Суд обязал доставить Екатерину обратно к мужу, а также «ублаготворить» Трофима Борисова за проведенные им в розысках 10 дней «с лошадью» за счет «пристанодержателя»[3]. Из чего следует, что розыски бежавшей из дома жены, были сочтены делом общественно важным.

Таким образом, причиной обращений в станичные суды могли послужить побои, плохое содержание жены или нанесения ей обид и оскорблений, также супружеская измена или попытка склонить супруга к измене. Суды принимали решения, руководствуясь традиционными представлениями о семье и о роли в ней отдельных ее членов. Анализ содержания дел показывает, что самым незначительным проступком считалось нанесение жене побоев, не повлекших увечий. На то, что побои жены мужем считались вполне «законными» указывает и суждение женщины 1860 г. рождения о том, что «раньше баб поленьями били обязательно. Это такой порядок был и законно» (д. Александровка Катавского района Челябинской области)[4]. Как более серьезные проступки рассматривались оскорбления, а также плохое содержание жены. Важное значение имела репутация каждой из сторон судебного разбирательства, которая выяснялась путем опроса соседей.

Количество судебных разбирательств в станичных судах по факту семейных конфликтов очень невелико. Однако решения по ним показательны. Можно предположить, что обращения в суды широко не практиковались, так как выносить конфликты за пределы семьи считалось последним делом, в соответствии с народными представлениями, не следовало выносить сор из избы. Исследователь казачьего быта М. Голубых, проживший полгода среди казаков станицы Тимофеевской Оренбургского казачьего войска отмечал, что казаки всегда старались показать, что в семье живут дружно. У них ругать жену при людях или бить было не принято. Если муж был недоволен поведением жены, то ругал ее наедине так, чтобы этого не слышали соседи и остальные члены семьи[5]. Тем не менее, следует констатировать, что в русской семье в условиях господства представлений о ее незыблемости, имела место практика обращений пострадавших во внутрисемейных конфликтах за защитой к третьей стороне, в частности, в станичные суды.

После революции 1917 г. изменилось законодательство в области брака и семьи, стало возможным кардинальное решение семейных конфликтов путем расторжения брака по желанию одного из супругов. Тем не менее женщины к разводу не стремились, практика обращений с жалобами на супруга в различные инстанции продолжала сохраняться. Об этом свидетельствуют публикации в районных газетах, материалы собраний женщин — активисток, этнографические источники.

Как и ранее жалобы исходили от женщин. Отношение представителей советской власти на местах к таким жалобам, очевидно, постепенно эволюционировало. Так, в конце 1920-х гг.

[1] ОГАЧО. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 1. Л. 92.

[2] ОГАЧО. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 40. Л. 102 об. — 103.

[3] ОГАЧО. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 1. Л. 26 об.

[4] ГИМЮУ. Фонд документов. Оп. 4. Ед. хр. 298. Л. 22.

[5] Голубых М. Д. Казачья деревня. Москва; Ленинград, 1930. С. 212.

на конференции женщин — общественниц Златоустовского округа Уральской области участницы конференции отмечали, что милиционеры «при случае драки (в семье) не идут на защиту женщин»[1]. Представители власти, очевидно, предпочитали не вмешиваться в семейные конфликты, разделяя традиционное представление о том, что это дело внутрисемейное. Предположение подтверждается рядом публикаций в прессе 1930-х гг., из содержания которых следует, что газета, являлось последней инстанцией, куда пожаловались граждане. Прежде они обращались на работу мужчин, в милицию или местный совет. К примеру, из письма двух домохозяек о поведении своего соседа, «рабочего лесохимического завода Чернышкова, который избивает жену, а детей часто оставляет голодом», следует, что положение в семье известно милиции[2]. В другой газетной заметке указывается, что местный совет «знает и молчит» о «систематическом пьянстве и хулиганстве» проживающего в селе Минка В. Я. Лопакова, который «избивает жену», а «детей прогоняет к соседям»[3].

Любопытно, что письма в газету всегда публиковались от имени третьих лиц или анонимно. Так, домохозяйки Зайцева и Макарова сообщали о поведении рабочего Чернышкова, И. Кузнецов сообщая о поведении В. Я. Лопакова и т. д. Под письмами также значатся подписи: «Знающий», «Искра», «Местный», и т. п. Работавшие на Южном Урале этнографы в 1952 г. отмечали, что «женщины не довольны таким положением», когда «мужья пьют и дерутся, но помалкивают»[4].

Местная пресса также способствовала принуждению мужчин к содержанию матерей их внебрачных детей или к женитьбе на них. Так, в газете «Стальная искра» сообщается о «позорном поступке» председателя завкома химкомбината коммуниста Бармасова, отца внебрачного ребенка работницы болтового цеха Миньярского завода А. Т. Горшковой. Бармасов бросил заболевшую после родов мать и ребенка «на произвол судьбы». Автор заметки под псевдонимом «Саблин» сообщает, что «миньярские организации и химкомбинат» знают о поступке Бармасова, но молчат. Он считает необходимым заставить «мерзавца Бармасова содержать ребенка и его больную мать»[5].

По всем письмам в редакцию происходили разбирательства и принимались меры. Общественное порицание способствовало изменению поведения мужчин.

Государство стремилось применять мягкие формы воздействия в конфликтах между мужем и женой. В начале 1960-х гг. для обуздания дерущихся мужей стали использоваться товарищеские суды. Так, в 1960 г. товарищеским судом при исполкоме Ашинского горсовета, было рассмотрено дело, посвященное «антиобщественному поведению в быту рабочего метзавода Бочкова, который пьянствовал, издевался над женой и детьми, зарплату не отдавал в семью». Собрание проводилось в клубе по месту жительства Бочкова при большом скоплении домохозяек. В отчете отмечается, что после товарищеского суда Бочков стал вести себя как положено отцу семейства, жалоб со стороны жены и соседей не стало[6].

Таким образом, в советское время, как и в дореволюционный период, существовала практика вмешательства третьей стороны в семейные конфликты. Однако теперь она осуществлялась за рамками правовой системы и носила внесудебный характер. Основой для внесудебного вмешательства в семейные конфликты служили жалобы. Разбирательства по жалобам было направлено на сохранение семьи. Внесудебное вмешательство осуществлялось различными инстанциями: прессой местного уровня, товарищескими судами, а также партийными организациями, трудовыми коллективами. В этот исторический период правовое сознание народа и власти, в значительной степени, воспроизводило нормы, принятые в народной среде. Не соответствовала традиционным представлениям, пожалуй, только практика принуждения мужчин к содержанию матери внебрачного ребенка.

[1] АЗГО. Ф. Р-43. Оп. 1. Д. 1625. Л. 22 об.

[2] Стальная искра. 1936. 20 июня.

[3] Авангард. 1941. 5 янв.

[4] ЧГИМЮУ. Фонд документов. Оп. 4. Ед. хр. 289. Л. 10.

[5] Стальная искра. 1936. 9 апр.

[6] АЗГО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 68. Л. 63—64.

Список литературы

1. Бусыгин, Е. П.Общественный и семейный быт русского населения Среднего Поволжья / Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Е. В. Михайличенко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1973.

2. Голикова, С. В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII−XIX веков: демографические процессы и традиции / С. В. Голикова. Екатеринбург : УрО РАН, 2001.

3. Голубых, М. Д. Казачья деревня / М. Д. Голубых. Москва; Ленинград : Госиздат, 1930.

4. Гончаров, Ю. М. Сословная специфика гендерного семейного порядка в русском провинциальном городе второй половины XIX в. / Ю. М. Гончаров // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 231—246.

5. Гончаров, Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX — начала XX в. / Ю. М. Гончаров. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002.

6. Крупянская, В. Ю. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.) / В. Ю. Крупянская, Н. С. Полищук. Москва : Наука, 1971.

7. Крюкова, С. С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. / С. С. Крюкова. Москва, 1994.

8. Кузнецов, В. М. Семейный быт русского сельского населения Южного Урала во второй половине XIX — начале XX вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук / В. М. Кузнецов. Екатеринбург, 1999. 17 с.

9. Миненко, Н. А. Любовь и семья у крестьян в старину: Урал и Сибирь в XVIII—XIX вв. / Н. А. Миненко, В. В. Рабцевич. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1997.

10. Мужики и бабы. Мужское и женское в русской народной традиции. Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2005.

11. Полянский, П. Л. Отечественное брачно-семейное законодательство: от КЗАГСа 1918 до наших дней / П. Л. Полянский // Журнал российского права. 1997. № 10. С. 126—134

12. Пушкарева, Н. Л. Русская женщина в семье и обществе X—XX вв / Н. Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 3—11

13. Рабжаева, М. В. Семейная политика в России XX в.: историко-социальный аспект / М. В. Рабжаева // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С.166-176

14. Рослякова, М. В. История семейно-брачных отношений рабочих Верхневолжского региона : автореф. дис. … канд. ист. наук / М. В. Рослякова. Иваново, 2005. 23 с.

15. Русские: семейный и общественный быт. Москва : Наука, 1989.

16. Чайко Е. А. Семья в контексте провинциальной повседневности: Катавский и Миньярский районы Челябинской области во второй половине 1920-х — 1950-е годы. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2014.

17. Авангард : газета Катавского РК ВКП(б), Райиспокома и Райпрофсовета. 1934; 1937; 1940—1955.

18. Стальная Искра : газета Миньярского РК ВКП(б), Райисполкома и Райпрофсовета. 1930; 1936; 1937; 1941—1955.

Сведения об авторе

Чайко Екатерина Анатольевна — кандидат исторических наук. заведующая Музеем археологии и этнографии Челябинского государственного университета,Челябинск, россия. *e.a.chaiko@yandex.ru*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 95—101.

From the russian family to the soviet family: a third party in intra-family conflicts (based on written sources of the second half of the 19th and first half of the 20th centuries, South Ural)

E.A. Chaiko
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. e.a.chaiko@yandex.ru

This article studies the progress of a Russian patriarchal family. Based on the village courts records (the second half of the 19th century) and South Ural regional newspapers (the 1930s and 1940s of the 20th century) the work analyzes the behavior of parties in family conflicts to compare family behavior in different historical contexts, in particular, in the context of fundamental changes of family law.

The analysis of the village courts verdicts of the second half of the 19th century showed that the inherent isolation of the Russian family and the system of unequal statuses did not contradict the practice of involving a third party to resolve intra-family conflicts. Most court cases were initiated by women or their representatives such as fathers or uncles. The main reasons for appeals were infidelity of husbands, beatings and public insults. In cases of infidelity, the defendant was a woman-homewrecker. In case of beatings the decision of the court depended on

the reputation of an injured woman. The court approved husband's behavior if his wife had a bad character. Bad maintenance of a wife and insult in public were considered to require mandatory punishment. Admission of guilt under the village court entailed a fine and arrest.

The appeals of men to the court were connected with a wife's runaway from the family. In such cases, there were decisions to find and return the wife.

After the revolution the practice of women appealing to a third party persisted. In case of infidelity of a husband women complained to the party authority or the work place. In response to complaints husbands started to be involved, not women-homewrecker like it used to be. The authorities applied soft measures or non-interference to the abuse of husbands in the family. Poor maintenance of a family, when a husband drinks alcohol and does not give money for his family, was most condemned. Soviet public institutions helped preserve the integrity of families. These phenomena indicate that the population and representatives of the Soviet authorities separated traditional ideas about the family as a whole and the status of individual family members.

Keywords: *Russian family, family conflict, South Urals, village courts, extra-judicial coercion.*

References

1. Busygin E.P., Zorin N.V., Mihajlichenko E.V. *Obshhestvennyj i semejnyj byt russkogo naselenija Srednego Povolzh'ja* [Social and family life of the Russian population of the Middle Volga region]. Kazan, Kazan University press, 1973. (In Russ.).

2. Golikova S.V. *Sem'ja gornozavodskogo naselenija Urala XVIII—XIX vekov: demograficheskie processy i tradicii* [Family of the mining population of the Urals of the XVIII—XIX centuries: demographic processes and traditions]. Yekaterinburg, Uro RAS, 2001. (In Russ.).

3. Golubyh M.D. *Kazach'ja derevnja* [Kazachya Derevnya.] Moscow, Gosizdat, 1930. (In Russ.).

4. Goncharov Yu.M. Soslovnaja specifika gendernogo semejnogo porjadka v russkom provincial'nom gorode vtoroj poloviny XIX v. [The Class specificity of gender family order in the Russian provincial city of the second half of the XIX century]. *Sem'ya v rakurse sotsial'nogo znaniya* [Family in the perspective of social knowledge]. Barnaul, 2001. P. 231—246. (In Russ.).

5. Goncharov Yu.M. *Gorodskaja sem'ja Sibiri vtoroj poloviny XIX — nachala XX v.* [Urban family of Siberia of the second half of the XIX-beginning of the XX century]. Barnaul, Altaj State University, 2002. (In Russ.).

6. Krupjanskaja, V.Yu., Polishhuk N.S. *Kul'tura i byt rabochih gornozavodskogo Urala (konec XIX — nachalo XX v.)* [Culture and life of workers of the mining Urals (late XIX-early XX century)]. Moscow, Nauka, 1971. (In Russ.).

7. Krjukova S.S. *Russkaja krest'janskaja sem'ja vo vtoroj polovine XIX v.* [Russian peasant family in the second half of the XIX century]. Moscow, 1994. (In Russ.).

8. Kuznecov V.M. *Semejnyj byt russkogo sel'skogo naselenija Juzhnogo Urala vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv.* [Family life of the Russian rural population of the southern Urals in the second half of the XIX-early XX centuries]. Abstract of thesis. Yekaterinburg, 1999. 17 p. (In Russ.).

9. Minenko N.A., Rabcevich V.V. *Ljubov' i sem'ja u krest'jan v starinu: Ural i Sibir' v XVIII—XIX vv.* [Love and family among peasants in the old days: the Urals and Siberia in the XVIII—XIX centuries]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 1997. (In Russ.).

10. *Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v russkoj narodnoj tradicii* [Men and women. Men's and women's art in the Russian folk tradition]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2005. (In Russ.).

11. Poljanskij P.L. Otechestvennoe brachno-semejnoe zakonodatel'stvo: ot KZAGSa 1918 do nashih dnej [Domestic marriage and family legislation: from the KZAGS of 1918 to the present day]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 1997, no. 10, pp. 126—134. (In Russ.).

12. Pushkareva N.L. Russkaya zhenshchina v sem'e i obshchestve X—XX vv. [Russian woman in the family and society of the X—XX centuries]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 1994, no. 5, pp. 3—11 (In Russ.).

13. Rabzhaeva M.V. Semejnaya politika v Rossii XX v.: istoriko-social'nyj aspekt [Family policy in Russia of the XX century: historical and social aspect]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2004, no. 2, pp. 166—176. (In Russ.).

14. Rosljakova M.V. *Istorija semejno-brachnyh otnoshenij rabochih Verhnevolzhskogo regiona* [History of family and marriage relations of workers of the Upper Volga region]. Abstract of thesis. Ivanovo, 2005. 23 p. (In Russ.).

15. Russkie: semejnyj i obshhestvennyj byt [Russian: family and social life]. Moscow, Nauka, 1989. (In Russ.).

16. Chajko E. A. *Sem'ja v kontekste provincial'noj povsednevnosti: Katavskij i Min'jarskij rajony Cheljabinskoj oblasti vo vtoroj polovine 1920-h — 1950-e gody* [Family in the context of provincial everyday life: Katavsky and Minyarsky districts of the Chelyabinsk region in the second half of the 1920s — 1950s]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 2014. (In Russ.).

17. *Avangard: gazeta Katavskogo RK VKP(b), Rajispokoma i Rajprofsoveta* [Avangard: newspaper of the Katavsky RK of the CPSU(b), the district Executive Committee and the district professional Council], 1934, 1937, 1940—1955. (In Russ.).

18. *Stal'naja Iskra: gazeta Min'jarskogo RK VKP(b), Rajispolkoma i Rajprofsoveta* [Steel spark: the newspaper of the Minyar Republic of the CPSU(b), the district Executive Committee and the district Council], 1930, 1936, 1937, 1941—1955. (In Russ.).

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2020. № 1. С. 102—106.

DOI 10.24411/2542-0275-2020-0110

Свадебные обряды деревни Баязитова последней четверти XX века

З. И. Байрамгалина
МБОУ «Тахталымская СОШ»,
село Халитово Кунашакский район, Челябинская область, Россия

В статье автор описывает свадебные обряды башкир деревни Баязитова Кунашакского района Челябинской области. Описание строится на наблюдениях автора и воспоминаниях жителей деревни и охватывает период 1970—1990 гг. В это время в свадебной обрядности наряду с унифицированными элементами советской свадьбы сохранялось множество специфических старинных обрядов и отголосков свадебных обычаев древнего происхождения, которые в начале XXI в. постепенно уходят из свадебной практики.

В рассматриваемый период основными мотивами при определении брачной пары являлись желания и симпатии жениха и невесты, но роль родни жениха и невесты в свадебных обрядах была чрезвычайно высока.

Автор описывает состояние в 1970—1990-е гг. таких важных этапов свадьбы, как сватовство; никах и сопровождавшие его обряды задабривания женихом братьев невесты; свадьбу в доме родителей невесты и комплекс обрядовых действий, сопровождавший переезд невесты в дом жениха.

Также в статье приведены свадебные термины и образцы свадебного фольклора, бытовавшие в деревне Баязитова в указанный период.

Ключевые слова: *зауральские башкиры, традиционные свадебные обряды, сватовство, калым, никах, дарообмен.*

В данной статье сделана попытка описать комплекс свадебных обрядов деревни Баязитова в том варианте, в котором он существовал в 1970—1990-е гг., когда наряду с унифированными советскими элементами сохранялся и существенный пласт традиционных свадебных обрядов древнего происхождения. Реконструкция обрядового комплекса выполнена на основе полевых материалов автора (ПМА), собранных методом включённого наблюдения (личные наблюдения автора на многочисленных свадьбах, проходивших в дереве в 1990—2000 гг. и ранее) и методом глубокого интерью (беседы с информантами — жителями деревни 1930—1940-х годов рождения). Деревня Баязитова находится в северо-восточной части Кунашакского района Челябинской области, население деревни входит в состав зауральских башкир. По данным последней переписи населения 2010 года в деревне Баязитова проживали 373 человека. Подавляющее большинство жителей деревни составляют башкиры (367 человек). Башкиры деревни Баязитова сохраняют память о принадлежности к роду сальют (hалйот) своей деревни и ещё семи соседних сёл и деревень: Бурино, Халитово, Казакбаева, Кунакбаева, Мансурова, Кубагушева, Баракова.

Основная часть личных воспоминаний автора позволяет достаточно основательно представить состояние свадебных обрядов в 1990-е гг. и позже, однако детские воспоминания и рассказы старших родственников и односельчан позволяют реконструировать и некоторые более ранние черты свадебных обычаев деревни. Так, в 1970-е гг. и ранее сохранялась важная роль родителей при определении брачного партнёра. Те, у кого были сыновья брачного возраста присматривали подходящую девушку, и, если родители невесты тоже были согласны, то семьи договаривались между собой о заключении брака. Случалось и воровство невест. Браки уволоком (похищением) происходили как с согласия невесты, так и без её воли.

В 1990-е гг. абсолютно преобладающим был брак по сватовству. В это время, как и сейчас, основными мотивами при определении брачной пары являлись желания и симпатии жениха и невесты. Они самостоятельно принимали решение о браке и заручались поддержкой родителей и родни. В условленный день отец жениха отправлялся свататься к родителям невесты (*коза төшөү*). После получения согласия родителей невесты и самой невесты, обсуждались вопросы организации свадьбы: определялся срок свадьбы, решались вопросы о калыме, расходах обеих сторон.

Сейчас, как и в 1970-1990-е гг. в большинстве случаев калым составляет определенное количество ящиков водки (как договорятся), которая идёт на свадебный стол и некоторую сумму денег на проведение свадьбы. До 1990-х гг., в семьях, где родители жениха и невесты были относительно немолодыми людьми, сформировавшимися в период, когда установки традиционной культуры были достаточно сильны, в состав калыма вхо-

дили ещё пять-десять платьев для снох (*еңгәләр күлдәге*) и столько же бутылок водки братьям невесты (*каинаға аракыһы*), которые были необходимы для проведения комплекса обрядовых действий в день совершения никаха. Впрочем *еңгәләр күлдәге* в реальности не обязательно были платьями, часто это были отрезы ткани, из которых *еңгәләр (жёны братьев невесты)* шили платья по своему размеру и фасону. Также в состав калыма входит махр (*мәһәр*), который традиционно предназначается самой невесте, а не её семье и не на свадебные расходы. Видимо, содержание понятия махр (*мәһәр*) претерпело существенные измения. В 1970 — первой половине 1990-х гг. различие содержания понятий махр (*мәһәр*) и калым было несколько размытым и в обыденной практике махр и калым зачастую воспринимались как синонимы. Вероятно, это, в значительно степени связано с тем, что в этот период весь объём калыма всё таки предназначался молодой семье, прежде всего на покрытие свадебных расходов, а не оставался в семье родителей невесты. И, видимо, основа содержания понятия махр — деньги или имущество, принадлежащие исключительно невесте и предназначенные на её содержание [Руденко, 2006, с. 218], которые в случае развода, не по ее инициативе, она забирает с собой, не была сколько-нибудь актуальной для женихов и невест 1970-х — начала 1990-х гг. В настоящее время, с усилением влияния ислама, понятие махр в некоторой степени, вернулось к исходному содержанию. Сейчас махр (*мәһәр*) это обязательный подарок жениха невесте. Чаще всего — золотые украшения (кольца, серьги и т. п.), которые воспринимаются как имущество, принадлежащее в будущем исключительно невесте. Во время сватовства, при согласии молодых, обговаривается и день *никаха* — мусульманского обряда бракосочетания, заключаемого в соответствие с шариатом. Обычно от сватовста до проведения никах проходит от двух недель до месяца.

В условленный день *никах* читается духовным лицом в доме родителей невесты в присутствии приглашенных гостей. Он начинается молитвой, выражающей желание вступить в брак, а также объявляются обязательства: размер махра (*мәһәр)* деньгами или имуществом. Затем произносится хвала пророку и его потомкам, читается «*хутба*» — молитва, помещенная в начале брачного договора. Духовное лицо читает от имени обоих супругов молитву над чаем или водой, после чего дает им попить освященную воду или чай. Если раньше (до 1990-х гг.) молитва читалась чаще всего над пиалой со сладким чаем, который потом выпивали невеста с женихом, то сейчас зачастую мулла освящает сладкий чай в чайнике или заварку, которая потом разливается всем гостям.

Вплоть до середины 1990-х гг. в большинстве случаев, вечером этого же дня (дня проведения никаха), проводилось задабривание женихом братьев невесты. Последнее время (после перестройки), с усилением влияния мусульманства, эти старинные обряды проводятся очень редко. Раньше это была обязательная часть свадьбы и если у невесты не было родных братьев, то приглашали двоюродных или троюродных. Своих будущих родственников — братьев невесты жених угощал водкой (*каинаға аракыһы*), а снохам (жёнам братьев) дарил в подарок платья или материал на платье (*еңгәләр күлдәге*). Снохи (*еңгәләр*) топили баню для молодоженов и придумывали всякие шутки и дурачества. Например, вливали в трубу воду, могли и целое ведро, чтобы напустить как можно больше жару в бане, при этом выкрикивая наставления как лучше парить друг друга. В бане молодожены должны были оставить им подарок. *Еңгәләр* вешали в предбаннике полотенце, в которое жених должен были завязать определенную сумму денег. При этом, жених, демонстрируя свою мужскую силу затягивал узел как можно туже. А чтобы снох дольше «помучить», полотенце мочили водой. Развязывая полотенце *еңгәләр,* если не могли развязать, кем-то восхищались, а кого-то осыпали насмешками. Были случаи, когда разрубали полотенце топором.

В целях более близкого знакомства, каждый из братьев должен был пригласить к себе в гости. Весь период от никаха до свадьбы каждую неделю всей компанией ходили в гости друг к другу, по очереди. Гостевание сопровождалось веселыми песнями, танцами и конечно *каинаға и еңгәләр* делились с молодыми своим опытом семейной жизни. Зачастую эта же компания играла большую роль в проведении всех свадебных обрядов. В обрядах *каинаға аракыһы* и *еңгәләр күлдәге* сохранялись отголоски старинных обрядов первого приезда жениха к невесте, вернее уже к молодой жене, которые происходили после чтения никах (которое проводилось после выплаты половины калыма и вручения обязательных подарков родителям невесты), когда жених получал право посещать молодую на правах мужа и оставаться с ней наедине, но не в доме её родителей [Руденко, 2006, с. 220].

В назначенный день начиналась свадьба. Первый день проходил в доме родителей невесты. В указанный период первый день свадьбы мало чем отличался от свадьбы других народов того времени. Молодожены регистрировали свой брак

в присутствии свидетелей. Вечером проводились торжества, на которых родственники и гости поздравляли молодых и дарили им подарки. Основным блюдом был *туҡмас ашы* (мясной суп с лапшой). Ставили тарелки с *өлөш* (кусками мяса) из баранины, гусятины. Также ни один стол не обходился без жаренной рыбы, селедки и картошки. Обилия салатов не было. На второй день готовили пельмени, уху. Если свадьба проводилась зимой, то пельмени заготавливали по нескольку ведер. Конечно, пеклись пирожки картофельные, мясные. Неизменным атрибутом свадебного стала были *йыуаса* (пончики).

Свадьба завершалась на следующий день с переездом молодой жены к мужу. Перед тем как забрать невесту, родственники жениха дарили подарки родственникам невесты: платочки, полотенца, платки, рубашки *(күрнис таратыу)*. Положено было одарить всех гостей со стороны невесты.

Прежде чем выйти из дома невеста привязывала нитку к потолку отчего дома на память, приговаривая: “Пусть эта нитка сгниет, память обо мне живет вечно» (*Ен серенә серенен, минең турала иҫтәлек һаҡланһын*). После чего, невеста по очереди подходила ко всем родственникам и прощалась с ними. В это время исполнялись *сеңләү*. С*еңләү* — песня-обращение, песня-обругивание, песня-обида, обращенная к отцу, к матери, к братьям, в которой говорится, что они пожалели кусок хлеба, пожалели свой угол; отец, как отчим, выдал насильно замуж за нелюбимого человека. Сейчас многие обряды второго дня свадьбы уходят в прошлое. На современной свадьбе уже редко можно услышать исполнение *сеңләү* .И в 1990-е гг. их исполняли уже в основном бабушки. Приведем некоторые из них, записанные от Байрамгалиной Миньямал, 1940 года рождения:

1. Атайымдын өйөндә	1. В доме отца
Ултырғайным да түрендә	Я сидела в горнице,
Сит кешеләрҙең өйөндә	А у чужих
Ултырырмын ишек төбөндә.	Буду сидеть на завалинке.
2. (*посвящение отцу)*	2.
Атайым бурау буранын	Отец, ты строил дом,
Ике салғыйын һыҙғанып,	Засучив рукава,
Атаҡай мине йәшләй бирҙең	Рано выдал меня замуж,
Бер ҡавымдай ашын ҡыҙғанып.	Пожалев кусок хлеба.
3. *(посвящение матери)*	3.
Инәйемдең өйөнә	В доме мамы
өйрәк тә һыя, ҡаҙ һыймай,	Утка вмещается, а гусь нет,
Инәкәйемдең өйөнә	В доме мамы есть место сыну,
Ир бала һыя, ҡыҙ һыймай.	Но дочери нет.
4. (посвящение брату)	4.
Ялтыр ҙа ғына көмөш ҡалаҡ	Из блестящих серебряных ложек
Ашайһың да, ағай ашығып,	Кушаешь ты, брат, торопясь,
Теләмәгән ергә көсләп биреп	Насильно выдав за нежеланного,
Ашаның да, ағай, башымды.	Погубил ты мою голову.
5. (*посвящение подругам)*	5.
Таш тирмән, таш тирмән	Каменные жернова,
Мин ватһам да ватылмай.	Как ни бью, не разбиваются,
Дуҫ иштәрем таш бауыр	Подружки мои с каменным сердцем,
Мин илаһам да иламай.	Не плачут вместе со мною.
6. *(посвящение снохе)*	6.
Еңгәм бәлеш бешерҙе.	Сноха пекла пирог
Бешерҙе лә йәшерҙе.	Пекла и прятала,
Шул дошман ҡасан китер, тип,	Все плакала и причитала,
һыҡтай ҙа илай ултырҙы.	Когда же этот враг уйдет.

У двери мама повязывала дочери пояс обещания (*имсе*) — платок, объявляя подарок (корову, телочку, и т. д.), который позже передавался молодой семье. Выходила из отчего дома невеста, повернувшись лицом к дому, при этом идущую спиной вперёд невесту снохи вели под руки. В 1980—1990-е гг. жених приезжал за невестой уже на машине. Перед отъездом машины, он кидал подарки провожающим детям (конфеты, монеты).

У ворот дома жениха, молодых встречала его мать. На землю стелили половик и клали подушку. Выходя из машины, невеста должна была наступить на эту подушку. Тем самым родные жениха желали невесте прийти в этот дом навсегда. Очень интересное пояснение этого обряда дала моя бабушка Фания Хакимова (1932 года рождения), которая объясняла, что невесте таким образом желают обосноваться в новом доме так же глубоко, как камень падает на мягкую почву (разводы в традиционной системе ценностей не приветствовались). А чтобы жизнь текла как по маслу, была сладкой как мед, её угощали медом и маслом. В этот момент названная мама невесты (*инәм*) снимала пояс (платок), привязанный матерью невесты и забирала его себе. *Инәм* — названная мама (жена одного из страших братьев жениха) должна была заменить маму невесте — давать советы, помогать в тяжелые минуты. Помогая молодой женщине в первый год семейной жизни более опытная в этих вопросах *инәм*, по

сути, выполняла роль семейного психолога. Необходимость в этом в старину была связана с тем, что у башкир долго сохранялась экзогамия — «они не могли брать себе жён из своего рода или волости, жён нередко брали за 100 км и более», а позднее «если и в пределах своего рода, то из других деревень» [Руденко, 2006, с. 218], таким образом, молодая жена оказывалась в отдалении от своих родных и очень нуждалась в помощи и поддержке более опытной, но относительно близкой к ней по возрасту *инәм,* которая и сама побывала в подобной ситуации. Также назначали и *һылыу* — младшую сестру (не родную) жениха, которая также должна была помогать невесте. В частности, во время свадьбы она завязывала снохе передник.

В доме жениха родственники невесты раздавали свои подарки всем гостям — родственникам жениха (*күрнис)*. Затем проводили обряд показа водного источника (*һыу күрһәтеү*). Невесту провожали к роднику с коромыслом и вёдрами. Указывала дорогу к роднику *һылыу*, а коромысло с ведрами несла *инәм.* Набрав воду, невеста кидала монету в родник в дар хозяину воды. Обратно ведра с коромыслом несла сама, по тому на сколько сильно плескалась вода в ведрах судили о домовитости будущей хозяйки. Поэтому иногда, не желая позорить свою суженную, жених сам нес ведра. Дома невеста угощала всех гостей чаем, приготовленным из этой воды (*килен сәйе*). Попробовать чай невесты приходили и соседи. Сейчас этот обряд проводится довольно редко.

Работая над этой статьей, я обнаружила, что в рассматриваемый период различали простую свадьбу и *калын туй* (широкая свадьба). Разница заключалась в продолжительности свадьбы и в количестве гостей.

До начала свадьбы, часто в период сватовства, стороны обговаривали по сколько пар будут приглашены на свадьбу. Должно было быть одинаковое количество пар с обеих сторон (пять-десять пар). В начале свадьбы каждой паре одной стороны прикрепляли пару с другой стороны. Пока свадьба идет на стороне невесты пара со стороны невесты ухаживает, угощает закрепленную за ними пару, забирает к себе ночевать. На второй день, провожая невесту, вся эта процессия перебирается на сторону жениха и пары меняются ролями. Теперь родственники жениха ухаживают за стороной невесты, а следовательно и забирают ночевать. При этом обмениваются подарками. Такая свадьба длилась три дня. Тогда как во время простой свадьбы провожать невесту приезжали только две-три пары и только их водили из дома в дом родственники жениха.

До настоящего времени сохраняется обычай преграждать дорогу свадебному кортежу (юл быуыу). При виде свадебной процессии, соседи могут преградить дорогу машинам веревкой или сами встать поперек дороги. Машины должны остановиться. Преградивших дорогу принято задабривать подарками, чтобы они открыли проезд. Взрослым обычно подают выпивку и закуску, а детей угощают конфетами.

Следует добавить, что подготовка в свадьбе начиналась с самого детства дочери. Семьи, в которых были дочери заранее шили передники, готовили *курнис*, *еңгәләр күлдәге*, *инә тун* (подарок свекрови) — словом готовили сундук невесты. Кроме этого, в рассматриваемый период по-прежнему большое значение имело, с каким приданным невеста «идет замуж». У хорошей невесты обязательно должны были быть занавески на окна, скатерть, постель (перина, одеяло, подушки), стол и стулья, посуда. Поэтому родственники невесты договариваясь между собой, дарили в подарок на свадьбу мебель, посуду и другие необходимые предметы домашнего быта. По принципу: сегодня я вам помогу, а завтра — вы нам. С семьи жениха требовалось обеспечить молодую семью жильём. В постсоветский период это требование исчезло.

Все этапы свадьбы сопровождались исполнением шутливых частушек в сопровождении гармошки и баяна.

Приведём некоторые из них, записанные у Губайдуллиной Гавданы 1937 года рождения:

Ай, икегеҙ, икегеҙ	Ай, вы двое, вы двое,
Икегеҙҙең битегеҙ	Лица красивы у обоих,
Икегеҙ ҙә пар килгәнгеҙ	Пара вы друг другу,
Тигеҙ ғүмер итегеҙ.	Живите долго.
Эй, коҙалар, коҙалар	Эй, сваты, сваты,
Коҙалар коҙасалар,	Сваты и сватовья,
һеҙҙә нисек, беҙҙә шулай	У вас как, а у нас вот так,
Уйнап күңел асалар.	Играя, веселятся.
һындыра баҫ, һындыра баҫ	Пляши, пока не сломаешь,
һындыра баҫ таҡтаһын	Сломай половицу,
һындыра баҫһаң таҡтаһын	Как сломаешь половицу,
Коҙа түләр аҡсаһын.	Сват заплатит.
Аръяҡ остан килдеңме	С того конца пришел
Биръяҡ остан килдеңме.	Или с этого конца пришел?
Кәкре бөкрө фигураңды	Кривую фигуру
Күрһәтергә килдеңме.	Показать пришел?
Бейе бейе, Хайбулла,	Танцуй танцуй, Хайбулла,
Бейегән кеше бай була.	Кто танцует, тот богат,
өртөп — төртөп бейегәнсе	Чем танцевать кое-как,
Бейемәһәң ни була.	Лучше не танцевать никак.

В завершение хочется сказать, что все традиционные элементы свадьбы, сохранявшиеся в 1970—1990-е гг., были направлены на объединение и укрепление кровно-родственных связей, а также родственных отношений между семьями, вступающими в отношения свойства. Важное место уделялось введению молодой девушки в новую семью. Параллельно шло оценивание обществом молодых как будущей хозяйки и будущего главы семейства. К сожалению, все это уходит из нашей жизни, сменяясь новыми ценностями.

Список литературы

1. Руденко, С. И. Башкиры: историко-этнографические очерки / С. И. Руденко. Уфа : Китап, 2006.

Полевые материалы автора. Интервью с информантами

д. Баязитова Кунашакский район Челябинской области
Байрамгалина Миньямал, 1940 года рождения
Хакимова Фания, 1932 года рождения
Губайдуллина Гавдана, 1937 года рождения

Сведения об авторе

Байрамгалина Земфира Ирековна — учитель муниципального бюджетного образовательного учреждения Тахталымская средняя общеобразовательная школа, село Халитово, Кунашакский район, Челябинская область, Россия. bayramgalina@inbox.ru

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 102—106.

Wedding ceremonies in the Bayazitova village in the last quarter of the 20th century

Z.I. Bayramgalina
MBOU Takhtalym Secondary School, Halitovo, Kunashak district, Chelyabinsk region, Russia.
bayramgalina@inbox.ru

The article describes wedding ceremonies of the Bashkirs in the village of Bayazitova, Kunashaksky district, Chelyabinsk region. The description is based on the author's observations and the recollections of the villagers in the period from 1970 to 1990. In the wedding ceremony of that time the unified elements of the Soviet wedding were accompanied by many specific ancient elements and wedding customs of ancient origin, which gradually left the wedding practice at the beginning of the 21st century. During this period the wishes and sympathies of a fiancée and a fiancé were determining but the role of relatives in wedding ceremonies was extremely high. The author describes the situation in the 1970-1990s of such important stages of the wedding as matchmaking, nikah and coaxing a fiancée's brothers by a fiancé, the wedding ceremony in the house of a fiancée's parents and a complex of ritual actions that accompanied a fiancée's move to a fiancé's house. The article also contains wedding terms and samples of wedding folklore that existed in the village of Bayazitova during the specified period.

Keywords: *Trans-Ural Bashkirs, traditional wedding ceremonies, matchmaking, kalym, nikah, donation.*

References

1. Rudenko S.I. *Bashkiry: istoriko-jetnograficheskieocherki* [Bashkirs: Historical and Ethnographic Essays]. Ufa, Kitap, 2006. (In Russ.).

НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2020. № 1. С. 107—115.

DOI 10.24411/2542-0275-2020-0111

Маркеры цвета в историко-культурологическом анализе визуального образа: цветовые аспекты фотографического репортажа 1990-х и 2020-х годов

***О. В. Конфедерат*[1], *А. Ю. Заболотина*[2]**

[1] *Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

[2] *Санкт-Петербург, Россия*

Предмет статьи находится в русле современных визуальных исследований и касается источникового потенциала фотографии. Среди историко-культурных маркеров визуального образа авторы выделяют цвет и обосновывают различение категорий фотографического предметного цвета и цвета-интерпретанты. Уточняются характеристики цвета-интерпретанты как усиливающего (I) и снижающего или подменяющего (II) смысл реального события. На этих инструментальных основаниях проведен историко-культурологический анализ значительного объема репортажной фотографической продукции агентств ИТАР ТАСС, Magnum Photos, Reuter, созданной в 1990—1991 гг. и в 2014—2015 гг. Поле исследования ограничено базовыми репортажными темами: политика, социальная жизнь, военные действия, бедствия и катастрофы. Авторы дают методологическое обоснование применения цветового маркера при историко-культурологическом анализе фотографических источников с целью получения информации о системе ценностей, этических ориентирах, методах мышления, принятых в социуме того или иного исторического периода.

Ключевые слова: *репортажная фотография, историко-культурные маркеры, предметный цвет, цвет-интерпретанта.*

Цвет (цветовая палитра, колорит) на протяжении веков является наиболее значимым маркером при различении больших и малых культурных форм: этнических, национальных, социальных, сословных, суб- и контр-культурных, локализованных в определенном времени своего становления и развития («поколенческих»), гендерных и т. д. Область гуманитарных исследований, посвященных проблеме цвета, слишком обширна и разнообразна, чтобы можно было включить ее в историографию настоящей статьи. Мы приведем здесь лишь некоторые труды из числа тех, что оказали решающее влияние на ход нашей работы: И. В. Гете «К учению о цвете [Хроматика]» [Гете, 1957], С. М. Эйзенштейн «Из заметок о цвете» [Эйзенштейн, 2004], В. В. Кандинский «О духовном в искусстве. Живопись» [Кандинский, 1989], И. Итен «Искусство цвета» [Итен, 2004], А. Д. Чернова «Все краски мира, кроме желтой: Опыт пластической характеристики персонажа у Шекспира» [Чернова, 1987], Д. Джармен «Хрома. Книга о цвете» [Джармен, 2017], А. А. Тарковский «Беседа о цвете» [Тарковский, 1988], Б. Хиллер «Стиль XX века» [Хиллер, 2004].

Кроме того, существенно важными для целей статьи являются работы, касающиеся цветовоспроизведения в фотографии и кино в его историческом и технологическом аспекте: Е. А. Иофис «Фотокинотехника» [Иофис, 1980], В. Н. Железняков «Цвет и контраст» [Железняков, 2001], Л. Ф. Артюшин «Цветная фотография» [Артюшин, 1986], С. А. Филиппов «11 важнейших событий в истории кинотехники с точки зрения их влияния на киноэстетику» [Филиппов, 2006], а также материалы сайтов российского научно-исследовательского кинофотоинститута (НИКФИ) [НИКФИ]и American Widescreen Museum [American Widescreen Museum].

В настоящей статье речь идет не о хроматических качествах как таковых, безотносительных к технологии их культурного воспроизводства, будь то красящее вещество природного или синтетического происхождения, слово, описывающее цветовое явление, или оптико-химическая программа. Не занимает нас в данном случае и культурная семиотика цвета, то есть «язык цвета» как средство культурной коммуникации, хотя на отдельных этапах исследования мы вынуждены

апеллировать к нему. Предметом нашего внимания являются оптико-технические модели восприятия, переживания и интерпретации историко-культурной реальности, то есть, фотографические и кинематографические образы. А поскольку из многочисленных историко-культурных маркеров, размечающих такую модель, сейчас представляет для нас особый интерес цвет, то речь пойдет о формулах оптико-технического цвета [Конфедерат, 2015], характерных для того или иного периода XX—XXI вв.

В последние десятилетия перед историками, культурологами, философами, социологами, психологами, антропологами встала необходимость рассматривать в качестве источникового сырья массу фотографического и кинематографического материала, накопившегося еще с позапрошлого века. Пока отрабатываются методики анализа и создаются теории, тотальная практика фотографирования и кино(видео)съемки ежечасно поставляет в каналы СМИ и компьютерные сети обилие разнообразного материала, исключительно богатого информацией о современности, которая на наших глазах становится историей. Никогда ранее, в эпоху предметных, рукописных или печатных архивов, знаки историко-культурной реальности не были так многочисленны, мобильны и сложны для интерпретации.

Сложность, главным образом, состоит в том, что до сих пор не сведены в систему критерии отбора и классификации фотографических источников, предназначенных для научного историко-культурного анализа. Это станет возможным, когда все аспекты фотографического образа будут учтены, когда будет составлен перечень историко-культурных маркеров, размечающих поле фотографического изображения, и будет разработана методика их интерпретации. Для строгой науки здесь открываются большие перспективы.

На сегодняшний день в качестве значимых аспектов фотографического образа приняты:

1. Контекст возникновения. Иначе говоря, ситуация фотографирования. Ее характеризуют место, время и обстоятельства съемки, а кроме того — персональные характеристики снимающего, определяющие задачу фотографирования. В случае профессиональной фотосъемки учитываются также характеристики и политика студии, агентства или издания, на которые работает фотограф [Штомпка, 2007].
2. Предметное содержание. Имеется в виду референт фотографии, обладающий не только собственными иконическими характеристиками, но и феноменологическим потенциалом, социокультурным контекстом и спектром значимости — от общечеловеческой до сугубо частной. Своего рода метафизическим предметом будет и запечатленное в снимке отношение двух или нескольких объектов [Магидов, 1993; Штомпка, 2007].
3. Способ кадрирования. Как правило, под этим понимается жест фотографа, вырезающий фотообъект из непрерывного потока реальности. Это необходимый элемент монтажного действия, разъединяющего непрерывность физического порядка с тем, чтобы сконструировать фотографическую реальность согласно ментальному порядку снимающего. В полной мере такое монтажное действие демонстрирует себя в серии фотографий или в фотосеквенции.

Очевидно, что далеко не все возможности фотографии как исторического источника охвачены этим перечнем. Например, до сих пор не затронуты технические параметры пленки или цифровой матрицы, технические параметры фотокамеры, фотохимическая сторона дела, техники цветопередачи, реестр функций цифровых программ съемки и постобработки и т. д. Взятые вместе, они дают представление о некотором мета-источнике: о системе ценностей, этических ориентиров, методов мышления, характерных для определенной эпохи и опосредованных технологически в процессах фотографической или кинематографической фиксации реальности. Так что, анализируя, например, эволюцию цветопередачи в фотографии, как это происходит в нашем случае, историк и культуролог отслеживают наиболее глубокие изменения в коллективной культурной душе.

В рамках данной статьи мы берем частный аспект проблемы: фотографический цвет как источник историко-культурной информации. Мы ограничиваем поле исследования репортажной фотографией, сделанной в двух временных отрезках: 1990—1991 гг. и 2015—2016 гг. Они сходны по качеству как кризисные эпохи. Временные отрезки ограничены, поскольку предметом нашего исследования сейчас является не историческая реальность во всем ее объеме, а всего лишь один способ интерпретации этой реальности. Кроме того, для нас важно сейчас установить и прокомментировать факт изменений фотографического репортажного цвета в 2015—2016 гг. сравнительно с 1990—1991 гг., а не показать весь ход изменений. Это задача будущих исследований.

Для анализа мы выбрали продукцию трех наиболее значимых информационных агентств:

Reuters (фотографы Дж. Эрнст П. Нью, С. Тошиуюки, К. Маяма, В. Маккнами, И. Баррет, Л. Николсон, М. Базо),

Magnum Photos (фотографы М. Парр, А. Уэбб, С. Маккари, Г. Пинхасов, Б. Барби, Г. Груйер, С. Мейселас, С.Франклин, И. Берри, Б. Дэвидсон, А. Аббас, Ж. Сессини, Т. Дворжак, Р. Калвар,

ИТАР ТАСС (фотографы А. Морковин, А. Сенцов, И. Зотин, С. Мамонтов, В. Христофоров, Б. Юрченко, А. Каримов, Ю. Лизунов, Р. Денисов, Г. Хамельянин, Н. Мошков, А. Дружинин, А. Коротаев, А. Шалгин).

Всего для исследования было отобрано более 1500 фотографий, опубликованных на официальных сайтах информационных агентств Reuter, Magnum Photos и ИТАР ТАСС.

Для корректного сравнения фотоматериалов была использована матрица визуальных данных, принятая в визуальной социологии [Штомпка, 2007] и фиксирующая содержание фотографии (личность, коллектив, среда, действие, интеракция) и контекст ее создания (принадлежность фотографа к определенному агентству). В целях исследования матрица была дополнена разделами, фиксирующими уровень интерпретации и характер цветовой формулы.

Мы сосредоточились на событиях в области политики и социальной жизни, на военных действиях, стихийных бедствиях и катастрофах, учитывая не только общечеловеческую значимость таких событий, но и высокую степень определенности общественного отношения к ним. Изменения в качестве интерпретации здесь могут быть особенно заметны.

Базовые рабочие понятия исследования — «предметный цвет» (фотографический цвет, соответствующий естественному цвету предмета-референта и реальному соотношению цветов в ситуации-референте), «цвет-интерпретанта» (цвет, модулированный в целях дополнительной экспрессивности снимка или артикуляции внеположенного смысла).

Модуляция цвета в репортажной фотографии может происходить несколькими способами:

1. Демонстрация объекта в таком ракурсе, что он становится исключительно цветовым пятном. При этом его персональные и социокультурные характеристики аннулируются. Так на снимке королевы Елизаветы во время посещения ею университета в Суррее (Britain's Queen Elizabeth in discussion with a guest at The University of Surrey's new School of Veterinary Medicine, Guildford, Britain, October 15, 2015, Reuters [Reuters: 2015] влиятельная особа при помощи ракурса представлена большим ярко-бирюзовым пятном правильной формы: круг шляпки, покоящийся на прямоугольнике плеч.
2. Постобработка фотоизображения с целью перераспределения цветовых акцентов реального события. Так на снимке каскадера, взлетающего в воздух в момент взрыва на съемках фильма о Гернике (A stuntman flies through the air following an explosion during the filming of the Koldo Serra directed feature film Gernika in the Basque town of Guernica, northern Spain June 17, 2015, Reuters [Reuters, 2015]) намерено снижена светлость цветов по всему полю снимка и отдельными локусами выделены ярко-белая рубашка каскадера, вспышка огня, ярко-зеленые паттерны фасада дома в глубине снимка. В результате драматический снимок приобретает выраженный характер аттракциона.
3. Кадрирование, смещающее смысловой акцент с центрального события на второстепенный цветовой элемент. Примером может быть снимок Дональда Трампа на предвыборной акции в Лас-Вегасе (Republican U.S. presidential candidate Donald Trump rests his hands on his belt during a Donald Trump for president rally in Las Vegas, Nevada December 14, 2015, Reuters [Reuters, 2015]), где большую часть фотографического поля занимает ярко-красный галстук Трампа, уводя внимание зрителя от характерного жеста рук, изначально бывшего целью фотографа.
4. Акцентирование сопутствующего или случайного цветового события как смыслообразующей доминанты. Так на репортажном снимке Дж. Эрнста, сделанном во время совещания Совета министров ОБСЕ в Белграде (Jonathan Ernst. OSCE Chairman Serbian Foreign Minister Ivica Dacic casts a strong shadow (L) as he greets diplomats arriving for the OSCE Ministerial Council meeting in Belgrade, Serbia December 3, 2015, Reuters [Reuters, 2015]), практически все видимое поле занято синим брендволом, снятым под экспрессивным острым углом и расчерченным тенями участников совещания. Сам председатель ОБСЕ сербский министр иностранных дел Ивица Дачич представлен в виде преломленной тени на брендволе и — в нижнем углу справа — в виде пары блестящих черных туфель.

Для дальнейшей работы с цветовым маркером в репортажной фотографии мы принимаем различение понятий «цвет-интерпретанта I» и «цвет-интерпретанта-II», закрепляя за первым свойства искажения, снижения или изменения смысла события, а за вторым — свойства художественного усиления выразительности с целью максимального

выражения сущностного смысла события. На наш взгляд, четыре вышеприведенных снимка агентства Reuters демонстрируют работу цвета-интерпретанты I, сводя статусный персонаж, драматическое или политическое событие к цветовому аттракциону.

Примеры цвета-интерпретанты-II скорее можно найти в репортажах ИТАР ТАСС или агентства Magnum Photos. Например, в репортаже Б. Юрченко, снятом в Баку в январе 1990 г., заметно акцентированы локусы красного цвета: с одной стороны, это массы красных гвоздик и красные полотнища, покрывающие гробы жертв, с другой стороны — красные элементы в одежде детей. Так на снимке в серии от 3 февраля 1990 года (Boris Yurchenko. Russa Dems Riots Azerbaijan. 03.02.1990 [ИТАР ТАСС, 1990]) вершина холма из красных цветов над гробом и ребенок в красном на руках у матери расположены по центру снимка и создают сложный аккорд скорби и патетики в фотографическом «послании». Заметим, что снятый в 25-ю годовщину событий фоторепортаж А. Каримова «Акции памяти жертв «Черного января» в Азербайджане. 20.01.2015» [ИТАР ТАСС, 2015] демонстрирует точно такую же цветовую стратегию, используя модулированный красный цвет в массах цветов и одежде детей, вынесенных либо на первый план, либо в центр снимка.

В серии снимков Ж. Сессини (Magnum Photos), сделанных 23 марта 2016 г., на следующий день после терактов в аэропорту Брюсселя и на станции метро в центре города (Jerome Sessini. BELGIUM. Brussels. March 23, 2016 [Magnum Photos, 2016]), при помощи светового луча из темноты изъяты лица демонстрантов и черно-красно-желтые цвета государственной символики. Эти цвета представлены не только в национальных флагах в руках демонстрантов, но и в деталях их одежды, так что, в каком-то смысле, все участники демонстрации становятся совокупным символом скорбящей Бельгии: бородач в черно-красном худи, женщина с накинутым на плечи желтым пледом, молящийся мужчина в красной головной повязке и т. д.

Дальнейшее исследование репортажной фотографии в обозначенные временные отрезки (1990—1991 гг. и 2015—2016 гг.) позволило придти к определенным выводам, подтверждающим важность цветового маркера при историко-культурологическом анализе визуального источника.

В качестве источников исследования мы выбрали 120 фотографических репортажных серий (всего 1500 снимков), равномерно распределив их в группы по времени съемки (1990—1991 гг., 2015—2016 гг.), по агентствам (Reuter, Magnum Photos, ИТАР ТАСС) и тематике (политика, социальная жизнь, военные действия, бедствия и катастрофы). Поэтому источниковая база содержит 120 серий. Они представляют каждое из трех агентство (по 40 серий), каждый временной отрезок (по 60 серий) и каждую из четырех базовых репортажных тем (по 30 серий). Таким образом, в каждый временной отрезок каждое агентство представлено пятью сериями в каждой тематической группе. При этом показатель регулярности выбора той или иной формулы цвета (предметный цвет, цвет-интерпретанта I, цвет-интерпретанта II) будет варьироваться в диапазоне от 0 до 5.

По результатам анализа источников отношение визуальных данных выглядит следующим образом (табл. 1).

Это лишь сокращенные результаты небольшого исследования, но принятая методика подхода к цветовому решению репортажной фотографии дает возможность заметить, как диаметрально меняется соотношение цветовых формул в разные десятилетия. В 1990-1991 предметный цвет доминирует в 73,3% от общего числа фотографий. Интерпретирующий цвет применяется лишь в 26,67%. В 2015-16 гг. предметный цвет занимает 25%, цвет-интерпретанта — 75%. Резко возросший уровень цветовых интерпретаций в репортажной фотографии должен свидетельствовать об определенной психологической усталости социума, его растущих запросах на символизацию и эстетическую аранжировку реальности. Разумеется, добросовестный историк или культуролог не ограничится при работе с визуальным источником только маркером цвета, а примет во внимание и все другие маркеры: пластические, риторические, предметно-сюжетные, дистрибутивные, феноменологические и т. д.

Продолжая анализ источников, мы выделяем теперь только интерпретирующий цвет, и тогда отношение цвета-интерпретанты I (снижение, искажение или изменение реальности) и цвета-интерпретанты II (художественное усиление реальности) в разные временные отрезки и в работе разных агентств будет выглядеть так (табл. 2).

Теперь статистика будет скорее характеризовать политику информационных агентств. Для агентства Reuters в 2015-2016 году практически единственной является формула цвета-интерпретанты-I в то время как в 1990-1991 гг. она использовалась лишь в четверти рассмотренных серий и дополнялась цветовой формулой, акцентирующей сущностный смысл исторического события (цвет-интерпретанта-II). Такая статистика подтверждает мнение аналитиков СМИ о некорректном способе представления событий в

Таблица 1

Сравнительная статистика использования формул предметного и интерпретирующего цвета в репортажной фотографии 1990—1991 и 2015—2016 годов[1]

Формула цвета	1990—1991			2015—2016		
	Reuters	Magnum Photos	ИТАР ТАСС	Reuters	Magnum Photos	ИТАР ТАСС
Предметный цвет						
политика	5	4	5	0	1	0
социальная жизнь	3	2	3	0	1	3
военные действия	2	5	5	2	1	2
бедствия, катастрофы	3	2	5	0	1	4
Цвет-интерпретанта						
политика	0	1	0	5	4	5
социальная жизнь	2	3	2	5	4	2
военные действия	3	0	0	3	4	3
бедствия, катастрофы	2	3	0	5	4	1

[1] Источники: URL: https://www.magnumphotos.com; URL: https://www.tassphoto.com/ru; URL: https://www.reuters.com.

Таблица 2

Сравнительная статистика использования формул интерпретирующего цвета в репортажной фотографии 1990—1991 и 2015—2016 годов[2]

Формула цвета	1990—1991			2015—2016		
	Reuters	Magnum Photos	ИТАР ТАСС	Reuters	Magnum Photos	ИТАР ТАСС
Цвет-интерпретанта I						
политика	0	0	0	5	3	2
социальная жизнь	1	0	2	5	0	1
военные действия	1	0	0	3	0	0
бедствия, катастрофы	2	0	0	5	0	0
Цвет-интерпретанта II						
политика	0	1	0	0	1	3
социальная жизнь	1	3	2	0	4	1
военные действия	2	0	0	0	4	3
бедствия, катастрофы	0	3	0	0	4	1

[2] Источники: URL: https://www.magnumphotos.com; URL: https://www.tassphoto.com/ru; URL: https://www.reuters.com.

материалах Reuters[3]. Но для нас более важным сейчас представляется не допущение агентством «этических ошибок», а сам профиль агентства, поставляющего информационный продукт, имеющий важность для инвесторов, брокеров, маркетмейкеров, дилеров, участников рынка Форекс[4].

В случае новостных фоторепортажей о политической и социальной жизни, военных конфликтах, бедствиях и катастрофах продукция Reuters должна иметь и имеет, по крайней мере, две логически объяснимые характеристики: а) она имеет дело скорее с массовой мифологией события, чем с самим событием, б) она должна иметь товарный (рыночный) вид. Массовая популярность фотопродукции Reuters подтверждает эти характеристики.

Там не менее в 1990—1991 гг. этическая манипуляция цветом использовалась фотографами Reuters лишь в четверти рассмотренных серий и дополнялась цветовой формулой

[3] Лысков Д. Фотографии Reuters из грузинского Гори поставлены под сомнения. URL: https://www.pravda.ru/world/formerussr/10-08-2008/278753-0; Lappin Ya. Reuters admits altering Beirut photo. URL: https://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3286966,00.html; Крупнейшее новостное агентство — на стороне палестинцев. URL: http://9tv.co.il/news/2012/01/09/117910.html.

[4] URL: https://forex-investor.net/rejter.html.

цвет-интерпретанта-II, акцентирующей сущностный смысл исторического события. В 2015—2016-м ее использование возросло до 83 %. Не только политическая жизнь выглядит в репортажных сериях Reuters, как шоу, но и сцены военных конфликтов, бедствий и катастроф приобретают не свойственный самому событию характер аттракциона. Драматизм фотографии младенца на руках сирийской беженки значительно ослаблен праздничным золотым цветом спасательного термального одеяла, занимающего большую часть снимка (A Syrian refugee child is covered by thermal blanket in the port of Kos following a rescue mission off the Greek island August 10, 2015 [Reuters, 2015]), столкновение полицейских и одного из участников демонстрации протеста, связанной с гибелью 43 студентов из Педагогического училища Айоцинапы (Мексика) от рук преступных банд, интерпретированное и сложным ракурсом, и эффектным сочетанием ярко-белого пятна (майка активиста) и большого пятна насыщенного лаймового цвета (свитер, обернутый вокруг головы), приобретает неожиданный характер хореографического спектакля (An activist kicks the shields of the military police officers during a demonstration in the military zone of the 27th infantry battalion in Iguala, Guerrero, January 12, 2015 [Reuters, 2015]), жертва авианалета в районе сирийских повстанцев в Старом Алеппо выглядит как исполнитель претенциозного перформанса: кровь на лице жертвы в сочетании с одеждой и самим лицом, выбеленными известковой пылью, кажется театральным гримом, а крупный план этого цветового эффекта лишает зрителя возможности увидеть весь трагический ландшафт события (An injured woman reacts at a site hit by airstrikes in the rebel held area of Old Aleppo, Syria, April 28, 2016 [Reuters, 2016]).

Логично предположить, что в каждом случае продукция такого агентства, как Reuters, всего лишь отвечает массовой общественной потребности в театрализации реальности, в развлечении, сенсации и аттракционе.

Агентства Magnum Photos и ИТАР ТАСС вообще не склонны использовать цветовые формулы, искажающие, снижающие или меняющие смысл события. Напомним, что в 1990—1991 гг. предметный цвет в их фоторепортажах составлял 80 % (Magnum Photos) и 90 % (ИТАР ТАСС). Но и в 2015—2016 гг, когда у потребителя визуальной информации возрастает потребность в эстетической манипуляции, приоритетным для агентств является цвет-интерпретанта-II: 86,6 % для Magnum Photos, 72,7 % для ИТАР ТАСС.

Это объясняется, в частности, высоким культурным престижем агентства Magnum Photos, профессионально-этическим кодексом агентства, включающим «уважение к происходящему», «бескомпромиссность» и художественную независимость [Magnum Photos]. Немаловажную роль играют и высокие критерии отбора новых членов в фотографическое сообщество Magnum. Если можно говорить об идеологии агентства, то она базируется на понятиях долга и ответственности художника перед современниками и перед будущим.

Высокий международный престиж и стабильная идеологическая программа отличают также агентство ИТАР ТАСС, старейшее в России и СНГ (создано в 1926 г.). Разумеется, его программа отчетливо политизирована, в отличие от художественно-документальной программы Magnum Photos, но и она минимизирует возможность произвольной этической манипуляции, намеренного снижения, искажения или разрушения смысла события, как это происходит в репортажах Reuters 2015—2016 гг. Во всяком случае, интерпретирующий цвет здесь применяется, главным образом, в тематическом разделе «политика» и ограничен цветами национальной культурно-политической символики («Встреча лидеров “нормандской четверки” в Париже. 02.10.2015», «Президент РФ В. Путин встретился с президентом Туркменистана Г. Бердымухамедовым в Сочи. 01.11.2016. Фото: Михаил Метцель / ТАСС» [ИТАР ТАСС, 2016]) и российским «триколором» в сочетании с «имперским» цветом позолоты и красного дерева («Дмитрий Медведев и Алексей Кудрин. 2016 г. Фото: Александр Астафьев / ТАСС» [ИТАР ТАСС: 2016]).

Можно было бы счесть такое цветовое решение естественным, предметным, продиктованным протоколом заседаний и встреч. Но в ряде случаев цветовое строение кадра выглядит преднамеренным, как, например, в репортаже «Возложение венка к Могиле Неизвестного Солдата. 9 мая 2016 г.» [ИТАР ТАСС, 2016], где в нейтральный по цвету снимок прохода политических персон вдоль гранитной Могилы вводится интерпретирующая цветовая деталь в нижем левом углу композиции: сине-красный обшлаг гвардейского мундира и рука в белой перчатке, сжимающая букет красных гвоздик.

Итак, анализируя репортажную фотографию трех наиболее крупных агентств ИТАР ТАСС, Magnum Photos и Reuters во временном промежутке 1990—1991 и 2015—2016 гг., мы выделили фотографический цвет как важный ресурс визуальной информации. В качестве инструмента историко-культурного анализа визуальных источников нами применено понятие формулы цвета,

конкретизированное как цвет предметный и цвет интерпретирующий цвет, причем, в зависимости от задач интерпретации последний варьируется как цвет-интерпретанта-I (снижающий или искажающий смысл события) и цвет-интерпретанта-II (усиливающий смысл события).

Как показало исследование конкретного источникового материала, такие инструменты анализа визуальной историко-культурной информации в совокупности с другими научными методами дают более полное представление о социальных ценностях, методах мышления, этике и мировоззрении той или иной исторической эпохи. Они могут быть применены для целенаправленного анализа визуальной информации с различными технологическими (фото-, кино- и телеизображения, сетевые визуальные материалы), жанровыми и хронологическими характеристиками. Последнее кажется особенно важным. Возможно, информация о состоянии «коллективной культурной души», то есть о системе ценностей социума 2015—2016-х сейчас нам кажется излишней, поскольку в значительной степени эти ценности, этические предпочтения и порядок мышления и так составляют наше актуальное коллективное переживание реальности. Однако примененный к более давним культурным эпохам, чей живой дух развеялся, оставшись закодированным лишь в изображениях и знаках, анализ источника посредством цветовых маркеров и формул цвета может привести к значительным результатам.

Список литературы

1. Артюшин, Л. Ф. Цветная фотография / Л. Ф. Артюшин. Москва : Искусство, 1986. 207 с.

2. Гете, И. В. «К учению о цвете [Хроматика]» / И. В. Гете // Избранные сочинения по естествознанию / пер. и ком. И. И. Канаева. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 579 с.

3. Джармен, Д. Хрома. Книга о цвете / Д. Джармен ; пер. с англ. А. Андронова. Москва : Ад Маргинем, 2017 176 с.

4. Железняков, В. Н. Цвет и контраст / В. Н. Железняков. Москва : ВГИК, 200. 268 с.

5. Иофис, Е. А. Кинофотопроцессы и материалы / Е. А. Иофис. Москва : Искусство, 1980. 240 с.

6. Итен, И. Искусство цвета / И. Итен ; пер. с нем.и предисл. Л. Монаховой. Москва : Д. Аронов, 2004. 95 с.

7. Кандинский, В. В. О духовном в искусстве (Живопись) / В. В. Кандинский. Ленинград, 1989. 73 с.

8. Конфедерат, О. В. Базовые формулы цвета в экранном искусстве 2000—2014 гг. / О. В. Конфедерат // Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2015. С. 158—161.

9. Магидов, В. М. Кинофотофонодокументы: проблемы историографии, архивоведения и источниковедения : автореф. дис. … д-ра ист. наук / В. М. Магидов. Москва, 1993. URL http://cheloveknauka.com/kinofotofonodokumenty-problemy-istoriografii-arhivovedeniya-i-istochnikovedeniya#ixzz6Jx0ncocY (дата обращения: 25.10.2015).

10. Magnum Photos. URL: https://www.magnumphotos.com (дата обращения: 01—02.2016).

11. ИТАР ТАСС. URL: https://www.tassphoto.com/ru (дата обращения: 01—02.2016).

12. Reuters. URL: https://www.reuters.com (дата обращения: 01—02.2016).

13. Российский научно-исследовательский кинофотоинститут (НИКФИ). URL: http://www.nikfi.ru/history/nikfi50/historynikfi_5.html (дата обращения: 25—27.11.2015).

14. Тарковский, А. А. Беседа о цвете (беседа Леонида Козлова с Андреем Тарковским, происходившая летом 1970 года во время подготовки к съемкам «Соляриса») / А. А. Тарковский // Киноведческие записки. 1988. № 11. С. 147—153. URL http://tarkovskiy.su/texty/Tarkovskiy/Colour.html (дата обращения: 1710.2015).

15. Филиппов, С. А. 11 важнейших событий в истории кинотехники с точки зрения их влияния на киноэстетику / С. А. Филиппов // Киноведческие записки. 2006. № 78. С. 21—48.

16. Хиллер, Б. Стиль XX века / Б. Хиллер ; пер. с англ. А. Н. Богомяковой. Москва : Слово, 2004. 240 с.

17. Чернова, А. Д. Все краски мира, кроме желтой: опыт пластической характеристики персонажа у Шекспира / А. Д. Чернова. Москва : Искусство, 1987. 221 с.

18. Штомпка, П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования / П. Штомпка. Москва : Логос, 2007. 168 с.

19. Эйзенштейн, С. М. Из заметок о цвете / С. М. Эйзенштейн // Неравнодушная природа. Т. 1. Чувство кино. Москва : Музей кино — Эйзенштейн-Центр, 2004.

20. American Widescreen Museum. URL: http://www.widescreenmuseum.com/oldcolor/cinecolor2.htm (дата обращения: 14.03.2016).

Сведения об авторах

Конфедерат Ольга Владимировна — кандидат культурологии, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. *olga.confederat@yandex.ru*

Заболотина Алена Юрьевна — магистр истории, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия. *alyona.zabolotina@gmail.com*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 107—115.

Color markers in historical and cultural analysis of visual image: color aspects of photographic reporting in the 1990s and 2020s

O.V. Confederat
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, olga.confederat@yandex.ru
A.Yu. Zabolotina
St. Petersburg, Russia, alyona.zabolotina@gmail.com

The subject of the article is in line with modern visual research and concerns the source potential of photography. Among the historical and cultural markers of a visual image the authors distinguish color and substantiate the distinction between categories of photographic subject color and color interpreters. The characteristics of the color-interpreters as reinforcing (I) and reducing or substituting (II) the meaning of a real event are specified. These instrumental grounds are the base of the historical and cultural analysis of a significant amount of reportage photographic products of the agencies ITAR TASS, Magnum Photos, Reuter, created in 1990-1991 and in 2014-2015. The field of study is limited to basic reporting topics: politics, social life, military actions, disasters and catastrophes. The authors provide a methodological rationale for the use of a color marker in the historical and cultural analysis of photographic sources in order to obtain information about the system of values, ethical guidelines, methods of thinking adopted in the society of a given historical period.

Keywords: *reportage photography, historical and cultural markers, subject color, interpreter color.*

References

1. Artyushin L.F. *Tsvetnaya fotografiya* [Color photo]. Moscow, 1986. (In Russ.).
2. Gete I.V. K ucheniju o cvete [Hromatika] [To the doctrine of color [Chromatic]]. *Izbrannye sochineniya po estestvoznaniyu* [Selected Works on Natural History]. Moscow, 1957. (In Russ.).
3. Dzharmen D. *Hroma. Kniga o tsvete* [Chroma. A Book of Colour]. Moscow, 2017. (In Russ.).
4. Zheleznjakov V.N. *Tsvet i contrast* [Color and contrast]. Moscow, 2001. (In Russ.).
5. Iofis. E.A. *Kinofotoprotsessy i materialy* [Kinophotoprocesses and materials]. Moscow, 1980. (In Russ.).
6. Iten I. *Iskusstvo tsveta* [Color art]. Moscow, 2004. (In Russ.).
7. Kandinskij V.V. *O duhovnom v iskusstve (Zhivopis')* [On the spiritual in art (Painting)]. Leningrad, 1989. (In Russ.).
8. Konfederat O.V. Bazovye formuly cveta v jekrannom iskusstve 2000—2014 godov [Basic color formulas in screen art 2000—2014]. *Otechestvennaya nauka v epohu izmenenij: postulaty proshlogo i teorii novogo vremeni* [Domestic science in an era of change: postulates of the past and theories of modern times] Ekaterinburg, 2015. Pp 158—161. (In Russ.).
9. Magidov V.M. *Kinofotofonodokumenty: problemy istoriografii, arhivovedenija i istochnikovedenija* [Film, phono and photo documents: problems of historiography, archival studies and source studies]. Abstract of thesis. Moscow, 1993. (In Russ.).
10. *Magnum Photos*. Available at: https://www.magnumphotos.com.
11. *ITAR TASS*. Available at: https://www.tassphoto.com/ru. (In Russ.).
12. *Reuters*. Available at: https://www.reuters.com.

13. *Rossiiskii nauchno-issledovatel'skii kinofotoinstitut (NIKFI)* [Russian Scientific and Research Film and Photo Institute (NIKFI)]. URL: http://www.nikfi.ru/history/nikfi50/historynikfi_5.html.

14. Tarkovskij A.A. Beseda o tsvete (beseda Leonida Kozlova s Andreem Tarkovskim, proishodivshaja letom 1970 goda vo vremja podgotovki k s"emkam "Soljarisa") [A conversation about color (a conversation between Leonid Kozlov and Andrey Tarkovsky, which took place in the summer of 1970 during preparation for the shooting of Solaris)]. *Kinovedcheskie zapiski* [Cinema notes], 1988, no. 11, pp 147—153. (In Russ.).

15. Filippov S.A. 11 vazhnejshih sobytij v istorii kinotehniki s tochki zrenija ih vlijanija na kinojestetiku [11 most important events in the history of film technology in terms of their impact on film aesthetics]. *Kinovedcheskie zapiski* [Cinema notes], 2006, no. 78, pp. 21—48. (In Russ.).

16. Hiller B. S*til' XX veka* [The style of the century]. Moscow, 2004. (In Russ.).

17. Chernova A.D. *Vse kraski mira, krome zheltoj: opyt plasticheskoj harakteristiki personazha u Shekspira* [All colors of the world except yellow: the experience of the plastic characterization of a character by Shakespeare]. Moscow, 1987. (In Russ.).

18. Shtompka P. *Vizual'naja sotsiologija. Fotografija kak metod issledovanija* [Visual sociology. Photography as a research method]. Moscow, 2007. (In Russ.).

19. Eizenshtein S.M. Iz zametok o tsvete [From color notes]. *Neravnodushnaja priroda. T. 1 Chuvstvo kino* [Indifferent nature. Vol. 1 Sense of movie]. Moscow, 2004. (In Russ.).

20. *American Widescreen Museum*. Available at: http://www.widescreenmuseum.com/oldcolor/cinecolor2.htm.

ИСТОЧНИКОВЫЙ ДЕПОЗИТАРИЙ

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2020. № 1. С. 116—132.

DOI 10.24411/2542-0275-2020-0112

Маркиз и маркиза: письма Е. Н. Калайдович гимназисту С. Ф. Платонову

В. В. Митрофанов
Университет при Межпарламентской Ассамблее Евразийского экономического сообщества, Санкт-Петербург, Россия.

Продолжается публикация недавно выявленного комплекса писем Евгении Николаевны Калайдович, адресованных юному гимназисту С. Ф. Платонову — будущему академику. Они позволяют проследить тематику затрагиваемых вопросов, установить круг общения молодых людей, выяснить источники формирования их мировоззрения (философские сочинения, серьезная литература, музыка, искусство), познакомиться с поэтическими опытами С. Платонова. Его знакомая выступает в роли не только рецензента стихов, она в силу своего возраста, образования, начитанности, дает оригинальные им оценки и советы начинающему поэту по технике стихосложения.

Среди обсуждаемых тем положение женщины в России, отношение к Русско-турецкой войне: высоко патриотическое у «маркизы» и не всегда продуманное, в силу возраста и сложности вопроса, у «маркиза». Прослеживаются способы влияния Е. Н. Калайдович на своего корреспондента, который, как показывают письма, был серьезно ею увлечён.

Небезынтересны и некоторые подробности о предках Е. Н. Калайдович, отдельных ее родственниках.

Ключевые слова: *С. Ф. Платонов, Е. Н. Калайдович, переписка, мировоззрение, общественные интересы, романтические увлечения.*

В своей автобиографии, написанной уже в 1925 г.[1], С. Ф. Платонов писал, что «в моём детстве и отрочестве я жил под сильным влиянием моего отца» [Платонов, 2017, с. 187]. Эту же мысль почти дословно повторил, но без ссылки, В. А. Колобков [Колобков, 2001, с. 468]. Об отце С. Ф. Платонов упоминал не раз, указывая на его ум, способности и гуманизм, «стоявший в умственном и моральном отношении выше своей среды» [Брачев, 2010, с. 32]. А в недавно опубликованной анкете, предназначавшейся для нижегородского издания и составленной 11 апреля 1908 г., он написал: «Из всех мне известных членов рода, мой отец был наиболее выдающимся» [Платонов, 2014, с. 249]. А в последнем классе гимназии и, особенно, в первые университетские годы значительное влияние оказала Евгения Николавна Калайдович. О её родственных связях с семьёй Платоновых сведений нет, имеются только предположения, что они были дальние и непрямые.

Письма Е. Н. (следующие шесть) за август — октябрь 1877 г. помещены в приложении. Они продолжают тематику предыдуших [Митрофанов, 2019, с. 119-139]. В этот же год имя Евгении Николаевны начинает упоминаться и на страницах дневника С. Ф. Платонова, когда он и гостил в её семье в Харине. В тетради, где велись записи, датируемые 9 декабря 1876 г., — 6 июня 1877 г., на первой странице имеется интересная приписка: «Калайдович Евгения Николаевна появляется в этой тетради с листа 33»[2]. Как свидетельствуют записи, в первые дни пребывания в С. Ф. Харине Платонов больше общался с её младшей сестрой Соней Митковой. У сестёр разные фамилии, так как они родились от разных отцов. С Соней переписка была разовая, всего несколько писем. Инициативу в переписке перехватила старшая сестра. Характер писем позволяет говорить об эпистолярных традициях, существовавших, охранявшихся в семье и раскрывающих определенный консерватизм общественных норм для девушек, что называется «на выданье». Нужно было получить разрешение старшей в доме, в данном случае бабушки. На первых порах письма девушек просматривались и, если компромитирующих материалов не обнаруживалось, контроль ослаблялся вплоть до полной его отмены.

Уже в первом письме Евгения Николаевна (далее — Е. Н.) называет себя «маркизой», а своего друга «маркизом» [Митрофанов, 2019, с. 124]. Это обращение будет активно использоваться в переписке наряду с уже известными обозначениями — «посестрима» и «побратим».

В посланиях своему маркизу Е. Н. ставит определенные условия о частоте написания писем. Это

[1] Письмо С. Ф. Платонова Ф. А. Брауну от 1 августа 1925 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2375. Л.25 об.

[2] ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1214. Л. 1.

делается для того, чтобы не вызвать каких-то подозрений у бабушки или у матери. Поэтому она регулярно просит своего друга не спешить с ответами. Устанавливается норма писем — 4 в месяц, а затем разрешается писать к 15 и к 1 числам каждого месяца. Но можно ли было остановить юношеский порыв, когда он, это чувствуется через содержание ответных писем, был серьезно увлечен. Нужно было излить свои чувства, ничто не останавливало влюбленного, и письма писались даже во втором часу ночи, накануне экзамена. Об этой страсти, кстати, не продолжительной, писал и авторитетный биограф С. Ф. Платонова, знаток его творчества В. С. Брачев: «Увлечение это доставило немало горьких минут Сергею Платонову», «тем не менее плодотворное влияние этого первого романа С. Ф. Платонова на его духовное становление и нравственное развитие очевидно» [Брачев, 2010, с. 33].

Будучи старшей по возрасту и имевшей уже первый опыт «увлечения», Е. Н. все время пыталась снизить накал страстей у своего юного поклонника. Называла себя «старушкой», писала много о дружбе и что их отношения не могут выходить за эти рамки: «любви меж нами нет». Для этого она сообщает о своих отношениях с женихом Яковом Сергеевичем, умершим незадолго до знакомства с С. Платоновым. Эта утрата, которую она долго переживала, сказывалась на дальнейших ее отношениях с молодыми людьми. Но, безусловно, для девушки было лестно иметь переписку с одаренным юношей, подающим большие надежды на будущее. Не раз в письмах об этом открыто говорится, например, когда она пишет о «недюжинных» его способностях. Надо заметить, что в этой своей уверенности Е. Н. не обманулась.

Представляют интерес отзывы о получаемых письмах от С. Платонова, которого она называет на «вы», только пока пишет обращение с маленькой буквы, но в дальнейшем это изменится. Так требовали правила этикета общения. Его ответы называются «милыми» (л. 36), отлично написанными, «продуманными», в них виден «мужской ум» и «иногда, нередко глубоко прочувствованы» (л. 36 об). Свои же письма ею характеризуются как «несвязанные, нелогичные». Они были объемными, затрагивали разные темы, писались часто по вечерам, при этом Е. Н. стремилась написать их так, чтобы не вызвать разочарований, но и не давать далеко идущих обещаний, или, что было не приемлемым на этом этапе отношений — разрыва.

Отдельными штрихами узнаем о предках Е. Н., ее родственниках. Так, ее дед по отцовской линии «землю пахал» (л. 49 об.). У бабушки Евгении Николаевны был брат, занимавший сенаторское место — Герман Антонович Гизетти. Узнаем о двоюродном дяде по материнско-бабушкинской линии Алексее Гизетти, который был старшее ее всего на 4 года, с ним она была дружна, переписывалась, но затем отношения испортились (л. 36 об.). Сообщается С. Ф. Платонову и о смерти мужа двоюродной тёти Е. Г. Гизетти, умершего во Франции и оставившего 4 детей и жену в тяжёлом материальном положении (л. 59). Упомянута и тётушка Елизавета Фёдоровна Сверчкова, с которой было интересно общаться.

Много места в письмах отведено поэтическим опытам С. Ф. Платонова. Не секрет, что он увлекался поэзией и что главное — у него неплохо получалось сочинять стихи. Из них в переписке упоминались «Вечером», «Разговор», «Лазурный свод небес», «Колонна древняя», «На свете черной клевете», «Об Украине». Е. Н., сама начитанная, любившая прозу и стихи, хорошо знавшая русских поэтов, делает их литературоведческий анализ, раскрывает положительное и указывает на недостатки в технике стихосложения (л. 40, 41 об, 50 об. и др.). Она замечает и пишет, что начинающий поэт подражает М. Ю. Лермонтову. В. С. Брачев заметил, что «она, если судить по содержанию стихов, и вдохновляла музу юного поэта» [Брачев, 2010, с. 32]. А в архиве имеются два дела со стихами, посвященные посестриме[1].

Широта интересов Е. Н. позволяет увидеть в ней начитанную, разносторонне развитую и увлекающуюся натуру. Она читает серьезные книги, например, М. Каррьера — его книгу «Искусство в связи с общим развитием культуры» [Каррьер, 1870—1874], которая давалась ей с трудом, но оценивается как «вещь хорошая», «стоящая чтенью». Её привлекает и Флобер своими фантастическими рассказами. Из философов отдает предпочтение Гегелю, а своему другу рекомендует Канта, Спинозу, Локка. А если заниматься философией, советует начинать с Сократа и Платона (л. 47 об., 53 и др.).

Она умеет слушать и понимает музыку: о героической симфонии Бетховена пишет с вдохновением. На выставке картин Верещагина она увидела «недурные вещи». Однако этого ей мало, она изучает английский язык, имеет желание учиться: заинтересовалась учебником физики Краевича (43 об.). Забегая вперед — с этой фамилией С. Ф. Платонов окажется связаным через брак дочери Нидежды в мае 1910 г. с Борисом Краевичем.

Из писем Е. Н. узнаем некоторые сведения о небольшой школе, которая была открыта усилиями

[1] ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1540, 1545.

ее тёти, но в учебный процесс была привлечена и Е. Н., иногда приглашали учительницу (л. 48 об.).

Мировоззренческую позицию Е. Н. можно уловить по ее отношению к шедшей Русско-турецкой войне 1877—1888 г. Ее заботит положение на фронтах, она переживает за российское войско, ее раздражают интриги в интендантстве, она высказывает истинно патриотические чувства (л. 48, 52, 65 об.). Поэтому она возмутилась фразой о Крымской войне, прочитанную в письме от маркиза. В связи с этим не согласимся с мыслью, высказанной В. А. Колобковым, что «каждое сообщение с театра военных действий, сильно будоражило нервы юноши, поддерживало его впечатлительность» [Колобков, 2001, с. 469]. Подобная характеристика в большей степени может быть отнесена к Е. Н. Её реакции, по всей вероятности, восходили к славянофильскому настроению, господствовашему в доме ее деда — Н. С. Селивановского. С любовью рассуждает она о русском народе, восхищается генералом Гурко, которого называет «молодцом», сравнивает его со Скобелевым. Свою активную позицию Е. Н. подкрепляет дежурствами на Складе — организации, оказывающей поддержку бойцам на фронтах войны в виде добровольной помощи от населения (л. 37, 38 об., 46 и др.). Подобная деятельность была характерна для определенных кругов тогдашней передовой молодежи, организующей, например, концерты в пользу солдат, что привлекало внимание общественности к положению солдат в армии.

Некоторые сюжеты писем будущего историка позволяют реконструитовать тематику его невыявленных корреспонденций. Например, его занимает тема о «женском воспитании» (л. 37). О своем характере он пишет, что и «ленив», и «не думает», и «нет в нем страсти». Упомянута полученная им двойка. Не раз сообщает он о своей ревности, видит в молодых людях, бывавших в гостях у маркизы (их имена и некоторые подробности общения сообщаются в письмах), своих соперников. Среди тех, кто посещал дачу Селивановских, были, например, А. Рихтер, Тесс, Тихомиров, Попов и другие. По содержанию писем можно составить круг общения С. Ф. Платонова в это время: Грамматикати, В. Латкин, сообщается о неприятностях с С-ным.

Публикуемые письма связаны с проблемами, которые волновали корреспондентов и обсуждались ими еще в период знакомства в Москве. После возвращения С. Платонова в Петербург это общение продолжилось активной перепиской. Она дает возможность проследить формирующееся мировоззрение юного гимназиста и образ молодой просвещенной интеллектуалки, оказавшей влияние на процесс личностного становления историка. По письмам Е. Н. Калайдович к С. Ф. Платонову можно составить определенную картину принятых во второй половине XIX в. форм общения, свойственных культуре молодежной среды. Письма раскрывают широкий информционный пласт актуальных для этого слоя проблем различного спектра — от личностных переживаний до социокультурных аспектов жизни российского интеллигентного круга.

Нумерация писем общая. Зачеркивания, сокращенные слова, имеющиеся в тексте писем, раскрыты в квадратных скобках.

Письма Е. Н. Калайдович С. Ф. Платонову

Письма Е. Н. Калайдович С. Ф. Платонову (август — октябрь 1877 г.)

№ 8

// л. 36. 20 августа 1877 г. Симонов.

Вчера получила ваше письмо, нечего говорить, что я ему обрадовалась, с каким нетерпением ждала я его! И, прочитав, осталась им недовольна: это не значит, чтоб оно не было мило, как и все ваши письма, но оно было бледно, «тусменно» (это из нашего с Соней языка); прочитав его, я стала думать, что вы вероятнее серьезнее больны, чем пишите мне; если б у вас было огорчение, вы бы о нем мне писали, это я знаю и поэтому думаю, что вы больны, что меня очень беспокоит, тем более, что я, быть может этому виною, уговаривая вас носить теплое пальто: меня это мучает. Ради Бога, берегите свое здоровье, если не хотите, чтоб я волновалась, носите, что хотите, делайте что хотите, только будьте здоровы и пишите мне всегда правду про свое здоровье. Кто имел несчастье видеть близких больными, поймет мои чувства.

// л. 36 об. Если я не вполне довольна вашим настроением, когда вы писали мне последнее письмо, не думайте, что я нахожу его дурно написанным; напротив, вы отлично пишите письма, мужской ум в них виден, и нередко они напоминают мне письма моего экс-друга и дяди: Алеши Гизетти; мы начали переписываться, когда ему было 13, мне 9 лет и кончили — когда мне было

21, ему 25. Я думаю, что мои несвязанные, нелогичные послания не выдерживают и самого поверхностного сравнения с вашими, которые всегда хорошо написаны, часто продуманы, а иногда нередко глубоко прочувствованы. И так пишите, как пишется. Я серьезно считаю вас поэтом, божественная искра в вас есть, будете ли вы талантом, не знаю, знаю только, что человек будите недюжинный. Одно повторяю и вам, и Соне, и себе: учитесь. Nô trêve de complimente [1] от вас мне, я вас хвалю потому, что вы заслуживаете, но с какой стати вы думали писать мне, что у меня «ум мужчины, сердце женщины!» Пересолили, маркиз, пересолили!

// л. 37. Ваше рассуждение о женском воспитании справедливо, только я все-таки скажу, что от природы женский ум менее способен к сухим, отвлеченным наукам; из моих личных наблюдений я узнала, что девочки всегда хуже учатся арифметике, чем мальчики, что же касается стихов, Свящ[енных] ист[орических] рассказов, где нужно и воображение, и чувство, там молодцы. Относительно себя скажу, что философии истории никакой не читала, но займусь, теперь взяла, но еще не начинала Каррьера (~~Историю~~ [2]) Искусство; я и насчет фактов мало знаю, еще рано браться за обобщения. Боюсь, что буду мало читать этой зимой, а очень хочется; с первого сентября начнется в школе ученье; в преподавании я непременно буду принимать участие, тем более, что тётя возьмет, кажется, дежурство в больнице и школа не может быть предоставлена учительнице; мы еще не знаем ни ее, ни ее метода. В Складе я тоже буду работать, кроме того, я по свойственному мне кокетству не могу не заняться своим туалетом и шью сама себе платья, судите много ли времени читать? Мне очень жаль огорчать вас, но я // л. 37 об. должна сообщить вам, что я скоро сниматься не буду и по уважительной причине — денег нет. Чтобы доставить вам хоть маленькое удовольствие присылаю свой портрет, которым я очень дорожу и, конечно, никому другому бы не дала; этот портрет я делала 19 лет, бывши невестой и в трауре по брату, он обрезан так потому, что покойный Яков Сергеевич, мой жених, носил его в портфеле; после его смерти мне возвратились мои портреты и теперь он будет у вас, пока я не сделаю новый и не возьму этот назад. Довольны вы? На счёт моей ревности не беспокойтесь, «пусть она вас больше не тревожит, я не хочу печалить вас ничем». Я ревную вас только к Соне, она одна может сделаться вам другом, более дорогим, чем я; признавая ее умственное и нравственное превосходство, я сознаю, что заменить меня ей легко и, конечно, дорожа так вашей дружбой, не желаю этого. Делить вашу дружбу я согласна, отдать-нет! Если вы влюбитесь, даже полюбите, я и не подумаю ревновать, ведь мы друзья; только к дружбе я ревную, любви меж нами нет, и я буду рада, когда вы будете счастливы в любви. Впрочем, моя ревность остается лишь для меня одной.

// л. 38. У нас невесело; бабушка и тётя озабочены; хотя дело с Туажным пароходством приняло благоприятный оборот, мы все-таки должны сделать внизу набережную и это будет стоить довольно дорого; конечно, это лучше, чем потерять Симонов, но все-таки чувствительно. Не получая вашего ответа, я сделалась прегадкая, злая и капризная; целых два дня была не в духе и теперь каюсь моему другу, вы имеете на меня очень хорошее влияние. Не спешите, впрочем, и теперь отвечать, пишите 30 или 31, к 10-му сентябрю; 4 письма в месяц, вот норма. Вы не поверите, как хочется иногда поговорить и поболтать с вами, вы умеете и то, и другое, но все-таки такая переписка будет самая благоразумная. Слушайте, если получите позволение писать Соне, первые письма пишите официальные, пока Соня сама вам не скажет, как писать. Ну теперь до свиданья, милейший маркиз, иду спать, завтра кончу письмо, я faut faire durer b playe [3], а мне еще какое удовольствие писать вам!

// л. 38 об. (~~19~~). 21 августа, 11 ½ час. вечера

Вернулась из Склада, занималась разными делами и теперь, когда все тихо, наши спят, снова принимаюсь за беседу с вами, дорогой друг. За что вы изгрызаете себя в последнем письме? И ленив я, и не думаю, и страсти во мне нет! Во-первых, лень прежде нас родилась, кто из русских не ленив? И если вы будете впредь лениться, кончая первым, что ж — ленитесь! Страсти в вас нет: об этом мы с вами поговорим устно, на Симоновой скамеечке, а пока постарайтесь ладить и с малым количеством страсти, которая в вас есть, бесстрастное существо, которое держать как в лихорадке при звуках Шопена и даже и друзей-то не умеет любить, не увлекаясь! Что вы толкуете про ревность? Разве может друг ревновать меня к Саше Рихтеру, только знакомому, правда разболтавшему мне свои тайны и только, и г-ну Тесс, который за мной ухаживает? Г-н Тесс не может // л. 39. быть моим другом, желала бы сделать его добрым приятелем со временем. Кстати, вчера воскресенье и он не был; странно, сказать правду, он мне немного надоел. Если б я вышла замуж, вы ведь не стали ревновать меня к мужу?

[1] Никаких комплиментов — с фр.

[2] Слово зачеркнуто.

[3] Должен длиться б игрок — с фр.

Будьте спокойны, сколько бы у меня не было друзей и знакомых, ваше место никто не займет в моем сердце, дорогой побратим.

Вчера был у нас Маслов, Фед. Ив.[1]: вот умница! Говоря серьезно, он самый умный человек, которого я знаю, и какое многостороннее образование! 18 лет он кончил в Правоведении и по отзывам знающих людей отличный юрист; естественные науки, математика, астрономия, археология, философия, нумизматика, геральдика, да я никогда не кончу, если стану говорить о том, как он занимался и что изучал. Чудак он страшный, очень дурен собой (у всей семьи испорчена кожа на лице красными пятнами) // 39 об. постоянно бегает, способен увлекаться крокетом, да и всякой игрой, как 16-летний (ему 37 лет), по убеждениям либерал самый красный и отчасти, если не вполне атеист, или вернее деист. Сердце у него доброе, но он, конечно, высокого о себе мнения, это понятно: я его люблю, хотя во многом не согласна с ним и с его сестрами, которые все очень умны и образованы; легонький образчик их направления вы видели на Танееве, вы поймете, что я не могу вполне сочувствовать такому направлению. Маслов вчера много осуждал в наших военных распоряжениях, как красный, он метил высоко и, хотя в его речах были и преувеличения, к сожалению, во многом он прав: наши солдаты герои, мученики, но что вы скажите про Интендантство, про безумную вторую атаку Плевны, про незнание неприятельских сил и многое, многое?

// л. 40 Господи! Неужели и теперь найдутся люди, которые «отчину свою продают! Как меня возмутило известие о перевозке раненых в товарных вагонах, на соломе, без пищи! Мне больно за мою родину, когда я вижу в ней недостатки, пороки, но, когда теперь, в такую серьезную минуту, когда тысячи наших братьев умирают за святое дело», за дело славян и свободу, у нас в обществе рознь, в Интендантстве недобросовестное отношение к делу, интриги в администрации, когда вместо бодрости и строгого исполнения долга мы умеем только саморазрушать себя, плевать на себя и ничего почти не делаем, о, тогда я плачу как и сейчас; Людей надобно России, новый дух и новые силы, а наше молодое поколение — Сережи Попова или Казанские именинники. Что-то будет, Боже, что-то будет. Но с чего это я принялась за излияние патриотических чувств, // л. 40 об. смешно право, сижу в Симонове, ничего не делаю, а туда же Отечество спасать! Не извиняюсь пред вами, я ведь пишу другу. Что думаю, что чувствую, все сбегает по перу на бумагу.

Желаю вам полной победы над С-ым, знаете, он мне представляется в виде лягушки, я к нему имею то же чувство, что к ним; помните, сцену у пруда? С окончанием экзамена поздравляю, вот и награда — портрет, напишите, довольны ли вы им.

Не желала бы, чтоб это письмо распечатали на почте, ну авось, небось. Жива ли ваша кошка? Маркиз прелестен и избалован, спит у меня на коленях и ходит со мной гулять по саду. Христос с вами, ради нашей дружбы берегите себя хоть в пальто, хоть без, только берегите. Скажите мой сердечный привет Клеопатре Александровне, пишите 30-го, 31-го, не раньше. Как мне хочется видеть вас и Соню, я без нее соскучилась. До свиданья, маркиз. Маркиза.

№ 9

// л. 41 4 сентября, 1877 г. Симонов.

Здравствуйте, побратим! Как я рада, что я взялась, наконец, за перо, чтобы поболтать с вами. Наконец-то! Прежде всего благодарю за поздравления и за милое письмо бабушке, я была уверена, что мой умник напишет хорошо и бабушка очень довольна осталась вашим письмом. Пакет со стихами получила я накануне и, конечно, очень обрадовалась; вы хотите чистосердечное мнение, вот оно, не обижайтесь за резкости вашей посестримы, уж такая она уродилась. Стихотворение Вечером довольно удачно, я его поняла без помощи Лермонтова, потому что теперь ваша душа для меня открытая книга, над которой я нередко задумываюсь, но в большинстве случаев, понимаю, если не умом, так сердцем. А в этой книге можно хорошему научиться. Итак, Вечером хорошо по мысли, прочувствовано и обдумано, но // л. 41 об. есть кое-какие недостатки в форме; Разговор лучше в отношении формы, но вы не сердитесь, пожалуйста, (напишите правду), по-моему, очень вероятно ошибочному мнению, недостаточно глубок. Я слишком ясно прочла в этом разговоре не отвлеченную борьбу доброго начала со злом, а мысли и чувства моего побратима в минуту хандры, раздражения и грусти. За что «Лазурный свод небес» и «Колонна древняя»

[1] Маслов Федор Иванович (1840—1915) — юрист, товарищ и друг Чайковского по Училищу правоведения и сослуживец по департаменту Министерства юстиции в 1860—1861 гг. Позже Ф. И. Маслов переехал в Москву, где дослужился до председателя департамента Московской судебной палаты. Чайковский был очень близок со всей семьей Масловых, постоянно бывал в их доме, неоднократно собирался побывать в их орловском имении Селище. Дружеские отношения Чайковского с Масловым скреплялись еще больше благодаря С. И. Танееву, любимому ученику композитора, который почитался в семье Федора Ивановича как родной.

чрезвычайно поэтичны и хорошо отделаны, а «На свете черной клевете» и «Об Украине» просто прелестны; эти два стихотворения вы смело можете печатать, в них и форма, и содержание гармонируют, стих легок и певуч, мысль вылилась цельно и поэтично. Я с вашего позволения, дала некоторые ваши стихи читать Екатер[ине] Ив[ановне] (*Нашей новой учительнице, она уже неделю у нас) и она пришла в восторг от двух последних и не хотела верить, что автору 17 лет. Видите, друг мой, я говорю вам правду в глаза и так люблю вас, что если замечу в вас недостатки, то укажу на них, // л. 42 если вам это неприятно, то пишите мне прямо. Как подобает старушке, я ворчлива и теперь недовольна вами за выражение «пристрастился» и за то, что вы меня идеализируете. Во-первых, если вы существо бесстрастное (*см. ваше предпоследнее письмо), то слово пристрастился вы не можете употреблять; вы изучали грам[матику] Буслаева[1] и корнесловие, и, конечно, согласитесь со мной, что пристрастие происходит и есть принадлежности страсти, а в вас ее, ведь нет? А во-вторых, я хочу, чтоб наша дружба была прочна, будет ли она такою, если вы будете любить не меня, а идеальное существо? Отвечайте. Еще буду браниться; кто вам позволил писать мне письма до ¼ второго, да еще накануне экзамена; за это вы будете наказаны в конце письма, а пока, после стольких внушений и наставлений, можно и побаловать меньшого брата. Вы знаете, что я никогда ничего не беру назад, что раз отдала, стало быть карточка останется у вас пока вы сами // л. 42 об. и мне не отдадите. Ваша тётя была у нас и сказала, что ваш отец не здоров, бабушка это очень приняла к сердцу и поручила мне написать вам, чтоб он обратился к гемеопатам и доктору Адамсу; он лечит ее брата Германа Антон[овича] и всю его семью, и доктор хороший. Напишите мне про здоровье вашего отца, что с ним. Очень я довольна вашим ответом Грамматикати и, прочитав о нем, сказала: Умник! Слава Богу, что история с С-ым кончилась, какая нехорошая Е. Н.; что вы мне ничего не пишите про fideo, неужели они совсем разошлись с вашим другом? Наша учительница приехала неделю тому назад, она молода (22 года), недурна, неглупа, манеры приличные, по-видимому, добрая и выказывает нам большое расположение; мне в особенности, к которой она чувствует доверие. При нашем столь коротком знакомстве, она порассказала про себя и про других, я же спряталась в скорлупку, не высказываюсь. Боюсь, что она и // л. 43. про меня станет говорить с другими, как говорит со мной о других; т. е. недурно, но, боюсь, что это слово резко, в тоне сплетни, вернее, в тоне пересудов. За дело принялась она с рвением, ученье началось 2-го; вообще Ек[атерина] Ив[ановна] производит скорее приятное, чем неприятное впечатление. Она очень интересуется Соней и с нетерпением ждет ее; вам велела сказать — очень желает познакомиться с вами, я не скрываю, что переписываюсь, но, конечно, не говорю о том, какие у нас с вами дружеские отношения. К чему? Только Соня знает, насколько мы друзья, а об имени побратим и она не знает; я ей скажу, а больше никому. Есть цветы мимозы, которые от легчайшего прикосновения свертываются, такие есть и чувства; не всякий поймет дружбу 23-летней девушки с молодым человеком 17 лет, а между тем она есть. Будем же ее беречь, она обоим полезна и нужна.

// л. 43 об. Сегодня была в концерте в пользу Крас[ного] Креста и наслаждалась музыкой; давно уже мне хотелось послушать хорошую музыку, а сегодня выбор пьес и исполнение были действительно превосходные. Между прочим играли Mana funebre[2] из героической симфонии Бетховена[3]: какие звуки! Кажется, все горе матери, оплакивающей сына, жены, потерявшей любимого мужа, рыдания сестры над гробом брата — все соединено в эти дивные, могучие аккорды, которые потрясают до глубины душу. Послушав Бетховена, все другие композиторы кажутся мелкими; ни у одного из них нет этой глубины мысли, силы и чувства и могущества, целости, как у него. Советую вам, когда вы кончите в гимназии и будете свободны, стараться слушать серьезную классическую музыку, в вас слишком много поэзии и музыкального чувства, чтобы его можно

[1] Имеется ввиду «Историческая грамматика русского языка». Фёдор Иванович Буслаев (1818—1897) — российский лингвист, фольклорист, историк литературы и искусства, глава русской мифологической школы. Своими трудами «О преподавании отечественного языка» (1844) и «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858) заложил основы лингистической русистики. Положил начало научному изучению русской народной словесности. Действительный член Петербургской Академии Наук (1860), ординарный академик.

[2] Похоронная мана.

[3] Героическая симфония, открывающая центральный период творчества Бетховена и одновременно — эпоху в развитии европейского симфонизма, рождалась в самое тяжелое время в жизни композитора. в первом издании 1806 г. Третья симфония (бывшая симфония «Буонапарте») получила закрепившееся за ней название «Героическая» и была посвящена князю Францу Йозефу Максимилиану фон Лобковицу. «В этой симфонии … раскрылась впервые вся необъятная, изумительная сила творческого гения Бетховена» П. И. Чайковский (URL: beethoven.ru/node/52).

было удовлетворить даже оперой; кроме того, какое наслаждение серьезная музыка! Говорят, // л. 44 русск[ая] опера в Петербурге хороша, очень сожалею, что мало знаю наших новых композиторов. У нас все идет мирно и тихо, теперь гостит милейшая и толстейшая тётушка Елизавета Федоровна Сверчкова, ваша мамаша ее знает; она уже старушка, но такая веселая, что мы почти целые вечера хохочем. Кроме того, она женщина умная, добрая, очень нас любящая и общество ее всем нам очень приятно. Я, к сожалению, мало читала; один раз учила в школе, сшила я себе платье, а больше ничего путного не делала, толклась без толку и очень собою за это недовольна. Взяла я физику Краевича[1], хочу учиться; не удивляйтесь моему невежеству, ни геометрии, ни физики, ни многому еще я не училась. Иногда мне трудно соображать объяснения физических законов с помощью геометрии, но я стараюсь вдумываться, перечитываю и до сих пор все поняла, что-то будет дальше.

// л. 44 об. Просила я С. Попова привести мне свою старую геометрию, не знаю, даст ли. Он, кажется, еще поглупел; был у нас 1-го сентября и рассердил меня одной глупой выходкой: проходя мимо него, нечаянно, конечно, задела его лентами моего платья, и сама не заметила, не знаю, уже что он вообразил, но он сделал мне нежные глаза, а это меня рассердило. Я не prude[2], и терпеть не могу pruderie, как и всякое притворство, я слишком часто бывала в мужском обществе, чтобы очень жеманиться, С[ережи]на глупость, меня покоробила. Это, пожалуйста, между нами; право даже не знаю, зачем я написала это, но я так привыкла писать вам все мысли, которые бегают у меня в мозгу, что, вероятно, часто пишу много лишнего; вот и обратная сторона большого доверия, распущенность. Поэтому-то я и не желаю, чтоб мои письма могли когда-нибудь попасть в чужие руки, и надеюсь…

// л. 45. Серьезно, хорошо ли вы прячете мои каракульки, если их кто-нибудь прочтет, мне это будет ужасно. Мама, кажется, приедет 12-го, Соня опять ездила к Мосоловым на один день, но я ничего не знаю, как она проводит время, ее письма бесцветны и невыносимы, но я чувствую, что ей ох как невесело, и жду, не дождусь ее приезда. Не знаю, где они будут жить зиму, может быть, что и у нас. Когда Соня приедет, могу ли я показать ей ваши стихи к ней, вы знаете, какие; до вашего ответа показывать не буду. 11-го ее рождение и я хочу купить ей все вальсы Chopin[3], мы почти всегда друг другу дарим, я ее нотами, она меня книгами. Chopin ей будет очень приятно получить от меня, она его музыку очень любит, и вы, конечно, не забыли, кого мы определили его музыкой?

Когда я начинаю сравнивать с ней других знакомых девушек, хоть, напр[имер], Екат[ерина] Ив[ановна], которая не глупа, развита, образована, все-таки все мне кажутся такими ничтожными и пустыми перед ней.

// л. 45 об. Она так высоко стоит умственно и нравственно, что ей и пары не подберешь; когда она будет выходить замуж, мне все будет казаться, что ее жених, какой бы он не был, ее не стоит. Да, я могу похвастаться моими друзьями, я не знаю молодого человека теперь, которого бы поставила рядом с вами, а я вас не идеализирую. Г-н Тесс уехал в Петербург на неделю, я пожелала ему пробыть там две и веселиться, он рассердился: до отъезда был у нас, сидел до 11 часов и по ужасной дороге, и в полном мраке уехал. Он хороший человек, честный, образованный и мягкий, но говоря серьезно, я не думаю, чтоб он серьезно за мной ухаживал. Делать нечего ему, а со мной весело, это я сама знаю; видите какая я нескромная, как хвалю себя, а по правде сказать хвалить не за что, лучше иногда побранить. Отчего вы мне никогда не делаете замечаний, побратим, ведь вы имеете право.

// л. 46. Политика занимает меня по-прежнему, но я сегодня не успела прочесть газеты, а только прочла телеграммы; ужасно думать о бесчисленных жертвах! Опять 5000 под Плевной и ведь у каждого из этих пяти тысяч, есть кто-нибудь, кто любит его и страдает. Ужасно! От чего у нас оказывается все меньше сил, чем у турок на поле битвы? Неужели же нельзя достоверно узнать число неприятеля, тогда бы нашим солдатам не приходилось грудью брать всякий редут и их бы меньше гибло. Каковы герои Шипки!

У нас в Складе опять большие дела, шлют огромные транспорты и на Дунай, и на Кавказ. Каждый день сожалею я, что я не мужчина; читая описание битвы, я не могу (быт*) оставаться равнодушной, так бы и бросилась (бы*) туда на помощь нашим героям; если б меня отпустили, я бы пошла сестрой милосердия, совестно ничего не делать, когда наши братья тысячами умирают // л. 46 об. Но за то я благодарю Бога, что вам 17 лет и что вы близоруки; не знаю, что бы я чувствовала, если б мой родной брат пошёл на войну,

[1] Имеется ввиду учебник физики. Курс средних учебных заведений Константина Дмитриевича Краевича (1833—1892) — русского физика и педагога. Отец Бориса Константиновича (1886—1947), женатого с 1910 г. на дочери Платоновых Надежде.

[2] Ханжа — с англ.

[3] Композитор Шопен.

но я без ужаса не могу думать, что и вы бы могли подвергаться такой опасности. Берегите же себя, пожалуйста, не смейте кашлять и всегда пишите о своем здоровье; я может быть совершенно напрасно тревожусь, но уж вы побалуйте старушку, берегите себя. Мой портрет можете показывать, он не дурен, только глаза прикрашены, в действительности они хуже. История с **Туэрным** пароходством то же не секрет. Ну, до свидания, уже третий час ночи и я устала, мой поклон мамаше. Пишите мне не ранее 16-го, 17-го хоть каждый день понемножку, у вас дела много, а частая переписка будет отнимать и последнее время: да оно и благоразумнее; через две недели письмо, нечего по ночам-то сидеть, спите. Христос с вами. Посестрима. Маркизинька вам кланяется, она меня очень любит и прелестная.

Справа на полях, вертикально. *Мосолова зовут Сергеем Петровичем, он уже ушел в Кишенев*[1].

Вот видите, наказывая вас, я и себя наказала: ваши письма для меня такая отрада[2].

№ 10

// л. 47. Симонов, 17 сентября. 1877 г.

Что не влюбились сегодня в красавицу? Надеюсь, что нет, не до любви теперь, когда дела много; что за пустяки вы пишите об экзамене, время ли теперь о них думать? Учитесь, умник, больше ничего не надо, а я так и теперь уверена, что экзамен вы сдадите блестящим образом и я в мае увижу вас уже студентом. Хотите совет, впрочем, если и не хотите, я все-таки его напишу; не принимайтесь вы теперь за чтение таких серьезных книг, довольно с вас вашего учения, газет, пожалуй, исторических сочинений, а бросьте философию, еще успеете.

В университете меньше дела, больше досуга и, пожалуй, на будущий год эти книги принесут вам больше пользы, чем теперь, будете читать урывками. Что вам за охота браться за Гегеля?[3] Конечно, я его не // л. 47 об. читала, но насколько слышала от людей умных и образованных, он мне кажется далеко не заслуживающим предпочтения перед другими философами. Его теории говорят туманны и нового в них вы ничего не узнаете; время увлечения Гегелем (40-е года) прошло. Мне кажется Кант[4], Спиноза[5], Локки[6], более заслуживают, чтобы их читали. Tenu you snu you[7] моя поговорка, и по-моему, если заниматься философией, так уж начинать с Сократа[8] и Платона,[9] а такое поверхностное чтение много ли пользы вам принесет? Не буду говорить, не сердитесь за совет, но надеюсь, что, если он вам не по душе, вы его оставите без последствий и напишите мне прямо. Уж если читать вам теперь, так принимайтесь за историю. К тому же долгое сидение по ночам повредит вашему здоровью, оно не настолько крепко, чтобы об нем не думать.

// л. 48. Вашим последним письмом я не довольна, во-первых, вы ничего не пишите про здоровье вашего отца, во-вторых, вы написали мне раньше, чем я позволила, в-третьих, в-четвертых будет дальше. Ждите наставлений от старушки, вот я какая злющая, вы, пожалуй, и недовольны такой посестримой, которая все ворчит? Сами виноваты, слушались бы; про отца вашего вы мне напишите в следующем письме, которое должно прийти ко мне 1-го, 2-го октября, никак не раньше, уж коли я так говорю, значит так надо, неужели бы я не желала получать от вас хоть по два письма в неделю? Но во-первых: les qu′en dira t on?[10] Глупо, но делать нечего, во-вторых, ваши занятия; никто дома не говорит против нашей переписки, но если она будет слишком жива, могут сказать, и нечего будет возразить, а я // л. 48 об. не хочу, чтоб могли что-нибудь сказать. И так два письма в месяц, а я буду писать вам чаще, если вы будете умник и у меня будет время, я и сейчас пишу вам ночью. Склад отнимает у меня два дня в неделю, хотя я собственно мало приношу там пользы, потом школа, собственное обучение,

[1] Текст написан на полях страницы справа.

[2] Текст написан на полях страницы слева.

[3] Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ, один из творцов немецкой классической философии.

[4] Кант Иммануил (1724—1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии, стоящий на грани эпох Просвещения и романтизма.

[5] Спиноза Бенедикт (урождённый Барух Спиноза 1632—1677) — нидерландский философ-рационализм и натуралист, один из главных представителей философии Нового времени.

[6] Локк Джон (1632—1704) — английский педагог и философ, представитель эмпиризма и либерализма. Способствовал распространению сенсуализма. Его идеи оказали огромное влияние на развитие эпистемологии и политической философии. Он широко признан как один из самых влиятельных мыслителей Просвещения и теоретиков либерализма.

[7] Береги себя — с фр.

[8] Сократ (470/469 г. до н. э. — 399 г. до н. э.) — древнегреческий философ, учение которого знаменует поворот в философии — от рассмотрения природы и мира к рассмотрению человека.

[9] Платон (между 429 и 427 г. до н. э. — 347 до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля.

Платон — первый философ, чьи сочинения сохранились не в кратких отрывках, цитируемых другими, а полностью.

[10] Что скажешь — с фр.

шитье на раненых, время летит, а я почти ничего не делаю.

Ну теперь третье предостережение: не извольте говорить про мое имя: Святое имя! С чего вы это взяли и какая ваша цель? Препод[обная] Евгения[1], конечно, была святая, но не резон это считать это имя святым; что вы этим достигнете, вас будут беспощадно дразнить, неужели же это вам приятно? Не лучше ли было сказать, что это имя вашей хорошей знакомой, которая вам симпатична или что-нибудь в этом роде, конечно, не нужно объяснять С.Н. про вашу посестриму, как // л. 49. все есть на самом деле, но зачем дать ей возможность думать, что тут что-то другое? За уши вас надо, вот то четвертое замечание, пожалуй, и нельзя назвать таким, что скорее разногласие во мнениях и разногласие (какова*), какого я не ожидала. Меня возмутила ваша фраза : «Крымская война ничего для нас не сделала, мы уснули, народ не хочет идти вперед!»[2] И это про наш геройский, самоотверженный, долготерпеливый народ! Как не сделала ничего Крымская война? А госпитали, а Общест[во] Крас[ного] Креста, а вообще участие, а всенародные жертвы — это ничего? Разве спит народ, который отдает свою последнюю копейку и последнюю каплю крови за дело, которое он считает святым? Неужели это правительство, а не народ, эти герои, которые гибнут под Плевной?

// л. 49 об. О, если вы не хотите со мной браниться, не трогайте мой народ, не взводите на него напраслины, не обвиняйте его в том, в чем виновато правительство и наше милейшее цивилизованное общество с туркофильствующими дамами, с интендантскими чиновниками, которые набивают карманы, с тупейшими генералами, которые или не дают подкреплений, или ведут в штыки, на ура своих солдат против втрое сильнейшего неприятеля, или пропускают 10-тысячную[3] крепость в окруженную крепость. Это народ делал? Народ несет все тягости войны, все отдает, все терпит и про него же еще говорят: Он спит! Руки дрожат, не могу писать спокойно, огорчила меня ваша фраза, огорчила до глубины моего русского сердца. Я сама из народа, мой прадед землю пахал и вышел в люди своим умом, своей // л. 50 честностью, своим образованием. И не он один, тысячи таких выходили из народа и не спит он, он молчит, а если заговорит… Разве наше правительство, наша администрация, петербургская, понимает этот народ, на который смотрит с презрением, разве оно знает его нужды и страдания, живет его жизнью? У нас общество —то все врозь с народом, он нас и не понимает; но поверьте, нет умнее, способнее и лучше народа, как наш; облегчите его страдания, просветите его ум, улучшите его положение, и вы увидите, что гуманные нации Европы, умные и цивилизованные, покажутся варварскими перед гуманностью, здравым смыслом, талантливостью нашего народа. Если б Крымская война прошла бесследно, откликнулись ли бы все русские сердца на призыв страждущих братий, стал ли бы народ желать войны, которая // л. 50 об. всею тяжестью падает на него? Да, удивила и огорчила меня ваша фраза, дай Бог, чтобы вы ее более не повторили с убеждением; всех браните, народ не трогайте, в нем сила и будущность России, поверьте, он лучше нашего общества. Надеюсь получить ответ на мой горячий протест, от души желала бы, чтобы вы были со мной согласны; больно мне, когда дорогие мне люди бранят то, что для меня дороже всего: мой народ! Но довольно. Мама с Соней приехали 9-го, не знаю, где будут жить, Соня вам пишет и будет писать, если вы ей обещаете про это никому не говорить, можете писать ей в письмах ко мне. Ну до свидания, я вам может напишу до 1-го октября, но вы пишите мне всегда к 15, и к 1-му. Жаль мне, что сегодня между нами такой диссонанс, но что делать. Стихи ваши прелестны, Христос с вами, любите, цените наш народ и вас еще больше полюбит ваша Посестрима.

Берегите свое здоровье, не утомляйтесь[4].

№ 11

// л. 51. 24 сентября 1877 г. Симонов.

Пожалуй, мое последнее письмо огорчило вас, взволновало, наверное, и зная это, зная также, что вам очень хочется получить поскорей еще письмо, я решаюсь побаловать вас. Не надейтесь, впрочем, что я буду всегда писать вам каждую неделю, этого обещать не могу. Вспоминая мое последнее письмо, я думала, что, пожалуй, многое в нем покажется вам резким, несправедливым, жестоким, я писала его не с спокойным духом, все мое сердце перевернулось, когда я прочла ваш отзыв о русском народе и с горяча написала я это письмо; но теперь, обдумав серьезно, много раз перебрав в уме свои выражения, я должна сказать, что написала бы и сию минуту тоже самое, а, пожалуй, еще резче и горячее.

---

[1] Евгения Римская — раннехристианская мученица, пострадавшая в Риме ок. 262 года н. э. Почитается православной и католической церквями.

[2] В «Лекциях» С. Ф. Платонов войну называет «знаменитой Крымской кампанией» (Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Москва : Высш. шк., 1993. С. 543). других оценок не дает.

[3] Тысячный — в письме.

[4] Текст написан сверху страницы.

// л. 51 об. Я была бы очень счастлива, если б вы переменили ваш образ мыслей, научились понимать и ценить русского человека, русского мужика, солдата, этих героев как в ежедневной жизни, так и на поле сражения. Не разлюблю я вас за различие взглядов, но теснее и крепче была бы наша дружба, если б такое серьезное чувство, как любовь к моей родине и своему народу было у нас одинаково горячо, если б наши воззрения не шли врозь. Какие ужасные сегодня газеты! Атака на Ягны[1] признана несвоевременною, а между тем 2000 человек погибли! Что же это такое, наконец, что за люди наши генералы, наши «власть имущие», или они не жалеют русской крови, или они ничего не понимают. Не могу и не хочу верить нашему конечному пора- // л. 52 жению, это невозможно, но война затягивается, народ страдает и материально и нравственно, гибнут тысячи и — неужели все это даром? Неужели же мы не добьемся свободы Славян?

Простите, я может быть особенно грустно настроена сегодня, но третьего дня я получила известие, что мой хороший знакомый (я его знала с детства), Вася Павлов, раненный под Плевной, умер в госпитале в Яссах. Ему было 27 лет, личность мягкая и чрезвычайно симпатичная; если б вы знали, как мне его жаль! Я все вижу его лицо, как он смеясь приглашает меня на вальс и вспоминает наши детские игры. Грустно. Да и вообще что-то грустно. У нас мама и Соня, мама не здорова, хандрит, она терпеть не // л. 52 об. может Симонова и ей все здесь не нравится. Неизвестно еще где они будут жить, в Москве ли, в Петербурге или у нас; право не знаю, чего желать, как мне не отрадно с Соней, а иногда подумаешь, уж не лучше ли им уехать. А с Соней мне хорошо; ее не будет, я опять останусь одна, как меня не балует дома, все же бабушка и тётка мне не товарищи. Соня получила ваше поздравительное письмо, благодарит вас и кланяется, сегодня нет приписочки, но вы, конечно, получили ту, которая заключена в моем письме. Помните, что она для вас одних, как и мои письма. Не сердитесь за эти повторения, я вам верю. Я никуда не езжу кроме Склада, остальные дни учу в школе и учусь, Соня тоже ездит со мной в Склад.

// л. 53. Я геометрии не учусь, Сережа не привез книг, а только физике и английскому языку у Сони прежде училась, но забыла, хочу вспомнить; значит, немного за раз; читаю я исторические сочинения по большей части, надо же что-нибудь читать или еще серьезные статьи в журналах, романов никаких; собираюсь вот только прочесть из легкого: Le trois contes Flaubert[2], фантастические рассказы, хорошая вещь. Искусство в связи с общим развитием культуры Каррьера, которые я с трудом одолеваю теперь, вещь серьезная, объемистая, не всегда легко читающаяся, но вполне стоящая чтения; надо вдумываться в эту философию истории, этот титул был бы вернее; но можно приобрести из этого сочинения много полезных сведений, не знаю, совладаю ли я, а хотелось бы, умно уж очень!

// л. 53 об. Екат[ерина] Ив[ановна] заставила своим поведением нас с Соней держаться с нею начеку; она хитрит, вызывает на откровенность, выведывает и тем внушает недоверие; кроме того, у нее есть одна манера, которая на меня всегда неприятно действует, она льстит в глаза. Если вы когда-либо ее увидите, предупреждаю вас, будьте осторожны; она не глупа, получила институтское образование, читала все больше романы, много веселилась, кокетка, наивничает и вскрикивает как институтка и вообще довольно хорошо сохраняет на себе корочку «барышни», под которой, вы сами знаете, как трудно добраться до человека. Она не злая, и не глупая девушка, но, если б у нее было больше искренности и простоты, она бы мне больше нравилась.

// л. 54. Чувствую, что мое письмо бледно, но что же делать: «Я сегодня печально настроена», хандрю и вы, как побратим, не будете в претензии за неинтересное письмо, но и не огорчайтесь молим дурным настроением Духа; что делать, война на всех действует грустно, надо уметь терпеть и покоряться. Вы чай, дорогой побратим, мучаете себя работой, похудели и позеленели: вас опять надо будет откармливать летом, когда мы с вами увидимся. Пожалуйста, не мучайте себя, хоть для двух ваших друзей — сестер, им обеим будет больно, если вы станете хворать. И к чему вы вздумали читать фельетоны? Только время отымает.

// л. 54 об. Напишите мне про здоровье вашего отца и побольше про себя. Мой привет мамаше. Кончаю письмо, потому что устала: Христос с вами, дорогой побратим, будьте умник и пишите ко 2-му октября, не раньше, вашей Посестриме.

P. S. Портрет я вам подарила, я могла его отдать только другу и пока вы не откажитесь от этого имени, он ваш.

// л. 55. 3 октября 1877 г. Симонов.

Нет! Ни бранить вас, ни читать вам наставлений я не стану, или вы думаете, что ваша

[1] Ягны: Большая и Малая — две горы хребта Аладжа (в Карской области); они представляли левый фланг передовой позиции турецкой армии Мухтара-паши на Аладжинских высотах.

[2] Три рассказа Флобера — с фр.

посестрима только и умеет что ворчать и браниться. Жаль мне очень, что огорчила вас, мой бедный друг, простите же вашу вспыльчивую посестриму, постараюсь более никогда не огорчать вас; если б вы знали, как отзывается в моем сердце всякая ваша малейшая печаль и как я сочувствую и разделяю ваши огорчения и страдания. Соня пишет вам правду, письмо ваше меня огорчило, кроме известия о несчастной двойке, о вашей хандре, весь тон этого письма был мне не по душе; в нем чувствуется, что вы или что-то не договариваете, или, пожалуй, даже мною недовольны. Если вы на меня сердитесь, и я вас огорчила, я готова еще раз по // л. 55 об. просить у вас прощения, это ничего, если мы будем ссориться, но ведь надобно и мириться, это укрепляет дружбу, если вы что-нибудь от меня скрываете, я вас не понимаю. Знайте, я пишу эти слова обдумав их в течение целого дня, вы не можете ни подумать, ни чувствовать ничего такого, что бы не могли написать и что может заставить нас разойтиться; я к вам уж никогда не изменялась, и чтобы у вас не было на душе, пишите этой вашей посестриме, верьте, несмотря на строптивость ее нрава, у нее найдется достаточно и снисходительности, и любви, и теплоты душевной, чтобы суметь и утешать, и поворчать на вас, любя, а под конец и приласкать побратима. Вы не одни, этого вы писать не можете, у вас два верных друга, а пока ваше сердце еще никому не отдано, дайте его нам с Соней, мы его поделим и сбережем и уж, конечно, не станем играть и бросать это сердце.

// л. 56. Любить вам хочется, кто не знает этого чувства, и я ли стану над ним смеяться или бранить вас за него. Но чего вам спешить? Вам ведь только 17 лет, правда и ум, и сердце ваше старше, но что же пора придет и узнаете вы «и радость свидания, и слезы разлуки» дай Бог, чтобы не были горькие слезы. Вашему брату 20 лет, это разница. А как вы думаете, каково тем, которые имели несчастье или счастье любить и это счастье мгновенное, мимолетное исчезло навсегда, слушать радостные рассказы о любви? Каково иногда не живши, отжить? Положить всю свою душу в одно чувство и потерять того, кому отдало это чувство, потерять навсегда, безвозвратно, не выпить вполне кубок счастья, только коснувшись его губами, только предвкусив счастья любви, не насладившись им? Сказать все кончено… Мне 23 года, по правде сказать, на лицо и меньше, я не жила еще, а // л. 56 об. Бог весть придется ли мне жить? Не воскреснуть опять прежнему чувству, не вернуть пролетевшей юности и что же впереди?…. Жизнь без любви такая скука, проза, а любовь дала мне больше страданий, чем счастья, а мудрено любить мне в другой раз. Не свежести, ни горячности первого чувства не может уже быть, а видите ли я не ропщу, только изредка хандрю, а не грешно ли вам это делать? Хандрить и думать до двойки, побратим, когда может быть счастье на пороге, а если и не на пороге, то все-таки оно несомненно впереди, вы не минуете общей участи, придет пора и за новым чувством, за новыми впечатлениями забудете вы все и всех, и друга, и Соф[ью] Юр[ьевну] и вашу посестриму, которая вас так горячо и бескорыстно любит. Я не огорчусь этим, это понятно, если б я и полюбила, к вам я не изменюсь, а вы же… да что говорить, дай Бог чтобы вы полюбили человека, а «не первую любовь»!

// л. 57. Меня огорчило еще известие о двойке, скажите, ведь вы не захотите более огорчать вашу посестриму, порадовать ее не мешает, ей так часто тяжело и грустно. Дни идут однообразно и только масса занятий, усиленный умственный и иногда физический труд не дают задумываться, за что слава Богу. Война, политика терзают мое сердце; я решила больше об этих предметах не говорить. Сегодня из Склада заехали мы за мамой в госпиталь, где она дежурит и ходили с Соней по палатам. Я и сейчас вижу эти измученные страдальческие лица! Боже мой, вот где истинное страдание и если подумать, то у каждого этого солдата есть еще мать, сестра, жена, которая живут его жизнью и страдают его страданья, становится совестно за свои мелкие страданица и мизерную хандру!

// л. 57 об. А как подумаешь, что, если бы наши генералы иногда бы подумали бы о своих солдатиках, многих бы этих жертв не было, становишься такою злою, что хоть драться. Порой мелькнет эгоистическое желание себе удовольствия, развлечения, отдыха от грустных мыслей и тяжелых впечатлений и тотчас же укоряешь себя за такой холодный эгоизм. Признаюсь, хотя это и стыдно, и мне, и Соне приходило на мысль, во время нашей тихой, серьезной жизни: Хорошо бы повеселиться, хорошо бы иметь хоть небольшой кружок молодежи, но лучшее средство от этих мыслей — поездка в госпиталь.

А мне с Соней может быть даже предстоит soirée dansante[1] у Сережи Попова в субботу, он празднует свое рождение, 19 лет, а глупости хватит на 90 человек! Удивляюсь // л. 58. ему, никаких серьезных интересов, никаких глубоких чувств; его даже война не интересует. Бывает он по четыре раза в неделю в театре, ухаживает за актрисами, а попросите у него рубль на табак раненых, пожалуй, не даст. Если буду на вечере,

[1] Танцевальная вечеринка — с фр.

опишу вам его подробно, но может быть теперь и не поеду; смерть Ридигера[1] помешает. Г-н Тесс все по-прежнему; он прелестно играет на фортепиано и вчера целый вечер утешал нас, человек он хороший и даже с идеальными стремлениями, умный и симпатичный, он доктор, следовательно, не может быть не образован, вообще он мне нравится и будь он русский, может быть, кто знает чего бы не могло быть?… Теперь я, каюсь вам, побратим, прошлым делом, иногда кокетничаю, что делать, такая уж я гадкая.

// л. 58 об. Ни Танеев, ни Масловы еще не приезжали, жду их с большим нетерпением. Я ровно никуда не ездила это время, исключая Склада, остальное время делила между школой, чтением и шитьем на раненых. Наша школа мало-помалу входит в должную колею; Екат[ерина] Ив[ановна] очень добросовестно исполняет свои обязанности, учит порядочно, жаль только, что она немного вяла, и в ней нет горячего интереса к ее делу. Я учу в маленьком классе, изучение звуков подвигается, хотя медленно, но все вперед и, хотя мне довольно хлопот с моими ребятишками, я их так люблю, что не хочется с ними расставаться. Читаю я Каррьера, вещь хорошая, серьезная и над ней можно и подумать; скоро кончу первую книгу: а что ваши занятия философией? Что вы читаете вообще?

// л. 59 Меня не пускают в госпиталь работать, а мне очень хочется, теперь я сильна и здорова и совестно жить, не принося пользы. Мне все неудачи были на днях, правда все маленькие, но их много; у нас очень грустно было сегодня, Ридегер, мой дядя, женатый на Антошкиной сестре, умер в Париже, оставив жену и четверых детей без всяких средств к существованию! Вот так горе! Его везли в Ментон, он уже давно был болен и вот конец. Мне ужасно жаль его бедную жену и дедушку с бабушкой Гизетти. Моя бабушка очень огорчилась. Могу сказать теперь вполне искренно: «Гляжу на будущность с боязнью, гляжу на прошлое с тоской»[2]; что в будущем? Мама живет у нас и, как мне кажется, не уедет никуда в течение зимы; жаль мне, что вы не увидите Соню, // л. 59 об, но я все-таки рада, что она со мной, знаете вместе, как-то легче переносишь грустное, есть с кем поделиться. Да вот поэтому то вы и должны хандрить, а если грустно писать мне, письма могут быть вроде дневника, а почты бояться нечего, 12 страниц отлично проходят с одной маркой. 16-го числа буду ждать письма, может начать писать хоть завтра, но не присылайте раньше: я напишу вам еще, а теперь еле держу перо от усталости, мы с Соней обедали сегодня в 7 часов, с утра, не евши и немного приустали. Не верьте ей, я вас не ревную теперь, а только прошу любить вашу неизменно верную Посетриму.

P.S. поклон мамаше: Маркиза меня вчера очень больно оцарапала, она бедовая.

По вертикали на полях

Христос с вами, берегите свое здоровье, желаю 10 пятерок[3].

№ 12

// л. 60. 15 октября, 1877 г. Симонов.

Я виновата перед вами и наказана, обещала я написать вам второе письмо; все откладывала, ленилась, решила было ждать вашего ответа, когда сегодня вдруг услыхала, что вы не здоровы и, конечно, испугалась и почувствовала угрызения совести. Не очень сетуйте на меня за несдержанное слово, мне еще хуже от него, чем вам. Ваша тётя писала моей, что вы не здоровы от усиленных занятий, неужели это правда? А если правда, то какое право имеете вы теперь рисковать своим здоровьем и доставлять беспокойство вашим близким? Бабушка велит вам сказать, что вы не должны себя мучить ученьем, а то «он слишком заучится и перестанет быть таким милым, как теперь», вот ее собственные слова. Пожалуйста, берегите себя, если б вы знали, как всякое ваше огорчение, ваша болезнь тяжело ложатся на вашего друга, вы бы не стали огорчать его. Переписка с вами, одно из самых отрадных занятий для меня теперь, в особенности, когда я знаю, что вам хорошо и вы здоровы. Будьте же умником, как в Харине…

//л. 60 об. Теперь вам надо рассказать про наше житье-бытье; на вечер, на который мы с сестрой собирались, мы попали и очень веселились; это был детский почти вечер, много было девочек лет 13, 14, но были и большие, в том числе мы с сестрой и наша Екат[ерина] Ив[ановна]. Кавалеры

1 Ридигер Александр Егорович (1843 — 1877) — (сын Е. Ф. Ридигера (1811—1848) — штабс-капитан конной артиллерии, был женат на Маргарите Федоровне, урожденной Гамбургер (1827—1896)) — коллежский советник, окончил Училище правоведения, служил присяжным поверенным в С.-Петербурге, был женат на Евгении Германовне Гизетти (1842—1915).

2 Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать — что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей (М. Ю. Лермонтов).

3 Текст написан на полях страницы.

были гимназисты, техники, студенты и очень маленький-прегаденький гусар, которого мы с Соней избегали как отеческого наставления, так он был нам не по вкусу. Сказать правду, я веселилась (несмотря на 23 года), как девочка, плясала до упаду, до головокружения; в котильоне мне пришлось превесело поболтать с моим кавалером, некоторые кадрили были приятны, а ужин вышел премилый. Мы с Соней устроились вместе с нашими кавалерами на одном углу стола, partie carre′e[1] (у меня был тот-же, что и в котильоне), и в шутливом перебивании, полунамеками a′ la marquise[2] прошел ужин. Сонин кавалер был очень красивый, умный, остоумный брюнет, что называется бедовый, но веселый и любезный; Он называл себя Демоном, желал на него походить, и чтобы напомнить Соне приятный вечер, я на днях как-то нарядилась и гримировалась a′ la Демон. Мой кавалер был не красивый, но очень умный студент-медик, совершенно Шекспировский Бенедикт, // л. 61, как я и назвала его, чем очень заинтересовала. Бедному крошке-гусарику много досталось от насмешек от наших кавалеров и по делам. Мы были с Соней вдвоем и вернулись домой в Симонов четверть шестого, конечно, у нас был провожатый. Сережа был не так глуп, как всегда, а главное, делал все, что мы хотели. Я очень рада, что была на этом вечере, хотя мне сперва было совестно танцевать в такое грустное время, как теперь, но это небольшое развлечение было мне просто необходимо; всю осень, конец лета я или работа в Складе и дома на раненых, или читала серьезные вещи, слышала только разговоры о войне, о раненых, убитых, да и дома у нас было так невесело, что на меня нередко находила невыносимая грусть, а несмотря на мой живой и веселый характер, а может в вследствие его, мне было тяжело такое погружение в одни мрачные предметы. Я положительно прихожу к заключению, что не будь смеха, на свете хоть и не живи; если б от всего грустного плакать, слез не хватило бы, а они еще, пожалуй, не раз понадобятся. Не думайте, что я хандрю, нисколько, я сегодня веселее обыкновенного, победа в Азии и под Софией придают мне бодрости и веселья; если я пишу так, это потому лишь, // л. 61 об. что постоянно нахожусь под гнётом отношений с матерью, к которым сколько не живи не привыкнешь. Я может быть виновата, что люблю бабушку и тётку, пожалуй, горячее ее, но знаете ли вы, меня мать никогда не называла «милая дочь» и никогда, никогда не ласкала. Что делать! Может вам хочется знать, чем я теперь занимаюсь, извольте, побратим: учу я в школе, у меня младший класс, состоящий из двух отделений, маленького с которым проходишь звуки и старшего, которое читает первую часть Родного Слова. В те дни, когда я ездила в Склад, тётя заменяла меня; теперь я в Склад ездить больше не буду, потому что там дела мало, а теперь явилось слишком много охотниц приходить туда болтать и болтаться; ни того, ни другого я делать не намерена и представляю это другим, а сама буду работать на раненых, так дома. Учусь я по-английски почти ежедневно и очень усердно, я ребенком училась по-английски два года и теперь мне легко. Каждый день понемногу читаю физику, ничего кое-что соображаю. Прочла я первую часть Каррьера Искусство и восхитилась, послала в библиотеку за второй прислали V-ую я было хотела менять, но увидев, что начинается она XVII- м веком, Спинозой, Лейбницем[3] и Ньютоном[4], решилась читать ее; эта книга — // л. 62 вещь хорошая, и я смело могу рекомендовать ее вам, только не теперь, а в университете, когда у вас будет свободное время. Каррьер, начиная с самых древнейших времен и кончая современными романами, музыкой и живописью, проходит всю историю развития искусства, или вернее историю мышления и переход идеалов человечества со ступени на ступени до их теперешнего состояния. Вы скажите, что, пожалуй, теперь идеалов нет, это, пожалуй, правда относительно многих, но вообще идеалы исчезнуть не могут, пока не все человечество обратилось в торгашей и педантов. Над Каррьером приходится думать, да и слава Богу. Наша Екат[ерина] Ив[ановна] окончательно потеряла наше с Соней доверие, она очень двулична и постоянно старается сказать шпильки, в особенности мне, прикидывается невинностью, а я думая нас с Соней, которые не prudes[5] и ни чем не прикидывается, далеко превзошла в знании жизни. Это барышня: Ох! Ох! Но глупая. Она сердится на нас за вечер у Поповых, но ведь мы не виноваты с Соней, что за нами ухаживали, что мы много танцевали, большее ее и всех других, хотя она знала всех кавалеров, а мы почти никого. Согласитесь, ведь мы не виноваты?

// л. 62 об. Соня велит вам кланяться и сказать, что она очень сожалела на вечере, что вас не было

[1] Квадратная часть — с фр.

[2] На маркизу — с фр.

[3] Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716) — немецкий философ, логик, математик, механик, физик, юрист, дипломат, изобретатель и языковед. Основатель и первый президент Берлинской Академии наук, иностранный член Французской Академии наук.

[4] Ньютон Исаак (1642—1727 гг.) — выдающийся английский ученый, один из создателей классической физики.

[5] Ханжи — с фр.

(и я тоже), просит вас не очень много учиться, чтоб обеим сестрицам не было так совестно в вашем присутствии и просит беречься.

Это письмо, вероятно, разойдется с вашим, если нет отвечайте скорее, если же да, ждите до 1-го ноября. Я на этот раз скорее отвечу вам, а то мне право было некогда, кроме вышеупомянутых занятий я еще шила сама себе платье и торжествую теперь, потому, что оно вышло восхитительным. Не смейтесь над этим, ведь это тоже занятие, платье почти любимого вашего цвета, синего, и сделано по моему вкусу, очень просто, но изящно. Ах Бог мой! Я молодому человеку пишу про тряпку, что значит тряпичная натура барышни! На днях буду у вашей тёти; хорошенькая кузина ваша с прелестными глазками, постоянно читает наши книги, я выбираю и цензуру держу: одну часть Пушкина не дала. Пишите побольше про тебя, что ваша жажда любви еще не удовлетворилась, смотрите пишите правду. А верно ее вашего брата зовут Евгенией; это верно та, про которую вы писали, что она его друг? Не хандрите, будьте здоровы, помните друзей. Мой поклон мамаше. Marquise.

P.S. Уж не влюбились ли вы? Кто она? Мне-то сказать можно.

№ 13

// л. 63. 20 октября, 1877 г. Симонов.

Беда мне с вами, побратим, просто беда, только станешь думать вот он, наконец, успокоился, наконец, ему хорошо, как получаешь известие о новых напастях. C'est la vie! Il faut s'y faire![1] Если поступок В. Л[аткина] вас не очень огорчает, то я очень этому рада, по горьким опытам знаю, как больно разочаровываться в друзьях; по описаниям вашим, он давно казался мне эгоистом, но прямо высказать вам этого я не решалась, да и теперь не стану этого утверждать.

Может быть и вы, по очень понятному чувству оскорбленной дружбы, придали слишком серьезное значение его поступку и В. Л., написав письмо вашему брату, и не думал, как дурно он поступает. Не согласны ли вы с тем, что тот же поступок можно назвать иногда подлостью, а иногда просто неделикатностью, смотря по тому, кто его сделает. Иному человеку не дано тонкого чутья в самых несложных отношениях, а другой, более развитой, более впечатлительный сумеет и в щекотливых отношениях не затронуть самых тайных, нежных и чувствительных струн сердца другого. Что же делать, если это иному не доступно, как музыка, лишенному // л. 63 об. слуха? За это еще строго судить человека нельзя, а если вы думали, что у него слух есть и ошиблись, то кто же виноват? Я не спрашиваю Латкина, но не слишком ли вы строго его судите? Впрочем, чтобы с вами не было, какие горести не постигали вас, знайте всегда, что у вас в Москве два верных друга и посестрима, которой все, без исключения, можно рассказывать и которая, пожалуй, и поворчать на вас en tête à tête[2], но, конечно, ничего никому не расскажет и никогда вас не разлюбит. Будьте, умник, берегите свое здоровье и не принимайте к сердцу мелких житейских дрязг, а то, когда придет пора и настанет[3], вам ни для того, ни для другого сил не хватит.

Очень жалею, что Кетриц поглупела, влюбиться в нее я вам не желаю, но поухаживать иногда за миленькой барышней даже для уроков полезно. Неужели она и вальсировать разучилась? Мне помниться, что это она хорошо умела делать. Если ваша черноокая кошка лучше fides[4]; то моя маркиза, вероятно, перед ней красавица, нос у нее розовый, уши тоже, а глаза зеленые, как у меня, но они иногда темнеют и делаются совсем черными, что очень мило.

Ваше последнее письмо довольно нежно, // л. 64. если тут хоть немного подействовала Соня, на приписочке о моей ревности, то я надеюсь, что подобных писем вы мне более писать не будете; подаренного чувства, на сколько вы меня любите, на столько и говорите это, если б я вас даже и не ревновала к другим друзьям, то не такая я женщина, чтобы удовольствоваться словами; лучше один маленький алмаз искренней приязни, нежели целая parure[5] стразовых любезных фраз. Вы опять скажите, что я на вас нападаю, что я подозрительна, но право, если у вас и закралась, невольно фальшивая нотка в ваше письмо, пусть она будет последней. Et suri ce, chev makgius, voila ma main et paix![6] С чего вы вздумали, что я много занимаюсь, я вам пишу все что я делаю, но это только в письме кажется таким значительным, а в сущности — ничего. Вчера я целый день ничего путного не сделала, т. е. полезного, потому что наносила визиты, а вечером была в театре и наслаждалась пением Nilson[7] и Мазини[8]

---

[1] Это жизнь! Это должно быть сделано! — с фр.

[2] Голова к голове — с фр.

[3] Дальше три слова на иностранном языке не разборчиво.

[4] Вера — с лат.

[5] Набор — с фр.

[6] И, конечно же, мама, вот моя рука и мир — с фр.

7 Нильсон (Nilsson) Кристина (1843—1921) — шведская певица (сопрано).

[8] Мазини Анджело (1844—1926) — итальянский оперный певец (тенор).

в Травиате[1]. Это оба мои любимцы, я предпочитаю Nilson Patto за ее осмысленное и прочувствованное пение и художественную игру; а Мазини это моя маленькая страсть, лучше и симпатичнее тенора, я не знаю, его голос берет за душу, // л. 64 об. и он вообще резко отличается от всех других теноров, у него некрасивая, хотя очень симпатичная наружность и совсем не сладкие пошло-нежные манеры. Страсти много и, пожалуй, резко выраженной, но эта-то кажущаяся неподдельность чувства и пленяют меня в нем. Он очень увлекается своими ролями и не боится испортить прическу в момент отчаяния, а иногда прехрабро дерет свои густые волосы. Онпрелесть! Я слышала его в прошлом году и до того им увлеклась, что достала себе два портрета с его подписью и они и сейчас стоят передо мной, вместе с портретом Nilson. Вчерашним спектаклем я очень довольна, очень! Видите, у меня не все серьезные занятия, есть и развлечения. Кстати о развлечениях, не могу умолчать о том, что у меня прелестная шляпа с двумя большими розами, я нарочно такую сделала, может быть вы догадаетесь, почему я люблю белые розы[2]. Ах, опять тряпки, неисправима, как женщина! Г-н Тесс бывает у нас реже, у него летом были лошади его отца, а теперь отец приехал и надо ездить на извозчиках, его капиталы, по-видимому, не соответствуют его чувствам, ибо чувства ничуть не изменились. Вчера я его видела и страсть как бесила, все говорила ему на спех и наперекор, а он // л. 65 еще отправился провожать меня чуть не на улицу, несмотря на холода и свою плешивую голову. Не думайте, что он стар, ему 31 год. Очень я люблю иногда подразнить человека, такой у меня скверный нрав. Сегодня я была на постоянной картинной выставке, снова смотрела картины Верещагина[3], в настоящие время впечатление, произведенное ими, еще тяжелые, и нашла там кое-какие недурные вещи. Я страстно люблю живопись, но, к сожалению, совершенно не имела теперь времени заниматься и завтра же начну опять рисовать. Еще мы были в госпитале для раненых с бабушкой, где я встретила Тихомирова и очень ему обрадовалась… Нечего стесняться, маркиз, Тихомиров все-таки не он для меня, да и будет ли еще когда-либо он у меня, вот вопрос?

Не люблю я являться в качестве дамы посетительницы в госпиталь, совестно приносить свое праздное любопытство, свое пассивное сочувствие этим страдальцам. Многие поправляются, из 88 трое умерли. Мама дежурит там, по моему мнению, эти дамские дежурства ни к чему не ведущие, если не вредная вещь. Впрочем, нет, ведущая к всеобщей перебранке дам, из которых каждая ничего не понимает и желает всех учить. Бог с ними!

// л. 65 об. Дела на театре войны меня радуют, дело у Аладжага[4] и близ Софии все-таки принесут нам несомненную пользу, хоть тем что подбодрят падающий дух общества и войска.

Молодец Гурко[5], он почти также мне симпатичен, как Скобелев[6]. Эх, кабы нам да побольше таких, да таких в Интендантство. Мосолов на Дунае, а теперь может быть под Плевной; он писал в августе матери, его бумаги еще не пришли, его не причисляли ни к какому отряду, и ему приходилось очень плохо, так как денежные средства его истощались. С тех пор известий нет, может быть, его уже убили, а жаль, он очень симпатичен и кто его знает, может быть со временем [станет][7] великим поэтом.

Но пора кончать, я страшно устала, не обещаю написать до 1-го ноября, но постараюсь; Соня сегодня не пишет, в другой раз, шлет вам свой привет. Берегите себя, не расстраивайтесь по пустякам, берегите свои и нравственные и физические силы, грустно станет, все напишите мне. Вы удивились веселому тону моего письма, разве вы забыли Хоринский смех; могу сказать про себя по справедливости: Кабы на горох, да не мороз, он бы и так перерос! Христос с вами, побратим, любите по-прежнему вашу верную Посестриму.

P.S. А недурно иногда повальсировать с Кетриц: А? Marguese

На полях по вертикали: *Больше право писать не могу, очень устала, побратим.*[8]

---

[1] «Травиата» — опера Джузеппе Верди на либретто Франческо Мария Пьяве по мотивам романа Александра Дюма-сына «Дама с камелиями» (1848).

[2] Подчеркнуто карандашом.

[3] Верещагин Василий Васильевич (1842—1904) — выдающийся русский художник-баталист, ещё при жизни получивший мировую известность.

[4] Двухуровневый скальный монастырь Аладжа (Болгария) насчитывает почти тысячелетнюю историю. В письменных источниках он упоминается очень мало, хотя существует с XII в.

[5] Ромейко-Гурко Иосиф Владимирович (1828—1901) — русский генерал-фельдмаршал, наиболее известный благодаря своим победам в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

[6] Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882) — русский военачальник и стратег, участник Среднеазиатских завоеваний Российской империи и Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

[7] Слово пропущено.

[8] Текст написан на полях страницы.

Список литературы

1. Брачев, В. С. Служители исторической науки. Академик С. Ф. Платонов. Профессор И. Я. Фроянов / В. С. Брачев. Санкт-Петребург : Астерион. 2010. 768 с.

2. Каррьер, М. Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества : в 5 т. Т. 1, 2, 4 / М. Каррьер ; пер. Е. Корша. Москва : Изд. К. Т. Солдатенкова, 1870—1874. 445 с. (Т.м1); 484 с. (Т. 2); 551 с. (Т. 4).

3. Колобков, В. А. Жизненный путь историка / В. А. Колобков // С. Ф. Платонов. Под шапкой Мономаха. Москва : Прогресс-Традиция, 2001. С. 465—502.

4. Митрофанов, В. В. О московских знакомствах С. Ф. Платонова в гимназические годы: побратим и посестрима (вступ. ст. публик., коммент.) / В. В. Митрофанов // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2019. № 2. С. 119—139.

5. Платонов, С. Ф. Анкета для нижегородского издания / С. Ф. Платонов // В. В. Митрофанов. Просветительская деятельность С. Ф. Платонова в Российской ппровинции. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 403 с.

6.Платонов, С. Ф. Автобиография / С. Ф. Платонов // Собрание сочинений : в 6 т. Т. 5. Москва : Наука, 2017. С. 187—213.

Сведения об авторе

Митрофанов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Университета при Межпарламентской ассамблее при ЕврАзЕС, Санкт-Петербург, Россия. *viktor-n1962@mail.ru*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 116—132.

Marquis and marquise: letters of E.N. Kalaidovich to grammar-school boy S.F. Platonov

V.V. Mitrofanov

University attached to the Inter-Parli amentary Assembly of the Eurasian Economic Community, St. Petersburg, Russia. Viktor-n1962@mail.ru

The article introduces the letters of Yevgenia Nikolaevna Kalaidovich, the granddaughter of famous in the first half of the 19th century N.S. Selivanovsky (Moscow publisher) and K.F. Kalaidovich (researcher of ancient Russian Slavic writing) into the scientific circulation. It is her family that the mature scientist would write warm lines about in his memoirs a few decades later. In the summer of 1877 she met S.F. Platonov, who was in his last year at gymnasium. The correspondence between the young people started. It makes it possible to see the forms and methods of the "beneficial" influence of the Moscow acquaintance on the emerging character of the future academician. The letters help us trace the style of their communication, see the problems of social development of Russia in the 1870—1880s. Brief information about the ancestors of the author's letters, her attitude to the events of the Russo-Turkish war (1878—1879), her circle of acquaintances and pastime are of interest. The letters allow judging about the requests of young Platonov, interesting poetic experiences, first serious feelings and experiences. Many details reveal the unknown pre-university period.

Keywords: *S.F. Platonov, E.N. Kalaidovich, Simonov, correspondence, poetic experiences, communication style, youth requests, social problems.*

References

1. Brachev V.S. *Sluzhiteli istoricheskoj nauki. Akademik S.F. Platonov. Professor I.Ya. Frojanov* [Ministers of historical science. Academician S.F. Platonov. Professor I.Ya. Froyanov]. Sankt-Peterburg, Asterion, 2010. 768 p. (In Russ.).

2. Karr'er M. *Iskusstvo v svyazi s obshchim razvitiem kul'tury i idealy chelovechestva: v 5 t. T. 1, 2, 4* [Art in connection with the general development of culture and the ideals of mankind: in 5 vols. Vol. 1, 2, 4] Moscow, Izdaniye K.T. Soldatenkova, 1870—1874. 445 p. (vol. 1); 484 p. (vol. 2); 551 p. (vol. 4). (In Russ.).

3. Kolobkov V.A. Zhiznennyj put' istorika [The life of a historian]. *Pod shapkoj Monomaha* [Under the Monomakh hat]. Moscow, Progress-Tradiciya, 2001. Pp. 467—502. (In Russ.).

4. Mitrofanov V.V. O moskovskih znakomstvah S.F. Platonova v gimnazicheskie gody: pobratim i posestrima [About Moscow Dating S.F. Platonov in the gymnasium years: brother and sister]. *Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii* [Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology], 2019, no. 2, pp. 119—139. (In Russ.).

5. Platonov S.F. Anketa dlya nizhegorodskogo izdaniya [Questionnaire for the Nizhny Novgorod edition], *Prosvetitel'skaya deyatel'nost' S.F. Platonova v Rossijskoj pprovintsii* [Educational activity S.F. Platonov in the Russian province]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State University, 2014. 403 p. (In Russ.).

6. Platonov S.F. *Avtobiografija* [Autobiography]. *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 5* [Collected works: in 6 vols. Vol. 5]. Moscow, Nauka, 2017. Pp. 187—213. (In Russ.).

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2020. № 1. С. 133—152.

DOI 10.24411/2542-0275-2020-0113

Уральское отделение Археографической комиссии Академии наук СССР: публикация источников из фонда историка В. Е. Четина

С. Д. Батищев
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Представленная публикация документов из фонда историка В. Е. Четина, связана с деятельностью Уральского отделения Археографической комиссии (УрО АК). Документальная коллекция позволяет раскрыть историю создания данной институции, процесс взаимодействия историков из разных уральских научных центров с целью сохранения историко-культурного наследия, способы координации научно-исследовательской работы по региональной истории. Публикуемые материалы дают возможность изучить подходы и методы УрО АК по реализации разработанной программы, которая была нацелена на создание научных изданий, ориентированных на разработку археографической, историко-архивной и источниковедческой проблематики, организацию археографических экспедиций, популяризацию истории Урала.

Ключевые слова: *Уральское отделение Археографической комиссии, личный фонд В. Е. Четина, историография истории Урала, Ф. С. Горовой, В. Я. Кривоногов.*

В Объединенном государственном архиве Челябинской области находится фонд известного уральского историка советского периода Василия Егоровича Четина (1922—2008). Этот фонд был образован еще при жизни ученого в 2004 г. Фигура историка и его научное наследие в последние несколько лет находит отражение в публикациях К. В. Алферовой [Алферова, 2018, 2019]. Поэтому мы не станем давать исчерпывающую характеристику его научной деятельности. Отметим только то, что в фокусе его исследований было рабочее движение в Пермской губернии, которому он посвятил свою кандидатскую диссертацию (1953 г.), а также проблемы истории горнозаводской промышленности, землевладения и землепользования горнозаводского населения Урала.

Наше внимание в этом фонде привлекли документы, связанные с созданием и деятельностью УрО АК при Отделении истории АН СССР. В историографии нет работ, насколько нам удалось выяснить, посвященных истории этой научной организации. Поэтому нам показалось возможным подготовить подборку документов из этого фонда, чтобы привлечь внимание специалистов к этой теме. Отметим также, что примерно в то же время создаются, помимо Уральского, еще несколько региональных отделений Археографической комиссии: Санкт-Петербургское, Сибирское (Новосибирск), Северное (Вологда), Южноуральское (Уфа).

Обратимся к истории основания УрО АК. В 1970 г. с инициативой его организации выступили пермские историки. Стоит заметить, что в это время Пермский государственный университет являлся центром исследований по истории Урала. Признанным лидером уральских историков тех лет являлся Ф. С. Горовой (1916—1973) [Мухин, Ошуркова, 1966, с. 241—257] — доктор исторических наук, профессор (1955), заслуженный деятель науки РСФСР (1966). Он и стал председателем Уральского отделения. Заместителем был выдвинут В. Я. Кривоногов (1911—1977) [Кривоногова, 1990, с. 75—84; Алеврас, 1986, с. 18—28] — доктор исторических наук (1964), профессор (1966) Уральского государственного университета, основатель кафедры историографии и источниковедения истории СССР (1974), представлявший научные интересы растущей корпорации свердловских историков Урала.

По замыслу учредителей Уральское отделение должно было включить 5 секций: пермскую, свердловскую, кировскую, удмуртскую и челябинскую. Основной целью своей деятельности в рамках данной структуры участники считали разработку проблем истории Урала, активизацию научных публикаций по региональной истории, введение в научный оборот документов архивов, разработку проблематики по археографии, источниковедению, вспомогательным историческим дисциплинам. Отдельной задачей стала организация археографических экспедиций (с 1974 г.), инициированных Свердловской секцией Уральского отделения [См.: Из истории духовной культуры, 1979, с. 2]. Выявление в горнозаводских районах Урала старопечатных и рукописных книг, их изучение и создание специального коллекционного фонда станет важнейшим результатом этого начинания.

Основным, но не единственным печатным периодическим изданием новой научной структуры,

стал «Уральский археографический ежегодник» (1970—1975 гг.), на страницах которого публиковали свои научные изыскания уральские историки того периода времени. Уральское отделение просуществовало до начала 1990-х гг., когда были распущены все региональные отделения Археографической комиссии [Манькова, 2004].

Но несмотря на то что формально Уральское отделение просуществовало до начала 1990-х гг., фактически пик активности пришелся на 1970-е гг., когда во главе его стояли Ф. С. Горовой и В. Я. Кривоногов. С их смертью деятельность организации снижается. Кроме того, в качестве одной из основных причин того, почему начинания отделения не получили широкого размаха, можно назвать отсутствие в ряде секций Уральского отделения (например, Челябинской) квалифицированных кадров ученых-археографов, источниковедов, которые могли бы качественно выполнять археографическую работу.

В 2003 г. инициативной группой исследователей была сделана попытка вернуться к былой традиции, и принято решение о возрождении УрО АК. Председателем единогласно был избран доктор исторических наук А. Г. Мосин, ученым секретарем — кандидат исторических наук И. Л. Манькова [Манькова, 2004, с. 293]. Согласно данным, представленным на официальном сайте историко-филологического отделения РАН (в структуре которого находится современная Археографическая комиссия), в состав Уральского отделения входит восемнадцать человек.

Обратимся к краткой характеристике публикуемых ниже источников. Их совокупность можно условно разделить на две группы.

Первая группа представлена перепиской историков. В неё вошло девять писем: от Ф. С. Горового, И. С. Капцуговича в адрес В. Е. Четина, как председателя Челябинской секции уральского отделения АК., а также одно черновое письмо самого В. Е. Четина в адрес Ф. С. Горового. Эти эпистолярные источники позволяют представить, как было организовано Уральское отделение, и Челябинская секция в частности, а также определить характер организационных аспектов, связанных с инициативами и деятельностью формируемой институциональной структуры. В подборку не вошли письма-приглашения на участие в научных конференциях, не связанных с деятельностью Археографической комиссии.

Вторая группа состоит из делопроизводственной документации, представленной семью документами. В нее вошли протоколы заседания Челябинской секции Уральского отделения АК АН СССР, отчет Челябинской секции о своей деятельности. Планы работы Уральского отделения, которые позволяют увидеть диапазон проблематики научных изысканий участников. В данную коллекцию вошел и список членов Уральского отделения (первоначальный, поскольку, естественно, он мог меняться со временем).

Хронологические рамки публикуемых документов ограничиваются 1970—1977 гг. То есть они относятся к периоду становления УрО АК, ее первым шагам приобретения археографического опыта изучения Уральского региона.

Представленная публикация выявленных источников является первой по данной тематике. Надеемся, что она не станет последней, и наши уральские историки-историографы и археографы поспособствуют как выявлению и публикации документов других подразделений этой научной структуры, так и исследованию ее истории и результатов деятельности.

I. Переписка

№ 1. Письмо Ф. С. Горового В. Е. Четину

Уважаемый Василий Егорович!

По инициативе историков Пермского университета, Бюро Археографической комиссии при Отделении истории Академии наук СССР, председателем которого является С. О. Шмидт, решено организовать Уральское отделение Археографической комиссии /подобно Северному в Вологде и Сибирскому отделениям/. Бюро Отделения истории АН СССР утвердило председателем Уральского отделения меня, а заместителем — профессора Кривоногова В. Я. /Свердловск/. Хотелось бы, чтобы в работу Уральского отделения Археографической комиссии включились и челябинские историки. Поэтому приглашаем Вас войти в состав Уральской археографической комиссии.

В случае Вашего согласия мы будем считать Вас уполномоченным Уральского отделения. Просим также взять на себя заботу пригласить к участию в этом деле других челябинских товарищей, могущих быть полезными своими знаниями и энергией.

Мы бы хотели видеть в числе членов комиссии Н. К. Лисовского, работников Челябинских государственного и партийного архивов /не обязательно руководящих, главное, непосредственно занимающихся археографической работой/ представителей краеведческого музея, областной библиотеки.

Одним словом, человек 5—6 от Челябинска было бы солидным представительством. Главное, чтобы люди были работающими и энтузиастами. С подобными же предложениями мы обратились к историкам Кирова, Свердловска и Ижевска.

Задачей археографической комиссии будет организация и координация работы по выявлению, сбору, изучению, публикации, передаче на государственное хранение письменных памятников как нашего прошлого, так и настоящего времени.

Мы предполагаем организацию археографических экспедиций, проведение конференций по источниковедению и историографии, публикацию материалов.

В качестве органа Уральского отделения будет издаваться «Уральский археографический ежегодник». Первый том ежегодника мы подготовили к печати еще до утверждения Уральского отделения. Сейчас нужно думать о 2 томе.

Надеемся, что начинание наше будет поддержано и Вы не откажетесь принять в нем участие. Состав Уральского отделения Археографической комиссии будет утверждаться на Бюро Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР. В списке необходимо указать фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, домашний и служебный адреса предлагаемых Вами членов.

Ждем от Вас, Василий Егорович, Вашего согласия, список челябинских членов и Ваших соображений по организации работы нашего отделения.

Желаем больших успехов и всяческого благополучия.

Председатель Уральского
Отделения Археографической
Комиссии, профессор Ф. С. Горовой

23.11.70 г.

ОГАЧО. Ф. Р.-944. О. 1.Д. 12. Л. 1—2. Машинопись.

№ 2. Письмо В. Е. Четина Ф. С. Горовому

Глубокоуважаемый Федор Семенович!

С некоторым запозданием отвечаю на Ваше письмо. Задержка произошла из-за праздников, когда никого поймать было невозможно.

В Вашем письме дана такая подробная информация об утверждении Уральского отделения Археографической комиссии, что задача моя была несложной. Я зачитывал основные его части и спрашивал согласие на включение кандидатов в список. Но это заняло все же несколько дней, так как приходилось искать товарищей в разных местах.

В окончательном виде список высылаю[1]. Возможно, я представил Вам кандидатов больше, чем нужно. Но все кандидатуры согласованы с Н. К. Лисовским, а также в Партархиве, и, главное, все они в той или иной мере активно занимаются изысканиями архивных документов и могут оказать практическое содействие работе Уральской Археографической комиссии.

Думаю, Федор Семенович, они будут работать по планам комиссии, если им будут даваться конкретные задания, доступные их силам и опыту. На первый случай, мы были бы благодарны Вам за сообщение нам плана работы комиссии на ближайшее время или пятилетие.

Здесь стало известно о создании Уральского научного центра АН СССР. Местом его будто бы избран г. Свердловск или его окрестности. Известно ли Вам что-либо о нем более подробно. Буде ли, например, у него Институт истории и в каком положении к нему будет поставлена Археографическая комиссия?

Вероятно, у Археографической комиссии Отделения истории АН СССР имеется какое-либо положение, определяющее ее структуру, задачи, формы работы, права и обязанности членов. Нельзя ли его от них заполучить для руководства к предстоящим действиям. Дело для всех нас незнакомое. Интересует нас и материальная база работы комиссии.

Одним словом, вопросов возникло немало и ответить на все удовлетворительно я был не в состоянии.

С наилучшими пожеланиями и горячим приветом.

Ваш[2]

8.12.70 г.

ОГАЧО. Ф. Р.-944. О. 1. Д. 12. Л. 3. Машинопись.

№ 3. Письмо Ф. С. Горового В. Е. Четину

Глубокоуважаемый Василий Егорович!

Приношу вам сердечную благодарность за согласие взять на себя хлопоты по организации

[1] Мы не стали дублировать этот список, поскольку он будет представлен в другом документе, приведённом ниже.

[2] Письмо не подписано. Но, его автор, безусловно — В. Е. Четин. Очевидно, публикуемое письмо представляет машинописную копию (отпуск).

Уральского отделения Археографической комиссии.

Присланный вами список кандидатов выглядит очень представительным, и мы надеемся, что Бюро Археографической комиссии утвердит его в полном составе.

О планах и статусе работы Археографической комиссии мы сможем Вам сообщить немного позднее, после того как состав Уральского отделения будет утвержден Бюро и мы выясним эти вопросы в Москве.

В отношении же планов нашего Уральского отделения все будет зависеть от нас с Вами. Очевидно, что в феврале сего года необходимо будет встретиться все уполномоченным Отделения и наметить конкретные мероприятия на 1971 г. Что Вы скажете о возможности Вашего приезда в Пермь в феврале?

Насущной задачей является подготовка второго тома «Археографического ежегодника», есть смысл провести конференцию по вопросам источниковедения и археографии. Необходимо подумать об организации археографических экспедиций по нашим районам.

Все эти вопросы нужно обсудить на нашей встрече. Ждем Ваших соображений по этому вопросу.

Примите наши новогодние поздравления и наилучшие пожелания.

С уважением
Председатель Уральского отделения
Археографической комиссии
доктор исторических наук,
профессор /Ф. С. Горовой/

[Январь] 1971 г.

ОГАЧО. Ф. Р.-944. О. 1. Д. 12. Л. 4. Машинопись.

№ 4. Письмо И. С. Капцуговича и Е. Н. Лукьяновой В. Е. Четину

Глубокоуважаемый Василий Егорович!

Направляем Вам стенограмму конференции «Тихомировские чтения 1970 года» и информационные материалы о работе нашего Уральского отделения Археографической комиссии. В связи с болезнью председателя Уральского отделения Ф. С. Горового не все мероприятия, намеченные на апрель — май 1971 г. нам удалось осуществить, в том числе и весьма необходимую встречу руководителей секций. Ее, видимо, целесообразно перенести на осень.

Мы провели организационное совещание членов Пермской секции Уральского отделения Археографической комиссии, избрали бюро секции и членов в бюро Уральского отделения, а также обсудили планы работы Пермской секции и Уральского отделения за текущий год.

План работы Пермской секции мы утвердили, а план работы Уральского отделения посылаем Вам на обсуждение.

Просим Вас провести подобное же организационное совещание Вашей секции.

Избрать на нем бюро Вашей секции и двух членов в бюро Уральского отделения, обсудить и принять план работы на текущий год. Просим также обсудить и прислать свои замечания на план работы Уральского отделения Археографической комиссии.

Хотелось бы, чтобы организационное совещание по вашей секции состоялось до летних отпусков, чтобы осенью мы могли подвести некоторые итоги работы, договориться о пленуме Уральского отделения для обсуждения перспективного плана на 1972—1975 гг.

В настоящее время мы представили наши наметки Археографической комиссии в Москву и с их замечаниями познакомим Вас в ближайшее время.

Просим прислать свои соображения и относительно программы издания «Археографического ежегодника» на 1972 г. Для второго тома сейчас собираются материалы. Условия пока следующие: объем не свыше 0,5 печ.л., в двух экземплярах, система ссылок постатейная. Издание должны оплачивать авторы. Стоимость печатного листа приблизительно 100 рублей. Списки статей просим прислать к 20 июня 1971 г., а сами статьи не позднее 10 сентября 1971 г.

Член бюро
Уральского отделения
Археографической комиссии
/доцент И. С. Капцугович/
Ученый секретарь /Е. Н. Лукьянова/

Июнь 1971 г.

ОГАЧО. Ф. Р.-944. О. 1. Д. 12. Л. 5—6. Машинопись.

№ 5. Письмо Ф. С. Горового и Е. Н. Лукьяновой В. Е. Четину и В. А Зориной

2 февраля 1972 г.

Глубокоуважаемые Василий Егорович и Вера Александровна!

С некоторым опозданием, за что приносим свои извинения, уведомляем Вас о положении наших Археографических дел. О получении протоколов и планов Челябинской секции мы уже Вам сообщали (в письме В. Е. Четину), также, как и о намерении созвать в декабре 1971 года пленум Уральского отделения. Но из-за различных осложнений созвать его в намеченное время нам не удалось. Воспользовавшись приездом в Пермь зам. председателя Уральского отделения В. Я. Кривоногова и председателя Свердловской секции Б. А. Сутырина, мы провели 27 декабря 1971 г. совещание бюро Уральского отделения, хоть и не в полном составе.

На заседании бюро обсудили отчеты и планы работы Свердловской, Пермской и Челябинской секции. О Челябинской секции, по присланным Вами материалам, докладывала Е. Н. Лукьянова.

Приняли решение одобрить представленные секциями планы и утвердить их, перспективный план на 1972—1975 гг. уточнить и дополнить в соответствии с секционными планами. На бюро договорились о совместной публикаторской работе, решили выпускать «Уральский археографический ежегодник» поочередно в Перми и Свердловске. Выпуск за 1971 г. готовит Свердловск, за 1972 — Пермь и т. д. Решили создать главную редакцию сборника, в которую входят Ф. С. Горовой, В. Я. Кривоногов, И. С. Капцугович, Б. А. Сутырин, В. Е. Четин, и рабочую редакцию для каждого выпуска. Ответственным редактором Пермского выпуска избрали В. В. Мухина, Свердловского А. Г. Козлова.

На бюро обсуждался также вопрос об организации Уральской археографической конференции. В оргкомитет от Вашей секции избрали В. Е. Четина, от Свердловской — В.Я . Кривоногова и пять пермяков, поскольку первую конференцию будем проводить в Перми. Срок конференции наметили на февраль 1973 года. После согласования с С. О. Шмидтом и Институтом истории всех вопросов по конференции сообщим Вам и договоримся о дальнейшей работе.

На днях получили приглашение на Уфимскую археографическую конференцию, но так как оно пришло слишком поздно, то принять участие в ней не сможем. Если челябинские историки примут в ней участие, используем уфимский опыт для проведения своей конференции.

В работу включилась Кировская секция. Получили от них отчеты и планы. Работа, как видно, разворачивается.

К Вам у нас следующие просьбы:

1) Уточнить состав Вашей секции, прислать список членов с указанием должности, места работы, служебного и домашнего адресов (с индексами) и телефонов. Полного списка у нас нет.

2) Помочь в распространении «Уральского археографического ежегодника» за 1970 год. Порекомендуйте, пожалуйста, заинтересованным организациям и членам Археографической комиссии сделать на него заказ.

3) Готовить материалы для следующих выпусков «Ежегодника», в частности для III за 1972 г.

Ждем сообщений и материалов о работе Вашей секции.

Примите наши лучшие пожелания.

С уважением
Председатель Уральского отделения,
профессор Ф. С. Горовой
Ученый секретарь Е. Н. Лукьянова

ОГАЧО. Ф. Р.-944. О. 1. Д. 12. Л. 18—19. Машинопись.

№ 6. Письмо Ф. С. Горового В. Е. Четину

24 апреля 1972 г.

Уважаемый Василий Егорович!

Высылаем Вам план работы Уральского отделения Археографической комиссии на 1972-1975 годы, который был утвержден на заседании Бюро Уральского отделения 27 декабря 1971 г. В процессе выполнения плана могут быть внесены некоторые коррективы, о которых мы будем сообщать дополнительно.

Просим Вас информировать об изменениях, которые могут быть в Ваших планах.

Председатель
Уральского отделения
Археографической комиссии,
Профессор Ф. С. Горовой

ОГАЧО. Ф. Р.-944. О. 1. Д. 12. Л. 20. Машинопись.

№ 7. Письмо Ф. С. Горового В. Е. Четину

Глубокоуважаемый Василий Егорович!

Получили Ваше письмо и материалы для отчета. Приятно отметить, что Челябинская секция провела большую работу, примите нашу благодарность за Ваш подробный отчет.

В свою очередь направляем Вам для сведения план Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР на второе полугодие 1972 г. План этот мы получили 10 ноября. С. О. Шмидт просит план работы Уральского отделения Археографической комиссии представить к 1 декабря с. г. Причем, для облегчения работы по координации деятельности отделений Археографической комиссии он просит, по возможности, придерживаться схемы их плана.

Отсюда наша очередная просьба — прислать нам план работы Вашей секции на 1973 г. к 11 декабря 1972 г. На 12 декабря 1972 г. мы предполагаем созвать Бюро Уральского отделения для обсуждения плана на 1973 г. Было бы очень хорошо, если бы Вы смогли приехать на это заседание.

О возможности приезда просим срочно сообщить заранее.

С глубоким уважением

Председатель
Уральского отделения
Археографической комиссии,
Профессор Ф. С. Горовой

1 декабрь 1972 г.[1]

ОГАЧО. Ф. Р.-944. О. 1. Д. 12. Л. 22. Машинопись.

№ 8. Письмо Ф. С. Горового и Е. Н. Лукьяновой В .Е. Четину

Председателю Челябинской секции
Уральского отделения Археографической
Комиссии АН СССР
Доценту Четину В. Е.

Убедительно просим в ближайшее же время обсудить на бюро секции совместно с активом Археографической комиссии два вопроса:

1. О подготовке к археографическим экспедициям на 1973 г/, включая вопрос о наличии, сохранности и учете в районе Челябинской секции выявленных старопечатных и рукописных книг и особо важных источников другого характера.

2. О подготовке к научной конференции по археографии и источниковедению, которая ориентировочно намечается на февраль 1974 г. в г. Перми. Среди других докладов и сообщений, нам бы хотелось послушать выступления руководителей местных архивов и музеев об источниковедческой базе, которой располагают их учреждения.

Материалы обсуждения с тематикой докладов на будущей конференции, с указанием мероприятий, намечаемых по организации выявления и учета старопечатных и рукописных памятников, а также планов экспедиций просим прислать в Уральское отделение к 20 июля 1973 г.

Вообще же в дальнейшем все сведения о проведенной Челябинской секцией работе, просим сообщить нам регулярно по адресу: 614005, Пермь, ГСП, ул. Букирева, 15. Археографическая комиссия, Горовому Ф. С.

Председатель Уральского отделения
Археографической комиссии /Ф .С. Горовой/
Ученый секретарь /Е. Н. Лукьянова/

18.05.73.

ОГАЧО. Ф. Р.-944. О. 1. Д. 13. Л. 25. Машинопись.

№ 9. Извещение Уральского отделения Археографической комиссии о проведении научной конференции по вопросам археографии, краеведения, источниковедения в Перми в ноябре 1974 г.

Глубокоуважаемые товарищи![2]

По решению пленума Уральского отделения Археографической комиссии, состоявшегося в Перми 16 ноября 1973 г., намечено проведение научной конференции Отделения по вопросам археографии, краеведения, источниковедения. Конференцию предполагается провести в Перми в ноябре 1974 г. Для проведения конференции создан оргкомитет, в который вошли В. Я. Кривоногов, А. А. Александров, И. С. Капцугович, Е. Н. Кирюхина, А. К. Козлов, Е. Н. Лукьянова, Г. С. Мурсалимов, В. В. Мухин, В. А. Оборин, Б. А. Сутырин, В. Е. Четин.

Работу конференции предполагается организовать по следующим направлениям:

а/ Вопросы методики и практики экспедицион-

[1] После даты рукописная приписка Ф. С. Горового: «Книжки Ваши получил. Искренне благодарю!».

[2] Документ без датировки.

ной работы. (Работа археографических экспедиций. Работа краеведов по собиранию документов и изучению истории края, руководство работой юных историков, следопытов, школьных музеев).

б/ Вопросы археографии, источниковедения, архивного дела, других вспомогательных исторических дисциплин.

в/ Вопросы атеизма, истории религии, практики атеистической работы среди населения.

На конференции могут быть представлены доклады и сообщения, отражающие собирательскую работу и работу по использованию документов в научных и народно-хозяйственных целях, публикаторскую работу коллективов и отдельных исследователей.

На конференции предполагается организовать работу секций и пленарного заседания, на которых обсудить итоги и планы работы Уральского отделения.

Просим сообщить свои соображения по организации работы конференции, провести необходимую информационную работу о задачах и плане работы конференции, представить свои заявки на выступления.

Тематику докладов и сообщений необходимо представить не позднее 15 апреля 1974 г.

Материалы конференции предполагается опубликовать.

Оргкомитет

ОГАЧО. Ф. Р.-944. О. 1. Д. 13. Л. 30. Машинопись.

II. Делопроизводственная документация[1]

№ 1. Протокол заседания Челябинской секции Уральского отделения Археографической комиссии Института истории АН СССР от 29 декабря 1971 года

Присутствовали: тт. Александров А. И., Деревянин В. И., Зорина В. А., Истомина И. В., Казанцева Н. П., Сержантов В. Г., Турбин Г. А., Усольцева З. М., Уткин Б. Т., Четин В. Е., Федорова Т. А., Лукьянова Е. Н., (ученый секретарь Уральского отделения). Всего 12 человек.

Председатель — Четин В. Е.

Секретарь — Зорина В. А.

Повестка дня

1. Информация об организации Уральского отделения Археографической комиссии (Лукьянова Е.Н.).

2. Выборы бюро Челябинской секции.

3. Выборы в члены бюро Уральского отделения.

4. Обсуждение плана работы Челябинской секции и Уральского отделения.

Слушали: ученого секретаря Уральского отделения Археографической комиссии т. Е.Н. Лукьянову.

Археографическая комиссия АН СССР была создана в 1956 г. по инициативе академика М. Н. Тихомирова. Главной задачей ставит — выявление, изучение и публикации архивных материалов, поиски письменных источников, древних книг у населения.

Значение этой работы и интерес к ней возрастает. Выходит «Ежегодник». Проводятся конференции, обычно в июне — в день рождения М.Н. Тихомирова и в память его называются «Тихомировские чтения».

В августе 1972 г. в Москве должен состояться международный конгресс археографов.

В сентябре 1970 г. было создано Уральское отделение с центром в г. Перми под руководством председателя Ф. С. Горового (г. Пермь) и заместителя В. Я. Кривоногова (г. Свердловск).

Создано бюро Уральского отделения. В Уральском отделении пять секций. Данное заседание должно послужить началом работы Челябинской секции.

Основные задачи — выявлять, собирать памятники культуры; редкие книги, рукописи, и другие материалы утрачиваются, примеры приводились на конференции в Москве, особенно гибнут памятники культуры в старообрядческих поселениях. Необходима координация в работе экспедиций (экспедиции из столичных учреждений едут в Уральские регионы). Необходимо осуществлять методическое руководство.

Взять на учет все, что находится в наших государственных хранилищах и народных музеях. В народных музеях, обычно, работа держится на энтузиазме отдельных людей. Археографическая комиссия может решать вопросы передачи редких книг, рукописей из народных музеев в более крупные хранилища.

[1] В подборку мы не стали включать отчет археографической экспедиции УрГУ за 1977 год (См.: ОГАЧО. Ф. Р.-944. О. 1. Д. 12. Л. 44—48), поскольку возникли сложности с датировкой документа, не ясно кто написал этот текст, и куда, в конечном итоге, поступили на хранение обнаруженные старопечатные и рукописные книги, перечень которых дан в конце документа.

Членам секции надо познакомиться с частными коллекциями, взять на учет редкие материалы. Присекать спекулятивные цели частных коллекционеров.

Особенно обратить внимание на выявление и собирания материалов по истории Советского периода, по истории Гражданской войны, колхозов (эти материалы в свое время не ценились), истории социалистического строительства, Великой Отечественной войны, на личные фонды и архивы.

Найденные материалы надо вводит в научный оборот, популяризировать собранные архивные источники, публиковать.

Начато издание «Уральского археографического ежегодника». Планируется издавать его ежегодно. В «Ежеднике» несколько разделов: источниковедческие статьи, теоретические, документы с комментариями, библиографические материалы, воспоминания, хроника, экспедиционная работа, итоги работы Уральского отделения и др.

Планируется проведение конференции по типу «Тихомировских чтений». Первую — на рубеже 1972—1973 гг. (в г. Перми).

Необходима широкая пропаганда среди населения о работе секции (выступления по радио, телевидению, в газетах, подготовка и чтение лекций, проведение экскурсий). Задача нашего совещания: избрать руководящий орган (бюро) Челябинской секции.

Вопросы к тов. Лукьяновой Е.Н.

Г. А. Турбин — Как будем координировать работу с обществом «Охрана памятников»?

Ответ: — работать вместе, тем более ряд членов «общества» — члены «секции».

Б. Т. Уткин — Как реагировать на предложение Башкирского археографического отделения участвовать в их конференции?

Ответ: — Башкирское отделение еще не создано, решение о создании Уральского уже принято. Члены Челябинской секции могут участвовать в работе конференции, если темы родственны.

В. Е. Четин — Расскажите о принципах членства.

Ответ: — это дело добровольное, членами секции может быть любой энтузиаст этого дела.

В. Е. Четин — как заказать «Уральский археографический ежегодник»?

Ответ: — по безналичному расчету по адресу: г. Пермь, ул. Букирева, 15, Государственный университет кафедра истории СССР досоветского периода (зав. кафедрой Горовой Ф. С.). уральское отделение думает о привлечении к изданию «Ежегодника» средств, заинтересованных организации и об издании сборников массового характера.

Выступления

А. И. Александров — благодарит Пермь за инициативу в вопросе создания Уральского археографического отделения и отмечает, что пермяки по краеведению работают лучше других. Замечает, что Уфа больше относится к Поволжью, а нам ближе Пермь, Свердловск. Говорит о координации в работе. Мало материалов о строительстве Челябинского тракторного завода, комплекты газет разбросаны. Говорит о налаживании справочной работы (знать, где что можно найти). Многое делают школы, часто утрачиваются найденные ценные документы из-за археографической неграмотности, из-за неумения обращаться с ними. Предлагает собранные документы передавать на хранение в музеи; пригласить для совместной работы представителей из областных и районных газет; собрать книголюбов, организовать их вокруг секции, в будущем могут передавать свои коллекции; привлечь в свой актив студентов.

В. Е. Четин — А. И. Александров развернул перед нами целую программу работы, часто хранение памятников, документов упирается в пожелание, поставить перед соответствующими организациями вопрос об ускорении строительства архивохранилища; обратить внимание общественности на вопросы охраны памятников, выступить с серией статей в печати; высказал мнение — учредить Челябинскую секцию.

Постановили: информацию принять к сведению, учредить Челябинскую секцию Уральского отделения.

II. Слушали: О выборах Бюро Челябинской секции Уральского отделения.

Предложили: Избрать в Бюро Челябинской секции — 7 человек.

1. Четин В. Е. — зав. кафедрой истории Челябинского пединститута, кандидад исторических наук.

2. Уткин Б. Т. — зав. кафедрой библиографии института культуры.

3. Евланова М. И. — кандидат исторических наук кафедры истории КПСС политехнического института.

4. Зорина В. А. — гл. библиотекарь областной публичной библиотеки.

5. Деревянин В. И. — зав. партийным архивом.

6. Истомина И. В. — ст. научный сотрудник Облгосархива.

7. Казанцева Н. П. — директор областного краеведческого музея.

Поступило предложение — включить в бюро Челябинской секции восьмую кандидатуру — представителя школ, т. к. школы проводят большую работу по собиранию и охране памятников

культуры, персонально — Александрова А. И., Александров отводит свою кандидатуру и предлагает тов. Фомина Ф. М. — методиста областного института усовершенствования учителей.

Постановили: избрать в Бюро Челябинской секции 8 человек.

1. Четина Василия Егоровича
2. Уткина Бориса Тимофеевича
3. Евланову Майю Николаевну
4. Зорину Веру Александровну
5. Деревянина Виктора Ивановича
6. Истомину Ирину Васильевну
7. Казанцеву Надежду Петровну
8.Фомина Федора Михайловича

III. Слушали: о выборах в члены Бюро Уральского отделения.

Постановили: избрать в члены Бюро Уральского отделения от Челябинской секции.

1. Четина Василия Егоровича
2. Уткина Бориса Тимофеевича
3. Лисовского Николая Кузьмича — зав. кафедрой истории КПСС пединститута, профессора, доктора исторических наук

IV. Слушали: обсуждение проектов планов работы Челябинской секции на 1971—1972 гг. и Уральского отделения Археографической комиссии.

Информация Четина В. Е. — зачитывает проект перспективного плана работы Уральского отделения.

Дополнения к плану Челябинской секции:

1.Собрать представителей народных музеев.

2.Собрать старожилов города и привлечь их в свой актив.

3.Выступать с рассказом об охране памятников на семинарах, совещаниях учителей, библиотечных работников.

Выступления

Б. Т. Уткин — информирует членов секции о том, что в Ленинграде при государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина создается библиография старой степени об Урале, предлагает обратиться к главному библиотекарю библиотеки Озеровой Г.А. с просьбой — дать обзор основных источников библиографии второй степени об Урале.

А. И. Александров — предлагает обратиться с просьбой в уральские университеты, где создаются специальные факультеты, направлять студентов этих факультетов на практику во все области Урала, они помогут нам собрать материалы по истории нашей области.

Постановили: планы работы Челябинской секции и Уральского отделения с дополнениями утвердить. (планы прилагаются).

Председатель В. Е. Четин
Секретарь В. А. Зорина

ОГАЧО. Ф. Р.-944. О. 1. Д. 13. Л. 10—16. Машинопись.

№ 2. Отчет о работе Челябинской секции Уральского отделения Археографической комиссии Академии Наук СССР за 1972 год

Руководствуясь перспективным планом Уральского отделения Археографической комиссии АН СССР на 1972—1975 гг. члены Челябинской секции в истекшем в 1972 г. провели следующую работу:

1. По выявлению документального материала и редких печатных изданий.

За счет средств Челябинского областного отделения ВООПИК в 1972 году было организовано и проведено три экспедиции в районы области:

а/ Экспедиция членов Научного общества учащихся при Челябинском дворце пионеров по маршруту совхоз Карагайский — г. Троицк / по пути следования отрядов повстанцев под предводительством Е. И. Пугачева в апреле 1774 г. / Руководители экспедиции: заслуженный учитель РСФСР А. И. Александров и учитель истории В. Н. Греднов. Участники: 12 чел. участников школы № 10.

Результат: составлен маршрут туристического похода по пути следования Пугачевского войска, описаны наиболее примечательные населенные пункты и совхозы, места, которые по легендам связываются с именем Пугачева, записаны бытующие среди населения легенды о пугачевском восстании. Материалы экспедиции хранятся в школьном музее и в Совете областного отделения ВООПИК.

б/ Экспедиция в горнозаводские районы Челябинской области под руководством преподавателя Института культуры Хоменко В. Я. Участники — 17 студентов Института Культуры.

Результат: выявлен ряд народных песен. Все они были записаны. Их исполнители приглашались в областной центр.

в/ Экспедиция в Верхнеуральский район под руководством доцента ЧГПИ М. Д. Машина. Участники: 6 студентов пединститута.

Результат: записаны воспоминания участников гражданской войны и революционного подполья в тылу Колчака. Материалы на хранение не переданы.

Кроме того, документальные материалы и книги выявлялись путем бесед с посетителями

областной публичной библиотеки и областного краеведческого музея. Переговоры о сдаче на хранение коллекций документов ведет так же Государственный архив Челябинской области.

2. По организации учета государственного хранения выявленных материалов.

Учетом и организацией хранения документальных материалов занимаются работники Краеведческого музея и Государственного архива, редких печатных изданий — работники Публичной библиотеки.

В истекшем году принято на хранение в фонды Краеведческого музея свыше 30 коллекций документов и до 10 коллекций фотографий от культурно-бытовых учреждений, местных поэтов, первых строителей Магнитки, героев социалистического труда, заслуженных врачей, учителей, отставных военных начальников и т. п. Документы относятся к разным периодам строительства социалистического общества в нашей стране.

Государственный архив документы пока не принимает из-за отсутствия помещений. Вопрос о строительстве архивохранилища для Государственного архива только еще ставится. Помещение для Партархива построено и сейчас осваивается.

Редкие книги сосредотачиваются, учитываются и хранятся в кабинете редкой книги, открытой при областной публичной библиотеке. Официальное открытие кабинета состоялось 19 октября с.г. Кроме того, редкие книги собираются в ряде крупных библиотек области: ЧГПИ, Магнитогорской[1] и т. д. В фондах кабинета на 1 ноября с. г. числится до 3000 печатных изданий XVII—XX вв. и книг с автографами авторов. В истекшем году принято от частных хранителей книг до 100 печатных изданий.

3. По пропаганде археографических и библиографических знаний.

Кабинетом редкой книги при Областной публичной библиотеке организовано и проведено за истекший год 64 экскурсий по фондам кабинета редкой книги, опубликовано 7 информационных статей в местных периодических изданиях, 4 выступления по радио. Кабинет установил связи и контакты со многими частными собирателями книг в городе и области, благодаря чему уже в этом году удалось приобрести ряд «Евангелий» на старославянском языке издания XIX в., молитвенники с музыкой, написанной крюками и т. п. Работники Областной публичной библиотеки и ряда научных библиотек выступали перед трудящимися с лекциями о редких книгах и задачах по их сохранению. Особенно большую работу по пропаганде знаний о редких книгах проводит зав. кабинетом редкой книги Областной публичной библиотеки В. А. Зорина.

В этом же плане Областная публичная библиотека опубликовала в истекшем году указатель литературы «Ленин и Урал», Челябинск, 1972, составленный Е. М. Дорошенко, Б. Т. Уткиным, В. К. Тарасовой и др.

Челябинское отделение СОЦ в этом году организовало литературный филиал Областного краеведческого музея, в котором собраны и демонстрируются документы и фотографии о писателях и поэтах Южного Урала Ю. Либединском, Б. Ручьеве и др.

4. По публикации документальных материалов.

Членами Челябинской секции в 1972 г. издано или подготовлено к изданию:

Ленин и Урал. Указатель литературы. Челябинск, 1972. Составители Дорошенко Е. М., Елистратова М. А., Тарасова В. К. и Уткин Б. Т.

Лазарев А. И. Поэтическая летопись заводов Урала. Челябинск, 1972.

Письма трудящихся Челябинской губернии В. И. Ленину. Сборник документов и материалов. ~~Рукопись~~[2] под ред. Ченядьевой В. В. подготовлена к изданию в 1972 году.

Листовки Челябинских большевиков 1905—1907 гг. Рукопись документов, подготовлена под ред. Б. М. Мещерякова в 1972 г.

Из прошлого нашего края. Хрестоматия архивных документов. Рукопись документов и материалов, составлена А. И. Потерпеевой и В. Е. Четиным в 1972 г.

Поданы материалы в «Уральский археографический ежегодник».

Четин В. Е. Новые документы о деятельности «Уральского рабочего союза».

По приглашению Южноуральского отделения Археографической комиссии в работе конференции по археографии, источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам в г. Уфе в феврале 1972 г. приняли участие: Зорина В. А., Агарев П. Г., Искра И. А., Попова А. Я, Усольцева З. И., Потерпеева А. И., Дегтярев И. В. Все они выступали с небольшими сообщениями. Кроме того, о работе с редкими изданиями в Челябинской области выступила с сообщением на республиканском семинаре зав отделами редких книг, состоявшемся при ГПБ им. В. И. Ленина в Москве, Зорина В. А.

5. Челябинская секция намечает на 1973 г. организовать:

[1] Очевидно, имелась в виду Магнитогорская центральная городская библиотека.

[2] Слово написано и зачеркнуто.

а/ Археографическую экспедицию в гг. Кыштым и Троицк под руководством зав. кабинетом редкой книги Челябинской областной публичной библиотеки Зориной В. А.

б/ Комплексную экспедицию в Горнозаводской район /г. Аша, Сим, Уст- Катав, Нязепетровск и др./ для сбора документальных и этнографических материалов под руководством научных сотрудников Челябинского областного музея.

в/ Экспедицию для сбора документальных материалов по истории рабочего класса Урала под руководством доцента В. Е. Четина.

Кроме того, состоятся, по-видимому, экспедиции в целях сбора материалов по истории края под руководством других руководителей. Работа по подготовке II части хрестоматии архивных документов «Из прошлого нашего края» продолжатся.

Основные направления исследовательской работы членов секции, включенные в перспективный план Уральского отделения Археографической комиссии на 1972—1975 гг. сохраняются.

9 ноября 1972.

Председатель бюро Челябинской секции
Уральского отделения
Археографической комиссии,
доцент /Четин В. Е./
Ученый секретарь /Зорина В. А./

ОГАЧО. Ф. Р.-944. О. 1. Д. 13. Л. 17—20. Машинопись.

№ 3. Протокол заседания бюро Челябинской секции Уральского отделения Археографической комиссии АН СССР от 7 июня 1973 г.

Присутствовали: члены бюро — Четин В. Е., Уткин Б. Т., Зорина В. А., Деревянин В. И., зав. архивным отделом ОБЛИК — Зимиус В. С., директор Госархива Чел. обл. — Давидов Л. Л., от. научный сотрудник архива Потерпеева А. И., засл. Учитель РСФСР — Александров А. И., зав.кафедрой истории СССР Григорьев В. В.

Повестка дня

1. О подготовке к археографическим экспедициям в 1973 г.

2. Об участии в работе научной конференции по археографии и источниковедению в г. Перми в 1974 г.

Слушали: информацию председателя бюро секции Четина В. Е. о ходе подготовки к археографическим экспедициям в 1973 г.

Вопрос об экспедициях ставится на обсуждение нашего заседания бюро в связи с получением письма Уральского отделения Археографической комиссии от 18 мая с. г. В результате переговоров с руководителями ряда организаций города выяснилось, что в этом году предполагается организовать 5 экспедиций, которые среди других задач ставят перед собой и задачи археографического характера. Челябинский областной краеведческий музей совместно с кафедрой истории СССР ЧГПИ организуют музейно-археографическую экспедицию сотрудников музея и студентов историко-педагогического факультета в Саткинский и Катав-Ивановский районы с 5 по 26 июля 1973 г. Экспедиция намерена выявить и собирать бытовые, производственные и этнографические экспонаты для музея, воспоминания, старопечатные книги и рукописи в районах гг. Сатка, Бакал, Юрюзань, Катав-Ивановск, Усть-Катав. Руководителем экспедиции назначена зав. отделом музея Пичугина Л. С., научным консультантом — доцент Четин В. Е.

По поручению кафедры истории СССР организует экспедицию также доцент Машин М. Д. Она состоится в июле 1973 г. Экспедиция намечает выявление и сбор материалов по истории гражданской войны и партизанского движения в тылу колчаковских войск в 1918—1919 гг. в районе Миасс — Златоуст.

Кафедра литературы и теории искусства Челябинского института культуры намечает провести в июне с. г. экспедицию в район[1] для сбора фольклорных, этнографических материалов и народных песен. Она будет также выявлять и собирать археографические материалы. Руководителем экспедиции назначается Хоменна В. Л.

Областная публичная библиотека планирует в августе направить хранителя отдела редкой книги Литвиненко А. Г. в Кыштымский, Уфалейский и Нязепетровский районы для выявления и, при возможности, приобретения редких книг и старинных рукописей для библиотеки.

Школа №10 уже подготовила и отправила экспедицию учащихся IX классов под руководством учителя Гроднова В. К. в г. Сим для сбора материалов по истории рабочего класса Урала и, в частности, о рабочих династиях /Курчатовых и др./

В последние годы у нас проведена значительная работа по упорядочиванию учета и хранения редких книг Челябинской областной публичной библиотекой. В ее составе создан отдел хранения редких книг. Собрания редких книг выделено на особо хранение также и в ряде ведомственных библиотеках /Пединститута, например/.

[1] Район не обозначен.

Но вместе с тем тревогу вызывает организация хранения книжного фонда и, в том числе, редких книг, документальных материалов и рукописей в Челябинском областном краеведческом музее. В связи с выходом из строя отопительной системы музей оставался не отопляемым в течение всей зимы. Теперь идет подготовка к перемещению фондов музея в другое помещение, но помещение это до сих пор не выделено.

Документальные материалы у нас в области сосредоточены в Государственном архиве и его филиалах. Но с помещениями всюду плохо. На основании этого Облархив прекратил прием документов от учреждений. Поэтому высока угроза их утраты.

Планомерной работы по выявлению и изучению археографических материалов у нас, по существу, нет. Нет центра, который бы взял на себя эту работу. Думается, роль научного организатора этой работы и учетного центра мог бы взять на себя институт культуры, его кафедры библиотечного факультета. Они могли бы проводить эту работу более квалифицированно и в тесной связи с публичной библиотекой. Пока же маршруты экспедиций определяются стихийно, результаты выявленных материалов не изучаются, собранные материалы не учитываются, а не редко и попадают и в личные коллекции.

Не следует забывать о документах и материалах, оказавшихся в силу ряда причин, у частных лиц. Иногда они имеют секретное значение, но хранятся небрежно и могут быть утеряны. /Например, у профессора А. Д. Сысоева накопились картографические материалы./

О публикациях. Уральское отделение выпустило «Археографический ежегодник», готовятся 2 и 3-й выпуски. Южно-Уральское отделение провело в 1972 г. источниковедческую конференцию. Наши товарищи в них участвуют. Областной совет ВООПИК выпустил сборник «Родной край и школа». Госархивом подготовлены сборники «Письма трудящихся Южного Урала В. И. Ленину» /в издательстве «Хрестоматия архивных документов по истории нашего края»/. Пока неизвестно, кто будет издавать.

Вопросы:

Сколько книг в библиотеке краеведческого музея? — около 15 тысяч.

В выступлениях товарищей было отмечено:

Уткин Б. Т. — Положение музеев в области трудное. Надо поставить о них вопрос перед т. Сидоровым в облуправлении культуры. Нашими экспедициями руководит Хоменко. Они носят преимущественно фольклорный характер. Где хранятся материалы, собранные им, мне не известно. Функции руководящего центра для нашей кафедры под силу. Для археографического изучения у нас особенно перспективны Нязепетровский и некоторые другие горные районы. В Троицке, у учителя хранятся документы И. И. Тихомирова.

Александров А. И. — Надо поставить в государственных и партийных организациях вопрос о сосредоточении краеведческой литературы в публичной библиотеке, собирать подшивки газет прошлых лет. Многотиражка ЧТЗ «Наш тракторный» нигде не имеется в полном комплекте. Недопустимо, чтобы материалы, собранные во время экспедиций, снова попадали в частные коллекции. Например, иконы передаются любителям.

Григорьев Б. В. — Библиотечные фонды в музеях были и будут. Они их никому не отдадут. Как же они будут вести работу без фондов и книг? Другое дело хранение материалов и книг в должном порядке. Надо обязать музеи обеспечивать сохранность имеющихся у них фондов.

Зорина В. А. — сообщает о тревожном состоянии аносовской книжной коллекции, хранящейся в Златоустовском краеведческом музее. Она хранится в подвальном помещении, где весной заливало вешними водами. Выяснить, в каком состоянии она находится не удалось.

Постановили:

1. Одобрить организацию и проведение всех намеченных экспедиций, обратить особое внимание руководителей на выявление, приобретение и передачу старопечатных книг, рукописных документов и других археографических материалов на государственное хранение.

2. В сентябре — октябре 1973 г. заслушать на заседании бюро отчеты всех состоявшихся экспедиций 1973 г. об обнаружении археографических материалов и их местонахождении.

3. Обратиться с письмом в []¹ с просьбой об организации передачи всех собранных школьными туристическими отрядами археографических материалов, оригинальных документов и фотографий, наиболее ценных этнографических, бытовых, производственных экспонатов и произведений народного изобразительного и прикладного искусства на государственное хранение в краеведческий музей, публичную библиотеку или в государственный архив.

4. Обратиться с письмом в управление культуры Облисполкома депутатов трудящихся с выражением серьезной тревоги за сохранность фондов и собраний книг в краеведческих музеях г. Златоуста и Челябинска.

---

[1] Слово не читаемо.

5. Обратиться с письмом к председателю Челябинского Облисполкома с выражением серьёзной озабоченности полным прекращением с 1965 г. приема документов из архивов ныне действующих учреждений и предприятий на хранение в Государственный архив Челябинской области из-за отсутствия помещений.

6. Просить ректорат института культуры и кафедру библиографии /Зав. Заслуженный работник культуры РСФСР Уткин Б. Т./ взять на себя функции научно-методического центра по координации и организации археографического изучения районов Челябинской области.

7. Считать целесообразным более широко использовать следопытское движение школьников области для выявления, организации учета и передача на государственное хранение старопечатных книг, рукописей и иных документов.

8. Председатель бюро Челябинской секции Уральского отделения Археографической комиссии АН СССР доценту В. Е. Четину и секретарю Зориной В.А. организовать ряд выступлений в газете «Челябинский рабочий», по радио и телевидению по проблемам археографической работы в нашей области.

Постановление принято единогласно.

Слушали: о заявках на участие в работе научной конференции по археографии и источниковедению, намеченной Уральским отделением Археографической комиссии АН СССР на 1974 г.

Постановили:

Сообщить Председателю бюро Уральского отделения Археографической комиссии АН СССР, что Челябинская секция рекомендует включить в программу намеченной конференции следующие доклады и сообщения:

1. Заслуженный учитель РСФСР Александров А. И. «Об опыте использования следопытской работы школьников для выявления, сбора и изучения рассеявшихся исторических документов».

2. Зав. отделом использования документов ГАЧО Потерпеева А. И. «Отражение классовой борьбы в материалах фондов Кыштымского и Златоустовского горных округов, хранящихся в Госархиве Челябинской области».

3. Директор Госархива Челябинской области Давыдов А. А. «Общий обзор фондов Госархива Челябинской области».

4. Зав. кафедрой библиографии Челябинского института культуры Уткин Б. Т. «Губернские ведомости как исторический источник».

5. Старший преподаватель кафедры библиографии Челябинского института культуры Зорина В. А. «Русские издания XVIII века об Урале».

6. Доцент кафедры истории СССР Челябинского Государственного пединститута Четин В. Е. «Об опыте работы по выявлению и организации государственного хранения археографических материалов в Челябинской области».

Председатель бюро Челябинской
секции Уральского отделения
Археографической комиссии
АН СССР, доцент /Четин В. Е./[1]
Секретарь бюро /Зорина В. А./

ОГАЧО. Ф. Р.-944. О. 1. Д. 13. Л. 25—29. Машинопись.

№ 4. Протокол пленарного заседания Уральского отделения Археографической комиссии 16 ноября 1973 г., Пермь

Присутствовали: В. Я. Кривоногов, Е. Н. Лукьянова, Н. М. Щербакова, И. С. Капцугович, В. А. Оборин, В. В. Мухин, П. И. Хитров, А. М. Селянкин, Л. С. Кашихин, Н. Д. Аленчикова, Э. П. Андерсон, А. Г. Будрина, Л. Г. Дворсон, М. А. Пастухов, А. И. Новикова, Т. Ф. Волкова, Н. Н. Сухрун, Г. Н. Чагин, А. А. Александров.

Повестка дня

1. Обсуждение итогов работы секций за 1973 г.

2. О подготовке научной конференции Уральского отделения Археографической комиссии на 1974 г.

3. Об итогах и методике экспедиций археографической работы в Пермской области за 1972—1973 гг. /доклад начальника экспедиции И.В. Поздеевой/.

1. Экспедиционная работа Пермской секции / сообщение Е.Н. Лукьяновой / велась по двум направлением:

1) Оказание помощи Чердынскому краеведческому музею силами экспедиционного отряда студентов и преподавателей Пермского университета.

2) Археографическое обследование Пермской области силами совместной экспедиции сотрудников и студентов МГУ и ПГУ, сотрудников Пермской областной библиотеки, Чердынского краеведческого музея.

В Чердынском краеведческом музее в 1973 г. экспедиционным отрядом из 9 человек продолжилась разборка документальных материалов, сформировано 250 связок. Всего за два года работы экспедиции разобрано ⅔ объема листовой

[1] Подписи В. Е. Четина и В. А. Зориной по центру.

россыпи, выделены материалы 62 фондов. После окончания разбора россыпи можно ставить вопрос о научном описании фондов. Экспедиция оказала помощь музею в обеспечении сохранности коллекции старопечатных книг. Активно велась подготовка «Уральского археографического ежегодника» за 1972 г. / Отв. В. В. Мухин/

Хуже обстоит дело с популяризаторской работой, которую активно ведет лишь директор Чердынского музея Г. Н. Чагин.

2. Об итогах работы Челябинской секции /сообщение Е. Н. Лукьяновой/.

Из 5 запланированных экспедиций в 1973 г. проведено 3. Экспедиции проводились силами преподавателей и студентов пединститута, института культуры, Челябинской областной библиотеки. Кроме археографического изучения ведется обзор этнографического и фольклорного материала. Секция добивалась улучшения условий хранения фондов в музеях городов Златоуста и Сатки в Челябинском областном госархиве.

3. Об итогах работы Свердловской секции /сообщение Н. М. Щербаковой/

Основное внимание уделялось издательской работе. Подготовлен и сдан в набор «Уральский археографический ежегодник» за 1971 г. Закончен сбор материалов для «Уральского археографического ежегодника» за 1973 г. Секция занималась подготовкой к изданию сборников по вспомогательным историческим дисциплинам. Первый из них находится в наборе, готовиться к изданию второй.

Проведена одна экспедиция, отрабатывается методика проведения археографических экспедиций.

Проведен цикл радио и телепередач в связи с 250-летием Свердловска.

4. Об итогах работы Удмуртской секции /сообщение А. А. Александрова/.

Работа секции шла нерегулярно. Сбором документальных материалов занимался Республиканский краеведческий музей совместно с кафедрой истории СССР Удмуртского университета. Однако, официальных сообщений о результатах поисков не было сделано.

Интересные находки были сделаны в Сарапуле несколько лет назад. Найденные книги переданы в Москву, но, к сожалению, перечня этих рукописей секция не имеет. Секция имеет сведения о наличии ценных рукописей, старопечатных книг в частных собраниях, а также в вондах Сарапульской библиотеки, Ижевского краеведческого музея. Необходимо, чтобы эти материалы были взяты на учет Уральским отделением.

Выступления

Г. Н. Чагин: хранение рукописных и архивных материалов в Чердынском музеи до сих пор находится в плохом состоянии. Вопрос о постановки на учет и реставрации церкви, как памятника культуры XVIII в., в которой находится архив музея, несколько раз поднимался перед Управлением культуры Пермского облисполкома, но до сих пор не решен. Нужна помощь Уральского отделения в решение этого вопроса.

В. Я. Кривоногов: Весьма полезной оказалась экспедиция студентов Уральского университета, прошедшая по следам Ермака до Тобола.

П.И. Хитров: Из информации видно, что ведется солидная издательская работа. Ведется и поисковая, но менее активно. Следует эту работу всемерно усиливать.

После обмена мнениями постановили:

1. Созвать конференцию Уральского отделения Археографической комиссии в Перми в ноябре 1974 г.

2. Работу конференции организовать по направлениям: а) экспедиционная работа; б) следопытская; в) источниковедение Урала, вспомогательные исторические дисциплины.

Слушали доклад начальника совместной археографической экспедиции Московского и Пермского университетов И. В. Поздеевой об итогах и методике экспедиционной археографической работе в Пермской области за 1973—1974 г.

Выступали

М.А. Пастухов: необходимо уделить большое внимание изучению полученных рукописей. Надо точно знать, что собирается в результате экспедиционных работ. У нас недостаточно подготовленных археографов. Уральскому отделению необходимо обратить особое внимание на подготовку специалистов-археографов.

В.Я. Кривоногов: Урал представляет собой огромный регион, который далеко не исследован. Нельзя ограничиваться только Пермской областью. Действительно, нам не хватает квалифицированных археографов.

Постановили:

1. Одобрить методику экспедиционных археографических исследований, предложенную И. В. Поздеевой.

2. Ходатайствовать перед ректоратом МГУ и Археографической комиссией ОИ АН СССР о продолжении археографического изучения Пермской области силами совместной экспедиции истфака МГУ и Пермской секции отделения.

3. Уральскому отделению координировать экспедиционную работу его секций.

4. В плане работы Уральского отделения предусмотреть меры по подготовке археографов для экспедиционной работы.

Ученый секретарь
Уральского Отделения
Археографической комиссии Е. Н. Лукьянова

ОГАЧО. Ф. Р.-944. О. 1. Д. 11. Л. 31—38. Машинопись.

№ 5. План работы Уральского отделения Археографической комиссии на 1972—1975 гг.

I. Основные направления научно-исследовательской работы. Изучение источников по следующим тематикам:

1) Русская колонизация Урала в XI—XVII вв. /доцент В. А. Оборин/.

2) Развитие промышленности, транспорта и торговли на Урале в XVIII—XIX вв.; генезис капитализма /профессор В. Я. Кривоногов, доценты А. Г. Козлов, Б. А. Сутырин, С. М. Томсинский, Т. А. Чернявская, Г. В. Яровой, В. В. Мухин, К. С. Маханек/.

3) Отмена крепостного права и формирование рабочего класса Урала /профессор Ф. С. Горовой, доцент В. Е. Четин, старший преподаватель Л. А. Трефилова/.

4) Общественное движение на Урале в период капитализма /доцент Я. Б. Рабинович, кандидат исторических наук А. В. Лушников, ассистент С. А. Орлова/.

5) Рабочий класс и общественно-политическое движение на Урале в эпоху империализма, аграрные отношения, проблема многоукладности экономики /доценты В. В. Адамов, Э. М. Мильман, Л. В. Ольховская, П. И. Хитров, Ю. А. Буряков, М. П. Ивонина, А. И. Козырев, М. И. Черныш/.

6) Октябрьская революция и гражданская война на Урале /профессор Н. К. Лисовский, доценты И. С. Капцугович, М. Д. Машин, кандидат исторический наук А. П. Абрамовский, преподаватель Е. Н. Лукьянова/.

7) Индустриализация Урала /профессора В. В. Фельдман, В. Г. Черемных, П. Г. Матушкин, А. В. Бакунин; доценты В. Н. Зуйков, Н. М. Щербакова, В. А. Аирапетов, Саматов, В. С. Сержантов, Н. П. Шмакова/.

8) Коллективизация сельского хозяйства Урала /доценты Е. И. Кирюхина, В. Е. Муравьев, И. Е. Плотников, старшие преподаватели М. А. Иванова, З. В. Подовалова, М. М. Рассохина/.

9) Социалистическое соревнование, движение за коммунистический труд, научно-технический прогресс на социалистическом Урале /доцент А. Н. Фадеев, кандидат исторических наук Л. К. Матюхина/.

10) Культурное строительство на Урале /доцент Б. В. Григорьев, старшие преподаватели Е. Н. Лукьянова, М. М. Рассохина, В. В. Подовалова/.

11) Уральская лениниана /профессор П. Г. Матушкин, И. В. Истомина/.

12) Историография истории партийных организаций Урала /кандидат исторических наук М.Н. Евланова/.

II. Публикаторская работа

Издать четыре выпуска «Уральского археографического ежегодника» — 1971, 1972, 1973, 1974. /Главный редактор Ф. С. Горовой, руководители секций/

Подготовить к печати совместно с ГАСО справочник-путеводитель «Государственный архив Свердловской области» 1972 г. /Отв. исполнители А. Г. Козлов, В. А. Сивков, Свердловская секция/

Издать хрестоматию «Из прошлого нашего края»:

Часть 1 — XVII — нач. XX вв. — 1972 г.

Часть 2 — советский период — 1975 г.

/Челябинская секция/

Издать сборник документов «Участие трудящихся Южного Урала в крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева». 1973 г. /Челябинская секция/

Провести в 1972—1975 гг. выявление документов для публикаций на темы: «Листовки Вятского комитета РСДРП», «Из истории Кировской областноц комсомольской организации», «Коллективизация крестьянских хозяйств в Нижегородско-Горьковском крае», «История культурного строительства в Верхнем Поволжье». /Выявление проводит Кировская секция./

III. Экспедиционная работа

Ежегодно проводит археографические экспедиции. Провести комплексные обследования старых горнозаводских центров Урала (Чердынь, Усолье, Соликамск, Серов, Верхотурье, Ирбит, Кыштым, горнозаводские районы Челябинской области), новых городов (Чайковский, Березники) с последующей организацией описания рукописей. Организовать этнографо-археографические экспедиции. /Отв. исполнители А. Г. Козлов, А. В. Черноухов, Е. Н. Лукьянова, Л. А. Трефилова, В. А. Оборин/

IV. Провести археографическую конференцию Уральского отделения в г. Перми в 1973 г. /Отв. исполнители Ф. С. Горовой, В. Я. Кривоногов, руководители секций/

Председатель Уральского отделения
Археографической комиссии Ф. С. Горовой
Ученый секретарь Е. Н. Лукьянова

ОГАЧО. Ф .Р.-944. О. 1. Д. 11. Л. 18—20. Машинопись.

№ 6. План работы
Уральского отделения
Археографической комиссии
при Отделении истории АН СССР на 1973 г.

I. Координация исследований по археографии, источниковедению, вспомогательным историческим дисциплинам и совместная работа с другими научными учреждениями.

1. Составить координационный план археографических экспедиций государственных университетов Перми, Свердловска, Ижевска, пединститутов Кирова и Челябинска, рукописных отделов библиотек, музеев, госархивов Пермской, Свердловской, Челябинской областей, Удмуртской АССР на 1973—1975 гг. /Исполнители: Е. Н. Лукьянова, А. Г. Козлов, С. П. Кокурина, В. А. Зорина, Е. И. Кирюхина, Е. Д. Петряев. Срок: июль./

2. Составить картотеку на историков Свердловской области, занимающихся вопросами археографии, источниковедения и вспомогательным историческим дисциплинам /Исполнитель А. Г. Козлов. Срок: декабрь./

3. Провести заседание бюро Уральского отделения Археографической комиссии по вопросам об итогах работы за 1973 г. и план на 1974 г. / Исполнители: Ф. С. Горовой, В. Я. Кривоногов, Е. Н. Лукьянова. Срок: ноябрь./

4. Подготовить конференцию Уральского отделения Археографической комиссии по археографии, источниковедению, вспомогательным историческим дисциплинам на февраль 1974 г. /Исполнители: Ф. С. Горовой, И. С. Капцугович, В. Я. Кривоногов, Г. С. Мурсалимов, Е. Н. Лукьянова, руководители секций./

II. Работа над сводным каталогом древних рукописей, хранящихся в СССР,

5. Начать работу по составлению сводного каталога рукописных памятников XV—XVII вв., хранящихся на Урале.

А) Организовать по секциям группы специалистов по выявлению рукописных памятников /Исполнители: ученые секретари секций. Срок: январь-февраль./

Б) Составить план выявления памятников по хранилищам /Исполнители: ученые секретари секций. Срок: май./

В) Разработать методические указания по выявлению и описанию рукописных памятников XV—XVII вв. /исполнители: Е. Н. Лукьянова, В. А. Оборин. Срок: апрель./

III. Подготовка научных трудов.

6. Уральский археографический ежегодник за 1972 г. (Свердловск) Провести корректуру. /Исполнители: А. Г. Козлов, Б. А. Сутырин. Срок: июль./

7. Уральский археографический ежегодник за 1973 г. (Пермь) Сбор материала, редактирование. /Исполнители: В. В. Мухин, С. М. Томсинский. Срок: май./

8. Уральский археографический ежегодник за 1974 г. (Свердловск) Провести сбор материала. /Исполнители: Б. А. Сутырин, А. Г. Козлов. Срок: декабрь./

9. Сборник статей «Вспомогательные исторические дисциплины» (Свердловск). Редактирование в издательстве, корректура. /Исполнитель В. Я. Кривоногов/

10. Путеводитель по Государственному архиву Свердловской области. Подготовка к изданию. /Исполнители: В. А. Сивков, Б. А. Сутырин, А. Г. Козлов. Срок: декабрь./

11. Хрестоматия по истории Удмуртии. Редактирование в издательстве, корректура. /Исполнитель Удмуртская секция. Срок: декабрь./

12. Сборник документов «Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Удмуртии». Подготовка к изданию. /Исполнитель А. А. Александров. Срок: декабрь./

13. Письма трудящихся Челябинской губернии В. И. Ленину. Сборник документов (Челябинск). Редактирование в издательстве, корректура. /Исполнитель И .В. Чернядьева. Срок: декабрь./

14. Листовки Челябинских большевиков 1905—1907 гг. Сборник документов (Челябинск). Редактирование в издательстве, корректура. /Исполнитель Б. М. Мещеряков. Срок: декабрь./

15 «Из прошлого нашего края». Хрестоматия архивных документов, Часть 1. Редактирование в издательстве, корректура. /Исполнители В. Е. Четин, А. И. Потерпеева. Срок: декабрь./

16. «Из прошлого нашего края». Хрестоматия архивных документов, Часть 2. Подготовить к изданию. /Исполнители В. Е. Четин, А. И. Потерпеева. Срок: декабрь./

17. «Из истории Кировской областной комсомольской организации». Сборник документов (Киров). Подготовить к изданию. /Исполнители: Е. И. Кирюхина, М. М. Россохина./

18. Библиография публикаций исторических источников, трудов по археографии и вспомогательным историческим дисциплинам на Ура-

ле (дореволюционный период). /Исполнители: Г. В. Булычева, М. И. Иванова. Срок: переход на 1974 г./

IV. Выявление, учет, описи рукописей.

19. Провести комплексные экспедиции по обследованию Пермской области. /Исполнители: В. А. Оборин, И. С. Капцугович, Е. Н. Лукьянова. Срок: октябрь./

20. Выявление рукописей в музеях и архивах Урала и Сибири (по плану кафедры архивоведения исторического факультета Уральского университета). /Исполнители: В. Я. Кривоногов, Б. А. Сутырин. Срок: июль./

21. Археографическая экспедиция в города Кыштым и Троицк Челябинской области. /Исполнители: В. А, Зорина, Челябинская секция. Срок: декабрь./

22. Комплексная экспедиция в Горнозаводской район Челябинской области (города Аша, Сим, Усть-Катав, Нязепетровск). Исполнители: В. Е. Четин, Челябинская секция./

V. Научные командировки.

23. Командировки в Ленинград, Москву, Казань, Пермь (Свердловская секция; Свердловск. Ижевск, Киров, Челябинск, Москва, Ленинград (Пермская секция); Москва, Ленинград, Пермь (Кировская, Челябинская, Удмуртская секции).

Председатель Уральского отделения
Археографической комиссии Ф. С. Горовой
Ученый секретарь Е. Н. Лукьянова

ОГАЧО. Ф. Р.-944. О. 1. Д. 11. Л. 26—30. Машинопись.

№ 7. Список членов
Уральского отделения
Археографической комиссии АН СССР

1. Председатель — Горовой Федор Семенович, профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, зав. кафедрой истории СССР досоветского периода Пермского госуниверситета /Пермь/.

2. Зам. председателя — Кривоногов Василий Яковлевич, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой исторических наук Высшей партийной школы /Свердловск/.

Пермская секция

3. Аликина Надежда Алексеевна — зав. партийным архивом Пермского обкома КПСС.

4. Андерсон Эмилия Павловна — зав. отделом истории дореволюционного прошлого Пермского областного краеведческого музея.

5. Будрина Агата Григорьевна — зам. Директора Пермской художественной галереи.

6. Дворсон Людмила Григорьевна — директор Пермского областного краеведческого музея, председатель президиума Пермского областного совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

7. Капцугович Игорь Севастьянович — кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Пермского госуниверситета.

8. Лукьянова Елена Николаевна — старший преподаватель кафедры истории СССР советского общества Пермского госуниверситета.

9. Маханек Константин Семенович — кандидат исторических наук, доцент кафедры досоветского периода Пермского госуниверситета.

10. Мурсалимов Ганс Салимович — кандидат исторических наук, зам. зав. отделом науки и учебных заведений Пермского обкома КПСС.

11. Мухин Владислав Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Пермского госуниверситета.

12. Назаровский Борис Николаевич — краевед, журналист.

13. Оборин Владимир Антонович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР досоветского периода Пермского госуниверситета.

14. Пастухов Михаил Александрович — директор Пермской областной библиотеки им. А. М. Горького.

15. Селянкин Александр Михайлович — директор Государственного архива Пермской области.

16. Томсинский Соломон Маркович — кандидат исторических наук, доцент Пермского госуниверситета.

17. Трефилова Лениана Алексеевна — кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории СССР досоветского периода Пермского госуниверситета.

18. Хитров Павел Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР советского общества Пермского госуниверситета.

19. Чагин Георгий Николаевич — директор Чердынского музея им. А. С. Пушкина.

Свердловская секция

20. Бакунин Александр Васильевич — профессор, зав. кафедрой истории КПСС Уральского политехнического института.

21. Грязнов Леонид Петрович — зав. Партийным архивом Свердловского обкома КПСС.

22. Добровольский Николай Сергеевич — кандидат исторический наук, доцент, директор Высшей партийной школы.

23. Ефременков Николай Васильевич — профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории советского общества Уральского госуниверситета.

24. Зуйков Валентин Николаевич — доктор исторических наук, зав. кафедрой истории КПСС Уральского лесотехнического института.

25. Козлов Анатолий Григорьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-архивоведения Уральского госуниверситета.

26. Сивков Василий Александрович — директор Государственного архива Свердловской области.

27. Сутырин Борис Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе Уральского госуниверситета.

Кировская секция

28. Авдеева Валентина Георгиевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР Кировского пединститута им. В. И. Ленина.

29. Кирюхина Елена Ивановна — кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории СССР Кировского пединститута им. В. И. Ленина.

30. Кокурина Светлана Петровна — старший библиограф Кировской областной библиотеки им. Герцена, краевед.

31. Подавалова Зоя Васильевна — директор Государственного архива Кировской области.

32. Пр[ж][1]есмыцкая Маргарита Александровна — зам. директора Государственного архива Кировской области.

33. Петреев Евгений Дмитриевич — член союза советских писателей.

34. Рассохина Милица Михайловна — старший научный сотрудник Партийного архива Кировского обкома КПСС.

35. Соболев Василий Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР Кировского пединститута им. В. И. Ленина.

36. Эммаусский Анатолий Васильевич — кандидат исторических наук, профессор кафедры истории СССР Кировского пединститута им. В. И. Ленина.

Удмуртская секция

37. Александров Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР Удмуртского госпединститута.

38. Коробейникова Александра Спиридоновна — научный сотрудник Партийного архива Удмуртского обкома КПСС.

39. Кузнецова Валентина Григорьевна — директор Государственного республиканского архива Удмуртской АССР.

40. Павлов Никифор Павлович — кандидат исторических наук, зам. директора Удмуртского научно-исследовательского института.

41. Плющевский Борис Григорьевич — кандидат исторический наук, доцент, заведующий кафедрой истории СССР Удмуртского госпединститута.

42. Садаков Михаил Адрианович — кандидат исторических наук, зав. сектором истории Удмуртского научно-исследовательского института.

Челябинская секция

43. Александров Анатолий Иванович — учитель истории школы № 10 г. Челябинска, заслуженный учитель РСФСР.

44. Истомина Ирина Васильевна — начальник отдела использования документальных материалов Государственного архива Челябинской области.

45. Козырев Александр Иванович — пенсионер-краевед, специалист по истории техники.

46. Лисовский Николай Кузьмич — профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории КПСС Челябинского госпединститута.

47. Мещеряков Борис Михайлович — кандидат исторических наук, и. о. доцента кафедры марксизма-ленинизма Челябинского института культуры.

48. Усольцева Зоя Михайловна — научный сотрудник Партийного архива Челябинского обкома КПСС.

49. Уткин Борис Тимофеевич — зав. кафедрой библиографии Челябинского института культуры.

50. Четин Василий Егорович — кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории СССР Челябинского госпединститута.

Председатель Уральского отделения
археографической комиссии Ф. С. Горовой[2]

ОГАЧО. Ф. Р.-944. О. 1. Д. 11. Л. 3—11. Машинопись.

[1] Буква смазана.

[2] По центру подпись Ф. С. Горового.

Список литературы

1. Алеврас, Н. Н. Вопросы источниковедения в трудах В. Я. Кривоногова / Н. Н. Алеврас // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: история, историография, источниковедение. Свердловск : УрГУ, 1986. С. 18—28.

2. Алферова, К. В. История промышленности и рабочего класс Южного Урала XVIII—XX вв. в исследованиях преподавателей кафедры истории СССР Челябинского государственного педагогического института (1950—1990-е гг.) / К. В. Алферова // Проблемы культурного образования : сб. науч. и учеб.-метод. трудов (ежегод.). Челябинск, 2018. С. 58—77.

3. Алферова, К. В. «Краткий очерк истории Челябинской области» — уникальный обобщающий труд по истории Южного Урала / К. В. Алферова // Архив в социуме — социум в архиве : материалы Второй регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2019. С. 298—300.

4. Алферова, К. В. Вклад преподавателя Челябинского государственного педагогического института В. Е. Четина в изучение истории Златоустовского завода второй половины XIX — начала XX вв. / К. В. Алферова // Золотые россыпи былого : сб. материалов XII краевед. конф. им. Н. А. Косикова. Златоуст, 2019. С. 148—151.

5. Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. XVIII — начало XX века. Свердловск, 1979.

6. Кривоногова, О. В. Историк Урала В. Я. Кривоногов / О. В. Кривоногова // Летописцы родного края. Свердловск, 1990. С. 75—84.

7. Манькова, И. Л. Возрождение Уральского отделения Археографической комиссии РАН / И. Л. Манькова // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. С. 292—293.

8. Мухин, В. В. Ведущий историк Урала (Ф. С. Горовой — учёный, ректор, человек) / В. В. Мухин Р. А. Ошуркова // История и методология науки : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Пермь, 1996. С. 241—257.

Сведение об авторе

Батищев Сергей Дмитриевич — магистрант 1-го курса историко-филологического факультета, направление «История», Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. *batischew.sergey2015@yandex.ru*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 133—152.

Ural branch of the Archeographic Commission of the Academy of sciences of the USSR: publishing of the sources from the V.E. Chetin foundation

S.D. Batishchev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. batischew.sergey2015@yandex.ru

The published documents from the V.E. Chetin foundation are related to the work of the Ural branch of the Archeographic Commission (UrB AC). The documents allow us to reveal the establishing of the institution, the interaction of historians from different Ural scientific centers in order to preserve historical and cultural heritage, the ways of coordination of scientific and research work on regional history. The materials provide an opportunity to study the approaches and methods of UrB AC for implementing the developed program to establish scientific editions aimed at developing archeographic, historical, archival and source issues, organizing archeographic expeditions, popularizing the history of the Ural.

Keywords: *Ural branch of the Archeographic Commission, personal foundation of V.E. Chetin, historiography of the history of the Ural, F.C. Gorova, V.J. Krivonogov.*

References

1. Alevras N.N. Voprosy istochnikovedenija v trudah V.Ya. Krivonogova [Questions of Source Science in the Works of V.Ya. Krivonogov]. *Problemy genezisa i razvitija kapitalizma na Urale: istorija, istoriografija, istochnikovedenie* [Problems of genesis and development of capitalism on the Ural: history, historiography, source studies]. Sverdlovsk, 1986. Pp. 18—28. (In Russ.).

2. Alferova K.V. Istorija promyshlennosti i rabochego klass Juzhnogo Urala XVIII — XX vv. v issledovanijah prepodavatelej kafedry istorii SSSR Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta (1950—1990-e gg.) [History of industry and working class of the Southern Ural XVII — XX centuries in studies of teachers of the Department of History of the USSR Chelyabinsk State Pedagogical Institute

(1950—1990's)]. *Problemy kul'turnogo obrazovanija* [Problems of cultural education]. Cheljabinsk, 2018. Pp. 58—77. (In Russ.).

3. Alferova K.V. «Kratkij ocherk istorii Cheljabinskoj oblasti» — unikal'nyj obobshhajushhij trud po istorii Juzhnogo Urala ["Brief essay of the history of Chelyabinsk region" — unique generalizing work on the history of the Southern Ural]. *Arhiv v sociume — sotsium v arhive* [Archive in Society — Society in Archive]. Chelyabinsk, 2018. Pp. 298—300. (In Russ.).

4. Alferova K.V. Vklad prepodavatelja Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta V.E. Chetina v izuchenie istorii Zlatoustovskogo zavoda vtoroj poloviny XIX — nachala XX vv [Contribution of the teacher of the Chelyabinsk State Pedagogical Institute V.E. Chetin to the study of the history of the Zlatoust plant of the second half of the XIX — the beginning of the XX centuries]. *Zolotye rossypi bylogo* [Golden plums of the past]. Zlatoust, 2019. Pp. 148—151. (In Russ.).

5. *Iz istorii duhovnoj kul'tury dorevoljucionnogo Urala. XVIII — nachalo XX vek*a [From the history of spiritual culture of the pre-revolutionary Ural. XVIII — beginning of the XX centuries]. Sverdlovsk, 1979. (In Russ.).

6. Krivonogova O.V. Istorik Urala V.Ya. Krivonogov [Historian Ural V.Ya. Krivonogov]. *Letopiscy rodnogo kraya* [Chroniclers of the native land]. Sverdlovsk, 1990. Pp. 75—84. (In Russ.).

7. Man'kova I. L. Vozrozhdenie Ural'skogo otdelenija Arheograficheskoj komissii RAN [Revival of the Ural branch of the Archeographic Commission of the Russian Academy of Sciences]. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Ural State University], 2004, no. 31, pp. 292—293. (In Russ.).

8. Muhin V.V., Oshurkova R.A. Vedushhij istorik Urala (F.S. Gorovoj — uchjonyj, rektor, chelovek) [Leading historian of Ural (F.S. Gorovoj — scientist, rector, man)]. *Istorija i metodologija nauki. Vyp. 3* [History and methodology of science. Iss. 3]. Perm', 1996. Pp. 241—257. (In Russ.).

РЕЦЕНЗИЯ

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2020. № 1. С. 153—156.

От «абриса» к «полноцвету»: рецензия на книгу «Челябинская губерния, 1919—1923 гг.: абрис истории» : сб. док. / сост. и науч. ред. М. А. Базанов. Челябинск, 2019. 647 с.: ил.

Н. В. Гришина
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В рецензии дана характеристика сборнику документов, посвященному 100-летию Челябинской губернии (1919—1923 гг.). В состав сборника вошли 453 документа, сгруппированные по четырем разделам, которые воссоздают территориальные преобразования, систему управления, социально-экономические и бытовые реалии, а также религиозную и культурную жизнь губернии. В рецензии уделяется внимание специфике делопроизводственных документов, которые составляют источниковую основу книги. Автор приходит к выводу, что с помощью делопроизводства удается вникнуть в процесс принятия управленческих решений, сложность и неоднозначность которых была обусловлена незавершенным гражданским противостоянием, голодом, тяжелыми последствиями экономической разрухи. Наконец, автор высоко оценивает справочный аппарат книгу и библиографическую культуру ее создателей.

Ключевые слова: *Южный Урал, Челябинская губерния, исторические источники, делопроизводственная документация.*

Предлагаемая читателю книга посвящена Челябинской губернии, территориально-административному образованию, просуществовавшему чуть более четырех лет (с конца августа 1919 г. по 3 ноября 1923 г.). Краткая, но насыщенная история Челябинской губернии сплетается из драматичных событий Гражданской войны и военного коммунизма; опустошительного голода, ставшего последствием военно-мобилизационной политики послереволюционного времени; перманентной перекройки территориальной карты Урала; хозяйственной разрухи как следствия многочисленных смен власти; наконец, примеров реализации «амбициозных планов радикального переустройства мира». Общая канва жизни региона очень хорошо передана во вступительной статье И. В. Нарского, автора известной монографии о буднях уральского региона в обозначенный период [Нарский, 2001]. Если во вступительном разделе книги воссоздан контекст возникновения Челябинской губернии и обозначены основные тенденции регионального развития, то основная ее часть, представленная публикацией 453 документов, позволяет прочувствовать пульс жизни региона.

Удачным, на мой взгляд, выглядит деление книги на четыре раздела, описанные ее составителем и научным редактором М. А. Базановым в предисловии.

В первом разделе «Политическая жизнь и административные преобразования» читатель получает представление не только о том, какие преобразования происходили и в каких документах принимаемые решения о включении или исключении из состава губернии тех или иных территорий принимались, но и о том, как вырабатывались эти решения, как организовывалась власть на всех уровнях управления, в том числе с учетом национального (№ 22, 43, 46, 83, 89, 95) [С. 48, 68—69, 72—73, 117, 127] и конфессионального (№ 10, 36) [С. 36, 58][1] компонентов. Документы, отобранные для этого раздела, раскрывают чрезвычайный и мобилизационный характер организации власти в губернии. Из них мы узнаем об особых полномочиях народных следователей, об организации концлагерей и лагеря принудительных работ, о незаконных арестах (см. документы № 47—54 об аресте В. М. Лаврова, члена редколлегии газеты «Советская правда») [С. 73—80]. Документы раздела позволяют представить, как выглядело гражданское противостояние на Урале в разрезе властных постановлений (документы № 79-84 о введении военного положения и раскрытии заговоров) и человеческих судеб (документ № 90 о гибели работника правоохранительных органов Михаила Л. Гербанова) [С. 122—124].

Второй раздел сборника под названием «Советская власть и деревня: продовольственная политика, голод и повстанческое движение» охватывает вопросы, регулирующие жизнь большей части населения Челябинской губернии. Безусловно, читателя впечатлят материалы о голоде 1921—1922 гг.: сплошное их прочтение позволяет прочувствовать, как происходила эскалация

[1] Здесь и далее в круглых скобках указываются номера документов, в квадратных скобках — страницы рецензируемого сборника документов (примеч. гл. ред.).

голода — начиная от фиксации случаев нехватки продовольствия и предложений по борьбе с неурожаем до противодействия случаям людоедства. На этом фоне очень убедительно выглядят документы, в которых показаны действия власти. Часто это сложные, неоднозначные решения, находящиеся за пределами гуманизма (если говорить о нормальной жизненной ситуации), направленные на сохранение порядка и происходящие в ситуации нехватки ресурсов. К примеру, документы № 198 о применении суррогатов для питания населения (июль 1921 г.), № 229 постановление суда по делу об обвинении Ф. Семеновой в людоедстве (август 1922 г.) [С. 264, 295—296].

Документы, помещенные в третий раздел «Социально-экономические и бытовые реалии жизни населения», характеризуют экономическую ситуацию в городе и позволяют реконструировать повседневную жизнь губернских жителей. Отобранные для этого раздела материалы посвящены вопросам организации снабжения, здравоохранению, безопасности, социальному обеспечению, коммунальным проблемам — всему тому, что определяет бытовую сторону человеческой жизни. Впечатляет степень погружения в городскую повседневность. К примеру, читатель найдет информацию не только о создании правоохранительных органов (№ 244), о борьбе с эпидемиями тифа (№ 253—260, 327—330) и холеры (№ 316—318) [С. 323—326, 335—340, 385—388, 403—406], но и узнает о ситуации в стоматологическом деле, работе парикмахерских, состоянии курортных заведений, уборке города. И вновь читателя может привлечь возможность погрузиться в процесс принятия управленческих решений, часто непопулярных, осуществление которых происходило на фоне голода, незавершенного гражданского противостояния и общей усталости от «чрезвычайщины».

Четвертый раздел, лаконично названный «Религия, культура, наука», объединил материалы, со слов авторов, о духовных и культурных аспектах существования Челябинской губернии. В нем, как ни в каком другом, нашел отражение драматичный процесс отказа от прежних ценностей и образа жизни. В этом разделе вновь привлекают внимание документы, показывающие, как сталкивались интересы учреждений, организаций, людей, отстаивающих свои права, и представителей власти, действовавших в логике «больших большевистских проектов».

В качестве примеров можно привести два кейса. Первый посвящен попыткам сохранить и возобновить работу Челябинского народного университета, открытого осенью 1918 г. и не успевшего встать на ноги (№ 371) [С. 474]. Второй (более обширный) посвящен ситуации с закрытием Челябинского Одигитриевского женского монастыря (№ 373—377, 383, 404, 407, 408) [С. 476—480, 484—485, 506, 508—510]. Вместе с тем в разделе присутствуют документы о культурных инициативах советской власти, определивших контуры культурной жизни региона в последующие годы и даже десятилетия, — организация Челябинского истпарта, Челябинского института народного просвещения и рабфака при Южно-Уральском практическом институте, открытие советских газет, переименование улиц, создание архива и деятельность по сохранению архивного наследия, организация музея. Особого внимания заслуживают документы о первых советских праздниках и культуре их организации. К примеру, ударными темпами проходила подготовка литературного сборника в честь праздника Первого мая в 1920 г. (№ 395), к сожалению, так и не опубликованного [С. 494—495]. Любопытны отчет о проведении Комсомольского рождества в январе 1923 г. (№ 431), постановление об украшении домовладений к 1 мая 1923 г. (№ 438) [С. 549—551, 559]. Шедевром этого раздела является подборка документов о праздновании IX Международного юношеского дня (№ 444—446) [С. 565—569].

Большая часть опубликованных источников относится к делопроизводственной документации, с присущей ей спецификой. Как известно, делопроизводство отражает сложившуюся систему управления, имеет организационно-распорядительный характер, документы движутся сверху вниз и снизу вверх, изобилуют канцеляризмами, отличаются формальной структурой. Чтение делопроизводственных документов обычно затрудняет их протокольно-отчетная форма, которая не предполагает эмоционального описания событий и сквозь которую с трудом просматривается авторская оценка [Источниковедение…, с. 398—411]. Словом, вкус к чтению делопроизводственных документов может почувствовать лишь подготовленный читатель.

При своем видовом единстве опубликованные документы отличаются тематической разнородностью. По сути, их объединяет лишь хронологическая и территориальная принадлежность к губернскому периоду жизни южноуральского региона. Можно представить, насколько непросто авторскому коллективу было решить вопросы с их упорядочением, отбором, размещением. В ряде случаев логика авторов по выбору документов для определенного раздела так и осталась неясной. К примеру, документы № 120—123 о наложении штрафа за распространение афиши, в которой

сдержалась насмешка над лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», на артиста цирка П. Д. Руссо и № 137 об утверждении гублитом текста афиш увеселительных заведений, размещенные в первом разделе, вполне могли оказаться в разделе № IV «Религия, культура, наука» [С. 168—171, 197—198].

Вместе с тем подчеркну, что авторам удалось приручить эту информационную лавину и сделать калейдоскопичность документального материала изюминкой сборника. Помимо распределения отобранных документов по разделам, внутри них авторы размещали документы в хронологическом порядке. Их сплошное чтение дает представление о том, с какой интенсивностью принимались управленческие решения, какой круг вопросов оказывался в сфере внимания губернской власти, как осуществлялось взаимодействие со всеми заинтересованными сторонами. Кроме того, для удобства читателя внутри разделов выделены тематические блоки из документов, посвященных общей проблеме: об административных спорах, незаконных арестах, организации рабфака и др. Таким образом, авторы предлагают на выбор несколько вариантов прочтения книги — от выборочного ознакомления с отдельными источниками, прочтения групп документов по интересующей проблеме до, что естественно, прочтения сборника целиком.

Хочется отметить высокий библиографический уровень издания, что, с одной стороны, носит закономерный характер, т. к. книга готовилась лучшими архивистами региона, с другой — достаточно редко в руки попадает работа, где так тщательно оформлен справочный аппарат. В книге читатель найдет историческую справку с характеристикой всех перипетий административно-территориальных преобразований Челябинской губернии. Книга снабжена географическим указателем, перечнем всех публикуемых документов, в ней содержится список рекомендованных источников и литературы, а также список сокращений. Авторы переживали, что не удалось подготовить именного указателя: им пришлось отказаться от этой идеи, учитывая большое количество неизвестных лиц, встречающихся в публикуемых документах. Этот вынужденный недостаток они нивелировали, снабдив многие документы щедрыми комментариями об исторических деятелях, которых удалось идентифицировать. Отмечу, что подобные комментарии сопровождаются ссылками на публикации об этих людях. Основным источником информации для авторов стала областная энциклопедия [Челябинская область…, 2008], т. е. авторскому коллективу удалось актуализировать для читателя и это издание.

В целом авторы обошли вопрос о том, кому адресована и рекомендована к прочтению эта книга. Думаю, что публикация источников, это всегда мощный повод для проведения научных исследований на их основе. Поэтому профессиональные историки, студенты-историки, исследователи-любители станут постоянными ее читателями. Кроме того, учитывая юбилейный повод ее появления — книга будет интересна всем тем, кому небезразлична история региона.

Авторы, на мой взгляд, поскромничали, назвав книгу «Абрис истории». Абрис, как известно, обозначает контур, план, очертание предмета, даже *набросок*. Авторскому коллективу с помощью документов удалось этот контурный рисунок расцветить, создать у читателя полноцветный образ Челябинской губернии.

Список литературы

1. Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др. ; отв. ред. М. Ф. Румянцева. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. 685 с.

2. Нарский, И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. / И. В. Нарский. Москва : РОССПЭН, 2001. 632 с.

3. Челябинская губерния, 1919—1923 гг.: абрис истории : сб. док. / сост. и науч. ред. М. А. Базанов. Челябинск, 2019. 647 с.: ил.

4. Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008.

Сведения об авторе

Гришина Наталья Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. *natalyagrishina@mail.ru*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 153—156.

From «outline» to «full-colored»: review of the book «The Chelyabinsk guberniya, 1919—1923: history outline: collection of documents / ed. M.A. Bazanov. Chelyabinsk, 2019. 647 p.: ill.

N.V. Grishina
Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia. natalyagrishina@mail.ru

The book review gives a description of the documents collection devoted to the 100 years anniversary of the Chelyabinsk guberniya (1919—1923). The collection contains 453 documents grouped by four sections which reconstruct territorial reorganizations, the administrative system, social, economic and household realias as well as religious and cultural life of the guberniya. The review puts emphasis on the specifics of records management documents which are the source basis of the book. The author concludes that records management helps understand the process of management decision making, complexity and ambiguity of which were conditioned by continuing civil confrontation, starvation, and drastic consequences of economic disaster. The review highly appreciates explanatory notes of the book and bibliographic culture of its authors.

Keywords: *the South Ural, the Chelyabinsk guberniya, historical sources, records management documents.*

References

1. *Istochnikovedenie* [Source Studie]. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2015. 685 p. (In Russ.).

2. *Narskij I.V. Zhizn' v katastrofe. Budni naselenija Urala v 1917—1922 gg.* [Life is a disaster. Everyday life of the Urals population in 1917 — 1922]. Moscow, ROSSPJeN, 2001. 632 p. (In Russ.).

3. *Cheljabinskaja gubernija, 1919—1923 gg.: abris istorii* [Chelyabinsk province, 1919 — 1923: outline of history]. Chelyabinsk, 2019. 647 p. (In Russ.).

4. *Chelyabinskaja oblast': v 7 t.* [Chelyabinsk region: in 7 vols. Chelyabinsk, 2008. (In Russ.).